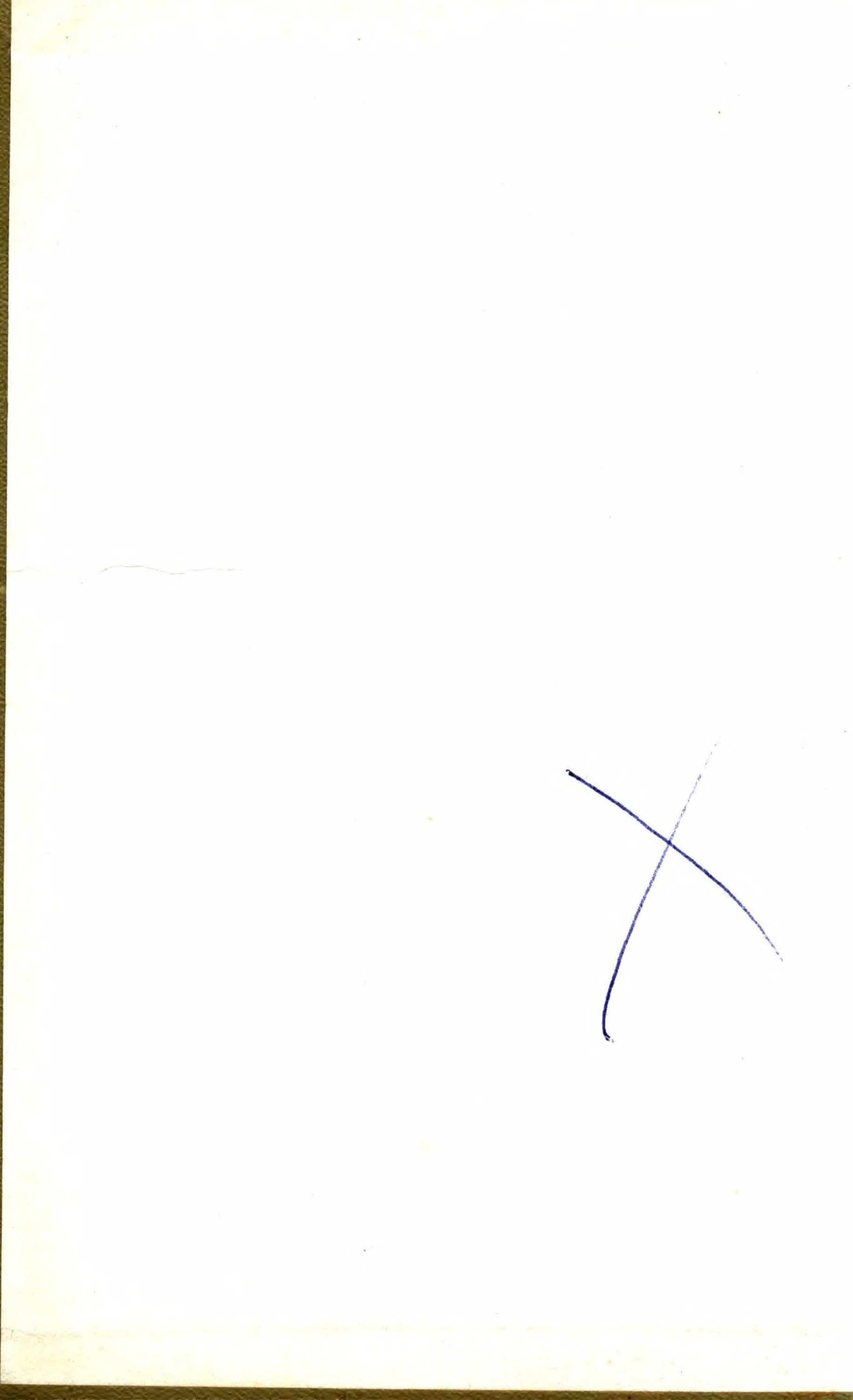
В. М. Шатилов

Знамя над рейхстагом

Василий Митрофанович
ШАТИЛОВ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

В. М. Шатилов

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

Издание второе,
исправленное и дополненное

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1970

ПРОДАНО

ВЫСОТА ЗАОЗЕРНАЯ

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

«Как она пойдет, служба на новом месте? — размышлял я, следя взглядом за косой тенью «кукурузника», легко скользившей по темному мелколесью, по редким пятнам грязного снега, по тронутым первой зеленью прогалинам. — К добру ли это назначение? Трудно сказать...»

Еще неделю назад я командовал 182-й дивизией 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. В недалеком прошлом оставались успешные февральские бои, когда, выйдя в тыл противнику, дивизия внезапным ударом захватила город Дно. Это было приметной вехой в ее боевом пути — ей присвоили наименование Дновской.

Потом, когда фронт выровнялся, мы начали наступление, и довольно быстрое, пока не дошли до Григоркинских высот, протянувшихся вдоль берега реки Великой. Тут начались долгие и упорные бои. Сдерживать наше продвижение вперед врагу помогала весенняя распутица.

В апреле высоты все же были взяты. Штаб наш расположился в густом, пробуждающемся от зимней спячки лесу. Отсюда меня неделю назад и вызвали в отдел кадров фронта, в какое-то село километрах в восьмидесяти от передовой. Без долгих предисловий кадровик посвятил меня в намерение вышестоящих начальников сменить в дивизии командира.

Дело в том, что 182-я была создана как специальное эстонское формирование. Здесь сохранялись и поддерживались традиции, связанные с историей ее зарождения и становления. Это и побудило командование назначить на мое место генерал-майора Альфреда Юльевича Калнина,

уроженца Прибалтики. В резонности такого решения не приходилось сомневаться. Но для меня оно было и неожиданным и трудным. В боях я успел сродниться с дивизией и не без гордости считал, что своему доброму имени она обязана и моим усилиям. И вдруг — внезапное расставание безо всякого повода с моей стороны. Огорчительно, что ни говори...

Тут же мне было сделано предложение: вступить в командование 150-й дивизией 3-й ударной армии.

Эту дивизию я немного знал. Формировалась она у меня на глазах в сентябре прошлого, 1943 года под Старой Руссой. В ту пору мы недолго входили в состав одной армии. Дивизия была создана из трех бригад: 127-й курсантской, 144-й и 151-й лыжных. Народ там был отборный, закаленный. Помнил я и комдива Яковлева и его заместителя Негоду. Яковлев, сказали мне, откомандировывается на учебу, Негода уходит на повышение.

— Боевой, энергичный командир там просто необходим, — резюмировал начальник отдела кадров, подслащая пилюлю. — Соглашайся, Василий Митрофанович, не пожалеешь.

И я согласился.

Сдав дела, я пять дней отдыхал в тылу, при штабе фронта. Попарился в бане. Отоспался с запасцем. Но отдых не шел впрок — всеми своими мыслями я был на новом месте. Поэтому как только выдалась возможность, а выдалась она в праздничный день, 1 Мая, я сразу отправился туда.

Путь лежал не близкий и не далекий — километров двести к югу, к центру Калининской области. У-2 вылетел после обеда. «Часа за полтора доберемся», — пообещал летчик. И точно, через полтора часа он посадил свою стрекозу прямо на дорогу, неподалеку от штаба 3-й ударной...

Дорога здесь, видимо, не впервой служила аэродромом. Во всяком случае, провожатый ждал меня именно на этом месте. Через несколько минут мы вышли к околице деревни и вскоре подходили к избе, где расположился командующий 3-й ударной армией генерал-лейтенант Василий Александрович Юшкевич.

До этого я видел командарма несколько раз, поэтому в подполковнике, встретившем нас у крыльца, без труда узнал его брата — очень уж велико было портретное сход-

ство. Подполковник Юшкевич состоял при брате-генерале офицером для поручений.

— Одну минутку, — произнес он, скрываясь за дверью, и тут же появился снова: — Командующий вас просит...

Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь занавески, освещали стол в центре горницы, аппетитно разложенную на нем снедь, самовар. Юшкевич — представительный, статный, с крупной головой, покрытой снежно-белыми волосами, — чаевничал. На вид ему было за пятьдесят. Рядом с ним сидел генерал-майор Андрей Иванович Литвинов — член Военного совета армии. По сравнению с Юшкевичем он казался совсем небольшим и ничем особенным не выделялся.

— Товарищ командующий! — отчеканил я. — Бывший командир сто восемьдесят второй дивизии Первой ударной армии полковник Шатилов представляется по случаю назначения командиром сто пятидесятой дивизии вверенной вам армии!

Наверное, мой доклад прозвучал слишком резко и как-то нарушил то настроение, которое царило здесь до моего прихода. Юшкевич поначалу посмотрел на меня каким-то отсутствующим взглядом, потом в глазах его что-то вспыхнуло.

— Из Первой ударной, говоришь? — переспросил он, беря из моих рук пакет с документами. — Ну и что из того? Хвастуны вы все там... И ты такой же?

Я опешил от такого приема. Кровь ударила в лицо.

— Товарищ командующий, чем я заслужил такой оскорбительный тон?

— А ты не петушись! — повысил голос Юшкевич. Лицо его побагровело. — Мне комдивы нужны, а не петухи, ясно?

— Я не наниматься сюда приехал, — ответил я, еле сдерживаясь. — Меня направил к вам Военный совет фронта, и я могу вернуться в его распоряжение. Разрешите идти?

Не дождавшись ответа, я выскочил в сени.

Хлопнула дверь, и вслед за мной вышел Юшкевич-младший.

— Товарищ полковник, успокойтесь, не принимайте все это близко к сердцу. С Василием Александровичем такое иногда бывает... Не по злобе он...

Я молчал. Подумал: «Ну и назначение получил!.. Если такое отношение сейчас, то что же будет дальше?»

В сени вышел Литвинов.

— Товарищ Шатилов, командующий глубоко сожалеет о нелепом разговоре, — сказал он и добавил доверительно: — У Василия Александровича трудная судьба. На его долю выпало много обид. Случается, он вспоминает о них некстати. Пойдемте в комнату...

Когда я вновь вошел в горницу, Юшкевич посмотрел на меня усталыми, словно больными глазами.

— Ну что, Шатилов, обиделся?

— Я, товарищ генерал, обиделся не за себя, а за армию, о которой вы так отозвались.

— Ладно, забудем... — Командующий заглянул в лежавшую перед ним папку. — Смотри-ка, в последней аттестации тебя на командира корпуса представляют. Молодой, да ранний.

— Какой же молодой? Уже сорок.

— А разве сорок — это не молодой? — Юшкевич продолжал листать бумаги. — Командарм двадцать седьмой тоже превосходно аттестует. А он, Трофименко, на похвалу жаднющий... Хорошее у тебя, Шатилов, личное дело, очень хорошее. Хочу, чтобы на деле все было, как и на бумаге. Присаживайся, осуши чарку с дороги в честь праздника.

— Спасибо, товарищ командующий, я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну, тогда чайку.

— Спасибо. Мне хочется поскорее в дивизию. Разрешите отправиться?

— Ну что ж, неволить не стану. О дивизии рассказывать не буду. Сам увидишь. Одно скажу: славное было соединение. Надеюсь, славным и станет. Желаю успеха. — И генерал крепко пожал мне руку.

— Начальник политотдела дивизии — полковник Воронин, — добавил Литвинов. — Замечательный человек. Скоро, наверное, заберем его на выдвижение. Он вам на первых порах поможет.

— Скажи, чтобы Шатилову дали мою машину и офицера для сопровождения, — обернулся генерал Юшкевич к брату.

Я простился и вышел на улицу.

ЗНАКОМСТВО

Уже сгустились сумерки, когда мы добрались до сосняка, где укрылся штаб дивизии. Встретили меня Алексей Игнатьевич Негода, Николай Ефимович Воронин и Израиль Абелевич Офштейн — начальник оперативного отделения, исполнявший обязанности начальника штаба. Комдива Яковлева не было — он уже уехал на курсы. А в кармане у Негоды лежало назначение на должность командира 171-й дивизии.

Алексей Игнатьевич проводил меня в просторную землянку, где стоял накрытый стол.

— Давайте отужинаем, Василий Митрофанович, — пригласил он.

В землянку заглянул Воронин:

— Разрешите на огонек?

И вскоре в моем скромном жилище начался долгий и взволнованный разговор. Негода и Воронин рассказывали о положении в дивизии, о ее последних боях. А они были очень тяжелыми.

В декабре прошлого года обстановка на участке фронта, занимаемом 3-й ударной, была исключительно сложной. Армия оказалась в полукольце, получившем в обиходе название «невельского мешка». Однако действовавшие против нее фашистские войска сами находились под угрозой окружения. Противник проявлял особую активность на флангах, стараясь «завязать мешок». Удары его пехоты и танков следовали один за другим. У гитлеровцев имелось больше коммуникаций, а следовательно, были лучшие возможности для снабжения боеприпасами, продовольствием, для пополнения людьми. В листовках, которые сбрасывали немецкие самолеты в расположение наших частей, с неуклюжим остроумием писалось: «Мы в кольце, и вы в кольце, посмотрим, что будет в конце».

«В конце» неприятельское кольцо было разорвано. Особенно тяжелые бои пришлось вести за населенные пункты Шилиху, Поплавы и безымянную высоту с отметкой 167.4. Дивизия получила приказ овладеть высотой во что бы то ни стало. И она предпринимала одну лобовую атаку за другой. Высота была взята. Но какой ценой! На подступах к ней полегла большая и лучшая часть бойцов. В составе 150-й оставалось всего две тысячи двести человек.

В конце апреля дивизию направили во второй эшелон армии. Путь лежал по Невельскому шоссе, покрытому лужами. Люди брели полуразутые: одни в валенках, другие — обернув ноги вещевыми мешками и гранатными сумками. В воздухе висела неприятельская авиация. Колонна подвергалась непрерывной бомбежке и днем и ночью...

Действия дивизии оценивались как крайне неудачные. Но поскольку в этом были повинны и командование корпуса и командование армии, полковника Яковлева решили без лишнего шума отправить на учебу, а полковника Негоду так даже повышали в должности. Теперь мне стало понятно, почему в разговоре со мной Юшкевич коснулся былой и будущей славы соединения, но отнюдь не славы нынешней.

Было уже поздно, когда я, попрощавшись с Негодой и Ворониным, лег спать. Но сон не шел. Как ни привык я к кочевой жизни, сегодняшняя ночь была для меня не просто очередным привалом. В моей жизни начинался какой-то новый этап. Хотя должность моя не отличалась от предыдущей и объем обязанностей оставался прежним, я знал, многое должно измениться. В это «многое» входили прежде всего окружавшие меня люди и сложившиеся между ними взаимоотношения, какие-то свои традиции и привычки. Во всем этом мне предстояло досконально разобраться. Ведь каждый, кто хоть немного послужил, знает, что нет и не может быть двух одинаковых взводов. А дивизий — тем более.

Отныне я становился членом новой семьи. Я наследовал и ее фамильную славу и, что менее приятно, ее фамильные грехи. Такова уж судьба каждого, кто вступает в командование войсковой единицей. Пока не станут зримыми плоды его работы, он принимает похвалы, заслуженные его предшественниками, или краснеет за их промахи. Не будешь же каждый раз, когда разговор заходит о прошлом, давать справку: «Тогда командиром был не я». Да и что из того, что не ты? Если поминают при тебе былые неудачи, значит в этом есть и твоя вина, значит мало ты сделал, чтобы об этих неудачах забыли, чтобы память о них затмили достойные дела.

Конечно, называть дивизию семьей — это чересчур большая условность. Другое дело — ротная семья или даже полковая. Не случайно эти обороты стали устойчивыми

в книжной речи. А вот про дивизию так не говорят. Слишком сложен для этого ее организм, объединяющий и многотысячное войско, и штабы, и тылы, и политотдел, и многие службы, и даже имеющий свою многотиражную газету.

Но сейчас у меня нет другой семьи. Жена с детьми далеко, и увижу я их, наверное, только после того, как кончится война. А с этими людьми мне вместе бывать в боях, вершить большие и малые дела, делить тяготы и крепко, по-мужски, дружить. Завтра или от силы послезавтра прибудут поездом адъютант Толя Курбатов и ординарец Костя Горошков — хозяйственный и расторопный вологодский паренек, которого никто иначе как Горошком не называет. Когда они появятся здесь, я почувствую себя совсем как дома...

С этими мыслями я и уснул.

Проснулся по привычке на заре. Отстоявшуюся за ночь тишину нарушал только птичий гомон да доносившийся с запада едва слышный перестук пулеметных очередей, приглушенный гул канонады. Утро выдалось ясное, безветренное. Густой лесной воздух прямо-таки пьянил. Солнце вызолотило высоко взметнувшиеся вверх кроны красноватых сосен. Березки с их тонкими ветвями и молодой, нежно-зеленой листвой казались совсем прозрачными. Кое-где желтели одуванчики. И никаких следов войны — она обошла стороной эти места.

Я воспроизвел в памяти хорошо запомнившуюся карту местности. Километрах в двадцати к юго-западу отсюда находился небольшой районный городок Пустошка. А в семидесяти километрах к юго-востоку — Невель. К западу ближайшее от нас селение называлось Козьим Бродом. Протекавшая здесь река Великая в этом месте была неширока и, по-видимому, неглубока. Севернее и южнее она разливалась в довольно обширные озера, соединенные между собой протоками.

Подошел Воронин — свежий, чисто выбритый, улыбающийся. От него так и веяло здоровьем. Я сразу же отметил его приятную внешность и располагающую к себе манеру держаться.

— После завтрака поеду по частям, знакомиться, — сообщил я о своем намерении.

— Вот и хорошо, — отозвался Николай Ефимович, — могу поехать в качестве провожатого. С какого полка начнем?

— Да с любого.

— Давайте с шестьсот семьдесят четвертого. Его штаб в Чурилове. Это недалеко. Деревушка дворов на тридцать.

После завтрака мы сели на коней и двинулись в путь. 674-й полк, как и вся дивизия, с утра был на работах. Готовился второй оборонительный рубеж армии по восточному берегу Великой.

Кони глухо плюхали копытами по влажной земле лесных тропинок. Воронин уверенно ехал впереди — чувствовалось, что он хорошо здесь ориентируется. Вскоре мы выехали на опушку, вплотную подходящую к реке. Здесь несколько групп бойцов рыли землю. Лопаты дружно и споро выплескивали комья на черный, змеящийся вдоль реки вал. Мы спешились и направились к наполовину готовым траншеям. Люди побросали работу и выжидательно смотрели на нас. Я вышел вперед:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здрравь желам, таащ полковник! — прогремело в ответ.

— Подойдите сюда поближе.

Через минуту вокруг нас образовалось плотное кольцо людей.

— Я ваш новый командир дивизии, полковник Шатилов. Вместе воевать теперь будем. Впереди у нас длинный боевой путь на запад, до самого Берлина.

«Дойдем до Берлина» — эти слова в сорок четвертом году все чаще звучали на разных фронтах великой битвы. И действительно, после Сталинграда и Курска ни у кого не было сомнения в победном исходе войны, в том, что мы не остановимся на границах и будем добивать врага на его собственной земле. Эта земля и воплощалась для нас в холодном, носящем зловещий оттенок слове — Берлин. О том же, где в действительности придется нам заканчивать ратную дорогу, не брались загадывать и самые смелые фантазеры.

— Нам, товарищи, — продолжал я, — предстоит завершить очищение от врага Калининской области, потом освобождать Латвию. Скоро нам на передовую уходить. Поэтому надо быстрее закруглять работу. С отдыхом как?

— Нормально! Работаем и отдыхаем, — послышалось в ответ.

— А кормят вдоволь?

— Наедаемся. Даже остается. А что остается — тоже съедаем!

Бойцы дружно рассмеялись незамысловатой шутке.

— Настроение, выходит, хорошее?

— Ничего! Только внимания к нам маловато. Ровно мы тыловая часть какая.

В это время, раздвинув людей плечами, на середину круга пробрался среднего роста кареглазый офицер и, кинув руку к козырьку, представился:

— Товарищ командир дивизии, командир шестьсот семьдесят четвертого стрелкового полка подполковник Пинчук!

— Вот и кстати. Давайте, командир полка, вместе выяснять, чем люди недовольны. Вот вы, — спросил я стоявшего поблизости усача, — когда призваны?

— Ефрейтор Мурзинов, — доложил тот, — призван в январе сорок второго.

— Награды имеете?

— Так точно. Медаль «За отвагу». Но это еще до ранения, под Сталинградом.

— А в этом полку давно? В боях участвовали?

— С самого начала я здесь, с сентября. В боях, конечное дело, во всех привелось побывать. Только не помню я, чтобы кого здесь наградили.

— Так это, товарищи?

— Верно Мурзинов говорит! Конечно так! Не до наград нам, спасибо, живы остались...

Попрощавшись с бойцами, я с Ворониным и Пинчуком двинулся к Чурилову, в штаб полка. По дороге Алексей Иванович Пинчук объяснял:

— Знаете, товарищ полковник, как обычно бывает? Если полк или дивизия оплошали, то не то чтобы отличившийся взвод — бойцов и то не поощряют.

Пинчук не открыл Америки. Мне и самому приходилось сталкиваться с таким положением, когда из-за ошибок одного или нескольких военачальников не замечалась доблесть сотен и тысяч рядовых.

Я был противником подобного отношения к людям, которых обычно называли «рядовыми тружениками войны». Среди них всегда находились герои, независимо от того, удачный или неудачный маневр совершали полки. И их надо было отмечать! Поэтому я довольно резко произнес:

— Если у вас, товарищ Пинчук, достает твердости вести людей в бой, то должно хватить ее и на то, чтобы наградить по заслугам отличившихся.

— Да, не хватило нам тут принципиальности, — согласился Воронин.

— Ладно, — подытожил я разговор, — пусть командир полка разберется — и тех, кто достоин, представит к правительственным наградам. Людям скоро снова в бой идти. Их хорошим настроением надо дорожить...

За этот день я побывал во всех подразделениях полка. Познакомился поближе и с Алексеем Ивановичем Пинчуком и с командирами батальонов, побеседовал со многими офицерами и бойцами.

Следующие четыре дня ушли на знакомство с двумя остальными полками — 469-м и 756-м. И там я велел представить лучших к награждению. Кстати сказать, состоявшееся вскоре вручение орденов и медалей очень сильно подействовало на всех бойцов, подняло у них дух. Люди увидели, что их ратный труд не забыт и оценен по заслугам, что они не обойдены вниманием своих начальников.

По указанию Воронина о подвигах награжденных рассказывали своим сослуживцам агитаторы. Писалось о них и в нашей дивизионке «Воин Родины».

С каждым днем я все прочнее врастал в свою новую семью. После знакомства с частями пришлось произвести некоторую перестройку в их структуре. Дело в том, что в каждом полку после мартовско-апрельских боев осталось всего по два батальона, в каждом из которых насчитывалось не более роты. Поэтому я приказал сформировать в полках из двух батальонов по одному, но не обычному, а штурмовому, пригодному по своему предназначению для прорыва сильно укрепленной позиции противника. На мой взгляд, такая мера должна была способствовать более целеустремленному проведению боевой подготовки. А к приходу пополнения, которое мы ожидали, полки уже имели бы по хорошо сколоченному боевому коллективу.

Как только состоялась реорганизация, сразу же начались занятия. Сначала они проходили поротно. Бойцы тренировались в стремительных бросках вперед, в стрельбе из автоматов и в метании гранат. Когда роты стали действовать дружно и согласованно, появилась возмож-

ность приступить к отработке наступательных действий в составе батальонов.

Штаб корпуса сориентировал меня, в каком месте, вероятнее всего, дивизии придется прорывать неприятельскую оборону. Оказалось, нам предстоит вести бои в мелколесье и на открытых местах, сбивать врага с высоток, преодолевать под огнем водные преграды. Очень подходящий для этого ландшафт я отыскал неподалеку от нашего расположения. Там и начали штурмовые батальоны учиться.

На второй или третий день я приказал командующему артиллерией подключить к занятиям артдивизион. Важно было приучить бойцов как можно ближе прижиматься к разрывам своих снарядов, неотрывно наступать вслед за огневым валом. Хоть народ в батальонах и был обстрелянный, все равно он нуждался в такой тренировке.

12 мая, когда, окончив отрывку траншей, пообедав, люди, как обычно, отправились на занятия, мне доложили, что к штабу приближается машина командарма. Я вышел встретить генерала.

— Ну, как живется, как командуется на новом месте? — спросил Юшкевич, выслушав мой доклад. — На занятиях народ? Это хорошо, что боевую подготовку не забываешь. Работы работами, а скоро наступление начнется. Ну, показывай, как учеба идет.

Мы сели в машину. Немного проехав, свернули в просеку. Здесь я предложил:

— Давайте, товарищ генерал, оставим машину и дальше пойдем пешком. Тут недалеко — с километр.

— Ладно, — согласился Юшкевич. — Прогуляться не вредно.

День выдался солнечный, теплый. В траве отчаянно стрекотали кузнечики. В гуще ветвей о чем-то переговаривались птицы, далекая кукушка кому-то отсчитывала года. Иногда над нашими головами слышался шелест крыльев. Невдалеке за деревьями поблескивала вода, обманчиво-зовущая, но еще по-весеннему студеная.

— Рано купаться, а тянет, — произнес я.

— Купаться? — переспросил Юшкевич. — Это хорошо, что тянет и что можно. А мне и не хочется и нельзя. Здоровье...

Помолчав немного, он спокойно и доброжелательно заговорил о делах. Настороженная собранность, охватив-

шая меня вначале, растаяла. Как не похож был этот Юшкевич — рассудительный, выдержанный, спокойный, на того, что встретил меня в день прибытия и какого я, признаться, ожидал увидеть вновь.

Мы вышли на опушку и заметили в низине окопавшиеся цепи.

— Посмотрим отсюда, — сказал командарм. — Обзор хороший.

Вскоре вверх взвились красные ракеты, ударили орудия. «Ур-р-р-а-аа» — донеслось до нас. Бойцы выскочили из окопов и устремились вперед.

Через некоторое время командиры батальонов вернули их на места и сделали ротным какие-то замечания. Затем все повторилось снова.

Понаблюдав за всем этим, Юшкевич вдруг распорядился:

— Шатилов! К семнадцатому мая организуй показное учение для командиров дивизий и полков. Тема — «Наступление на подготовленную оборону противника». Подумай над тактическим фоном, над мишенной обстановкой — чтобы условностей поменьше было. Не забудь приказать, чтобы вон у того склона цели поставили, падающие. И артподготовочку как следует изобрази. Понял?

— Так точно!

— Ну вот и порядок. Неплохо у вас идут дела, неплохо. Просто хорошо. Я пойду, Шатилов, не сопровождай.

Командарм пожал мне руку и повернулся к лесу. Следом двинулись сопровождавшие его офицеры. Я подозвал лейтенанта и велел ему проводить генерала до машины — как-никак, а место это для командующего малознакомо. Потом пригласил командира 469-го полка Николая Николаевича Балынина и сказал ему:

— Товарищ полковник, семнадцатого мая мы должны провести показное тактическое учение с боевой стрельбой. Для командиров полков и дивизий. Подготовьте к этому батальон своего полка.

— Слушаюсь! — расправил плечи Балынин. — Майор Колтунов у нас хороший комбат. Он оправдает доверие.

Начальник артиллерии полка капитан Николай Петрович Захаров получил приказание проводить артподготовку на занятиях такой же длительности, как и в реальных боевых условиях. Только снарядов выделялось в десять

раз меньше. Начиналась она залпами орудий и «катюш». Потом стрельба стихала и, когда отведенное артиллеристам время близилось к концу, возобновлялась с прежней силой.

Вначале учения проходили не очень организованно. Допускалось немало ошибок. Бойцы еще побаивались близко подходить к разрывам своих снарядов. Метнув гранату, они медлили с броском вперед. Пришлось повторять весь «бой» и раз, и другой, и третий. Наконец Василий Иванович Колтунов сказал, вытирая со лба пот: «Все. Лучше некуда».

Мы узнали, что на учениях будет присутствовать командующий фронтом генерал армии Андрей Иванович Еременко. Это, признаться, внесло некоторую нервозность. Командующий слыл человеком крутого нрава. Его побаивались, но, за исключением, быть может, немногих, уважали. Я решил, что главное — не поддаваться ненужному волнению, оставаться самим собой и не терять уверенности. Все будет хорошо, потому что подготовка была основательной.

Начало учений назначалось на 10 часов утра. Но почти все командиры дивизий и полков собрались к девяти. Подъехал новый командир корпуса полковник Семен Никифорович Переверткин. Я знал его. До этого он командовал 207-й стрелковой дивизией. Мы с ним были примерно одного возраста, однако выглядел Семен Никифорович несколько старше. Вслед за Переверткиным прибыл Юшкевич. Все торопились, зная, что командующий фронтом имеет привычку появляться раньше назначенного срока.

Наконец послышался шум «газика», и на дороге, ведущей к высотке, где находились все приглашенные, показалась машина командующего. Встретив Еременко, я представился ему и доложил о готовности начинать. Андрей Иванович, видно, был в хорошем настроении. Он сердечно поздоровался с каждым генералом и офицером. Потом обернулся ко мне:

— Так у вас все готово?

— Так точно. Разрешите?.. Есть!

Сняв телефонную трубку, я вызвал командира полка и передал:

— Сверьте время. У меня девять пятьдесят ровно. Начинайте, Балынин.

Через несколько минут в небо взвились красные ракеты. Грянули артиллерийские залпы. С нарастающим ревом понеслись реактивные снаряды. Командиры подняли к глазам бинокли.

Когда артподготовка закончилась, над брустверами мелькнули зеленые фигуры и ринулись вперед. Пробежав метров двадцать пять, они перешли на ускоренный шаг. В этот момент снова загремела артиллерия. Перед бойцами выросла стена огня. Наступил критический момент: дрогнут люди, начнут отставать от катящегося вперед вала — и учение можно считать наполовину сорванным.

Я с волнением наблюдал за происходящим на поле и про себя повторял: «Не отстаньте, родимые, не отстаньте!»

Солдаты двигались, не сбавляя темпа. На ходу они вскидывали автоматы и ручные пулеметы. Мне было видно — часть мишеней опрокинулась.

Перед траншеей «противника» бойцы достали боевые гранаты и начали бросать. Раздались взрывы. Не дожидаясь, пока рассеется дым, люди устремились на неприятельские позиции.

«Здорово, — думал я. — Никакой заминки! Вот бы так в настоящем бою!»

Батальон, не задерживаясь, все дальше углублялся в оборону «противника».

Я опустил бинокль. По отдельным репликам и жестам окружающих было ясно, что учение произвело на них хорошее впечатление. Теперь оставалось ждать, что скажет командующий фронтом на разборе.

Подведение итогов учения состоялось тут же, на высотке. Настроение у Еременко не испортилось — он, как и вначале, улыбался, шутил. Из этого я сделал вывод, что «бой», продемонстрированный батальоном Колтунова, ему понравился.

Когда Андрей Иванович начал говорить, я все же был и удивлен и смущен — уж очень лестные слова произнес он в адрес нашей дивизии.

— Учитесь, мотайте себе на ус, товарищи, — сказал он, обращаясь ко всем. — Так вот и надо действовать в боевых условиях. И я вижу, что сто пятидесятая именно так и будет воевать. Учение хоть и показное, да без показухи. Чувствуется, что люди дисциплинированны, обу-

чены, а боевое управление на высоте. Спасибо, Шатилов, — обернулся он ко мне. — Получишь сто наручных часов — для отличившихся бойцов и командиров.

Потом Еременко спросил Юшкевича:

— Сколько у вас в резерве солдат и сержантов?

— Тысяча восемьсот человек.

— Передайте их сто пятидесятой дивизии.

— Есть!

— А у нас в резерве сколько? — обратился он к сопровождавшему его полковнику из штаба фронта.

— Две с половиной — три тысячи.

— Тоже передать Шатилову.

Такой итог разбора был для меня приятнее любой, самой горячей похвалы.

Командующий фронтом уехал, но Юшкевич не торопился отпустить нас. Стоя на склоне и поглядывая на нас снизу вверх, он сердито заговорил:

— Учение учением. Что хорошо, то хорошо. Но успех одной дивизии не оправдывает серьезных упущений в службе войск, которые еще имеют место в нашей армии. — И командарм принялся рассказывать о недостатках, вскрытых в одном из полков.

Закончив, он подошел ко мне:

— Ну, Шатилов, и от моего имени спасибо. Не подвел. Бывай здоров, — и крепко пожал мне руку.

КОНЕЦ ЗАТИШЬЮ

На следующее утро, когда я, сидя в своей землянке, пил крепкий чай, мой ординарец Горошков приоткрыл дверь и доложил:

— Товарищ командир, к вам полковник пришел.

— Наш?

— Нет.

— Ну, зови.

Через порог перешагнул невысокий, коренастый офицер. На его округлом лице тревожно поблескивали темные глаза.

— Товарищ командир дивизии, — произнес он подрагивающим голосом с заметным украинским акцентом. — Прибыл в ваше распоряжение на должность командира семьсот пятьдесят шестого стрелкового полка!

— А вы не ошиблись? Этим полком командует полковник Житков.

— Никак нет, не ошибся. Командующий приказал поменять меня с товарищем Житковым местами. Вот предписание...

— Ладно, — сказал я без особого восторга. Житков считался у нас лучшим, самым сильным командиром полка, а о новом офицере я услышал вчера на разборе отнюдь не лестные вещи. — Садитесь-ка чаю попить.

— Нет, товарищ командир дивизии, разрешите сначала доложить, за что я отстранен...

— Не надо. С меня хватит того, что я уже знаю. И давайте условимся: о том, что было, — забудем. Как будто ничего и не было. И я вам никогда ни о чем не напомню, если вы сами не дадите для этого повода.

Несколько мгновений офицер молчал, силясь подавить радостную улыбку, а потом вдруг выпалил:

— Разрешите мне в полк бежать?..

Чувствовалось, что он тронут оказанным ему приемом и что в недостатке рвения его, видимо, не придется упрекать.

Позже я узнал, что на командной должности он недавно. С непривычки дела у него шли неважно. Его, как я понял, преследовала боязнь показаться недостаточно исполнительным и расторопным. А это порождало поспешность, которая, не опираясь на достаточный командирский опыт, служила причиной различных просчетов и промахов.

Новый командир полка еще многого не знал и не умел, а стало быть, нуждался во внимании и помощи.

Дня через три после учений к нам прибыло пополнение. В большинстве своем это были бойцы, выписанные из госпиталей.

— С таким народом можно воевать! — убежденно сказал мне комбат Давыдов после приема пополнения.

Такого же мнения были и другие офицеры.

Наконец-то мы смогли более или менее прилично укомплектовать роты. Их численность теперь доходила до 70—80 человек — совсем неплохо для фронтового времени.

Распределив вновь прибывших, мы начали проводить

с ними занятия. Однако вскоре, а именно 29 мая, перед дивизией была поставлена задача занять оборону на линии Балабнино — Пимашково — Сукрино — Остров. Смену находившихся там частей произвести в ночь на 1 июня.

На указанный рубеж мы вышли быстро и скрытно. Противник как будто ничего не заметил.

После обеда 4 июня я со своим адъютантом Курбатовым выехал верхом в расположение обороны правофлангового полка. Он занимал наибольший участок. Кони несли нас по узким лесным тропинкам, по залитым солнцем прогалинам. Командир полка с двумя офицерами встретил нас на опушке, заросшей ромашкой и крупными колокольчиками. Мы спешились. Командир доложил обстановку. Я попросил его проводить меня на левый фланг.

— Посмотрим, что у вас сделано за эти дни для укрепления обороны.

По дороге полковник рассказывал:

— Гарно работают хлопцы, стараются. Траншеи копают, маскируются хоть куда. Фрица тревожим, покоя ему не даем. Правда, сегодня и у нас потери есть — и ранеными и убитыми.

— Что так?

— А бис его знает. Видно, присмотрелся к нам фашист, изучил нашу оборону.

В это время мы подошли к ходу сообщения, ведущему к первой траншее, и нырнули в него. Ход был неглубокий, пришлось идти пригнувшись. Кое-что мне становилось ясным.

— Товарищ полковник, погодите-ка.

Командир полка остановился. Хоть оба мы были невысоки ростом, стоять пришлось в неудобных позах, скрючившись.

— Распрямиться охота? — поинтересовался я.

— Хочется, да не можется, товарищ комдив. Зараз пулю схлопочешь. Я приказал разъяснить всем бойцам, чтобы ходили пригнувшись.

— А надо было приказать, чтобы отрыли ходы сообщения поглубже. Тогда бы и пригибаться не пришлось. А то бойцы гнулись, гнулись, а потом, видно, надоело, стали в полный рост бегать. Вот и потери. Ну, пошли дальше.

На пути нам встретился сержант.

— На этом участке, — сказал он, — осторожнее, товарищ полковник. Немец непрерывно ведет наблюдение. И снайперы у него здесь.

И действительно, как только мы продолжили путь, над головой у нас зачирикали пули.

— Обнаружил, выходит, нас противник? — обратился я к командиру.

— Так точно.

— Вот и извлекайте из этого урок.

Пригнувшись еще ниже, мы двинулись дальше. Завернули на огневые позиции пулеметов. Они тоже оказались плохо оборудованными. Офицер и этого не замечал. Многое все-таки значило, что не прошел он школы командования от взвода и роты до полка. Будь у него побольше опыта, многие прописные воинские истины вошли бы ему в плоть и кровь и не спотыкался бы он сейчас.

В одном из ходов нас встретил комбат Евстафий Михайлович Аристов.

— Здравствуйте, товарищ майор, — протянул я ему руку. — Расскажите-ка о ваших наблюдениях за противником. Как он себя ведет?

— Настороженно держится, товарищ полковник. Наблюдает усиленно, чуть что — открывает огонь. За последние два дня как-то особенно оживился.

Это подтверждало мою догадку, что гитлеровцы на участке полка обнаружили какие-то изменения. Предположить они могли одно из двух: либо прибыло пополнение, либо произошла смена частей. Вывод был неутешительный. Чем осведомленнее противник, тем хуже для нас.

Под вечер мы с командиром полка и комбатом обосновались на наблюдательном пункте. Обзор отсюда открывался хороший, вражеские позиции просматривались на большом протяжении. Но маскировка была неважная. Во всяком случае, противник что-то заметил и открыл по наблюдательному пункту методический артиллерийский огонь. Я спросил артнаблюдателя:

— Все время здесь находитесь?

— Никак нет, по надобности отлучаемся за высоту, в блиндаж.

— А кто в это время наблюдает?

Артиллерист промолчал.

— Ну, товарищ полковник, что скажете?

— Все ясно.

Артиллерия замолчала. Время от времени то с нашей, то с немецкой стороны вспыхивали пулеметные очереди. Это означало, что кто-то у них или у нас передвигался неосторожно.

Когда мы возвращались с передовой, спустились сумерки. Туман залил лощины. Дышала теплом прогретая за день земля.

— В общем, вы сами видите, — сказал я командиру,— что оборону вы строите не по-настоящему. Поэтому и потери у вас растут. Составьте план работ. Пусть выполняют его днем и ночью. Тверже требуйте и меньше уговаривайте. Не ослабляйте нажим на комбатов. А я со своей стороны дам задание штабу, чтобы вас строже контролировали. Словом, укрепляйте каждый холмик, стройте новые сооружения, делайте оборону неприступной.

Разговор наш прервал разрыв снаряда. Затрещали подрезанные осколками верхушки деревьев.

— Надо постоянно разъяснять личному составу, — продолжал я, — что война есть война. Или ты бьешь, или тебя бьют. Чаще битыми оказываются беспечные люди. Поняли, что надо делать?

— Глубже зарываться в землю.

— Правильно...

Так за беседой мы не заметили, как подошли к опушке. Обычно я избегал читать мораль командирам полков, тем более в виде прописных истин. Это может обидеть подчиненного, да и тебя поставит перед ним в смешное положение. Но тут был иной случай. Молодому командиру полка, не имевшему крепкой строевой закалки, могло пойти на пользу напоминание некоторых элементарных вещей, не постигнутых им на собственном опыте.

На опушке нас поджидали коноводы и Курбатов. Мы с адъютантом сели на коней и затрусили рысцой к штабу дивизии.

На следующий день рано утром мы с Ворониным отправились на машине в 469-й стрелковый полк. Его подразделения занимали позиции по берегу озера с несколько необычным названием — Ученое. Наш «виллис» быстро катил по тенистым лесным дорогам. Вокруг стояла безмятежная, сонная тишина. Казалось, война отступила куда-то далеко, совсем в иные края. И невольно думалось: как тут все изменится, как нарушится обаяние

здешних мест, когда мы получим приказ о наступлении и загремит канонада, метнется и завязнет в кустах эхо пулеметных очередей, а по этим вот дорогам поползут рыча танки и машины с боеприпасами...

В штабе полка нас встретил молодцеватый Николай Николаевич Балынин. Я залюбовался им, слушая, как он четко докладывал обстановку. Настоящий кадровый командир — умный, эрудированный в военном деле. На все вопросы он отвечал обстоятельно. И в то же время кратко. Балынин со знанием дела говорил о состоянии батальонов, о людях. Чувствовалось, что он хорошо знает своих комбатов — кому что лучше поручить, какую задачу поставить в бою. Особенно лестно отозвался он о Василии Ивановиче Колтунове. Я помнил, как Колтунов действовал во время показного учения, и внутренне согласился с характеристикой, которую ему давал Балынин.

Батальон Колтунова в это время находился во втором эшелоне полка, рыл траншеи и ходы сообщения, занимался учебой. Нас же больше интересовал передний край. Поэтому мы направились не к Колтунову, а по дороге, идущей вдоль восточного берега озера, и вскоре очутились в батальоне капитана Федора Алексеевича Ионкина. Он, чувствовалось, был польщен тем, что командир полка и командир дивизии пришли к нему на передовую. О людях из состава пополнения отозвался очень хорошо:

— Народ надежный. Необстрелянная молодежь в меньшинстве. Но и она находится под влиянием бывалых бойцов.

— А занимаетесь чем?

— Новички изучают оружие и приемы ведения боя в лесной местности. По тактике отрабатываем перебежки, переползания, захват траншеи противника, метание гранат.

Мы пошли по подразделениям. Я побеседовал со многими командирами, политработниками, бойцами. Николай Ефимович Воронин интересовался, как солдатам разъясняют их задачи на период обороны замполиты, парторги, комсорги, агитаторы. Его обеспокоили недостатки в организации обороны в 756-м полку, о которых он узнал от меня. Николай Ефимович не без основания относил их и за счет пробелов в партийно-политической работе и поэтому придирчиво выяснял, нет ли таких же недостатков здесь. Однако в 469-м полку дела обстояли неплохо.

Он был укомплектован хорошими бойцами, а должности командиров занимали умелые и деятельные офицеры.

Хорошее впечатление произвел на меня и батальон капитана Василия Иннокентьевича Давыдова. Об этом командире я слышал немало добрых слов. Он отличился еще в боях за Поплаву, Шилиху и высоту 167.4. Тогда давыдовский батальон первым прорвал хорошо подготовленную вражескую оборону. Василий Иннокентьевич сам в решительный момент повел людей на штурм очень важной позиции. Атака увенчалась успехом.

Противник не примирился с этой потерей. Он попытался вернуть высоту. Давыдовский батальон был обойден и атакован с фланга. Но опытный командир и тут не стушевался. Он сумел отразить удар. Гитлеровцы, потеряв чуть ли не целый батальон, откатились.

В обороне Давыдов так же хорошо понимал свою задачу. Батальон надежно зарылся в землю. В боевой службе не было изъянов. Обучение солдат велось непрерывно.

Полк Н. Н. Балынина занимал участок вдоль северной части озера, там, где Ученое суживалось, превращаясь в короткую и неширокую протоку, соединявшую его с озером Хвойно. На другой стороне вдоль протоки возвышалась довольно крутая, поросшая кустарником и редким лесом высота с отметкой 228.4. Господствуя над окружающей местностью, она представляла огромную тактическую ценность.

— Наши называют ее высотой Заозерной, — говорил Балынин. — Не любит народ безымянных высот. Укреплена она здорово. Видите, три ряда траншей.

Мы находились на батальонном наблюдательном пункте — хорошо замаскированном, имеющем широкий обзор. Припав к стереотрубе, я просматривал лесистый, сильно укрепленный врагом склон.

— Обзор оттуда в нашу сторону километров на десять, — продолжал Балынин. — Немцы, говорят, называют ее «высота Глаз». Чувствуют они себя здесь очень спокойно. Считают, видимо, позицию свою неприступной. Активности не проявляют. Вчера за весь день ни одного выстрела не сделали.

Я смотрел на возвышенность и не мог оторвать от нее глаз: до чего же хорошая позиция! Захватить ее — и мы

будем контролировать местность, простирающуюся далеко на запад. Но осуществимо ли это? И если осуществимо, то какой ценой? Не окажется ли победа пирровой? Единственно, на что мы могли делать ставку, — это на внезапность. Словом, обо всем этом надо было крепко подумать. И не одному, а сообща. Тут же я обратился к командиру полка:

— Товарищ Балынин, прошу вас поразмыслить над возможностью захвата Заозерной. Поработайте вместе с Коротенко. Денька через два доложите мне свои соображения.

В блокноте пометил: «Сегодня вечером дать задание начальнику разведки дивизии майору Коротенко, чтобы он подготовил необходимые разведданные».

Следующие дни и я и офицеры штаба находились в полках. С утра до вечера в перелесках звучали команды, гремели выстрелы и взрывы гранат. Подразделения учились всем видам боя. Специальные тренировки проводились по преодолению вброд мелких водных преград. С наступлением темноты отрабатывались боевые действия в ночных условиях.

Занятия планировались так, чтобы не переутомлять бойцов, дать им выспаться, отдохнуть. В дивизию приехала фронтовая бригада артистов из Перми. И вечерами на лесных полянах лились веселые и грустные песни, смеялась и плакала музыка, гремели солдатские аплодисменты. В подарок артистам собирали огромные букеты цветов.

С наступлением темноты начинали стрекотать кинопередвижки, и бойцы — в который раз! — с замиранием сердца провожали в последний путь Чапая, смеялись над Антоном Ивановичем, который сердился по пустякам, хохотали над проделками бравого солдата Швейка, призванного в гитлеровский вермахт.

Порой мне казалось, что нет никакой войны и мы — в летних лагерях под Бобровом, неподалеку от моего родного села, и сам я — еще не окончивший академию молодой ротный. Так же по вечерам тогда выступали артисты, самодеятельность, демонстрировались фильмы. Так же какой-нибудь взвод, стараясь не звякать оружием, уходил на ночные занятия... В поле дымились кухни, гремели выстрелы на стрельбищах... Так же, да не совсем! Трехлинейка была основным оружием роты. «Максим»

тогда представлялся грозной силой, а полковые пушки на конной тяге и танкетки внушали великое почтение. А нынче взвод автоматчиков по плотности огня превосходит тогдашнюю роту. Да что там сравнивать!..

Через два дня Балынин доложил мне свой план штурма Заозерной. На третий день я приказал офицерам штаба дивизии, командирам полков и дивизионов собраться, чтобы на местности оценить возможности захвата высоты.

Ранним утром 12 июня небольшими группами мы двинулись по заросшей, чуть заметной тропинке. Солнечные лучи почти не пробивали смыкавшуюся над нами листву. Открытые участки обходили или перебегали, прячась за кусты. По-видимому, маскировка была достаточно тщательной. Во всяком случае, неприятель не заметил нашего передвижения.

Тропинка привела нас к траншее. По ней мы добрались до укрытия, из которого хорошо были видны восточные скаты Заозерной. В бинокли начали разглядывать высоту.

Когда все подтянулись, я сказал Коротенко:

— Докладывайте.

— С этой точки виден передний край противника от протоки до опушки леса, — начал Иван Константинович. — Оборона здесь создавалась в течение двух — двух с половиной месяцев. Сейчас она состоит из двух позиций, а каждая позиция — из двух-трех траншей. Траншеи соединены между собой ходами сообщения. Ходы тянутся за высоту, в тыл. В некоторых местах имеются проволочные заграждения. Вон там минные поля. Особенно сильно укреплены подступы к высоте перед протокой. — Открыв планшетку и заглянув в карту, Коротенко продолжал: — Ширина водной преграды — от двадцати пяти до пятидесяти метров. Глубина — полтора-два метра. Все это пространство простреливается фланговым пулеметным огнем из поселка Хвойно. Кроме того, подходы к воде пристреляны артиллерией. На западных скатах, по данным нашей разведки, сосредоточено до двух артдивизионов. Занимают высоту части пятнадцатой латышской дивизии СС. С нее фашисты просматривают расположение наших войск на восемь километров в глубину, а в некоторых местах — на двенадцать. Участок этот самый спокойный. Неприятель здесь не предпринимал даже разве-

дывательных вылазок. Видимо, считает, что и с нашей стороны невозможны какие-либо действия. Однако на ночь траншеи занимаются полностью. Перед ними выставляется сильное боевое охранение и секреты. В восемь утра подразделения отводятся на отдых в укрытия по западному склону. На месте остаются только дежурные пулеметчики и наблюдатели. С восьми до девяти — завтрак. Потом отдых. Часть солдат загорает. Между двенадцатью и тринадцатью — смена наблюдателей и пулеметчиков. В пятнадцать — обед. Наиболее удобное для атаки время — девять утра, — закончил доклад Коротенко.

Было ясно, что в принципе атака высоты может иметь успех, если к ней хорошо подготовиться и провести внезапно.

Обменявшись мнениями, мы решили, что для овладения высотой достаточно стрелкового батальона, танкового взвода, батареи орудий сопровождения и батареи для прикрытия переправы. На поддержку требовалось два артиллерийских дивизиона и дивизион «катюш». Еще два стрелковых батальона следовало выделить для закрепления на высоте и развития успеха.

Время на подготовку я распределил так: два дня — на рекогносцировку и изучение противника; три — на тренировку подразделений и один — на мытье в бане и отдых. Траншеи приказал приблизить к берегу, чтобы атака была стремительнее и неожиданнее для неприятеля. В ночь перед боем стрелковые роты, станковые пулеметы и орудия прямой наводки должны были занять положение в первой и второй траншеях.

Начало движения стрелковых рот намечалось на 9 часов, одновременно с открытием артиллерийского огня. Оставалось лишь выбрать день. Ориентировались мы на 22 июня. Ориентировались — потому что все наши намерения могли обрести силу лишь после утверждения их командованием корпуса. Ведь то, что нами затевалось, выходило за рамки мелкой боевой стычки и не должно было идти вразрез с более широкими и общими планами вышестоящего командования.

К вечеру я вернулся в штаб. Там меня поджидал Офштейн. Он подготовил расписание тренировок. Место для них было выбрано у высоты 218,2, там, где река Великая с юга вытекает из озера Ученое. Место подходящее: все там точь-в-точь как у Заозерной.

Выслушав нашего главного штабиста — должность начальника штаба все еще не была занята, — я принялся звонить командиру корпуса. Переверткин сказал, что сам прибудет в дивизию, чтобы детальнее познакомиться с замыслом намечаемой вылазки, на месте изучить обстановку.

Он приехал к нам на следующее утро. Побывав у высоты и выслушав мой доклад, Семен Никифорович утвердил наш план.

Началась подготовка подразделений к штурму высоты.

Переверткин пообещал придать нам танки и выделить две штрафные роты для форсирования протоки и начала штурма высоты. И верно, через двое суток в штаб дивизии позвонили, что обе роты направляются к нам. Взяв нескольких сопровождающих, я отправился их встречать.

Когда мы спешились на лужайке, там уже были выстроены обе роты. Их командиры — капитан Николай Зиновьевич Королев и старший лейтенант Григорий Сергеевич Решетняк — представились. Оба выглядели молодцами. Да это и естественно. Командовать штрафными ротами посылали, как правило, лучших офицеров. Каждому из них вверялось по 250 человек, осужденных и за случайные проступки, и за тяжелые, уголовные.

Задачи перед штрафниками ставились самые трудные. Воевали там «до первой крови». Но часто первое ранение оказывалось и последним.

Я поздоровался с бойцами, назвал им себя, выразил уверенность, что и в штрафной роте они остались советскими людьми, заслуживающими доверия. Когда строй был распущен, солдаты окружили меня. Начался непринужденный разговор. Внимание мое обратил на себя молодой, стройный боец с умным, интеллигентным лицом. Выделялся он и той выправкой, подтянутостью, которая отличает человека, не случайного на военной службе.

— Как ваша фамилия? — поинтересовался я.

— Рядовой Мельников.

— Кем был до штрафной?

— Курсантом авиационного училища. Осужден за два месяца до выпуска.

— За что?

Он помялся. Потом негромко произнес:

— За незаконное хранение фотоаппарата...

Я не стал вдаваться в подробности — бывает и такое. А командиру роты сказал:

— Вот подходящая кандидатура на должность командира взвода.

— Так точно, — согласился тот, — я его имею в виду.

20 июня у нас состоялась генеральная репетиция предстоящего боя. Все получилось хорошо. Саперы подготовили переносные рогатки — «ежи», противотанковые и противопехотные мины, удлиненные заряды — специальные подрывные приспособления для проделывания проходов в проволочных заграждениях, сборный мост для переправы через протоку, маскировочные заборы, которые ставились по берегу озера Хвойно, прикрывая нас от вражеских глаз с северо-западного направления.

На следующий день бойцам был предоставлен отдых.

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

И вот наступил самый длинный день года. Памятное число! Ровно три года отделяло нас от того момента, когда гитлеровские войска по-разбойничьи перешли нашу границу. Тогда наступали они — наглые, уверенные в своей непобедимости. И хоть военная машина врага с самого начала стала давать пробуксовку, хоть блицкриг сразу же потерпел провал, мы еще долго отходили, ведя оборонительные бои. Но каждый из 1095 прошедших с тех пор дней уменьшал силы врага и приумножал наши силы. Позади остались Сталинград и Курск, определившие необратимый ход войны. И третью ее годовщину мы отмечали очередным наступлением на своем небольшом участке...

Утро 22 июня занялось бледно-розовой зарей, в разноголосом гомоне и щебетанье птиц. Бойцы, с вечера занявшие исходное положение для атаки, встретили рассвет в траншеях. Одни, свернувшись калачиком на теплой земле, дремали; другие, может быть последний раз в своей жизни, о чем-то беседовали.

Я ночевал на наблюдательном пункте. Он размещался в блиндажах, отрытых на мысочке, вдававшемся в Хвойно. Отсюда в бинокль хорошо были видны наши траншеи, протока и обращенный к нам склон Заозерной.

На НП находилась вся наша оперативная группа: полковник Н. Е. Воронин, подполковник И. А. Офштейн, майор И. К. Коротенко, командующий артиллерией полковник А. В. Максимов и другие офицеры штаба дивизии.

Солнце вставало быстро, сдергивая с озер легкий полог тумана. Тишина не нарушалась ничем. Противник, судя по всему, не раскрыл наших приготовлений.

Томительно тянулось время, приближаясь к назначенному сроку. Я мысленно проверял себя: не забыл ли отдать какого-нибудь распоряжения? Неожиданно раздался телефонный звонок. Командир штрафной роты старший лейтенант Решетняк доложил, что неприятельские солдаты ушли на обратный склон высоты отдыхать. В первой траншее остались только наблюдатели и кое-где дежурные пулеметчики.

Все шло по плану. Это меня радовало и лишний раз убеждало, что время для атаки выбрано правильно.

Позвонил командир другой роты — капитан Королев. Он сообщил примерно о том же.

Когда маленькая жирная стрелка часов добралась до цифры «9», а тонкая и длинная уткнулась в «12», тишина раскололась грохотом и воем. Дымными языками пламени черканули небо «катюши». Обращенный к нам склон Заозерной весь покрылся фонтанами земли, клубами пыли и дыма.

Встав на ступеньку, сделанную под амбразурой, я прильнул к стереотрубе. Было видно, как наши бойцы готовятся к броску вперед. Шквал артиллерийского огня не утихал. Под его прикрытием саперы начали разминировать минное поле, проделывать, подрывая удлиненные заряды, широкие проходы в проволочных заграждениях.

Вскоре дивизионный инженер майор Иван Федорович Орехов позвонил: проходы готовы.

Через несколько минут «катюши» дали второй залп, а над нашим НП взвилась стая красных сигнальных ракет. Из траншей чуть слышно донеслось:

— В атаку!

— Вперед, за мной!

— За Родину, за Сталина!

Обе роты поднялись одновременно. Бойцы проскочили протоку вброд без остановки. Артиллерия перенесла огонь

на вторую неприятельскую траншею. Орудия прямой наводки били по флангам, в промежутки между боевыми порядками врага, по ожившим огневым точкам.

Довольно густая цепь солдат бежала вверх по пологому склону. Вот бойцы стали бросать гранаты. Вспыхивает дружное «ура», и фигурки в защитных гимнастерках исчезают в траншее. «Молодцы!» — мысленно восхищаюсь я. Ведь с момента сигнала прошло всего одиннадцать минут. Разгорается рукопашный бой. Гитлеровцы не выдерживают, бегут. Наши солдаты устремляются в глубь вражеской обороны.

В стереотрубу мне видна рослая фигура Мельникова, во главе взвода преследующего фашистов. Это тот самый бывший курсант, на которого я обратил внимание, когда знакомился со штрафниками. Запомнился он мне и еще по одной встрече. Вчера вечером я, находясь в нашей первой траншее, наблюдал за тем, как роты занимают исходное положение для атаки. Был там и Мельников, уже в роли взводного.

Я невольно залюбовался молодым командиром. Спокойный, сдержанный, он толково поставил перед бойцами задачу, разъяснил им, как будет осуществляться взаимодействие внутри взвода и с соседями, распорядился о маскировке. Говорил он так, будто не раз водил людей в бой. Его круглое, с пухлыми мальчишескими губами лицо было сосредоточенно и строго. Уверенность взводного передавалась солдатам, они охотно подчинялись ему. «Прирожденный командир», — подумалось мне.

Сегодня, как только в небо взвилась серия красных ракет, Мельников первым выскочил из окопа и преодолел брод, первым бежит теперь ко второй неприятельской траншее. Я слежу за ним, и мне хочется, чтобы он уцелел, остался жив.

Вот Мельников сорвал с пояса гранату, на ходу вставил в нее запал и, почти не пригибаясь, швырнул. Следом полетели гранаты бойцов взвода. «Ур-р-р-а-а!» — подразделение ворвалось в траншею. Я видел, как Мельников первым спрыгнул в нее... Потом потерял его из виду.

Бой шел по всему склону. Противник, застигнутый врасплох, не оказывал пока серьезного сопротивления.

Небольшая наша группа вырвалась на гребень Заозерной с правого фланга. Оттуда застучал пулемет, и несколько человек упали. Враг начинал приходить в себя

и кое-где давать отпор. Его сопротивление постепенно усиливалось. Однако атакующие продолжали довольно быстро продвигаться вперед. За стрелками следовали саперы. Они ставили рогатки, «ежи», мины, прикрывая ими фланги. Особенно сильно укреплялся правый фланг, откуда ожидались контратаки фашистов.

Мне то и дело приходилось давать распоряжения Александру Васильевичу Максимову о переносе артиллерийского и минометного огня по тем участкам, где сопротивление гитлеровцев становилось особенно упорным.

— Вас к телефону, — передал мне трубку адъютант Анатолий Курбатов. Из нее раздался бас:

— Докладывает капитан Королев. Захватил семнадцать человек пленных. Все из пятнадцатой дивизии СС. Что с ними делать?

— Направьте ко мне.

— Слушаюсь! Рота перевалила через гребень. Ведем бой на обратном скате. Противник вводит в бой мелкие подразделения с танками.

— Постарайтесь опрокинуть их.

Вскоре позвонил старший лейтенант Решетняк. Он тоже сообщил, что продвигается успешно, но уже имеет дело с организованным отпором. Я понимал, что гитлеровцы, оправившись от неожиданности, начинают вводить в бой главные силы, чтобы сначала остановить наступление, а потом перейти в контратаку и отбросить нас на исходный рубеж. Что ж, надеяться на это противник имел все основания. На его стороне были и выгодная позиция, и превосходство в численности. Ведь в наших стрелковых дивизиях при полном комплекте насчитывалось около 7 тысяч человек. У немцев же количество людей достигало 12 тысяч.

Надо было срочно закрепиться. Только тогда у нас сохранялась перспектива удержать высоту 228.4.

Я распорядился всеми силами артиллерии и минометов подавить фланкирующие пулеметы и орудия прямой наводки, обработать огнем безымянные высотки, что расположились в полукилометре к западу и югу от Заозерной, не допустить контратак с правого фланга, ввести в бой 3-й батальон 674-го полка.

А из-за Заозерной доносился все усиливающийся грохот боя.

Командир 674-го полка Алексей Иванович Пинчук и комбат Николай Федорович Брыльков были у меня на наблюдательном пункте. Я поставил им задачу, показал на местности ориентиры. Они сделали пометки у себя на картах, сверили свои часы с моими. Все было уточнено и согласовано. Попрощавшись, офицеры ушли.

Через два часа мы начали артиллерийский налет. Сотни снарядов летели над головами сражавшихся людей и тех, кто готовился вступить в сражение. Из укрытий выползли наши танки. Головная машина, подойдя к воде, замерла, потом медленно спустилась в протоку и рывком выскочила на противоположный берег. За ней, уже смелее, двинулись остальные. Набирая скорость, они устремлялись за высоту.

Следом за ними бросилась пехота. Бойцы повзводно перебегали сборный мост, наведенный саперами, и прижимались к танкам, стараясь не отстать от них. Начала поорудийно переправляться и артиллерия.

Только теперь, словно бы опомнившись, противник открыл огонь по занятым нами позициям на Заозерной, по переправе. Но было уже поздно. К этому моменту рота Решетняка атаковала вражеские подразделения, расположившиеся в лесу за высотой, а рота Королева прочно закрепилась на западных склонах Заозерной.

Вскоре гитлеровцы пошли в контратаку. Заговорили наши орудия прямой наводки, застучали пулеметы. Волна вражеской пехоты, будто натолкнувшись на стену, застыла на месте, потом отхлынула назад, оставив на поле боя множество убитых и раненых.

Наступило короткое затишье. Но ни у кого не оставалось сомнений насчет намерений врага: наверняка он не отдаст так легко Заозерную и еще предпримет не одну яростную контратаку. И люди готовились к отражению этих ударов. В ротах находилась бо́льшая часть офицеров политотдела — об этом позаботился Воронин. В такие вот, как сейчас, моменты политработники беспокоились о том, чтобы всем бойцам была ясна очередная задача, чтобы они знали общую обстановку. Агитаторы готовили листовки о подвигах своих товарищей. Буквально через несколько минут вся рота уже знала имена тех, кто первым ворвался в траншею или первым перевалил через гребень высоты...

Телефонный звонок. Беру трубку.

— У телефона «сто́ первый», — называю свой позывной.

— Доложите, как идут дела, — слышится голос Семена Никифоровича Переверткина.

— Высота полностью наша. Закрепляем фланги. Взяли около девяноста пленных. Противник контратаковал силами от роты до батальона с танками. У нас введен в бой батальон с танками и артиллерией. Контратаку отбили. Ожидаем атаку силой до полка с танками. Ночью хочу ввести еще один батальон для расширения плацдарма.

— Согласен. Надо получше укрепить фланги и подготовить артиллерийский огонь.

— У меня все готово.

— Артиллерия корпуса обеспечит правый фланг. Прошу уточнить ваш передний край.

— Докладываю: брод, семьсот метров восточнее высоты двести одиннадцать, безымянная высота...

— Подождите, подождите. Разве эта высотка занята вами?

О взятии небольшой безымянной высоты мне доложил Пинчук. Эти данные были включены в оперативную сводку, отправленную в штаб корпуса. В чем же дело? Почему у комкора возникло сомнение? «Что ж, пообедаю и пойду лично проверить», — решил я.

С офицером из политотдела армии, подполковником Матюхиным, который вызвался идти со мной, мы направились к мосту, наведенному через протоку. На зеленой траве близ него чернели свежие воронки — противник держал мост под артиллерийским и минометным обстрелом. Наши батареи прямой наводки, хорошо замаскировавшись в кустарнике, прикрывали переправу. Командир дивизиона капитан Подгорский коротко доложил обстановку. Здесь все было в порядке, и мы не стали долго задерживаться. Главный интерес для нас представляла Заозерная.

То бегом преодолевая лужайки, то медленно двигаясь по траншеям, мы шли по тем местам, где еще утром находились гитлеровцы. На утоптанной траве валялись каски, подсумки, противогазы, лежали неубранные трупы эсэсовцев. Навстречу нам попадались раненые бойцы — кто еле-еле ковылял сам, кое-кого несли на носилках. Над головами все время свистели пули, повизгивали осколки.

До наблюдательного пункта командира батальона добрались благополучно. Капитан Брыльков в нескольких словах обрисовал создавшееся положение.

— Сейчас, — сказал он, — возникла своеобразная пауза. Мы закрепляемся на захваченных позициях, противник, хотя и не примирился с их потерей, однако еще не собрался с силами, чтобы восстановить положение.

Оставив своего попутчика на батальонном НП, я решил заглянуть в роту, которая то ли владела интересующей меня безымянной высотой, то ли нет.

С солдатом двинулся в подразделение. Сопровождающий попался неудачный — мы заблудились и оказались на минном поле. Едва выбрались...

Командира роты я нашел в мелком песчаном окопчике, метрах в двадцати позади цепи, а сомнительная высотка находилась метрах в семидесяти впереди.

— Кто там, наши или фрицы? — спросил я ротного.

— Никого, товарищ полковник. Были мои ребята, но я их отвел.

— Зачем же?

— Для выравнивания фронта... Да если что, я снова займу!

— Не надо, я сначала посмотрю, — отверг я его предложение. Конечно, не дело командира дивизии самому лезть проверять каждую мелочь. Но мне показалось, что ротный что-то недоговаривает, и желание разобраться во всем самому возобладало. Я сбежал по склону, отмахал несколько десятков шагов по ровному месту и поднялся на холм.

На его вершине, действительно, остались следы пребывания наших бойцов. Высотка была удобной для обороны, с хорошим обзором. Я собрался возвращаться, намереваясь дать ротному нагоняй за то, что оставил такую выгодную позицию, как вдруг раздался короткий сверлящий звук, затем грохот разрыва. Поблизости вырос фонтан песка и дыма. Почти одновременно совсем рядом возникло еще несколько грязно-бурых кустов. Я инстинктивно бросился в окоп. В артиллерийскую стрельбу вплелись противные завывания мин. Огневой налет был продолжительным. Осколки со свистом прошивали воздух над моей головой. Они срезали макушки сосен, расщепляли стволы, секли ветви. Однако ни один снаряд или мина не попали в мое убежище.

Огненный шквал затих так же внезапно, как и начался. Я вылез из укрытия и замер от неожиданности. К высоте направлялись неприятельские солдаты. Видимо, они заметили меня: группа гитлеровцев повернула в мою сторону. При мне были гранаты. Я упал на левый бок, быстро вставил запал. Бросок... Потом еще один...

Гитлеровцы залегли. В ответ — ни выстрелов, ни гранат. И вдруг чужой, гортанный голос: «Польковник, сдавайс!» Значит, разглядели, хотят взять живым. И наши, как назло, не подают признаков жизни.

Я швырял гранаты одну за другой. Вот их осталось только две. Проверил патроны в ТТ. Мне ничего больше не оставалось, как отстреливаться до последнего...

И вдруг наша артиллерия начала редкий, методичный обстрел. Гитлеровцы прижались к земле. Наступил благоприятный момент. Добрым словом помянул я мягкие, с ремнями казацкие сапоги, в которые был обут, — летел я в них как пуля. Когда ввалился в свой окоп, сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

Ротный, лежавший на земле ничком, посмотрел на меня, как на явившегося с того света.

— Почему рота не стреляет? — накинулся я на него.— Командуйте сейчас же!.. Телефон работает?

— Так точно, только что с комбатом говорил.

Я вызвал Александра Васильевича Максимова.

— Немедленно откройте артиллерийский огонь по высоте, что в ста метрах к западу от Заозерной. Одновременно дайте по ней полковой залп гвардейских минометов!

— Слушаюсь... Слушаюсь... — немного удивленно ответил командующий артиллерией. Ему-то там, на дивизионном НП, не понять было, в чем дело. Но приказание он исполнил точно. Не прошло и минуты, как злополучная горушка была накрыта. Немногим вражеским солдатам удалось унести оттуда ноги.

На другом участке пехоте противника, поддержанной танками, удалось отбить высоту 211.0 и оттеснить нас ближе к Заозерной. Алексей Иванович Пинчук, оказавшийся в это время в боевых порядках роты, по которой пришелся главный удар, умело организовал оборону. Как только немецкие танки приблизились к позициям стрелков, их по команде Пинчука встретили огнем наши орудия и тридцатьчетверки. Две неприятельские машины

окутались пламенем и густым смердящим дымом. Остальные застопорили ход и открыли огонь с места. Но долго продержаться они не смогли и по одному отошли за высоту 211.0.

В это время прозвучала команда «В атаку!», и солдаты бросились в рукопашную схватку. Пинчук, находившийся в боевых порядках роты, был ранен в ногу, но продолжал руководить боем. Гитлеровцы в рукопашной не устояли и отступили. Уйти удалось немногим.

Большие потери понесли и наши подразделения.

Когда бой стих, я пробрался на наблюдательный пункт командира батальона. Николай Федорович Брыльков встретил меня печальным известием:

— Полковник Балынин убит на мосту.

— Да что вы? — вырвалось у меня. — Это точно?

— Точно. Сквозное ранение в голову, — подтвердил комбат. — Умер через несколько минут на руках у командира санвзвода Григория Жиделя. Противник держит мост под сильным огнем. Ходить по нему до сумерек невозможно — каждого третьего задевает.

— Что ж, обстановка мне, товарищ Брыльков, ясна, — сказал я на прощание. — Противник наверняка подтягивает резервы и готовится к новой атаке. Видно, хочет отрезать нас от основных сил и расколотить в пух и прах. Завтра ждите новых атак. Но, думаю, мы и их сумеем отбить. Надо встретить фашистов посолиднее. К утру сюда подойдут два батальона и танки. А вы за ночь освойтесь, закрепите занятые блиндажи и траншеи. Установите больше орудий прямой наводки и поглубже заройтесь в землю. Ночью сделайте дополнительный маскировочный забор. И не забудьте разъяснить личному составу, что гитлеровцы понесли чувствительный урон и стали менее решительны. А теперь скажите, как мне пройти через протоку.

— Придется южнее моста, метрах в восьмистах. Я вам дам солдата. Он тянул там кабель и знает брод.

Связист оказался довольно шустрым малым. Он взял такой темп, что очень скоро у меня взмокла гимнастерка. Вскоре мы вышли к протоке.

— Кажется, здесь брод, — сказал солдат.

Он сделал несколько шагов и вдруг скрылся под водой. Нырнув вслед за ним, я схватил его за воротник. Через минуту, стоя на берегу, он виновато оправдывался:

— Мал-мала ошибся, метров на пять — семь...

Когда я добрался до нашего НП, уже смеркалось. Максимов со своим начальником штаба сидели над картой и готовили на завтра артиллерийские расчеты. Я сказал им о гибели Николая Николаевича Балынина. Помолчали, глубоко огорченные случившимся. Подошел Иван Константинович Коротенко. Он доложил мне общую обстановку.

Самый длинный день года заканчивался. Затихали звуки перестрелки. Старшины рот тащили к Заозерной боеприпасы и горячую еду в термосах. Позвал и нас к столу Блинник — наш повар, могучего сложения мужчина, в недалеком прошлом кулинар из киевского ресторана. Мы с аппетитом принялись за баранину с картошкой, только сейчас ощутив, как сильно проголодались.

К столу подошел Николай Ефимович Воронин:

— Приятного аппетита!

Он сел с нами. Поговорили о Балынине, о неласковой фронтовой судьбе, которая вот так же может обойтись с каждым из нас. Потом Воронин с увлечением стал рассказывать:

— Коммунисты держатся просто замечательно. На любом участке, куда ни посмотри. Вот сержант Кузьмин, например, когда добровольцев в разведку позвали, первым вышел. За ним потянулись Рахманов, Смирнов, Федосенко, Шатунов. Они и организацию вражеской обороны разведали, и такой тарарам подняли, что немцы всполошились всерьез. Наверно, подумали, что целая рота к ним в тыл проникла. Несколько пленных привели бойцы. Коротенко говорит, что ценные сведения от них получил.

— Верно, — подтвердил Коротенко. — Хорошую информацию дали о силах, о дислокации...

Когда я вышел из блиндажа подышать свежим воздухом, уже стояла глубокая ночь. На Заозерной рвались редкие снаряды. Где-то на флангах вспыхивала и гасла перестрелка, — вероятно, там действовали ребята из разведроты капитана Тарасенко. Позади нашего НП слышались шаги и приглушенные голоса. Это шли к высоте батальоны 469-го стрелкового полка. Через протоку переправлялись орудия, предназначенные для установки на прямую наводку.

Я знал, что в это же время выводятся в резерв уцелевшие остатки рот Королева и Решетняка, что на флан-

гах, особенно на правом, саперы ставят мины. Дивизия не спала. Она готовилась к дневному бою...

И он грянул, едва наступило утро. Сорок минут неприятельские снаряды и мины сыпались на Заозерную и на переправу. Потом немцы нанесли удары по флангам с целью отрезать нас от протоки и уничтожить. На правый фланг с запада двигалось до двух полков, на левый с юго-запада — до батальона. Под прикрытием артиллерийского огня за танками, пригнувшись, шли солдаты. К встрече их все было готово.

Местность теперь была нашим союзником. На правом фланге стойко держался подошедший сюда ночью батальон майора Колтунова — тот самый, что успешно действовал на показном учении.

На противника обрушили огонь орудия прямой наводки и пулеметы. Артиллеристы стреляли в таком темпе, что краска горела на стволах. Задымилось несколько танков. Первая цепь гитлеровцев была сметена. Вторая и третья — дрогнули, остановились и начали откатываться назад. Тут появились наши тридцатьчетверки. Они били по вражеским танкам из пушек, давили фашистов гусеницами.

Жуткое зрелище представляло в этом месте поле. Еще недавно зеленое, теперь оно было словно вспаханным, буро-черным, с красными пятнами тут и там. Повсюду валялись трупы, кричали раненые...

Стоя на ступеньке перед амбразурой и глядя в стереотрубу на тот небольшой видимый отсюда участок, где только что отгремел бой, я вдруг услышал стон за своей спиной. Что за наваждение, уж не галлюцинация ли? Я обернулся назад и удивился. В блиндаже стоял, держась за сердце, незнакомый полковник...

— Сын, Женя... — невнятно произнес он.

Человеку было плохо. Я немного успокоил его и спросил:

— Кто вы и как здесь оказались?

— Полковник Мельников, заместитель командующего по бронетанковым войскам сорок шестой армии третьего Украинского фронта, — представился он. — Сын мой вчера погиб здесь. До этого старший — Виталий сгорел в воздухе. Он был летчиком. А теперь вот и младший, последний... Вы его не могли знать. Штрафником он был...

— Нет, почему же, я знал Мельникова из штрафной.

Высокий, круглолицый, из училища. Он? Ну вот видите, знал я вашего сына. Взводным предложил его назначить. Вчера видел в бою. Прекрасно держался. Как настоящий воин и командир. Взвод первым достиг гребня. А он все время был впереди взвода. Потом я потерял его из виду. Вы точно знаете, что он убит?

— Да, смотрел список потерь в вашем штабе... Спасибо за добрые слова о сыне. Он не был преступником. Дурацкий случай...

— Помнится, он говорил о каком-то фотоаппарате.

— Лучше не напоминайте... Это трофей. Я послал его домой для Жени. Из дому аппарат переслали в училище. Там эту штуку приказали сдать — рядовому не положено иметь при себе такие вещи. А он заупрямился: «Не сдам, это подарок отца». И вот не успел я оправиться после гибели Виталия, как получаю письмо из дому: Евгений в штрафной, воинская часть такая-то. Я выяснил, где это, и вылетел самолетом в штаб вашей армии. Сегодня утром добрался до вас, узнал, что рота в бою, и попросил список потерь. В нем нашел и имя Евгения...

— Чем могу вам помочь?

— Да чем же теперь... Впрочем, если можно... Я хотел бы взять на память что-нибудь из Жениных вещей...

— Конечно, конечно!

Я подозвал своего адъютанта и сделал нужные распоряжения. Мы простились с Мельниковым.

Бой продолжался. На участке, занимаемом батальоном Колтунова, фашисты наносили главный удар, их рота пехоты с танками прорвалась к протоке и с трех сторон окружила мост, который из последних сил удерживала небольшая горстка бойцов. Я приказал Максимову дать по прорвавшемуся противнику залп дивизионом гвардейских минометов. Огненные стрелы «катюш» вонзились в берег около моста через протоку. Гитлеровцы залегли. Потом группами стали отходить назад.

Неприятель старался не остаться в долгу и ударил артиллерией по наблюдательному пункту Колтунова. Блиндаж, в котором размещался его НП, загорелся. Вспыхнул стоявший у входа ящик с сигнальными ракетами. От последовавшего затем фейерверка в блиндаже начался пожар. Колтунов вытащил оттуда оглушенного и растерявшегося батальонного фельдшера. Лицо и грудь

у комбата были в страшных ожогах, но он продолжал командовать.

Тяжело было и на участке, удерживаемом батальоном Брылькова. Немецкие танки местами приближались к нашим позициям метров на пятьдесят и, настигнутые бронебойными снарядами, замирали на месте. На НП у Брылькова несколько раз появлялся Павел Денисович Алексеев — заместитель Балынина, принявший командование полком. Он помогал комбату в организации обороны захваченных у противника позиций.

Бой длился до самого вечера. Противник предпринял до десяти атак. Но все они захлебнулись. Примирившись с потерей высоты, гитлеровцы начали отходить.

Уже при свете фонаря мы принялись подводить итоги двухдневного боя. Противник понес ощутимые потери. До двух тысяч солдат и около пятидесяти танков остались на поле боя. Количество пленных приближалось к четырем сотням. И у нас полегло немало народу. Особенно велик был урон в штрафных ротах — из их состава мало кто уцелел. И все же общее число убитых и раненых у нас было раза в два-три меньше.

Дивизия овладела важными позициями. Теперь она «видела» дальше на 10—15 километров, могла более выгодно расположить артиллерию и особенно орудия прямой наводки, получила прекрасные исходные рубежи для наступления армии, которое вот-вот должно было начаться.

ДЛИННАЯ НЕДЕЛЯ

РАЗВЕДКА БОЕМ

Взятие Заозерной и небольшого плацдарма к западу от нее явилось событием в какой-то мере знаменательным. Высота с ее обжитыми, хорошо оборудованными укреплениями входила в состав весьма сильного, глубоко эшелонированного оборонительного рубежа, носившего условное название «Пантера». Пантера, как известно, зверь агрессивный и коварный, любит нападать исподтишка. Не отражало ли это шифрованное наименование истинных намерений, не покидавших гитлеровцев, — задержать наше продвижение и, накопив силы, перейти в контрнаступление?

И Еременко, и Юшкевич высоко оценили успех 150-й дивизии. В наш адрес было высказано немало добрых слов.

Вскоре командиру корпуса Семену Никифоровичу Переверткину присвоили генеральское звание. А нашего начальника политотдела Николая Ефимовича Воронина назначили на новую, более высокую должность.

Вместо него к нам прибыл подполковник Михаил Васильевич Артюхов — политработник из разведотдела армии. И хоть первое впечатление он произвел вполне благоприятное, мне все казалось, что второго такого начальника политотдела, как Воронин, не найти. За короткое время я успел очень привязаться к нему.

В дивизию прислали наконец и начальника штаба — полковника Николая Константиновича Дьячкова. Был он не стар — ему не исполнилось и сорок. Однако самостоятельная жизнь его началась давно. Еще мальчишкой зарабатывал он себе на хлеб, подвизаясь в каком-то те-

атре. Юношей связал свою судьбу с армией. Перед войной окончил академию. Невозмутимый, доброжелательный, никогда не теряющий самообладания, Николай Константинович быстро завоевал расположение офицеров штаба.

После гибели Балынина в должности командира 469-го стрелкового полка был утвержден подполковник Павел Денисович Алексеев. В прошлом он, как и Зинченко, находился на политработе. Обязанности отправленного в госпиталь Пинчука выполнял пока что его заместитель — майор Борис Иванович Елизаров.

Восполнили мы и потери в бойцах. Подразделения Григория Решетняка и Николая Королева были доукомплектованы. Кроме того, дивизия получила еще две штрафные роты.

Мы готовились к выполнению новых задач.

Рубеж «Пантера», протянувшийся в меридиональном направлении, преграждал советским войскам путь в Латвию, до границы которой оставалось совсем недалеко.

Непосредственно нам противостоял один из сильных узлов, обороняемый войсками идрицкой группировки. В ее состав входили 32-я и 23-я пехотные дивизии немцев и 15-я латышская дивизия СС. Идрица, считавшаяся по административному делению тех лет городом, лежала среди болот и лесов километрах в пятидесяти юго-западнее полосы действий нашей дивизии.

После взятия Заозерной я много думал о том, как нам удалось расколоть этот крепкий орешек. И пришел к выводу: готовясь к захвату высоты, мы хорошо разведали силы противника. Поэтому, как ни велико было его сопротивление, оно нас не обескуражило.

Теперь надо было не ошибиться в оценке идрицкой группировки. «Прощупать бы ее», — мелькала у меня мысль.

В том, что наш фронт находится накануне большого наступления, ни у кого не оставалось сомнений. Не было известно лишь направление главного удара и время. Поэтому всякие подробности о силах врага могли очень и очень пригодиться. И лучшим способом такого уточнения я считал разведку боем.

Разведка боем вызывала к себе двоякое отношение. Некоторые считали, что все ее положительные стороны сведутся на нет неизбежным самообнаружением: неприя-

тель узнает о нас не меньше, чем мы о нем. Я же полагал, что никаким другим способом невозможно получить полного и истинного представления о противнике. И не только о системе его обороны, вооружении и технике, но и о бдительности, готовности к сопротивлению — о том, чего не узнаешь наблюдением и даже от пленных.

А то, что гитлеровцы получат некоторое представление о наших силах, — беда не велика. Они и так знают о нас немало. К тому же, находясь в положении активной, диктующей характер боя стороны, мы можем показать себя противнику именно так, как нам хочется.

Одним словом, я решил готовить разведку боем. Дьячков с Офштейном разработали план действий. Я доложил его Переверткину. Тот согласился с ним. Командующий армией утвердил также план и предложенный срок — 10 июля. Началась подготовка.

Штаб нашей дивизии размещался теперь в селе Долгое, вернее, в бывшем селе. Ни одной избы здесь не уцелело, и только почерневшие русские печи вздымали в небо одинокие трубы. Как и раньше, мы вели усиленную тренировку на местности, напоминающей ту, на которой нам предстояло действовать. Занимались поротно и побатальонно. Провели учение с боевой стрельбой. И вот наконец настал день 10 июля.

С утра оперативная группа штаба дивизии расположилась на наблюдательном пункте, оборудованном на склоне Заозерной, в блиндажах, доставшихся нам от немцев. Ровно в одиннадцать земля вздрогнула от залпа — по противнику ударили все огневые средства дивизии. Десять минут длился артиллерийский налет. Едва он смолк — в небо взвились красные ракеты. Две штрафные роты пошли в атаку.

Противник открыл заградительный огонь из орудий. Но бойцы успели проскочить поражаемый участок и уже ворвались в первую траншею. Там разгорелась ожесточенная схватка. Я не отрывался от стереотрубы, поэтому до меня не сразу дошел смысл слов штабной телефонистки:

— Товарищ командир, товарищ командир, вас командующий армией вызывает!

Из трубки донесся бас Юшкевича:

— Шатилов, сейчас же забирай командиров полков и выезжай в штаб армии. Командующий фронтом будет

лично проводить занятия с командирами дивизий и полков на местности. Так что не задерживайся.

— Товарищ командарм, вы же сами утверждали план, — забеспокоился я. — Тут какое-то недоразумение. У нас уже идет бой за первую траншею!

— Есть приказ командующего фронтом, и будь добр, Шатилов, выполняй его!

— Но командующий, наверное, не знает. Вы доложите ему, товарищ командарм, что мы ведем бой.

— Ну вот что, Шатилов, ничего и никому я докладывать не буду. Если хочешь, делай это сам. А я приказа командующего отменять не могу. Не выполнишь — пеняй на себя...

Мне стало обидно за Василия Александровича. Ведь я знал, что Юшкевич мог без колебаний пойти под пули. А вот перед старшим начальником немел и робел. В сердцах положил я трубку. И тут же не без стыда признался себе, что и сам не стану разыскивать по телефону командующего фронтом... Приказал вызвать на НП командиров полков. Пока Офштейн связывался с ними, пока они прибыли сюда, прошло минут двадцать. Все это время я наблюдал, как орудия прямой наводки уничтожают огневые точки противника, а когда собрались командиры полков, передал управление боем Дьячкову:

— Оставайтесь за меня. Позаботьтесь о взаимодействии между подразделениями. Действуйте по обстановке. Если обозначится успех, вводите свежие силы...

Мы пошли к штабу, разместились в стоявших там двух «виллисах» и направились к месту, где Еременко проводил занятие с офицерами. Я с Курбатовым ехал впереди. Шофер Лопарев, тридцатилетний красноармеец с солидным водительским стажем, гнал машину по проселкам с огромной скоростью. Трясло нас нещадно. Но я не обращал на это внимания — все мои мысли были там, где сейчас вели бой наши подразделения.

Когда мы прибыли, занятие уже началось. Еременко стоял внутри плотного кольца генералов и офицеров и что-то объяснял им. Осторожно протиснувшись к нему, я доложил:

— Товарищ командующий, командир сто пятидесятой дивизии полковник Шатилов прибыл на занятие с опозданием!

— Эт-то еще что за штучки? — возмутился Еремен-

ко. — Ты что, Шатилов, забыл, шо таке война? — И он разразился в мой адрес серией нелестных эпитетов.

Я стоял сам не свой. Очень хотелось, чтобы Юшкевич вступился и объяснил, в чем дело. Но он промолчал. Тогда и я решил не оправдываться.

Дав выход своему гневу, Еременко поостыл и продолжал начатое объяснение:

— Вот гляньте сюда. Если вы должны работать с авиацией, а передний край ваш проходит, как тут вот, через лес, то обозначать его надо таким манером...— Подняв руку с ракетницей, он выстрелил. Зеленый шарик взвился в небо и, описав крутую дугу, погас. — Разумеете? А то наши соколы вам же и пропишут по первое число...

В это время откуда-то появился незнакомый мне полковник и подошел к Еременко:

— Товарищ командующий, разрешите доложить!

— Ну, в чем там дело?

— Товарищ командующий, сто пятидесятая дивизия прорвала оборону немцев, заняла первую и вторую траншеи, захватила пленных и ведет бой за овладение первой позицией.

Еременко быстро обернулся ко мне:

— Что же ты, Шатилов, сразу не сказал? Немедленно забирай своих командиров и отправляйся на энпе, боем управлять.

— Есть! — Отыскав взглядом Алексеева, Зинченко и Елизарова, я сказал им: — К машинам!

Назад Лопарев гнал еще быстрее. Чувство обиды улетучилось — ведь здравый смысл в конце концов восторжествовал.

На НП мы не пришли, а прибежали. К этому моменту первый эшелон 469-го и 674-го полков, продвигавшийся на Каменку, встретил сильное сопротивление и остановился. Противник занимал выгодный рубеж. Требовалось решить, как быть дальше. Можно было свернуть бой — ведь мы разведали, что хотели: система огня неприятеля вскрыта, его инженерные сооружения и заграждения также теперь известны, промежутки между подразделениями установлены. Мы планировали захватить хотя бы одного «языка», а пленили около пятидесяти человек. Однако интуиция подсказывала мне, что бой надо продолжать. Вспомнились разговоры о готовящемся наступлении

фронта, повышенный интерес командования к нашей разведке боем. В памяти возникло лицо Еременко: как он весь встрепенулся, когда услышал, что дивизия успешно прорывает оборону гитлеровцев. Все это, вместе взятое, и родило решение. А решив продолжать бой, я постарался сделать все возможное, чтобы удар наш не захлебнулся. Для этого надо было ввести второй эшелон дивизии, состоявший из 756-го полка и батальонов 469-го и 674-го полков.

Вызвав полковых командиров, я поставил перед ними задачу и сказал:

— Учтите, успех нашего прорыва поставит в выгодное положение весь семьдесят девятый корпус. От вас и ваших бойцов требуется напористость и стремление вперед. У опорных пунктов не задерживайтесь, обходите их и проникайте в разрывы боевых порядков.

Командиры передали по телефону приказания выводить батальоны на исходный рубеж и поспешили на полковые наблюдательные пункты.

«А все же достаточно ли этих сил, чтобы удар не оказался отбитым?» — грызла меня тревожная мысль, и я со все большей решимостью поглядывал на подполковника Гордеева, зашедшего в мой блиндаж.

Василий Иванович Гордеев командовал 991-м полком самоходной артиллерии. Эта часть фронтового подчинения вот уже больше недели располагалась в полосе нашей дивизии. И я и Гордеев знали, что нам предстоят совместные действия. Об этом мы не раз говорили. И вот такой момент, кажется, настал.

Чтобы использовать этот полк, надо было запрашивать разрешение фронта. Но пока его добьешься, уйдет время. Эх, была не была... Я решился!

— Товарищ Гордеев, вводите в бой своих молодцов.

— Товарищ полковник, а как же приказ фронтового командования? — осторожно спросил он.

— Вы же видите, что творится. Пока я свяжусь с фронтом да все согласую, тут такое может произойти... Так что давайте уж под мою ответственность!

К счастью, Гордеев был настоящим боевым офицером и не страдал приверженностью к формализму.

— Хорошо, — согласился он. — Только вы, товарищ полковник, пожалуйста, доложите фронту при первой же возможности.

— Об этом не беспокойтесь, — заверил я его. — В любом случае за последствия отвечаю я.

Не прошло и часа, как второй эшелон дивизии вышел на рубеж развертывания для атаки. Заговорила наша артиллерия. Она била по третьей траншее врага. Артналет продолжался десять минут, но ущерб неприятелю он причинил немалый. Поэтому, когда в атаку двинулись батальоны 469-го и 674-го полков, полк Зинченко и самоходки Гордеева, они встретили меньшее сопротивление, чем можно было ожидать. Темп наступления нарастал. С нашего НП уже стало трудно наблюдать за боем. Я приказал разведроте и связистам оборудовать новый наблюдательный пункт, ближе к наступающим частям. И вскоре мне доложили, что НП подготовлен в районе деревни Печурки, связь есть, можно туда переходить.

Я начал собираться и не сразу заметил, как в блиндаж вошел незнакомый генерал. «Наверное, из штаба фронта», — мелькнула мысль. Судя по тому, с чего он начал, я не ошибся.

— Товарищ полковник, — строго спросил он, — почему вы ввели в бой девятьсот девяносто первый полк без разрешения штаба фронта?

Я продолжал молча собираться. Да и что было ответить? Формально, конечно, я был неправ. Но не мог же генерал не понимать мотивов моего решения.

Между тем недовольный моим молчанием, генерал сказал еще строже:

— Доложите лично командующему фронтом!

— Я прошу, товарищ генерал, вас доложить об этом. А мне надо переходить на новый энпе. Я бы с удовольствием доложил сам, но бой не кончился и им надо управлять.

Подхватив полевую сумку, я пошел к выходу из блиндажа. Конечно, я поступил бестактно. Но неужели для представителя фронта чисто формальная сторона была важнее существа дела?

До Печурок пришлось добираться на своих двоих, где шагом, где бегом, — благо недалеко, всего пять километров. Наблюдательный пункт здесь саперы оборудовали в оставленных противником блиндажах. Начальник связи дивизии майор Дмитрий Павлович Лазаренко доложил:

— С частями связь поддерживается по радио и по телефону. А с «верхом» — пока только по радио. Телефонную жду с минуты на минуту...

Место для НП было выбрано хорошее. Только закатное солнце било в глаза. Голубая вечерняя дымка смешивалась с черным дымом и пылью от разрывов снарядов. Различить, где наши боевые порядки, а где неприятельские, с каждой минутой становилось все труднее. Я слышал, как Максимов, стоявший неподалеку от меня, чертыхался и что-то бурчал себе под нос. Бедняга! Ему-то, артиллеристу, ошибки в наблюдении грозили особенно крупными неприятностями.

На западе, километрах в двух впереди от нас, дымились черные остатки села Забеги. Наши уже вели бой за селом. А Каменка, в направлении которой мы начали сегодня наступать, осталась сзади и несколько южнее дивизионного НП. Войска обошли ее, но еще не взяли. Действовавший там 674-й стрелковый полк натолкнулся на ожесточенное сопротивление. Особенно туго пришлось ему от пулеметного огня. Становилось ясно, что до утра Каменку не взять. Что ж, приходилось с этим мириться. Я приказал перенести свой НП в Забеги, чтобы с утра управлять успешно развивавшимся наступлением к западу от этого села. Одновременно распорядился, чтобы командиры покормили людей горячим — поротно, не снижая темпов наступления. Пришел майор Коротенко и, доложив обстановку, сообщил план ночных действий разведывательной группы.

В это время зазуммерил телефонный аппарат, и связистка Фаина передала мне трубку. Я услышал голос командующего фронтом:

— Шатилов, тут вот говорят, что твоя дивизия ведет бой за Печурки. Так ли это?

— Никак нет, товарищ командующий. В этом селе мой наблюдательный пункт. А полки заняли Тарасово и Богомолово и наступают на Волочагино. Я с оперативной группой перехожу в Забеги.

— Ого! Вот это добре. Смотри, будь осторожен, не лезь ночью слишком вперед.

Командующий был явно в хорошем расположении духа, и я решил использовать этот момент:

— Разрешите доложить об одной неувязке!

— Ну что там, докладывай!

— Я своим приказом ввел в бой девятьсот девяносто первый самоходный полк вашего подчинения...

— Правильно сделал! — раздалось в ответ. — Я сейчас сажаю на машины двести седьмую дивизию — будет у вас через два часа. И сто семьдесят первая выступает пешим порядком. Понимаешь, как кстати твой прорыв? Я в него буду вводить всю третью армию, а завтра перейдет в общее наступление весь фронт! Твое направление — на Идрицу. Желаю успеха!

ИДРИЦКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В оперативных документах оно существовало всего двое суток. Но все-таки оно было — идрицкое направление! После разговора с Еременко, направляясь ночью по щедрой росе в Забеги, я ведать не ведал, на какой срок войдет в мою жизнь это направление. Главное — началось наступление, и нам в нем принадлежало не последнее место. Сто пятидесятая шла впереди!

За околицей Забегов, на поросшей лесом возвышенности мы расположились в отрытых гитлеровцами блиндажах. Один из них был наскоро приспособлен под наблюдательный пункт нашей оперативной группы. Противник отсюда ушел совсем недавно — в железной печурке еще тлели угли.

Я сразу же сел за телефон. Доклады командиров полков были похожи один на другой. Повсюду наши натыкались на сильный огонь. Наступать таким же темпом, как и днем, оказалось невозможно. К тому же люди здорово устали, требовалась хотя бы небольшая передышка. Но, с другой стороны, прекратить всякие действия — значило дать фашистам закрепиться на новых рубежах. И утром они окажут еще более решительное сопротивление.

Пришлось от каждого полка выделить по стрелковому батальону со средствами усиления для действий ночью, а по два батальона вывести из боя, чтобы люди до утра привели себя в порядок и отдохнули.

Самому мне поспать так и не удалось. Во-первых, интересные трофеи принес Коротенко. У убитого немецкого полковника разведчики нашли боевой приказ и план действий 23-й пехотной дивизии. Эти документы стоили

того, чтобы над ними посидеть и мне, и особенно Дьячкову с Офштейном. Во-вторых, на НП были доставлены пленные.

Самой крупной птицей из них был штабной офицер в чине полковника. При нем оказалась карта, где обозначалось расположение всей идрицкой группировки. Полковник был растерян.

— Мы не ожидали вашего наступления, — говорил он, — и тем более столь стремительного. У нас полная дезорганизация. Управление нарушено. Где свои, где чужие — трудно понять. Иначе бы я не очутился в вашем обществе. Часть солдат верна фюреру и законам дисциплины, они-то и оказывают вам отчаянное сопротивление. Другие ведут себя как предатели и трусы — покидают позиции без приказа. — Помолчав, он добавил: — У многих уже не выдерживают нервы.

От других пленных, в целом подтвердивших слова полковника, я узнал, что кое-где немцы отошли чуть ли не в панике, даже артиллерию оставили на огневых позициях. Всего в плен за минувший день было взято 114 человек. В числе боевых трофеев — около 40 пулеметов и 12 орудий. Только убитыми враг потерял до 300 солдат и офицеров.

Части дивизии продвинулись километров на двенадцать. В тылу у нас осталась Каменка, занятая врагом, и немало мелких неприятельских подразделений. О том, как подавить сопротивление гитлеровцев, я уже не беспокоился. Ночью на наш правый фланг — не через два часа, как предполагал Еременко, а так часа через три-четыре — вышла 207-я стрелковая дивизия. К утру подтянулась и 171-я. Одним словом, на идрицкое направление вышел весь 79-й стрелковый корпус.

Рассветало, когда ко мне подошел Анатолий Курбатов.

— Товарищ командир, на нашей высотке в соседней траншее пулеметная рота немцев.

— Не может быть, — удивился я. — Так рядом с нами и ночевали?

— Да. Темно, боевые порядки перепутались, их и не заметили.

Соседство было не из приятных.

— Тарасенко, — позвал я командира разведроты, — поднимай своих людей и немедленно очисти высоту от фашистов.

Через несколько минут рота с трех сторон атаковала вражеские позиции, находившиеся в каких-нибудь ста метрах от нашего НП. Но не тут-то было! Из траншей хлынул ливень свинца. Бойцы залегли. Тарасенко попытался было их снова поднять, но пулеметные очереди прижали наших солдат к земле.

Дело принимало нешуточный оборот. Я приказал отвести роту и открыть по гитлеровцам сосредоточенный артогонь, затем направить на них два танка.

Когда заработала артиллерия и показались тридцатьчетверки, неприятельские солдаты бросились к ближайшему лесу. Вдогонку за ними пустились разведчики Николая Тарасенко. Уйти удалось немногим: на земле осталось много убитых и раненых, а 18 человек было взято в плен.

Утро показало, что в Забегах делать мне больше нечего. Бой, расчленившись на отдельные очаги, еще гремел вокруг. Но основные события разворачивались впереди, уже километрах в десяти от нас. Поэтому я распорядился, чтобы в Забеги срочно переводили штаб дивизии, а наблюдательный пункт для оперативной группы подготовили на одном из холмов, непосредственно за наступающими частями.

Расстояние до нового места было около восьми километров, поэтому мы собрались в путь на машинах. В одну сели мы с Курбатовым, а еще в двух разместились оперативная группа и взвод разведки. Едва автомобиль тронулся, я начал дремать — сказывалась бессонная ночь накануне. Только проскочили село, как Лопарев вдруг резко затормозил. Я поднял голову и удивился: у дороги перед мостом через ручей стоял немецкий офицер и заискивающе улыбался. Руки он приподнял вверх и всем своим видом показывал, что не желает сделать нам ничего плохого. «Наверное, контуженный»,— подумал я. Но, взглянув чуть в сторону, почувствовал на лбу холодную испарину: около придорожных кустов примостился неприятельский пулемет, уставившись на нас в упор черным зрачком дула. Расчет лежал на месте, готовый к открытию огня. «Конец», — мелькнула мысль. В эти мгновения я с непостижимой четкостью, как в застывшем кадре кинофильма, увидел и обгоревшие дома на краю села, и выглядывавших из-за них солдат в зелено-серой одежде.

В это время сзади раздался резкий визг тормозов и из следовавшей за нами машины на землю посыпались разведчики. Неприятельские пулеметчики поднялись на ноги и задрали руки вверх. Из-за домов стали выходить новые группы гитлеровцев. Они сдавались без сопротивления, без стрельбы. Разведчики под конвоем отправили их в тыл.

Я спросил офицера по-немецки:

— Что, не успели удрать?

— Конечно, — ответил он.

— Сколько вас здесь?

— Одна пулеметная рота, — и он махнул рукой на запад. — Ваши танки и пехота прошли далеко. Мы вынуждены сдаваться. Вы нас окружили и отрезали пути отхода. Нам некуда деться. — И уже иным тоном, с плохо наигранной бравадой, спросил: — Нас, конечно, расстреляют?

— Нет, — успокоил я его. — Мы пленных не расстреливаем, а отправляем в тыл. Будете там работать, восстанавливать то, что разрушили и сожгли.

— Слава богу, — вновь заулыбался он, — для нас этот кошмар кончился. А вам, господин полковник, желаю удачи...

Как не похожи были эти пленные на тех, что брали мы под Киевом летом сорок первого! Те были наглые, смотрели на нас свысока — так, будто не они, а мы у них в плену.

На новом наблюдательном пункте мы пробыли недолго. Несмотря на то что противник оказывал упорное сопротивление, наше наступление велось в довольно высоком темпе. И за день мы раза два, а то и три меняли НП.

Части дивизии вошли в Каменку, заняли ряд сел. Окруженные, потерявшие связь между собой, небольшие группы гитлеровцев некоторое время держались. Потом сознание безнадежности дальнейшей борьбы брало верх над привычкой к дисциплине, и солдаты разбегались или сдавались в плен.

С ходу мы форсировали речку Алоля около деревни с таким же названием. Мосты были взорваны, и переправляться пришлось вброд. Из ближайших лесов и оврагов вышли крестьяне. Они стали помогать наводить мост, приводить в порядок дорогу, вытаскивать застрявшие орудия, подводы.

От их рассказов о пережитом в годы хозяйничанья фашистов бойцы лютели и с удвоенной силой дрались с врагом.

Идрица была от нас в каких-нибудь двадцати километрах. 79-й корпус обходил ее с севера, минуя наиболее сильные вражеские заслоны. Это был важный узел неприятельской обороны. Через город проходила железная дорога и несколько шоссейных. Неподалеку находились два постоянных аэродрома. Идрицу опоясывали противотанковый ров и сеть траншей с площадками для огневых точек. Отдельные участки дорог прикрывались дотами и дзотами. Все эти укрепления создавались не один месяц. Мы имели о них довольно полное представление, почерпнутое из захваченных документов и из показаний пленных. Это облегчало нам выбор направления для удара.

...Красное солнце, обещая хорошую погоду, сползало за горизонт. Его лучи, словно нехотя, пробивались сквозь дым и пыль, поднятые взрывами и пожарами, танковыми гусеницами и выхлопами моторов. Рокот и гул неслись над землей. Начинались вторые сутки наступления на идрицком направлении.

Утро следующего дня выдалось ясное, почти безветренное. Наше продвижение, замедлившееся ночью, снова набирало свой дневной темп. Передовой отряд, состоявший из танков и самоходок с десантниками на броне, рвался к Великой, чтобы захватить на ней броды и отрезать пути отхода 23-й пехотной дивизии противника. Да, Великая, которую мы форсировали в бою за Заозерную, описав хитрую петлю, снова вставала на нашем пути. И мы поспевали к ней раньше, чем основные силы немецкой дивизии. Это ли не было успехом!

Танки мчались по густой и высокой траве. В наш «виллис», идущий вслед за ними, врывался и крепкий аромат луговых цветов, и едкий запах выхлопных газов. Машину я остановил близ берега и поднялся на пологий холм. Отсюда лучше просматривалось русло реки, да и вообще легче было ориентироваться. Но понять, к какому именно месту относятся буквы «бр», обозначавшие на карте брод, было нелегко.

Ширина Великой в этом месте достигала двухсот метров. Глубина ее, если верить карте, колебалась от полутора до трех метров.

Я спустился к подножию холма. Ко мне подошли командир батальона, возглавлявший передовой отряд, и командиры танковых рот.

— Надо как можно быстрее отыскать брод, — сказал я им, — захватить плацдарм на том берегу и не дать противнику возможности отойти туда. А за вами переправится весь шестьсот семьдесят четвертый полк.

Не успели офицеры разойтись, как наше внимание привлек хохот, вспыхнувший в группе бойцов, расположившихся неподалеку. Мы обернулись в ту сторону, куда смотрели бойцы. Там, метрах в двухстах к югу от нас, вброд через реку шли две женщины, высоко подняв подолы своих ситцевых платьев. Они что-то кричали.

— Прекратите гоготать! — прикрикнул я на солдат. До нас донеслись слова:

— Брод только здесь!

Выйдя на берег, молодухи юркнули в кусты и, приведя там в порядок свою одежду, вышли навстречу бойцам. Я сунул карту в планшетку и поспешил к женщинам.

— Вот туточки и туточки, — объясняли они, — люди могут иттить, а тута вот — машины ваши, танки. А вон там, — одна из женщин махнула рукой на север, — коло Желудов, немец через речку прет. Там его видимо-невидимо. Раздеется, бесстыжий, и вплавь...

Все эти сведения были для нас очень полезны. Но молодухи не ограничились тем, что обрисовали нам обстановку. Обе они вызвались провести танки вброд. Первая машина медленно сползла в воду и потихоньку, будто ручной зверь на привязи, двинулась за женскими фигурками. Механик-водитель, боясь засесть, вел танк с большой осторожностью. Брод был глубокий. Но вот машина выбралась на противоположный берег. Командир передового отряда тряс женщинам руки, а они что-то объясняли ему, показывая на север.

Переправившись через реку, танки и самоходки начали разворачиваться в сторону деревни Желуды.

К броду подошла пехота. И хотя вода доходила бойцам до груди, они двигались довольно быстро.

Подкатила артиллерия на механической тяге. Орудия пришлось перетаскивать с помощью лебедки. Тем временем передовой отряд подступил к Желудам.

Возле этой деревушки действительно переправлялись охваченные паникой неприятельские солдаты. Побросав

на восточном берегу оружие, сняв обмундирование, они вплавь спасались от наступавших им на пятки наших танков и пехоты. Полной неожиданностью для них оказались выкрики «Хенде хох!», раздавшиеся с трех сторон. Прибывшие десантом на танках автоматчики под командой старшего лейтенанта Симонова окружили гитлеровцев.

Место было лесистое, и фашисты попытались воспользоваться этим. Они бросились врассыпную. Но загремели очереди автоматов, несколько человек упали на землю. Остальные не стали испытывать судьбу и сдались.

Когда я подъехал к месту стычки, полуголое, а частично и вовсе голое фашистское воинство было уже выстроено. Картина была и смешной и жалкой. За три года войны я впервые видел массовое бегство немецких солдат с поля боя в слепом страхе. В поведении рядовых германской армии все отчетливее проявлялась тенденция — зря не рисковать собой.

Один из немецких офицеров, увидев, что я здесь старший, попросил разрешения обратиться.

— Герр оберст, — сказал он. — Я вижу, что нас собираются куда-то вести. Я прошу одеть всех, а если нет такой возможности — пусть лучше расстреляют в лесу. Хоть мы и пленные, но идти в таком виде по людным местам — это хуже смерти.

— Мы пленных не расстреливаем, — ответил я ему.— Это не в правилах Красной Армии. А одеть вас не во что, неужели вы этого не понимаете. О мужском и воинском достоинстве надо было думать на том берегу. Вы там делали свой выбор. А теперь становитесь в строй.

Пленных повели в том виде, в каком они были. Пока голое подразделение шло лесом, все было в порядке. Но как только оно вступило в деревню Клишино, случилось то, чего мы не предусмотрели. С гиканьем и улюлюканьем выбегали жители со своих дворов и кидали в пленных всем, что попадалось под руку. Конвойные пытались увещевать крестьян, но безрезультатно. Единственно, что мог сделать старший конвоя — это скомандовать «Шире шаг!». И немцы поняли эту команду. Чуть ли не бегом вылетели они из Клишино.

Время перевалило за полдень, когда мне доложили, что противник, напуганный нашим обходным маневром,

который мог завершиться окружением, поспешно оставил Идрицу. В этот момент я находился километрах в семи к северу от города. Мне захотелось взглянуть на освобожденную Идрицу. Я сел в машину и минут через пятнадцать въехал в деревянный одноэтажный городок, заросший садами и очень напоминавший крупное средне-русское село.

Бои обошли Идрицу стороной, поэтому нам почти не попадались на глаза следы разрушений. В западной части города, на берегу вклинившегося в него озера Идрия, я увидел толпу плачущих женщин. Оказалось, отступая, фашисты успели кое-что заминировать, и несколько человек подорвались на минах.

Осмотр Идрицы занял немного времени, и я поспешил в оперативную группу штаба дивизии. Наступление продолжалось...

В этот день — 12 июля — Советское информбюро сообщало: «Войска 2-го Прибалтийского фронта, перейдя в наступление из района северо-западнее Новосокольников, прорвали оборону немцев и за два дня продвинулись вперед до 35 километров, расширив прорыв до 150 километров по фронту. В ходе наступления войска фронта овладели городом и крупным железнодорожным узлом Идрица и освободили свыше 1000 населенных пунктов...»

Так перестало существовать идрицкое направление. Но для нас имя этого города запомнилось на всю жизнь. И не просто как обозначение одного из заурядных населенных пунктов на неоглядном пространстве Средней России. Приказом Верховного Главнокомандующего № 207 от 23 июля 1944 года нашей дивизии было присвоено наименование Идрицкой.

Уже после войны я как следует познакомился с тихой, задумчивой Идрицей. Этот городок стал для меня как бы второй родиной.

ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

Итак, идрицкая группировка противника перестала существовать. Но это не означало, что для нас наступила передышка. 3-я ударная и 10-я гвардейская армии наносили удар в общем направлении на город Резекне. Эти две армии составляли правое крыло 2-го Прибалтийского фронта. А левое его крыло, представленное 22-й и

4-й ударной армиями, наступало вдоль Западной Двины на Даугавпилс.

Позже я узнал, что Резекне и Даугавпилс рассматривались Ставкой как трамплин для броска на Ригу. А освобождение латвийской столицы являлось частью стратегической операции 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов, целью которой было перерезать коммуникации, связывающие прибалтийскую группировку противника с Германией.

Начиналась битва за Прибалтику.

Но тогда мне многое не было ясно. Не зная замыслов высшего командования, я не мог связать воедино взаимообусловленные события, казавшиеся разрозненными явлениями. К тому же у командира дивизии в период наступательных боев попросту нет времени отягощать себя стратегическими раздумьями. Сообразно той информации, что приходилось получать, я мыслил масштабами боевых действий корпуса, армейской операции и лишь в какой-то мере — операции фронтовой.

После освобождения Идрицы для нас сразу же определилась новая цель наступления — Себеж. До него оставалось километров тридцать. Но это были нелегкие километры!

Правда, за сутки мы преодолели почти полпути, преследуя отступающих гитлеровцев по дорогам среди лесов и болот. Но 13 июля нам пришлось задержаться. Впереди простиралась гряда холмов, представлявшая собой очень выгодный естественный рубеж, где немцы могли подготовить крепкую оборону. Собственно, они и готовили ее, стягивая сюда уцелевшие резервы битой нами 23-й пехотной дивизии. Об этом наша разведка имела достаточно сведений.

Штурмовать эту линию обороны с ходу было бы по меньшей мере неосмотрительно. И наш 79-й стрелковый корпус, находившийся на правом фланге 3-й ударной армии, остановился. 150-я дивизия была правофланговой в корпусе. А 207-я стрелковая дивизия оказалась нашим соседом слева. Корпус сосредоточивал силы для такого удара, чтобы не только прорвать оборону врага, но и, наступая без остановки, ворваться в Себеж. Началась подготовка к штурму оборонительного рубежа.

Перво-наперво я произвел на своем участке рекогносцировку. В ней участвовали командиры полков и офице-

ры штаба. Знакомство с местностью, а также с тем, что удалось пронаблюдать в стане врага, подтверждало вероятность сильного сопротивления. Что ж, это был последний шанс гитлеровцев не допустить нас в Себеж и к лежащей за ним латвийской границе.

Дальнейшие действия дивизии я представлял себе так. Утром 15 июля начнется прорыв вражеской обороны. Главный удар нанесет первый эшелон в составе 756-го и 469-го полков. Затем в прорыв будет введен сильный передовой отряд, который будет всемерно облегчен: при нем останутся лишь оружие и боеприпасы, а шинели, сумки и другое снаряжение поместятся на батальонных повозках. Разведывательная рота сядет в машины и после прорыва устремится по дороге прямо в Себеж.

В штабе под руководством Дьячкова сразу же началась работа по планированию боевых действий. Деловитость была характерной чертой Николая Константиновича. Он не старался показать себя излишне строгим и придирчивым к подчиненным, — наоборот, ему нравилось, когда люди работали спокойно, без робости и трепета перед начальством.

В плане подробно излагалась последовательность занятия 756-м и 469-м полками исходного положения для атаки. С целью маскировки их выход намечался на ночное время. В каждом полку создавалось по штурмовому батальону из числа наиболее отважных и дисциплинированных бойцов.

Тем временем в ротах и батареях политработники проводили беседы. Они рассказывали солдатам об итогах минувших боев, о тех, кто в них отличился, о задачах, которые предстоит решить. Замполиты, пропагандисты и агитаторы призывали бойцов действовать смело и решительно, больше проявлять инициативы и воинской сметки. Этому же посвящался и очередной номер газеты «Воин Родины», который срочно готовил редактор капитан Николай Богданик.

Кипела работа и в тылах дивизии: подвозили боеприпасы, продовольствие, эвакуировали подбитую технику, снабжали всем необходимым полки.

Днем 14 июля Дьячков и все штабные офицеры отправились в части, чтобы проверить готовность их к наступлению и, если нужно, на месте оказать помощь. Все было в порядке, люди ждали сигнала.

Ночью я лишь пару часов прикорнул у себя на командном пункте, а на рассвете уже был на ногах. 15 июля ровно в 4 часа над лесом взмыла серия красных ракет. Ударили гвардейские минометы, и огненные трассы «катюш», прочертив по небу дуги, уперлись в возвышающиеся перед нами холмы. В воздух поднялись фонтаны дыма и земли.

Из лесу выползли танки и появились цепи бойцов. Передовые батальоны наступающих полков продвигались вперед уверенно и быстро. Сопротивление оказалось слабее, чем мы ожидали. Вскоре фигуры бойцов замелькали на высотах, занятых врагом. Потом поступило донесение, что уничтожено до двух батальонов противника и захвачено много пленных. Остатки подразделений 23-й дивизии поспешно отходили по лесным дорогам к Дубровке и дальше на Себеж. Гитлеровцы бежали с заранее подготовленных позиций и, видимо, не собирались останавливаться до самой латвийской границы.

Командир корпуса Семен Никифорович Переверткин связался со мной и с командирами 171-й и 207-й дивизий — полковниками А. И. Негодой и И. П. Микулей.

— Надо брать Себеж с ходу! — сказал он. — Неприятель серьезного сопротивления не окажет. Чье соединение первым ворвется в город — будет Себежским!

Удачное начало дня, хорошая, солнечная погода, задорные интонации в голосе командира корпуса — все это поднимало настроение, вселяло уверенность в благополучном исходе наступления. Выслав вперед разведгруппу на машинах, а за ней облегченный передовой отряд в составе батальона, я рассчитывал, что к ужину мы будем в Себеже. Вскоре разведчики достигли пересечения шоссейной и железной дорог и донесли по радио, что, не обнаружив противника, продолжают двигаться дальше, на Себеж. Тут уж я не выдержал. Оставив штаб с главными силами, взял к себе в «виллис» командующего артиллерией Александра Васильевича Максимова, начальника разведки Ивана Константиновича Коротенко, радиста с рацией и приказал догонять передовой отряд. На карте-двухкилометровке передо мной возник удивительный город, южная половина которого умещалась на узком перешейке, разделявшем озера Ороно и Себеж, а северная пряталась под прикрытием холмистой гряды. Город был совсем близко.

Батальон мы настигли быстро. Он шел без задержек. Тогда мы решили проехать к разведчикам. Но их что-то нигде не было видно. «Наверное, уже в городе», — решил я.

— Гони побыстрее! — сказал я Лопареву, рассчитывая уже минут через пятнадцать доложить Переверткину из Себежа о вступлении в город нашей дивизии. Впереди показались домики городской окраины. Вдруг разразился артиллерийский гром. Почти в тот же миг взвизгнули тормоза, и мы с Максимовым вылетели на обочину дороги.

Огонь, открытый противником прямой наводкой из-за домиков на окраине, чуть не смел нас.

Я огляделся вокруг. Рядом, путаясь в высокой траве, чертыхался Максимов. Шофер Лопарев не растерялся: он мгновенно увел машину в укрытие. Мы перебежали за бугорок, поросший мелким кустарником, ползком добрались до «виллиса». Водитель погнал автомобиль под прикрытие высоты, расположенной в полутора километрах от Себежа.

Здесь мы перевели дух и вдоволь посмеялись над своей беспечностью. Поехали город брать! Хорошо, что немцы маху дали...

Теперь мне было ясно, что гитлеровцы не собираются за здорово живешь отдавать нам Себеж и что нас ожидает организованное и, по-видимому, упорное сопротивление. Позиции у врага были выгодные, и он мог успешно обороняться с любого направления.

— Как связь со штабом дивизии? — спросил я радиста.

— Есть, товарищ полковник. Но слышно плохо.

Подойдя к рации, я дождался, когда в телефоне зазвучал голос Дьячкова, и передал:

— Себеж занят противником. В северной части города находятся орудия, установленные на прямую наводку.

Ответ начальника штаба удивил меня и озадачил:

— Соседи доложили командованию о взятии Себежа.

— Это неправильно! — крикнул я. — Доложите командиру корпуса, что Себеж сильно укреплен противником.

Треск и помехи не дали возможности продолжить разговор. В это время к нам подошли разведчики. Они возвратились, ведя нескольких пленных. Выслушав командира разведгруппы и допросив пленных, я убедился, что противник действительно крепко держится в городе и к

тому же имеет там свежие части. Взять город с ходу, да притом в лоб, было невозможно.

С дороги донесся рев мощных моторов. Показались танки. За ними спешила машина командира 207-й дивизии.

— Стой, Микуля! — закричал я ему, размахивая рукой. — Стой! Куда едешь? В Себеже немцы!

— Я уже доложил, что в Себеже мои части, — крикнул Микуля в ответ, сложив ладони рупором вокруг рта. — Еду туда!

— Нету там наших! Я сунулся, да схватил пилюлю — обстреляли крепко!

Но Микуля, видно, не поверил и, махнув рукой, поехал дальше. Вскоре со стороны Себежа донеслись орудийные выстрелы. Потом все смолкло. Спустя некоторое время весь в дорожной пыли показался Микуля — он шел назад пешком, по обочине шоссе.

— Ну так как, есть твои части в Себеже? — встретил я его вопросом с некоторой долей ехидства.

— Эх, черт!.. — выругался Микуля. — Машину разбили, и шофер ранен. Хорошо, танки прикрыли огнем, а то и не выбрался бы...

Часа через полтора я сумел наконец связаться по радио с Переверткиным и доложить ему о создавшейся обстановке. Он, в свою очередь, рассказал:

— Командиры сто семьдесят первой и двести седьмой доложили, что ворвались в Себеж. Это подтвердил помощник командарма. А в вашем штабе тоже сказали, что вы выехали в Себеж. Поэтому я и доложил командующему о взятии города. Что же теперь делать?

Вот ведь правда: поспешишь — людей насмешишь! И кто торопил командира корпуса с победными реляциями? Меня так и подмывало на иронический ответ Переверткину. Но я вспомнил свое недавнее благодушное настроение и поездку в сторону Себежа, которая поначалу представлялась чуть ли не увеселительной прогулкой, и ответил по-деловому сдержанно:

— Я думаю, надо передоложить, сказать правду. Город хорошо подготовлен к обороне. Гарнизон имеет много орудий и танков и до дивизии пехоты. Мы занимаем сейчас рубеж в одном-двух километрах от Себежа. Взять город с ходу не удастся. Нужна подготовка. Атаку можно начинать завтра утром, а за ночь вывести дивизию на исходное положение.

Переверткин возразил:

— Атаковать будем сегодня. Нужно подтянуть всю артиллерию — дивизионную и корпусную. Все три дивизии вывести на исходное положение и ударить одновременно, чтобы к вечеру ворваться в город. Поставьте на прямую наводку больше артиллерии — вплоть до крупнокалиберной. А танки поближе подведите, чтобы огневые точки на окраине быстрее подавить. К вам на энпе выехали Шерстнев и Васильков. Будут на месте организовывать взаимодействие.

То, что к нам выехал помощник командующего армией и командующий корпусной артиллерией, говорило о серьезности намерений моих начальников в отношении Себежа. И хоть немедленный штурм я считал делом преждевременным, не сулящим удачи, предстоящий приезд Григория Ивановича Шерстнева меня радовал. Я знал его как умного и смелого генерала. Да и человек он был превосходный.

На небольшой высотке наскоро оборудовали наблюдательный пункт. Я вызвал сюда командиров полков, и мы принялись изучать поле предстоящего боя. Увлекшись этим занятием, я не заметил, как на НП появились генерал-майор Шерстнев с полковником Васильковым. Вслед за ними подошли командиры соседних дивизий — Микуля и Негода.

— Командующий армией приказал штурмовать город, — начал Шерстнев. — Давайте не терять времени, перейдем к делу. Задача такая: артиллерией подавить орудия прямой наводки и дать сильный огонь по опорным пунктам на северной окраине города. Не допустить контратак противника. В первом эшелоне пойдут танки, а за ними пехота. Ясно?

Когда замер последний залп короткого, но сильного артналета, полки трех наших дивизий поднялись в атаку. В первом эшелоне шли танки. Глядя, как движутся вперед боевые машины, оставляя за собой густые шлейфы пыли, как растекаются по возвышенности юркие фигурки бойцов, я не испытывал радостного чувства боевой воодушевленности — надежда на успех была слишком призрачной.

Увы, я не обманулся. Наступил момент, когда и танки и стрелки, словно упершись в невидимую, но прочную стену, остановились. Бойцы залегли.

Наш огневой налет недостаточно подавил вражескую артиллерию, и она встретила наступающих стальным шквалом. В воздухе появились «юнкерсы», и над передним краем взметнулись фонтаны земли. От командиров полков стали поступать доклады, что на отдельных участках немцы перешли в контратаку.

Стемнело. Больше мы не продвинулись ни на шаг. Наоборот, кое-где сдали завоеванные позиции. Штурм захлебнулся. Взять Себеж в этот день не удалось.

Неудача нас постигла потому, что мы недооценили противника, уверовав в его кажущуюся слабость, не позаботились о серьезном его изучении. Штабы армии, корпуса и дивизий не имели достаточно полных сведений об обороне немцев. Не было придано должного значения и организации надежной связи. Штабы плохо знали положение не только соседей, но и своих собственных частей.

И уже вовсе несостоятельной оказалась попытка освободить Себеж поспешным, неподготовленным штурмом. Мы получили суровое напоминание, что враг еще силен и что к любому бою с ним надо готовиться тщательно.

Надо сказать, что командарм правильно оценил поступившие к нему донесения и не стал требовать повторения штурма. Он не поддался желанию сразу одним мигом выправить положение. Результат тут был бы сомнителен, а крупных жертв не удалось бы избежать. Он остался верен трезвому расчету, критической оценке обстановки. Приказав вывести корпус на рубеж в шести — восьми километрах севернее города, командующий решил взять Себеж в кольцо.

Ночью началась перегруппировка наших сил.

ПАРТИЗАНСКАЯ ТРОПА

К концу дня 16 июля наша дивизия заканчивала перегруппировку. Главные силы сосредоточивались на новый рубеж скрытно, чтобы удар с северного направления оказался для противника неожиданным. От этого зависел успех дальнейшего наступления. Подразделения, оказавшиеся в первом эшелоне, выводились из боя постепенно и так, чтобы у неприятеля создалось впечатление, будто они возвращаются на прежние позиции.

Дневной жар сменился легкой вечерней прохладой. Затихала стрельба. Меж холмов змеились молочные полосы тумана. Наступившие сумерки скрывали от глаз страшные раны земли, почерневшей, лишенной зеленого ковра там, где проходил передний край. Издалека доносилось рычание танковых моторов.

На новом командном пункте я получил от С. Н. Переверткина задачу на завтра: прорвать оборону противника на участке Байдаково, Рубаново, Барановщина и овладеть рубежом, проходящим через деревни Новины, Логуны, Пургали северо-западнее Себежа, затем продолжить наступление в направлении населенного пункта Пасиене, находящегося уже на территории Латвии. Дивизия должна наступать в полосе шириной 4—5 километров.

Иван Константинович Коротенко доложил обстановку. Противостоящий нам неприятель имел до полка пехоты с артиллерией и танками. Его оборона состояла из двух линий траншей с ходами сообщения полного профиля. У околиц Байдакова и Барановщины в окопах имелись орудия прямой наводки. Непосредственно в деревнях разместились специальные подразделения и резервы численностью около роты.

Все это я тщательно пометил на карте. Пока сумерки окончательно не окутали простирающуюся впереди местность, я старался запечатлеть в памяти лесистые скаты холмов, по которым проходил основной оборонительный рубеж врага. С нашего наблюдательного пункта можно было различить лишь отдельные участки траншей, остальное заслоняли густые дубравы.

Из раздумья меня вывел Дьячков.

— Товарищ полковник, разрешите доложить план наступления?

— Да.

— Боевой порядок — в один эшелон. На правом фланге — шестьсот семьдесят четвертый полк, на левом — четыреста шестьдесят девятый, а семьсот пятьдесят шестой останется напротив города. В резерве — один стрелковый батальон. Главный удар будет наносить четыреста шестьдесят девятый. Поддержит его дивизионная артгруппа.

Я одобрил план. При сложившейся обстановке трудно было придумать что-либо другое. Один полк, хочешь не

хочешь, приходилось оставлять на месте развернутым фронтом к городу. Иначе, начав наступление, мы сами могли получить удар во фланг. Два других полка нацеливались против одного вражеского, сконцентрированного на сравнительно небольшом участке. Немцы занимали тактически выгодные и хорошо укрепленные позиции. Это уравнивало силы и не оставляло надежд на то, что удастся обойтись без серьезных потерь. Арифметика войны — особая арифметика. Имея два полка против одного, не всегда оказываешься вдвое сильнее противника. Оставалось надеяться, что нашим союзником будет внезапность.

Я отпустил Дьячкова. Вдруг в блиндаже снова появился Коротенко.

— Товарищ полковник, — заговорил он взволнованно. — В нашем расположении появились двое гражданских. Называют себя партизанами, связными из отряда — он тут действует в лесах. Точно утверждать не могу, но опрос говорит в их пользу. Вроде бы действительно партизаны.

— Что они хотят?

— Заманчивое предложение делают. Можем, говорят, вывести хоть целый батальон в тыл к немцам. Они тут все тропинки знают. Если б удалось такое, дали б мы фрицам прикурить!

Я понимал и возбуждение начальника разведки, и проскальзывающие в его докладе нотки сомнения. Возможность нанести противнику одновременный удар и с фронта и с тыла была очень заманчива! Это давало верный шанс на победу быструю и решительную. Но ведь нельзя было не считаться и с другим. А ну, если эти люди не те, за кого себя выдают? Тогда погибнут без толку посланные в тыл бойцы, рухнет задуманный план. Тут было над чем поразмыслить.

— Ведите их сюда, — сказал я Коротенко. Потом позвал адъютанта: — Анатолий! Сходи за Дьячковым, пусть зайдет ко мне.

Коротенко и Курбатов вышли. А я не находил себе места: верить или не верить? Имеем ли мы право на такой риск?

Первым появился Дьячков. Потом в сопровождении начальника разведки вошли двое мужчин в потрепанной, но чистой крестьянской одежде. Их лица обрамляли бороды, мешавшие определить возраст.

Я пригласил вошедших сесть к столу. Спросил, есть ли у них какие-нибудь документы. Документов не было. «Впрочем, — подумал я, — какую они могут иметь цену в такой обстановке?»

На все вопросы бородачи отвечали обстоятельно, с достоинством — один глуховатым баритоном, другой жиденьким тенором. Они отрекомендовались жителями из недальней деревни, рассказали, что с приходом немцев подались в лес и вступили в один из организованных здесь партизанских отрядов. Отряд небольшой, крупных операций не проводил, но фашистов тревожил: то совершал налеты на комендатуры, то отбивал или уничтожал продукты, отобранные полицаями у населения. Иногда совершал мелкие диверсии.

По мере того как шла беседа, я проникался все большим и большим доверием к этим людям. Интуиция говорила: они не лгут, они не могут быть предателями. Но можно ли доверяться чувствам, когда вопрос стоит о жизни сотен бойцов, о судьбе боя? После долгих колебаний я решился.

— Сколько людей вы могли бы провести?

— Батальон проведем, — ответил мужчина, державший себя как старший. — Без пушек, конечно.

— Ну как, товарищи, пошлем батальон? — обратился я к присутствующим.

— Пошлем, — сказал подошедший во время разговора Артюхов.

— Игра стоит свеч, — согласился Дьячков.

— Верное дело! — поддержал Коротенко.

— Пойдет батальон Ионкина, — подвел я итог. — Курбатов, Ионкина ко мне! И Алексеева тоже.

1-й батальон 469-го стрелкового полка размещался неподалеку от нашего КП. Я не случайно остановил свой выбор на этом подразделении и его командире. Федор Алексеевич Ионкин был человеком надежным. Невысокий, с открытым лицом и темной копной волос, выглядел он моложе своих лет — этак на двадцать с небольшим. Держался он просто, в суждениях был откровенен. Не прятал своей душевной теплоты, но и не забывал, когда нужно, о строгости. В бою Ионкин был смел, решителен и в то же время осмотрителен. Бойцы его любили, верили в него.

— Готовьте батальон, Ионкин, — сказал я капита-

ну. — Эти товарищи из партизанского отряда выведут вас в тыл противника. Ударите вместе с нами на рассвете. Тяжелого оружия с собой не брать — только станковые пулеметы на вьюках да побольше гранат и патронов. Выступление через час. Идите, готовьте людей. Я потом подойду, проверю.

Разложив перед партизанами карту, я спросил их, как они думают провести батальон. Гости показали.

— Будьте спокойны, — заверил меня старший, — часам к четырем как раз поспеем.

Я сказал им то, чего не имел права не сказать:

— Вы учтите, товарищи, какую берете на себя ответственность. Вы рискуете наравне с нашими бойцами и даже больше.

— Понимаем, товарищ полковник, — заверили меня они. — Понимаем и не сомневаемся в успехе. Не сомневайтесь и вы...

Я вышел посмотреть, как Ионкин готовит людей к выступлению. Дал ему последние наставления. Уточнил все, что касалось взаимодействия и средств сигнализации.

Ночь стояла темная, сухая. На горизонте вспыхивали зарницы — то ли настоящие, то ли сотворенные артиллеристами. В прогалине меж облаков виднелся опрокинутый ковш Большой Медведицы. «Пить-пить!» — кричала в лесу выпь. Стрекотали кузнечики. Время от времени эти мирные звуки заглушали доносившиеся откуда-то автоматные очереди...

Ровно в полночь батальон построился в колонну и двинулся в сторону невидимой лесной тропы.

Я вернулся в блиндаж. В голову лезли тревожные мысли: как все обойдется? Не погибнут ли люди зря?

От этих размышлений меня отвлек вызов к рации. Говорил Переверткин:

— «Третий», «третий», отправь Зинченко в гости к Елизарову для компании! Не теряй времени, действуй! Как слышишь? Прием!

— «Первый!» Прошу разрешения ничего не трогать, оставить как есть. Обстоятельства могу доложить только лично или через посыльного. Вы меня поняли? Прием.

— Вас понял, вас понял. Действуйте по обстоятельствам.

Я был благодарен Семену Никифоровичу за доверие и такт. Он не стал настаивать на своих соображениях, по-

верил в то, что я действительно располагаю чем-то значительным.

Теперь надо было отдохнуть перед боем. Я прилег и уснул тут же, как в омут провалился. Часа через два меня словно подбросило пружиной. Вскочил. Вышел на НП. Нет, рассвет еще не наступил, но небо на востоке уже посерело, и редкие звезды поблекли, будто устав светить. Все вокруг было спокойно. Стояла плотная, ничем не нарушаемая тишина.

Потянулись тяжкие минуты ожидания.

Забрезжил рассвет. Уже можно было различить отдельные стволы деревьев в лесу у неприятельских траншей. И тут откуда-то из-за темного лесного массива одна за другой взмыли в воздух красные ракеты. Максимов ждал этого момента. За моей спиной раздался грохот, и на вражеский передний край полетели сотни снарядов.

На востоке из-за дальних холмов вырвались солнечные лучи. И я отчетливо увидел, как в заросли на склонах высот, занятых неприятелем, вползали наши танки. За ними бежала пехота. В зелени мелькали каски и штыки. Впереди наступающих катился грозный огневой вал.

Появились орудия сопровождения на конной тяге. Они с ходу разворачивались и били по огневым точкам. Все шло, как намечалось. И от этого радостно было на душе. После позавчерашней неурядицы мы снова действовали, как и подобает действовать опытному, закаленному войску.

Удар с тыла сделал свое дело — сопротивление немцев было сломлено. Стрельба за спиной заставила их дрогнуть.

Вскоре привели первых пленных. Я прошел на КП, где Коротенко с помощью переводчика допрашивал офицера.

— Вы знали, что мы начнем наступление под утро? — спросил я немца.

— Нет.

— А вообще-то знали, что готовится наступление на этом участке?

— Да, ожидали его со дня на день. Но мы не думали, что будем окружены. Моя рота находилась во втором эшелоне, отдыхала в лесу. Мы даже не успели организо-

ванно открыть огонь. Куда бы ни бежали — всюду попадали под пули или в плен.

— Значит, у вас возникла паника?

— Да.

Я оставил Коротенко продолжать допрос, а сам отправился на новый наблюдательный пункт, который готовили недалеко от деревни Крутиково. По дороге мне встретился Ионкин. Он был возбужден, глаза блестели.

— Что, преследуют твои немцев?

— Никак нет, товарищ командир дивизии, — улыбнулся он в ответ. — Некого преследовать. Может, только одиночкам удалось в лес удрать, а остальных побили. Врасплох застали их. Ну и паника была! Сроду такой не видал. Сами потерь почти не понесли.

Я с благодарностью подумал о пришедших нам на помощь партизанах — замечательных советских людях, вступивших по велению совести в смертельную борьбу с врагом. Услуга, которую они оказали нам, была неоценима. Мы легко опрокинули врага, сберегли жизнь сотням бойцов.

К сожалению, память не сохранила имена отважных партизан. Мои попытки разыскать их после войны не увенчались успехом. Но никогда не забыть мне двух суровых на вид мужчин, которые, рискуя жизнью, провели наш батальон во вражеский тыл.

Задача, поставленная перед 150-й дивизией и корпусом, была выполнена. Противник, зажатый с трех сторон в тиски, поспешно откатывался на запад. 150-я развивала наступление на Пасиене.

Когда поступило донесение от Зинченко, что его полк вошел в Себеж и полностью овладел городом, я невольно взглянул на часы. Они показывали 10 часов утра. Ровно неделю назад — 10 июля — мы начали разведку боем, предварившую общее наступление корпуса, армии, фронта.

Всего неделю назад! Но столько событий вместила в себя эта необычайно емкая неделя, что, казалось, долгий-предолгий срок отделял нас от того дня, когда мы поднялись в атаку на Каменку.

Мы вступали в Латвию. Был сделан еще один шаг к общей победе.

НА ЗЕМЛЕ ЛАТВИЙСКОЙ

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На территорию Латвийской ССР мы вступили в день освобождения Себежа — 17 июля в 6 часов вечера. Дивизия с севера и юга обтекала Пасиене, не задерживаясь там.

Когда-то, до сорокового года, здесь проходила граница со всеми ее атрибутами — заставами, пограничными столбами, нейтральной полосой. Теперь от нее не осталось и следа. Здесь все было такое же, как и в России, — и болота и леса. В бурой жиже валялись трупы вражеских солдат.

В воздухе временами появлялись неприятельские самолеты. Но наши истребители поспевали вовремя и не давали им прицельно бомбить.

Население здесь, как и в любой приграничной полосе, было смешанным. Типично латышские названия окрестных деревень перемежались с истинно русскими. Да и жители, с которыми нам приходилось иметь дело, говорили по-русски. Только вот сами селения в большинстве своем выглядели непривычно для нашего глаза. Дома здесь стояли небольшими группками, разбросанными далеко друг от друга, или вообще в одиночку.

Бросалось в глаза и другое. В России мы редко встречали уцелевшие деревни. Многие были вообще сожжены дотла. Здесь же следы разрушений не носили столь заметного характера. С точки зрения людоедской «расовой теории» доктора Розенберга, славяне принадлежали к нации одного из самых последних сортов; латыши и другие жители Прибалтики занимали в этой зловещей иерархии

место повыше. Но разбойничья по своей сути и духу гитлеровская армия и тут не очень-то церемонилась с населением. Мы не раз натыкались на баррикады, сооруженные гитлеровцами из яблонь и великолепных декоративных сосен, срубленных около усадеб, видели траншеи, вырытые в фруктовых садах и огородах.

У многих крестьян фашисты отобрали землю, которую те получили от Советской власти. Немало народу под разными предлогами было угнано в Германию на принудительные работы в помещичьи хозяйства.

В общем, если сравнивать положение русских и латышей в зонах немецкой оккупации, то можно сказать, одним было совсем плохо, и другим не лучше.

На второй или третий день после перехода границы мы вступили в деревню Маслово. Располагалась она у высокой стены густого соснового бора. Тридцать восемь ее домиков утопали в зелени садов.

Пора стояла благодатная. За аккуратными изгородями усадеб виднелись рубиновые брызги вишен. Румянились яблоки, наливались синевой сливы. Плети огуречной ботвы поднимались на заборы, лезли на стены домов. В воздухе стояло тонкое благоухание спелой клубники.

Регулировщик из комендантской роты, поджидавший нас на краю деревни, показал дом, отведенный для размещения оперативной группы. На крыльце его стояла молодая белокурая женщина. И лицом, и одеждой, явно праздничной, она больше походила на горожанку, чем на крестьянку. Да и дом, под стать ей, скорее напоминал пригородную дачу, чем деревенскую избу, — стены были обшиты тесом, на траву ложились зайчики от застекленной террасы.

— Здравствуйте, — сказала она с легким латышским акцентом. — Меня зовут Таня.

— Что, ждали нас? — поинтересовался я.

— А как же! Мы были уверены, что русские прогонят немцев. Разве можно победить такую огромную страну? Проходите, пожалуйста, в горницу. Мы все для вас приготовили.

Через прихожую мы вошли в просторную, уютно обставленную комнату. Отливали янтарем чисто вымытые полы. На столе, покрытом белой скатертью, стояла ваза с букетом полевых цветов, а рядом с ней — глубокая миска, до краев наполненная клубникой со сметаной.

С обезоруживающей приветливостью Таня пригласила:

— Садитесь, пожалуйста, и угощайтесь. Это со своего огорода.

Мы не заставили себя долго ждать.

— Как жилось вам эти годы? — спросил я хозяйку.

Глаза у Тани потемнели.

— Разве простому человеку может быть хорошо во время войны? Я не разбираюсь в политике. Но еще от родителей знаю: русские никогда не приносили латышам беды. А немцы... У них один закон — сила. Что хотят, то и берут. Хозяйство разорили вконец. Как зиму будем жить — не знаю. Скота мы лишились почти совсем. Но самое страшное не это. Сколько молодых парней и девушек они насильно увезли к себе! Перечислить трудно.

Дверь в комнату открылась. На пороге появился пожилой крестьянин, из-за его спины выглядывали две белокурые головенки мальчишек лет четырех и шести.

— Это мой муж и сыновья, — представила Таня.

Мужчина улыбнулся:

— Самовар готов!

Таня принялась проворно накрывать стол к чаю. Вдруг она обратилась ко мне:

— Скажите, пожалуйста, господин... то есть, извините, товарищ полковник, где сейчас находится сто пятидесятая дивизия?

Я от изумления не сразу нашелся, что ответить.

— А почему вас заинтересовала эта дивизия?

— Я сейчас покажу газету. Она выходила на латышском и на русском. Это последний номер, который немцы выпустили перед тем, как уйти. Прочтите, и вам станет понятно, почему я задала такой странный вопрос.

Таня достала сложенный в несколько раз тонкий желтоватый лист. Подвалом на первой странице была помещена статья, которая и объясняла повышенный интерес здешних жителей к нашей дивизии. Это был обычный прием фашистской пропаганды — примитивный и грубый. В статейке говорилось, что наступающие русские — жестокие азиаты, которые не берут пленных, отбирают у латышей вещи, убивают мужчин и насилуют женщин. Особенно отличаются в жестокости и грабежах солдаты

150-й дивизии, не брезгающие ни лошадьми, ни пчелами, ни домашним скарбом.

Я усмехнулся.

— Насчет сто пятидесятой дивизии вы сможете сами составить мнение. Я командир этой дивизии. В Маслове находятся наши солдаты.

— Извините, — пролепетала в замешательстве Таня, — я не хотела...

— Да нечего вам извиняться, — перебил я ее. — В чем же тут ваша вина? А я вас попрошу утречком сходить к соседям и узнать, как вели себя наши бойцы: не взяли ли что-нибудь, не обидели ли кого. А потом мне расскажете. Только по-честному, хорошо?

— Хорошо...

День догорал. Нас клонило в сон, сказывалось напряжение предыдущих ночей. Сейчас мы с наслаждением предвкушали возможность спокойно поспать до утра. Таня стелила мне и Максимову. В этот момент в горницу вошел взволнованный майор Муравьев — помощник начальника связи по радио.

— Товарищ полковник, разрешите доложить! Ваш хозяин порезал все наши антенны и телефонные провода.

— Как так? Не может быть!

— Точно. Лично проверил.

Мгновенно пропало всякое желание спать. «Неужто готовится диверсия? — мелькнуло в голове. — А что? Разве мы знаем эту семью? Улыбки улыбками, а кто может поручиться, что они не связаны с немцами?»

— Ладно, сейчас разберемся, — и я попросил позвать хозяина в комнату. Он вошел испуганный и недоумевающий.

— Вы резали провода?

— Да, конечно... У меня приемник. Есть советский приказ. Я старался выполнить...

Эта несвязная речь не очень развитого человека — Таня была куда живее умом, чем ее муж, — напомнила мне о приказе, который вывешивался во всех населенных пунктах, куда входили наши части. Приказ от имени советского командования запрещал населению, в силу военной необходимости, пользоваться радиопередающими и приемными устройствами и предлагал убрать все антенны.

— Приказ был, — сказал я строго, — но при чем тут наши провода?

— Немцы запрещали иметь радио, — растерянно бормотал мужчина. — Они ушли, я сразу же достал приемник, установил. Потом пришли ваши. Повесили приказ. Я, как узнал, что надо резать антенны, — сразу в сад. А там много проводов. Я хотел как лучше...

Таня молча, с окаменевшим лицом слушала весь этот разговор. Потом вдруг разразилась рыданиями:

— Поверьте, он не нарочно! Он, как всегда, не разобрался до конца... Он хороший, честный работник, но не очень... не очень сообразительный! Не надо его расстреливать!

— Да мы и не собираемся, — успокоил я ее. — А вот разобраться — разберемся. Если он ни в чем не виноват, ничего ему и не будет.

Через час Муравьев доложил:

— Разобрались, товарищ полковник. Хозяин злого умысла не имел. Запутался в огуречных плетях и пошел шуровать...

Успокоенные, мы уснули крепким, сладким сном.

Рано утром Таня напоила нас в дорогу молоком.

— Как я вчера напугалась, ужас! — смущенно призналась она. — Думала, расстреляете моего мужа... А ваше желание, товарищ полковник, я выполнила. Была у соседей. Все очень довольны вашими солдатами. Никого они не обижают. И свои военные дела делают очень аккуратно — огородов не топчут, деревья берегут.

Еще бы! Большинство наших бойцов сами в недалеком прошлом были колхозниками, крестьянствовали, и уважение к сельскому труду у них хранилось крепко. И каждый готов был не то чтобы разрушить что-нибудь, а, наоборот, помочь по хозяйству латышским семьям. Война вовлекла людей в неумолимый круговорот, выход из которого имелся один: победить, сохранить свой строй, свою власть, свои права. Все остальное было за гранью жизни. И они воевали как лучшие в мире солдаты. Но страшный, кровавый труд войны не приносил душевной радости русскому человеку. И, попадая на короткий постой в село, он давал выход сладкому томлению по крестьянской работе.

Мы вышли на крыльцо. Здесь собралась группа латышей.

— Спасибо! Спасибо вам! — разом заговорили они. — Наконец-то избавили нас от этих псов. Желаем вам скорой победы, военного счастья!

— Фашисты сюда не вернутся, — заверил я их. — Можете трудиться спокойно. Скоро им совсем придет конец. Видите, не с пустыми руками мы на запад идем.

По улице, поднимая пыль, проходили грозно рычавшие танки. Попрощавшись с хозяевами, мы сели в машины и поехали догонять колонну, направлявшуюся в сторону населенного пункта Кауната.

МЕЖДУ ДВУХ ОЗЕР

К утру 22 июля дорога, по которой продвигались основные силы дивизии, привела нас в Малоховку — деревеньку, расположенную близ двух озер. Одно из них по отношению к другому было вдвое большим. Названий водоемов на карте не было. Для удобства мы окрестили их Верхним и Нижним.

Противник откатывался так поспешно, что нам не удавалось вступить с ним в соприкосновение. Несколько раз немецкая авиация пыталась бомбить наши колонны, но безуспешно. Видно, и летчики у гитлеровцев стали не те, что были в сорок первом — сорок втором годах. Опытных асов либо погребла русская земля, либо приняли лагеря военнопленных. Самолеты водила главным образом молодежь.

На привал мы остановились в негустом лиственном лесу, подступавшем к Малоховке. За стволами деревьев серебрилась вода. Это виднелась южная оконечность озера Верхнего. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, ткали на траве яркий узор. Над головой стоял птичий гомон. Где-то неподалеку трудился дятел. Доносился аппетитнейший запах тушеной баранины. Это штабной повар Блинник колдовал над завтраком. Он был почему-то мрачный как туча, молча накрывал импровизированный стол, помогая Маше — ядреной девятнадцатилетней сибирячке, блиставшей яркой и пышной крестьянской красотой. Маша у нас выполняла обязанности официантки. С Блинником у нее отношения были особые. Тридцатилетний повар робко ухаживал за своей подчиненной, не встречая, впрочем, взаимности. Но недостаток обоюдности в любви восполнялся в какой-то мере дружбой. На правах друга Блинник нередко работал за Машу, давая ей возможность отдохнуть.

Оперативная группа дружно принялась за поздний завтрак. Когда была отдана дань баранине, кто-то поинтересовался:

— Блинник, что с тобой?

— Ничего, все в порядке.

— Ну да? А не опять ли разлад с Машей?

Повар хмуро глянул на говорившего и, буркнув: «За чаем схожу», удалился. За столом прозвучал приглушенный смешок. В это время появился взволнованный Коротенко:

— Товарищ полковник! Немцы силами до дивизии отходят на запад. Сейчас они километрах в десяти северо-восточнее нас.

Завтрак был забыт. Я развернул карту. Оказывается, мы обогнали противника. Ситуация сложилась в какой-то мере знакомая. Примерно в такой же обстановке побывала 182-я стрелковая дивизия, когда она продвигалась к городу Дно. Тогда мы тоже оказались во главе наступающей армии и тоже обнаружили противника, отходившего по параллельному с нами пути. В тот раз мы отрезали неприятеля и разгромили его. Сейчас задача была такой же: не дать фашистам прорваться к Резекне, связать их боем, рассеять и уничтожить.

Дорога, по которой шли немцы, лежала через межозерное дефиле шириной от одного до двух километров. Некоторые неприятельские подразделения могли обойти Верхнее озеро с севера, отдельные имели возможность двинуться в обход Нижнего с юга. Надо было немедленно развернуть дивизию, чтобы отрезать врагу пути отступления.

— Курбатов, командиров полков ко мне!

Пока Анатолий Георгиевич выполнял приказание, я связался по радио с генералом Переверткиным и доложил ему обстановку. Он одобрил мое решение.

Первым появился новый командир 674-го полка Валентин Степанович Корнилов, прибывший в дивизию всего несколько дней назад. Это был молодой подполковник — сухощавый, подвижной, светловолосый. Он был заметно взволнован. Еще бы! Полк Корнилов получил сразу по окончании трехмесячных курсов. До этого он служил политработником. Сейчас его ждало первое боевое испытание на новой должности. По пути в штаб он,

видно, уже успел услышать разговоры, что дело предстоит серьезное...

Подошли спокойный, сосредоточенный Павел Денисович Алексеев и улыбающийся Федор Матвеевич Зинченко. Я разъяснил офицерам задачу.

Штабу дивизии во главе с Николаем Константиновичем Дьячковым определялось место здесь в лесу около Малоховки. При штабе оставлялся батальон 469-го стрелкового полка — в качестве моего резерва. Остальные подразделения части я велел Алексееву направить на северо-восток, к дороге, по которой двигался противник. Им предстояло первым вступить в бой, ударив немцам во фланг.

Корнилов получил задание стремительным маршем выдвинуть 674-й полк в межозерье. Там у деревни Михайловки эта часть должна была преградить путь неприятельской колонне на Каунату. Зинченко должен был повести 756-й полк в обход Нижнего озера с юга, чтобы во взаимодействии с 674-м полком не дать фашистам пройти на запад, окружить их и уничтожить.

Максимову я приказал подготовить артиллерию к двадцатиминутному огневому налету по колонне противника в момент ее приближения к межозерью и отражать возможные попытки гитлеровцев прорвать нашу оборону у Михайловки. На холмике севернее этой деревушки было решено разместить наблюдательный пункт оперативной группы.

— Все ясно? Вопросы есть? — спросил я офицеров.

— Разрешите, товарищ полковник? — раздался напряженный голос Корнилова. — Реальна ли задача удержать дефиле силами полка, имея перед собой дивизию?

— Конечно! К тому же с вами будет взаимодействовать семьсот пятьдесят шестой полк. — Вопрос показался мне слишком пустым, чтобы задерживать на нем внимание. Тогда я не придал ему должного значения. — Приступайте, товарищи, к делу.

Командиры полков отдали необходимые распоряжения и вместе с комбатами и командирами приданных дивизионов выехали на рекогносцировку. Выслав вперед километра на полтора разведгруппу, я с Максимовым и радистом Глебом Попковым сел в «виллис» и направился на высоту, где намечалось развернуть наш КП. 674-й полк, по моим расчетам, мог занять указанные ему позиции че-

рез час-полтора. И тогда мы оказались бы в центре боевых порядков, со всех сторон прикрытые от противника. Лучшее место для командного пункта в такой обстановке трудно было представить. Правда, оборудовать его как следует уже не оставалось времени. Ну да не беда.

Над головой у нас шумели густые кроны деревьев, под ногами шелестела высокая, по колено, трава. Чудесный вид на оба озера открывался с холма.

— О-хо-хо, — вздохнул Максимов. — В сорок первом отступали — ног под собой не чуяли. Ни минуты покоя не было. Сейчас наступаем — тоже ни сна ни покоя.

Я внимательно взглянул на командующего нашей артиллерией. Человек немолодой, повоевавший и в первую мировую, и в гражданскую, сейчас он выглядел скверно. Щеки избороздили глубокие морщины, под глазами набрякли тяжелые мешки. Видно было, что Александр Васильевич здорово устал. И то правда: после отдыха в Маслове мы трое суток продвигались без задержек и почти не спали. Максимов утомился больше других.

— А что, товарищ комдив, если нам соснуть часок? — продолжил он свою мысль.

Идея хотя бы немного поспать перед боем показалась мне заманчивой. Обстановка вроде бы позволяла. Я согласился, приказав выставить вокруг наблюдателей. Загнав в кусты машину, мы легли там же в густой траве. Уснули мгновенно.

Через час меня разбудила ружейная перестрелка. Выглянув осторожно из-за веток, я увидел совсем неподалеку немцев, деловито устанавливавших орудия для стрельбы прямой наводкой. Все стало ясно: противник упредил Корнилова и раньше его вышел на отведенный 674-му полку рубеж. А наблюдатели, видимо, не выдержали и тоже уснули. Хорошо, что фашисты покамест нас не заметили. Надо было немедленно ретироваться.

Я осторожно разбудил командующего артиллерией, шофера и радиста. Лопарев мигом вскочил в машину и, согнувшись над баранкой, завел мотор. Попрыгав в «виллис», мы вылетели на дорогу.

Гитлеровцы не сразу сообразили, в чем дело. Когда они разобрались и за нашей спиной раздался хлопок тридцатисемимиллиметровой пушки, мы уже проехали с полкилометра. Еще один выстрел прозвучал вдогонку, когда

наш автомобиль достиг поворота. Третий снаряд разорвался, по-видимому, под машиной. «Виллис» подкинуло. Сильный толчок вышвырнул нас на землю. Оглядевшись, я увидел, как Максимов, лежа в траве, отряхивал комья глины с фуражки. Рядом с ним поднялась голова Лопарева.

— Целы? — спросил я.

— Целы. А вот радиста зацепило.

Я поднялся и подошел к солдату. На спине у Попкова аккуратным прямоугольником был срезан кусок гимнастерки и слой кожи. Измени осколок чуть-чуть траекторию, и парню сорвало бы затылок...

Кюветом пробрались мы на прежний КП, где еще недавно собирали командиров полков. Первым делом я связался по радио с Корниловым.

— Где ваши батальоны?

— Один ведет бой северо-западнее Михайловки, в межозерье, два других развернулись и действуют в северном направлении, вдоль восточного берега озера Верхнего.

Гнев сдавил мне горло. Такой неисполнительности, такого пренебрежения к боевому приказу я еще не встречал.

— Почему не весь полк занял межозерье? Какого черта вы выполняете не ту задачу, которую вам поставили?

— Товарищ полковник!.. Я думал... Мне казалось, что обстановка диктует...

— Отстраняю вас от командования полком!

Батальону, оставленному Корниловым в межозерье, пришлось туго. Окажись в этом дефиле весь 674-й полк, он с успехом сдержал бы атаки противника. На участке шириной в километр удалось бы создать и достаточную плотность огня, и сосредоточить силы для контратак. А сейчас батальон держался из последних сил. Максимов, как мог, помогал ему артогнем.

Бой становился все яростнее. И хоть батальон не отошел с занятых им высот, неприятелю удалось прорваться через межозерье.

Его встретил второй заслон: Зинченко своевременно обошел Нижнее с юга и преградил гитлеровцам дорогу. 756-му полку тоже пришлось испытать ожесточенный натиск противника, для которого прорыв из окружения был вопросом жизни или смерти.

Тем временем 469-й полк, нанеся фланговый удар по подходившей колонне врага, обошел Верхнее с севера и пробился на выручку батальону, стоявшему насмерть в межозерье. Когда полк появился в двух километрах северо-западнее Михайловки, оборонявшиеся поднялись в атаку. Совместный удар полка и батальона решил исход дела. Часть гитлеровцев, побросав артиллерию и другую технику, рассеялась по окрестным лесам.

Однако около половины вражеских войск, воспользовавшись слабостью нашего заслона в межозерье, все-таки прорвалось на дорогу, ведущую в Каунату. Мы стремились не допустить их туда, не дать им возможности закрепиться на подступах к Резекне.

Наши части перешли к преследованию фашистов. Несколько раз головные подразделения натыкались на прикрытия, выставленные немцами на промежуточных рубежах, но быстро сбивали их. Силы врага таяли. К вечеру дивизия уже вела бои на окраинах Каунаты.

Здесь противник сделал последнюю отчаянную попытку остановить нас. Всю ночь не смолкал гул орудий, треск пулеметных очередей. Но к рассвету воцарилась тишина. Весь населенный пункт был в наших руках. Уцелевшие подразделения гитлеровцев поспешно откатывались на запад.

Утром 23 июля мы с Иваном Константиновичем Коротенко прошли по дороге, ведущей в городок. Страшное зрелище открылось перед нами. Груды трупов вражеских солдат лежали в кюветах и на обочинах. Эта картина вступала в резкий диссонанс с ярким, солнечным утром. И трудно было отрешиться от двойственного чувства. С одной стороны — пьянящая радость победы, гордое сознание успеха в решении боевой задачи. С другой — отвращение к той неизбежной жестокости, которую несет в себе война.

Говорят, что на войне черствеют человеческие сердца. Это верно лишь отчасти. Конечно, привычка делает свое дело, и то, что вначале потрясает, потом воспринимается проще, спокойнее. Но никогда человек с нормальной психикой не останется равнодушным при виде сотен лишенных жизни людей, пусть даже одетых в неприятельские мундиры.

Однако какое бы тягостное впечатление ни производило еще не остывшее поле боя — с кровью, с изуродован-

ными телами, это ни в малейшей мере не могло отразиться на стойком чувстве ненависти к фашистам, на всепоглощающем стремлении бить их. Они начали войну. И если не уничтожить этих извергов, они с садистской жестокостью покроют всю нашу землю пеплом и трупами, а в тех, кого оставят живыми, убьют душу, человеческое достоинство. Под угрозой все — наша национальная культура, наш уклад жизни, наше право чувствовать себя русскими, украинцами, татарами, латышами... С тупой улыбкой собственного превосходства давит враг непреходящие человеческие ценности. И наш священный долг — вымести оккупантов с родной земли, а тех, кто не хочет примириться с этим, — истребить, как истребляют опасных, взбесившихся животных...

Так размышлял я, идя с Коротенко по дороге в Каунату.

Итак, теперь наша очередная задача сводилась к содействию соседу справа в овладении городом Резекне. Вновь двигались мы с боями по дорогам, прорывая промежуточные рубежи врага.

27 июля он был освобожден. За успешные действия в этой операции личному составу 150-й стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандующего объявлена благодарность. Но общий успех не давал нам права закрывать глаза на ошибки и оплошности, без которых мы добились бы победы с меньшими потерями.

Самый крупный наш недочет в этой операции был связан с недисциплинированностью Валентина Корнилова, не выполнившего боевой приказ. Законы военного времени суровы. По делу отстраненного от командования полком офицера началось следствие.

На допросе Корнилов показал, что считал поставленную ему задачу невыполнимой, а полк, в случае боя с немецкой дивизией, обреченным. Потому он и направил в межозерное дефиле один батальон: пусть, мол, лучше погибнет он, чем весь полк. Двумя же другими батальонами он решил нанести фланговый удар.

Конечно, Корнилов был неправ в своих опасениях. Это подтвердил весь ход боя. Батальон хоть и понес большие потери, но не погиб и по мере сил выполнил свою задачу. А окажись на его месте полк — и потерь было бы меньше, и противник едва ли прорвался бы на Каунату.

Но даже если б полку и грозила верная гибель, Корнилов все равно не имел права своевольничать, нарушать приказ. Ведь на войне иногда приходится сознательно жертвовать целой частью, чтобы выиграть сражение. И в этом случае долг командира и бойцов — стоять насмерть, не щадя себя ради жизни и победы товарищей. Инициатива, без которой немыслимо военное дело, может быть здесь направлена лишь на лучшее выполнение приказа.

То, что сделал Корнилов, выходило за рамки допустимой и нужной инициативы, превращаясь в ее противоположность — неисполнительность. Вина его усугублялась еще и тем, что, решив отступить от предписанных ему действий, он не донес об этом по команде. И боевые маневры дивизии поначалу строились с расчетом на то, что 674-й полк занял позицию в межозерье.

Но при всей очевидной виновности Корнилова я не мог снять вины и с себя. Ведь я же знал, что он только что с курсов, что у него нет настоящего боевого опыта, что он никогда и ничем не командовал. Все это требовалось взвесить, прежде чем ставить перед 674-м полком столь ответственную боевую задачу. И уж коли такое решение было принято, следовало проконтролировать выход полка на заданное ему направление, убедиться, что Корнилов уяснил суть полученного приказа и свое место в проводимой дивизией операции и правильно начал действовать. Тем более что молодой командир полка с самого начала выказал сомнение в осуществимости поставленной перед ним задачи...

Словом, ознакомившись с материалами следствия, я пришел к убеждению, что отдавать под трибунал Корнилова не стоит. Полк, конечно, доверить ему нельзя. Но разве он не справится с обязанностями на другой, менее ответственной должности, разве не извлечет из всего происшедшего верного урока? Ведь он же честный коммунист, доказавший преданность делу партии за три года войны. Повода усомниться в его личной храбрости он не дал. И есть все основания надеяться, что он научится хорошо воевать.

Все эти соображения я высказал Переверткину. Семен Никифорович внял моим доводам и перевел Корнилова в другую дивизию заместителем командира полка.

„ПРИЗРАКИ“ ЛУБАНСКИХ БОЛОТ

Освободив Резекне, войска 2-го Прибалтийского фронта нацелились на Ригу. Но до нее пока было далеко. А прямо перед нами лежала Лубанская низменность.

Простираясь от Лубанского озера на севере до озера Резна-Эзерс на юге, она зеленела лесами и большими, глубокими топями, покрытыми жесткой плавучей травой. Болота эти пользовались дурной славой. По заверениям местных жителей, там прочно обосновались призраки, оборотни и другая нечистая сила.

— Смог бы кто-нибудь провести нас через болота? — спросил я старика латыша — местного старожила.

— Что вы, что вы, — испуганно замахал тот руками. — Через такие топи даже зверь никогда не проходил.

Вопрос мой не был праздным. 28 июля 79-й стрелковый корпус остановился перед Лубанскими болотами — серьезной естественной преградой на пути к Риге. Противник, надо полагать, связывал с этим рубежом немалые надежды. Низменность пересекалась лишь единственной шоссейной дорогой, по которой могли двигаться автомашины и танки. Остальные дороги годились только для пехоты и гужевого транспорта. Да и то только одноконного. Редкие дороги, узкие перешейки между болотами были перехвачены неприятельскими заслонами. Надежд на быстрый их прорыв было мало. К тому же это привело бы к большим потерям. Командующий фронтом поставил задачу пройти через болота в тыл к фашистам. Решить эту задачу поручили нашей дивизии.

А как ее решить? Тут было над чем поломать голову. Сунешься в болота на авось — можешь пропасть и без помощи немцев. А нам нужно пройти через топи и ударить по гитлеровцам. Техники для форсирования болот у нас никакой...

День 28 июля выдался пасмурный и тихий. После обеда мы с офицерами штаба сидели на бревнах у заброшенной лесопилки. Разговор, то затихая, то возобновляясь, шел о том, как перебраться через чертовы трясины. Хоть по воздуху лети! Неожиданно голос подал молчавший до этого Коротенко:

— А пройти-то можно. Я знаю как.

Все повернули к нему головы. Иван Константинович спокойно продолжал:

— Надо палки сделать, вроде лыжных, с большими кругами из лозы. А из бревен, на которых мы сидим, напилить досок и проложить по болоту настил. По настилу можно будет идти и палками об эту жижу опираться, равновесие держать.

— А что, это идея! — оживленно отозвался Иван Федорович Орехов, наш дивизионный инженер.

Мысль и правда оказалась дельной. Я тут же раскрыл планшетку с картой. Кратчайший путь во вражеский тыл лежал через болото Лиелаис-Пурвс. Расстояние — около пяти километров. Бревен должно хватить. Я распорядился:

— Майор Орехов, ставьте людей пилить кругляки. С наступлением темноты начнете стлать тропу к хутору Мистрики, потом вот на эти отметки. Когда сможете закончить работу?

— К вечеру тридцатого, — немного подумав, ответил Орехов.

— Полковнику Дьячкову лично следить за ходом всех работ. Ясно?

— Так точно.

— Майор Коротенко! Организуйте непрерывную разведку в этом направлении. Подготовьте разведроту к переходу через болото. Поведет ее капитан Тарасенко. Будут прокладывать путь четыреста шестьдесят девятому полку.

Орехов, что-то почеркав в блокноте, сказал:

— Товарищ полковник, по болоту люди смогут пройти с восьмидесятидвухмиллиметровыми минометами и со станковыми пулеметами.

— Вот и отлично. Приступайте, товарищи, к делу. А вы, Артюхов, поднимите весь политотдел на работу с людьми. Надо разъяснить бойцам, какая перед ними стоит необычная задача. Вселите в них уверенность, что это им вполне по плечу. Главное сейчас — настил. На помощь саперам бросим стрелков. Пусть люди поймут, что работа на пилке досок и прокладке тропы — выполнение боевой задачи.

План предстоящих боевых действий вырисовывался все отчетливее. По тропе двинется 469-й полк. 756-й полк пойдет в обход по перешейкам. 674-й — вслед за ним во втором эшелоне. Удар со стороны болота будет внезапным и облегчит действия частям, идущим в обход.

Связавшись с Переверткиным, я доложил ему свои соображения. Он одобрил план и сказал, что 171-я дивизия, действующая справа от нас, и 207-я, находящаяся слева, согласуют по времени свои удары с нашим. Все будет зависеть от того, когда мы будем готовы к форсированию болота.

Ночью начали класть настил. Саперному батальону дивизии и саперным ротам полков помогали стрелковые подразделения. Разведчики на лыжах, сплетенных из лозы, и при помощи палок с огромными кругами пробирались в глубь болота. За ними шли наши инженеры, намечая путь деревянной тропы. Саперы работали споровисто, без стука и шума. В некоторых местах приходилось устанавливать мостки, в других — укладывать бревенчатую колею. На готовых участках были совершены пробные переходы. Способ передвижения оказался вполне приемлемым. Он не требовал специальной тренировки.

На следующий день мы с Алексеевым, Коротенко и Офштейном приехали в рощу, откуда начиналась гать. Осмотрели уже сделанные сооружения, опорные палки из хвороста, лыжи-широкоступы. У меня крепла уверенность, что задуманное предприятие увенчается успехом. А это даст не только тактический, но и оперативный выигрыш, которым смогут воспользоваться и армия и фронт.

По рассказам разведчиков и окрестных жителей мы хорошо представляли местность, на которой должны были развернуться боевые действия. Все говорило за то, что противник не подозревает о наших приготовлениях. Гитлеровцы считали болото абсолютно непроходимым для людей. С расчетом на это и строилась вся их оборона. Многочисленные огневые средства врага — орудия прямой наводки, вкопанные в землю танки — были обращены лишь в сторону, откуда они ожидали удара. Выход в немецкий тыл открывал перед нами возможность перерезать шоссе и железную дорогу и тем самым закрыть неприятелю пути отступления.

Даже если фашисты обнаружат нас раньше времени и перейдут в контратаку, то к этому моменту их отвлечет, а стало быть, облегчит наши действия наступающая слева 207-я дивизия. Подоспеет и 171-я, которая будет прорываться по шоссе и вдоль железной дороги.

Эту обстановку я и приказал нанести на «ящике с песком». В прямом смысле никакого ящика у нас, конечно,

не было. Просто на подходящем месте топографом вскапывалась земля, и на этой рыхлой почве наносились в миниатюре рельеф местности, на которой предстояло действовать дивизии, наши и вражеские боевые порядки. По терминологии, установившейся в мирные дни, когда в частях действительно имелись и ящики, и песок, на котором разгорались жаркие сражения в ходе тактических занятий, мы и сейчас называли «ящиком» наскоро вскопанный клочок земли.

Так вот, на полянке в рощице у такого «ящика» собрались командиры полков и дивизионов, командующий и начальники артиллерии, инженеры дивизии и полков, офицеры штаба. Здесь мы и начали проигрывать завтрашний бой. Все было очень наглядно: кто, куда и как движется, какие открываются возможности для взаимодействия, каковы наилучшие условия для размещения артиллерии, откуда удобнее руководить боем. Сразу же возникло множество вопросов, особенно к Орехову, в связи с обеспечением переправы. Я радовался тому, что эти вопросы появились сейчас: в спокойной обстановке ответы на них можно дать обстоятельные, всесторонне обдуманные. Куда хуже, если б возникли они ночью, при движении по гати, и командирам пришлось бы второпях принимать не самые лучшие решения.

Мы подробно разобрали все, что было связано с артиллерийским обеспечением, обсудили варианты возможных действий противника и как нам на них отвечать. Тут же были приняты решения на предстоящий бой и сделаны необходимые уточнения.

Самое существенное состояло в том, что начинать решено было сегодня, в ночь на 30 июля. Саперы оказались молодцами и досрочно справились с прокладкой гати. А все остальное, в сущности, было давно готово. Дивизионную артиллерию уже установили на закрытых огневых позициях, цели распределили, и она по первому сигналу могла поддержать пехоту. Два дивизиона «катюш» составили артиллерийскую группу, подчиненную непосредственно мне. Главная ее задача состояла в уничтожении резервов и пунктов управления противника.

Командиру 469-го полка Павлу Денисовичу Алексееву, на которого ложилась особая ответственность, я сказал в заключение:

— Надеюсь на вас, как на себя. Вы должны справиться с задачей. Во что бы то ни стало перережьте шоссейную и железную дороги. Как это лучше сделать, я и сам сейчас не знаю. Все будет зависеть от обстановки. Решение примете самостоятельно. И помните о своем самом важном козыре — внезапности и стремительности.

Когда влажная июльская ночь накрыла землю темным пологом, я пожелал удачи подполковнику Алексееву и капитану Тарасенко. Цепочка людей потянулась к деревянной тропе. Впереди с разведротой шел Тарасенко. Затем двинулся полк Алексеева. Головной батальон возглавлял Федор Ионкин, рядом с которым шагал проводник-латыш. Бойцы шли налегке. Самое большее, что могли они захватить с собой, — это минометы и станковые пулеметы. Артиллерия и другая боевая техника могли подойти лишь после того, как будет захвачено шоссе.

Я отправился на командный пункт, расположенный на бугре возле хутора Мистрини. Отсюда, если бы не густая тьма, можно было бы наблюдать движение нашей колонны. Но не было видно ни зги. Единственной нитью, связывающей меня с полком, был телефонный кабель, который на тяжелых катушках тянули за собой бойцы.

Ни один громкий звук не прорезал ночной тишины. По редким докладам я представлял себе, как медленно, где по колено, а где и по пояс в грязи, шаг за шагом продвигаются вперед люди. Это был мучительный, изнуряющий марш. Временами мне казалось, будто и мои ноги проваливаются в топкую грязь, что я с силой выдираю их, чтобы сделать следующий шаг. Не смыкая глаз, я расхаживал по землянке. Ведь в эти часы в самом сердце болота Лиелаис-Пурвс решалась судьба всей операции.

Двинулся в ночь и 756-й полк, идущий в обход, но зато по твердой почве, а за ним начал собираться 674-й. Но рассчитывать на успешный прорыв вражеской обороны они могли лишь в случае удачного удара 469-го полка с тыла.

Утром, к половине восьмого, Алексеев преодолел наконец болото и развернул подразделения в боевые порядки. До командного пункта дивизии донеслась россыпь пулеметных и автоматных очередей, уханье минометов. Внезапность была полная — неприятель растерялся. Разведрота во главе с капитаном Тарасенко напала на вра-

жеский штаб. Разведчики захватили пленных и важные документы.

Батальон Ионкина первым вышел на опушку леса и, проскочив открытое поле, перерезал шоссе и железную дорогу, проходившую рядом с ним. Остальные подразделения расширили захваченный участок дороги до четырех километров. Теперь задача состояла в том, чтобы удержаться. Согласно плану к этому времени сюда должен был выйти один из батальонов 207-й дивизии. Но его что-то не было видно. Немцы между тем опомнились от неожиданности и начали готовить контратаку.

На боевые порядки 469-го полка обрушился шквальный орудийный и минометный огонь. Чтобы избежать серьезных потерь, Алексеев вынужден был отвести некоторые подразделения от железнодорожной насыпи и укрыть их в лесу. Дальше отходить было некуда. За спиной зловеще поблескивало болото. Хорошо, что немцы не знали, где мы его перешли, и не пытались отрезать наших от гати.

Появились неприятельские танки. За ними двигались стрелковые цепи. Гитлеровцы шли в рост, с автоматами наперевес. Видно, их взбодрили шнапсом, прежде чем бросить в эту «психическую» атаку. В небе загудели вражеские самолеты. Земля содрогнулась от разрывов авиабомб.

Алексеевцы встретили атакующих плотным огнем. В тыл им ударила разведрота. И те, дрогнув, откатились назад. Но вскоре контратака возобновилась. А у наших солдат кончались боеприпасы. Полностью были израсходованы мины, и минометчики действовали как стрелки. Все больше появлялось раненых. Кроме как за болото, выносить их было некуда. И санитары совершали поистине героическое: проваливаясь по пояс в жижу, они на плечах несли через топь пострадавших в тыл дивизии.

Под ударами врага уже все подразделения отошли от насыпи в лес. Когда Алексеев доложил по телефону о создавшейся обстановке, я отдал ему приказ, не претендующий на оригинальность: «Держись во что бы то ни стало!»

Чтобы облегчить положение отбивающегося из последних сил полка, я велел Максимову ударить по артиллерии противника, сосредоточившейся в районе Лошки. Группе гвардейских минометов приказал бить по скоплению пе-

хоты, готовившейся к очередной атаке. Распорядился также, чтобы Дьячков немедленно организовал команду для доставки алексеевцам боеприпасов.

Пять минут спустя шквал реактивных снарядов обрушился на железнодорожную насыпь, около которой накапливались пехота и танки врага. Ударили орудия. Никогда я не видел Максимова в таком состоянии. Глаза его возбужденно сверкали. «Огонь! Огонь!» — непрерывно выкрикивал в телефонную трубку старый артиллерист.

Я позвонил в 756-й полк, чтобы он ускорил продвижение и прикрыл левый фланг алексеевцев от контратак.

Кажется, все необходимое было сделапо. Теперь оставалось ждать дальнейшего развития событий. Но меня захлестнула жажда деятельности, желание самому быть на месте решающих событий, вмешаться в их ход. Поколебавшись немного, я сказал начальнику штаба:

— Дьячков, берите на себя управление и связь, а я с Максимовым поеду к Алексееву. Там, на месте, обстановка виднее.

Отыскав глазами адъютанта, распорядился:

— Курбатов, проверь рации и давай машину!

Дорога лежала в обход болота, и нам предстояло проехать километров десять. Путь этот преодолели быстро. Впереди показалась заросшая кустарником высотка — командный пункт Алексеева. До нее — рукой подать. Оставалось только проскочить небольшой участок открытой местности и повернуть влево.

Но не успели мы достичь поворота, как где-то рядом вверх взметнулись султаны земли. Лопарев до отказа нажал акселератор, машина рванулась вперед. Но прямо перед ней возник еще один черный куст, и мы с ходу нырнули в образовавшуюся воронку. Поскольку я сидел рядом с шофером, на мою долю выпала тяжкая миссия: вышибить лбом небьющееся ветровое стекло. По лицу потекла кровь. Но перевязываться было некогда.

К нашему счастью, немцы били из орудий небольшого калибра, и воронка оказалась неглубокой. После недолгих манипуляций Лопарев вывел автомобиль из западни. Вокруг продолжали рваться снаряды. До поворота и спасительной высотки оставалось совсем немного.

— Лопарев, поворачивай влево и загоняй «виллис» в овраг!

Водитель моментально отреагировал, и через несколько минут мы входили на полковой КП.

— Жарковато тут у вас, товарищ Алексеев, — произнес я, отдуваясь.

— Да, небезопасно. А вы ранены, товарищ командир дивизии?

— Нет, пустяки, просто ушибся. Доложите-ка обстановку.

— Все контратаки отбиты. Захвачены пленные. На наш левый фланг вышел истребительный дивизион и прикрыл нас от танковых атак. Полковая артиллерия тоже подтянулась, стала на прямую наводку. Дышится теперь легче. Позиции противника вон там, у дороги. Мы снова прорвались к железнодорожному полотну. Ведем бой за расширение захваченного участка.

Я посмотрел в бинокль. В это время подошел Коротенко, он уже успел и здесь освоиться.

— Товарищ полковник, продвижение семьсот пятьдесят шестого полка задержалось. На левом фланге пока один истребительный дивизион. Он ведет неравный бой. Противник на этом участке готовит контратаку.

Наши и немецкие боевые порядки кое-где переплелись. Если над 469-м полком нависла угроза быть сброшенным в болото, то гитлеровцы могли оказаться в окружении. Истребительный дивизион, прикрывавший наш фланг, беспокоил их прежде всего как сила, отрезающая один из возможных путей к отступлению.

Артиллеристам приходилось туго. И неизвестно, как обернулось бы для них дело, если б во главе истребителей не стоял майор Тесленко. В прошлом горный инженер, Илья Михайлович стал на войне замечательным командиром, обладавшим огромной выдержкой, холодной отвагой и боевой сметкой.

Еще в начале боя его ранило. Но он остался на командном пункте дивизиона. Орудия он расположил на лесной опушке вдоль дороги. Танковые атаки следовали одна за другой. Майор появлялся в тех батареях, где было труднее всего. В тяжелые минуты он помогал бойцам выкатывать пушки на прямую наводку. И в то же время он ни на минуту не упускал из виду общей картины, не терял нитей управления.

Человек шестьдесят вражеских солдат с двумя пушками на тягаче зашли в тыл батареи, в которой в этот

момент находился Тесленко. А с фронта в атаку поднялась рота пехоты с двумя танками. Илья Михайлович сориентировался немедленно. Часть орудий развернул назад. Дал целеуказания другим батареям. Противника подпустили как можно ближе. И когда вдруг дружно грянули сорокапятимиллиметровки, фашисты оказались сами застигнутыми врасплох. Они не ожидали удара такой точности и силы.

Оба танка были подбиты первыми же выстрелами. Не успели открыть огонь и немецкие орудия. Гитлеровцы заметались между деревьями, спасаясь от осколков. Вылазка для них окончилась тем, что обе их пушки оказались захваченными, около сорока солдат сдались в плен.

Но я еще не знал обо всем этом. После доклада Коротенко я приказал Максимову ударить всей артиллерией дивизии по скоплению противника, готовившегося к крупной контратаке на нашем левом фланге. Одновременно я запросил огня корпусной артиллерии. Это был внушительный и эффективный удар.

Обстановка все больше менялась в нашу пользу. Подходил 756-й полк. Вступали в бой части 207-й дивизии. Это давало возможность начать наступление в глубь обороны противника. А раз так, надо было переносить наблюдательный пункт на новое место. Более всего для этой цели подходил лесок на холме около усадьбы, раскинувшейся к северу от селения Айзкалниэши.

Распорядившись, чтобы туда выезжали комендантский взвод и оперативная группа с нашего прежнего НП, я обернулся к Максимову:

— А вам придется остаться здесь. Будете отсюда управлять огнем артиллерии.

Пожав Александру Васильевичу руку, я последний раз оглядел в бинокль поле боя. Теперь уже в наших руках находился довольно широкий участок железнодорожного полотна. На насыпи закреплялись правофланговые подразделения. На командном пункте появился высокий, поджарый капитан с закопченным лицом. На шее у него висел автомат, гимнастерка в нескольких местах была разорвана.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться к подполковнику? — вскинул он руку к лихо заломленной пилотке. Тут только я узнал Володю Тытаря — помощника начальника штаба полка по оперативной работе. Ему, на-

верно, не было еще и двадцати. Он продолжал: — Товарищ подполковник, положение на правом фланге восстановлено. Третий батальон контратаковал позиции немцев и занял прежний рубеж на насыпи. Сейчас закрепляется.

— Хорошо, Тытарь, — кивнул головой Алексеев. — Только в следующий раз не лезь в боевые порядки. Нечего там помощнику начальника штаба делать. У тебя своей работы хватит.

— Есть, товарищ подполковник, — потупившись, ответил капитан.

А мне подумалось: «Ну да, так ты и удержишь такого парня при себе».

Я направился на новый НП дивизии. В штабном автобусе нас оказалось семеро. Минуты через две машина остановилась в густом кустарнике. Здесь еще никого не было — ни комендантского взвода, ни оперативной группы. Прибывший со мной радист развернул и настроил рацию. Мы собрались было перекусить. Вдруг раздался возглас Курбатова:

— Товарищ полковник, немцы!

— Где? — я приоткрыл дверцу автобуса. Действительно, сотни полторы гитлеровцев с офицером во главе шли в нашу сторону. Я машинально схватился за кобуру. Лихорадочно заработала мысль: «Что предпринять?» Решение пришло неожиданно.

— Курбатов! — крикнул я. — Давай навстречу им. Скажи, что они окружены, предложи сдаться.

Все, кто был в машине, выскочили из нее и залегли в кустах. Солдаты были близко, но нас еще, очевидно, не видели. Коверкая немецкие слова, Курбатов начал им что-то кричать. Наступила тишина, потом около нас затрещали кусты, и Анатолий сообщил охрипшим голосом:

— Это я. Тут рота немцев сама идет сдаваться в плен.

Ого! Положение круто менялось.

— Передай, — сказал я адъютанту, — пусть разойдутся повзводно и сложат оружие. Затем отойдут на полсотню метров в сторону.

Нет, это была не уловка врага. Выглянув из-за куста, я увидел, как гитлеровцы послушно и деловито складывали автоматы и карабины на землю. Когда они потом выстроились, сзади них послышался звук автомобильных моторов и визг тормозов. Из двух грузовиков выпрыгивали бойцы комендантского взвода. Через несколько минут

пленные были оцеплены. Я приказал привести командира немецкой роты. Передо мной появился бравый гауптман.

— Чем вызвано ваше решение сдаться в плен? — спросил я его.

— Неожиданностью всего происходящего. Ваши солдаты, как призраки, появились из болота, по которому никто и никогда не ходил — это я знаю точно. И хоть наши войска продолжают сопротивление, мы поняли, что это ни к чему не приведет. Ваши части все время пополняются свежими силами.

— Каким подразделением вы командуете?

— Третьей ротой пятьсот пятьдесят третьего пехотного полка триста двадцать девятой дивизии!

— Вы знаете, что в плен сдались только вот нам семерым?

— Как?..

— Да вот так. Когда вы шли сдаваться, нас было всего семеро.

— Этого не может быть!

— Ладно, идите. — Разубеждать пленного офицера я не стал. — Ну, болотные призраки, отправляйте пленных в тыл! — Это относилось уже к бойцам комендантского взвода.

Да, «призраки» сделали свое дело. Эпизод этот красноречиво говорил о том эффекте, который произвел на противника наш прорыв через болото. Гитлеровцы потеряли ориентировку и действовали без обычной организованности и целеустремленности.

Однако далеко не все подразделения врага торопились сдаться в плен. Численность немецких войск здесь не уступала нашему корпусу. И на многих участках фашисты сражались с отчаянием обреченных, бросаясь в одну контратаку за другой.

День догорел. Бой стих. На следующее утро он вспыхнул с новой силой.

Теперь уже и наша и 207-я дивизии наступали, окружая и уничтожая разрозненные группы гитлеровцев. Шло очищение Лубанской низменности от неприятеля. Фашисты пробивались на запад, отходя на новый рубеж к реке Айвиексте. Но вырваться удалось сравнительно немногим.

Только 1 августа, на третий день наступления, отгремели бои. Перед 3-й ударной армией открылись еще одни ворота на пути к Риге.

К вечеру на наш командный пункт приехали Василий Александрович Юшкевич и член Военного совета армии Андрей Иванович Литвинов. Юшкевич уже был в курсе всех наших дел.

— Ну как, представления на отличившихся готовы? — поинтересовался командующий.

— Написаны.

— Приготовь своих «болотных призраков» к построению, я буду им награды вручать. — Василий Александрович улыбнулся. — Здорово вас немцы окрестили! — Немного помолчав, он добавил серьезно: — Чтобы произошел обвал в горах, достаточно бывает один камень с вершины столкнуть. Алексеевский полк и явился таким камнем. Молодец Павел Денисович!

АЙВИЕКСТЕ

Вот мы и вышли к реке Айвиексте — правому притоку Даугавы. Лубанская низменность осталась позади.

Наша дивизия должна была сосредоточиться километрах в пятнадцати от берега. 6 августа ближе к вечеру мы двинулись на указанный рубеж. 207-я и 171-я дивизии уже заняли свои позиции слева и справа от нас. 150-й предстояло преодолеть Айвиексте на участке шириной километров пять.

Мы с Максимовым и Коротенко выехали вперед. «Виллис» бодро взбежал на крутой бугор. Перед нами как на ладони предстала тихая равнинная река, не спеша катившая свои воды с северо-востока на юго-запад. До берега, поросшего камышом и осокой, было метров восемьсот. Заходящее солнце, как резцом, очертило невысокие холмы на той стороне. По-видимому, противник там основательно закрепился — сам ландшафт создавал отменный оборонительный рубеж. Впрочем, достоверных сведений об обстановке у нас было мало. В одном лишь не могло быть сомнений: те пятьдесят или семьдесят метров водного пространства, что разделяли левый и правый берег, нам придется одолевать с большим трудом. Готовых переправочных средств у нас не имелось. Не было здесь и бродов.

На бугре стоял небольшой одинокий домик. Мы вошли в него. Он был пуст.

— Здесь пока и будет наш энпе, — решил я. — Коротенко, организуйте разведку, попытайтесь захватить «языка».

Иван Константинович направился вниз, навстречу подходившим частям. Первым появился 469-й полк, славные алексеевцы, отличившиеся при переходе через топь и в бою у болота Лиелаис-Пурвс. За ним следовал 674-й полк во главе с новым командиром подполковником Михайловым. Я еще не успел как следует узнать Михаила Максимовича за те несколько дней, что он находился в дивизии. Внешне он производил приятное впечатление — поджарый, широкоплечий, с узким лицом и живыми темными глазами. Подвижность, быстрота в жестах уживались в нем со спокойствием. В разговоре со старшими он больше слушал и записывал в блокнот, чем говорил сам. Интересно, каков он окажется в бою? Об уроке, полученном его предшественником, он уже был наслышан и, надо полагать, не повторит его ошибок.

756-й полк прибыл последним, но место ему отвели ближе всех к реке — завтра бойцам Зинченко предстояло первыми ее форсировать.

Быстро сгущались сумерки. Айвиексте залило густым молоком тумана. Я присел за фанерный столик и склонился над картой с нанесенной обстановкой. Вошел Дьячков и доложил:

— Первый эшелон занял исходный рубеж.

— Проконтролируйте,— сказал я начальнику штаба,— как саперы готовят переправочные средства. Это главное. К утру они должны быть на воде, в зарослях у берега. Сигналом для начала будет залп гвардейских минометов.

Я вышел с Дьячковым на крыльцо. Темнота стояла уже густая и вязкая, как деготь. С той стороны донеслось несколько пулеметных очередей. Потрескивая, взмыла вверх зеленая ракета. После нее стало еще темней. Опять выбил короткую дробь немецкий пулемет. И снова воцарилась тишина.

Но я знал, что в этом безмолвии саперы ладят плотики, гонят по воде взятые у рыбаков лодки, отрывают окопы и ходы сообщения. Дивизия не спала, готовилась к завтрашнему бою.

Я вернулся в комнату и вновь принялся изучать карту. Коротенко появился как-то внезапно.

— Как разведка?

Немного помолчав, словно собираясь с мыслями, он начал рассказывать:

— Весь луг покрыт туманом. Как следует просмотреть огневую систему противника не удалось. Разведгруппа подошла к самому берегу. Видели отдельную высоту. Там фигуры немцев маячили. С той стороны изредка били короткими очередями пулеметы.

— А как с «языком»?

— Порядок. Пулеметчика притащили. Целого и невредимого.

— Хорошо. Теперь можно уточнить оборону противника, систему огня. Вы сами проведите допрос пленного.

— Есть! — Коротенко бесшумно вышел.

Спать не было никакого желания. Я отправился к исходному рубежу первого эшелона. Здесь тоже не смыкали глаз. И не только наблюдатели, которым полагалось бодрствовать по уставу, но и все остальные бойцы. Люди сидели группками и шепотом о чем-то разговаривали. Курили лежа, в рукав, тщательно соблюдая светомаскировку. И они, уже закаленные, испытанные воины, волновались. Тем более что предстояло преодолевать реку. А вода многих пугает. Особенно тех, кто не умеет плавать.

Нервничал и противник. Время от времени он открывал стрельбу — так, на авось. Больше, видимо, для собственного успокоения. Туман растаял, и в черной ленте реки отражались опрокинутые цветные дуги ракет. Красивое это было зрелище.

Пройдя через лесок, я вышел к низкому камышовому берегу. Здесь собрались офицеры-операторы и разведчики. Новый наблюдательный пункт оперативной группы был подготовлен тут же. На берегу мы и провели остаток ночи.

Под утро на реку вновь упал туман. Медленно, словно нехотя, разливался бледный рассвет. В тылу заворчали автомобильные моторы — какие-то запоздавшие машины пробежали по дороге. И снова все стихло.

Подошел Максимов:

— Артиллерия готова к открытию огня.

Я глянул на часы. Еще немного — и можно будет начинать.

И вот с сердитым воем высоко над рекой пронеслись огненные полосы — «катюши» дали залп, положивший начало бою. Загремели пушки. Из леска ударила дивизи-

онная артгруппа, стремясь подавить неприятельские батареи. От берега отчалили лодки и плотики с бойцами.

Подавить артиллерию врага полностью мы не смогли — недоставало разведданных. И фашисты тотчас начали ответную стрельбу из орудий и минометов. Их берег господствовал над нашим. Немцы били по воде, где в редеющем тумане темными тенями скользили плоты с людьми. В артиллерийский гром вплетали свой голос пулеметы.

Тихая река Айвиексте в одну минуту стала кипящей, вздыбленной фонтанами тяжело опадавшей воды. Туман рассеялся, и над переправой появилась вражеская авиация. «Юнкерсы» пикировали даже на отдельные плоты. «Фокке-вульфы» прочесывали реку пушечными и пулеметными сериями. Я запросил авиационное прикрытие на переправу. Наши «яки» не заставили себя долго ждать. В небе завязались воздушные схватки. Бомбежка переправы велась уже не так организованно, как вначале. Но все-таки перевес в воздухе был на стороне противника. На этот раз наших самолетов оказалось значительно меньше, чем неприятельских, и полностью прикрыть переправу они не могли.

А тем временем высадившиеся на правый берег бойцы схватились с гитлеровцами врукопашную. На помощь им подходили все новые наши десанты. Поднятая снарядами вода обрушивалась на ненадежные бревенчатые плотики, сбрасывая людей в реку. Одни снова влезали на плоты, другие вплавь или вброд самостоятельно добирались до берега.

Вот уже через Айвиексте переправился Зинченко. Начал форсирование реки Алексеев. На берег поодиночке выкатываются орудия — их тоже надо переправлять. А вода теперь белеет полосами всплывшей оглушенной рыбы.

И как нередко бывает в страшные, напряженные минуты, эта пустячная деталь вдруг привлекает внимание многих.

— Смотрите, это же сазаны! — говорит кто-то со знанием дела. Чей-то голос рядом со мной мечтательно вторит:

— Эх, Блинника бы сюда! Он бы сделал уху — одно объедение.

Но пока было не до ухи. Я видел, что дальше первой траншеи, протянувшейся вдоль берега реки, наши подразделения продвинуться не могут. Перед ними лесистые высотки, ощетинившиеся пулеметами. Они изрыгают свинцовый ливень. Усиливается огонь с флангов. Трудно бойцам, занявшим вражеские окопы.

Айвиексте преодолевает 1-й батальон 469-го стрелкового полка под командованием капитана Ф. А. Ионкина. За ним — батальон капитана С. Д. Хачатурова. Этот высокий, красивый южанин сменил комбата В. И. Колтунова — того, что в бою за Заозерную получил тяжелые ожоги и был отправлен в госпиталь. Хачатуров уже успел показать себя как лихой командир — под стать своему предшественнику. Вот и его бойцы выпрыгивают на берег и скрываются в траншее.

Я приказал Максимову сосредоточить огонь на высотах. В обороне врага стали появляться отдельные бреши. В них небольшими группами начали просачиваться наши бойцы.

Позже я узнал, что первым прорвал неприятельскую оборону батальон Хачатурова. Особенно отличился пулеметный расчет сержанта Пуртова. Он вырвался вперед и занял очень выгодную огневую позицию. Немцы его пока не видели. Пуртов до поры до времени решил выждать. Когда наш батальон поднялся в атаку, станковый пулемет Пуртова ударил по врагу с тыла. Гитлеровцы растерялись и поспешно оставили холм, который занимали.

Когда все это происходило, я переправлялся на лодке на правый берег. На веслах сидел возбужденный Коротенко. На корме пытался править обломком весла наш начальник отделения кадров капитан Теплоухов — Саша, как запросто называли его все офицеры дивизии. Каким образом он очутился со мной в лодке, я и сам понять не мог. Впрочем, желание «понюхать пороху» часто толкало Сашу на поступки, не предусмотренные его не очень боевой должностью. И я, признаться, на это смотрел сквозь пальцы.

По выемке прибрежного луга мы прошли в окоп, где был развернут наблюдательный пункт Алексеева. Обосновавшись там, я стал размышлять над тем, как скорее выкатить на прямую наводку переправлявшуюся артиллерию. Припекало августовское солнце. Рядом в окопчиках

сидели разморенные зноем разведчики — они пока что были «безработными». Положив автоматы на бруствер, они поглядывали на высоту, где в громе и дыму дрался батальон Хачатурова.

Послышался писк зуммера, и телефонист доложил:

— Хачатуров на проводе!

Я взял трубку:

— С вами говорит Шатилов. Вы меня слышите хорошо?

— Да.

— Прошу огня по высоте! Как можно скорее! Я хотел узнать обста... Алло! Алло!

Связь оборвалась. Мешкать было нельзя — выкатить орудия на прямую наводку требовалось во что бы то ни стало. Но это легко сказать, а сделать... Перед нашим НП и в стороне от него с противным визгом падали мины. Шансов остаться невредимым от их осколков там, на лугу, было немного. А ведь именно туда и следовало выкатывать орудия. И это значило, в первую очередь, лишиться лошадей, представлявших наиболее удобные цели для брызжущего во все стороны металла. Но иного выхода не было.

Теперь все зависело от ездовых. Я бросился к ним:

— Вперед, товарищи! Не жалеть лошадей! В ваших руках победа!

Вернувшись в окоп, я спросил оказавшегося тут Теплоухова:

— Ордена с собой?

— Так точно, — ответил он, похлопав по полевой сумке.

— Ездовому, который будет первым, вручим орден тут же. Приготовь!

Мины падали все ближе к орудиям. Кони прядали ушами, норовили встать на дыбы. По лугу уже неслась в сторону охваченной боем высоты четверка, запряженная в семидесятишестимиллиметровое орудие. Ею лихо правил плотный, коренастый боец. Сразу чувствовалось, что это человек, сызмальства умеющий обращаться с лошадьми. Его власть над животными была сильнее ужаса, в который их привел минометный обстрел.

Вот левый конь в упряжке споткнулся и полетел на землю. По его морде струилась кровь — осколки разорвавшейся вблизи мины пробили ему голову. Упряжка оста-

новилась как вкопанная. Ездовой быстро соскочил на землю, обрубил постромки, и снова упряжка с места рванула галопом. Достигнув намеченной позиции, лошади круто развернулись, и расчет быстро изготовился к бою. Тотчас же голос орудия вплелся в какофонию сражения. А боец уже гнал коней назад.

По моему приказанию смельчак прибыл на НП. Им оказался рядовой Алолов. Лет ему было немногим более сорока. Дома его ждали десять человек детей. Таким обильным потомством мог похвастаться далеко не каждый. А вот поди ж ты, в критическую минуту он первым бросился на смертельное дело, показал и лихость, и сноровку, и мужество настоящего патриота.

Кормилец большой семьи, которому жизнь дорога вдвойне, Алолов не осторожничал и не прятался за чужие спины. Наоборот, он увлек своим примером и остальных. Следом за ним помчались другие упряжки. Вовремя выпущенный залп «катюш» привел в замешательство минометные расчеты немцев, облегчил нашим артиллеристам развертывание. И сейчас, когда Алолов находился на НП, уже около десятка наших орудий стреляли прямой наводкой по вражеским траншеям и огневым точкам.

С теплым чувством вручил я Алолову орден Красной Звезды — высшую награду, которую командир дивизии мог давать по своему усмотрению. Обняв его и расцеловав, я от души сказал бойцу:

— Желаю тебе живым и здоровым встретить последний час войны.

И ведь сбылось это пожелание! Невредимым окончил свою фронтовую дорогу бравый ефрейтор Алолов в самом что ни на есть фашистском логове, вернулся к жене и к своим десяти наследникам...

Наконец завершили переправу полк Михаила Максимовича Михайлова и 991-й полк самоходной артиллерии, которым командовал мой старый знакомый Василий Иванович Гордеев. Под Идрицей я распорядился этим полком самовольно. На этот раз он был придан дивизии официально.

Полкам я поставил задачу: засветло захватить две господствующие высоты, перерезать дороги, ведущие к реке. Бой разгорелся с новой силой, медленно перемещаясь в глубь неприятельской обороны. Наша оператив-

ная группа перебралась на новое место, откуда полнее охватывалась картина боя.

Обосновались мы в одиноком домике, к которому подступало мелколесье. У крыльца толпились яблони, склоняя крупные ветви, отягощенные желтоватыми шарами белого налива. В комнате не умолкал телефонный аппарат. То докладывал Зинченко, что не чувствует соседа слева и отбивает фланговые атаки, — пришлось помогать ему артиллерийским огнем. То звонил Михайлов, сообщая об ожесточенной стычке, в которой переплелись наши и неприятельские боевые порядки. Разговор наш прервал Курбатов:

— Немецкая цепь на опушке!

Прозвучал чей-то тревожный возглас:

— Идут на нас!

Схватив автоматы, мы с Курбатовым выскочили из дверей, залегли. Приготовились отстреливаться и другие офицеры оперативной группы. По кустам действительно двигались неприятельские солдаты и на ходу палили из автоматов по дому и саду. Опять, как и у Лиелаис-Пурвс, мы попали в переделку. Моя вина. Перебрался на новый НП, не дождавшись комендантского взвода. Теперь за это легкомыслие, может быть, придется расплачиваться самой дорогой ценой.

Изготовившись к стрельбе, я вдруг услышал надсадный рев мотора. На подъеме показалась полуторка с бойцами. «Вот оно, наше спасение!» — вспыхнула радостная мысль. Но не тут-то было! Пули ударили в борта и кабину грузовика, шофер прибавил газу, развернулся и был таков.

— Трусы, сволочи, — процедил сквозь зубы Курбатов.

Надежда на благополучный исход передряги мгновенно испарилась. Ловя на прицел серые, прячущиеся за кустами фигуры, я нажал на спусковой крючок... Вдруг стрельба вроде бы стихла. Я непроизвольно оглянулся, почувствовав, что это связано с чем-то, чего я не вижу. И замер. На гребне дороги, по которой несколько минут назад выскочила к нам полуторка с солдатами, появилась невысокая девушка в солдатской форме. «Оля!» — сразу узнал я.

Румяной, круглолицей Оленьке — нашему почтальону — было лет девятнадцать. Но выглядела она не больше чем на шестнадцать. Все у нас любили эту веселую и очень старательную девушку. Сейчас она беспечно шла,

перебросив за спину толстую сумку, стрельба нимало не смущала ее. Да и чего ей было бояться? Она знала, что идет к оперативной группе, которая находится достаточно далеко от боевых порядков. И только когда пули подняли около нее фонтанчики пыли, когда кто-то крикнул отчаянным голосом: «Оля, ложись!» — она поняла, что творится что-то неладное, и плюхнулась наземь, выставив впереди себя почтовую сумку.

В таком положении Оля пробыла недолго. Через несколько секунд она вскочила и стремительным броском, которому мог бы позавидовать даже бывалый солдат, достигла крыльца осажденного домика. Схватив чей-то автомат, стоявший у входа, она бросилась туда, где залегла оперативная группа.

— Оля-я, вернись, Оля! — закричали ей радисты, наблюдавшие за происходящим. Но девушка уже скрылась за углом дома. Тотчас оттуда брызнула автоматная очередь. И тут случилось нечто невероятное. Неприятельские солдаты, будто напуганные Олиной стрельбой, начали поспешно отходить в лес.

Но чудес на свете не бывает. Просто оказалось, что в тыл противнику зашла рота из алексеевского полка и открыла залповый огонь. Смертельная опасность, нависшая над нами, миновала. Возбужденные боем офицеры громко смеялись и шутили:

— Вот ведь подошла Оля и сразу немцев отбросила!

— Причем, заметьте, с большими потерями для них — даже раненых побросали.

— Да, не то что те герои с полуторки. Откуда они, кстати? Наши?

— Нет, не наши. Это, по-моему, какие-то заблудившиеся артиллеристы...

День, густо насыщенный событиями, сменился сумерками. А вслед за ними быстро и незаметно подкралась ночь. Но бой не утихал. На поросших лесом высотах вспыхивали яростные схватки. В темноте наши и немецкие боевые порядки перепутались окончательно. Командиры батальонов, оторвавшись от соседей, занимали круговую оборону или начинали пробиваться навстречу друг другу. Управление боем терялось. Борьба шла на ощупь. В лесу завязывались рукопашные поединки.

На левом фланге дивизии, где действовал 756-й полк, положение осложнилось. Наш сосед — 207-я дивизия —

отстала километра на три. И гитлеровцы, введя в бой резеревы, начали теснить Зинченко. Дело принимало плохой оборот. Надо было немедленно и полностью восстановить управление боем, овладеть инициативой.

Зинченко получил приказание наступать несколько правее, прижаться к 674-му полку. Вся артиллерия дивизии обрушилась на огневую систему противника. После артудара все батальоны были подняты в атаку. Положение на левом фланге немного улучшилось.

С упорнейшим сопротивлением столкнулся и 469-й полк. Все три комбата этого полка — Ионкин, Давыдов и Хачатуров — действовали с исключительной отвагой и находчивостью. Получив артиллерийскую поддержку, батальоны рванулись вперед. Все переплелось — выстрелы, хлопки гранат, вскрики ярости и боли. Гранаты порой использовались как молотки — ими колотили вражеских солдат по голове.

Славно поработали в этом бою саперы 469-го полка под командой Владимира Николаевича Колоколова. В кромешной тьме им приходилось резать проволочные заграждения, обезвреживать минные поля, очищать дороги для пехоты и танков.

После полуночи доклады командиров полков и батальонов, поступавшие на КП дивизии, уже свидетельствовали о том, что войска обрели взаимодействие и ведут организованное наступление. Эти сообщения радовали. Крепла уверенность, что дивизия не хуже других справится с поставленной задачей.

До рассвета оставалось недалеко. Скрипнула дверь, и в дом вошел Михаил Васильевич Артюхов. Начальник политотдела был в приподнятом настроении, глаза у него горели. Он только что вернулся из подразделений.

— Отчаянно сражаются ребята, — заговорил Михаил Васильевич, энергично жестикулируя. — Просто орлы! Знаете, как сержант Аганцов из четыреста шестьдесят девятого отличился? Вырвался со своим отделением вперед. Человек двадцать они уничтожили. Сам сержант с десяток уложил из автомата. Гитлеровцы окружили их. Патроны у ребят кончились. Начали отбиваться гранатами, потом до прикладов дело дошло. Все полегли, один Аганцов остался. Левую руку ему перебило, потом еще четыре ранения получил. Но захваченной позиции не сдал. Кидал гранаты до последнего, пока не подоспели наши.

Его на носилках в медсанбат, и тут же листовку выпустили: «Бери пример с сержанта Аганцова!» Исключительно высокий боевой дух у людей, точно говорю!

На востоке разгоралась утренняя заря. Стрельба заметно стихла. По дороге мимо нашего наблюдательного пункта потянулись небольшие группы пленных. Пришла приятная весть: за сутки боя нами захвачено двадцать немецких штурмовых орудий. Их отправили в 991-й полк к Гордееву. У самоходчиков ведь частенько случались те же заботы, что и у летчиков, и у танкистов: потери в боевых машинах восполнялись медленнее, чем потери в людях. И оставшиеся «безлошадными» артиллеристы жаждали заполучить хоть какое орудие...

Первые сутки боя на Айвиексте окончились в нашу пользу. Мы преодолели водную преграду, вклинились в глубокую, хорошо развитую оборону противника, потеснив его на решающих участках. Люди действовали умело и отважно. Потерь у нас оказалось меньше, чем можно было ожидать. Командиры полков и батальонов управляли подразделениями уверенно. Лишь в начале ночного боя они несколько утратили чувство обстановки, потеряли связь с соседями. Но вскоре наладили. Неплохо зарекомендовал себя Михайлов, проводивший свой первый бой в должности командира 674-го полка.

Все это было так, но... Успех первого дня еще не решал всей задачи в целом. Окончательно сломить противника нам не удалось. Еще два дня продолжались бои. Сопротивление гитлеровцев не ослабевало. Заметно было их преимущество в воздухе — фронтовое командование на этот раз не баловало нас авиационной поддержкой. И каждый отвоеванный метр давался нам с большим трудом, хотя перевес в сухопутных силах был на нашей стороне.

Лишь на третьи сутки после форсирования Айвиексте мы вышли к деревне Арики, расположенной всего в десяти километрах от переправы. Но и перед ней пришлось топтаться дня два. Прежде чем мы закрепились в этом населенном пункте, он трижды переходил из рук в руки. В конце концов перевес оказался на нашей стороне. Части дивизии захватили много пленных, всякой военной техники, боеприпасов и лошадей.

Противник откатился километра на три, к полотну железной дороги. Там проходил рубеж, прикрывающий

реку Арона. Сама Арона, текущая с севера на юг и впадающая в Айвиексте, выглядела по сравнению со своей старшей сестрой не рекой, а ручейком. Но укрепления на ней были сильные.

Их предстояло преодолеть.

НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

Я слышал от многих, что люди на войне частенько заражаются фатализмом, с повышенным вниманием начинают относиться ко всякого рода приметам и предзнаменованиям. Не знаю, как кого, но меня не мучили сомнения, если какое-нибудь дело приходилось начинать в понедельник; я не сворачивал с дороги, если ее перебегала черная кошка или навстречу попадалась баба с пустыми ведрами. Впрочем, кошек в деревнях осталось мало, а женщин за их повседневным трудом мы видели редко.

И все-таки бывали совпадения, обращающие на себя внимание. Ну хотя бы тем, что случались они очень редко.

С утра 13 августа 79-й стрелковый корпус дрался на подходах к Ароне. В полосе нашей дивизии противник был сбит с железнодорожного полотна, и бой теперь переместился за насыпь, в лес. Зеленая чащоба гудела и стонала от снарядов и мин. Новые разрывы сливались с эхом предыдущих. Схватка была жестокой.

На этом этапе операции перед войсками 2-го Прибалтийского фронта стояла задача нанести концентрированный удар с севера и юго-востока по городу Мадона и овладеть им. Мадона хоть была и небольшим городком, но представляла собой важный для общего хода наступления узел железных и шоссейных дорог. Наш корпус непосредственно не участвовал в освобождении Мадоны, но мы должны были сковать и потеснить немецкие части, прикрывавшие город с юга, и тем самым помочь нашим соседям ворваться в него. Меридиан Мадоны мы уже прошли — город находился в девяти километрах к северо-востоку от нас.

Помня о главной задаче фронта, мы изо всех сил старались в этот день прорваться к реке, чтобы как можно больше ослабить силы противника. Ведь в эти часы уже завязывалась перестрелка на окраинах Мадоны.

Бой дивизия вела всеми силами — три полка наступали, развернувшись в одну линию. Их поддерживали гордеевские самоходчики. Михайлов донес, что не имеет локтевой связи со своим левым соседом — 380-м полком 171-й дивизии. С наблюдательного пункта, расположенного перед железнодорожным полотном, уже ничего не было видно. Я подумывал, что пора бы перенести его за железную дорогу.

По радио связался с командиром корпуса, доложил ему обстановку и свое решение, спросил о положении 171-й дивизии — не оголила ли она наш левый фланг? Переверткин рассеял мои сомнения:

— Переход на новый НП разрешаю. По данным, которыми я располагаю, все идет нормально. За свой фланг не беспокойтесь, смотрите вперед!

Я приказал готовить новый наблюдательный пункт. Место для него было выбрано среди сосняка на возвышенности, откуда хорошо просматривались боевые порядки на главном направлении. Как только саперы наспех, с колена отрыли окопы, оперативная группа стала перебираться на новое место, хотя там далеко не все еще было готово. Со мной отправились командующий артиллерией дивизии Максимов, начальник дивизионной разведки Коротенко, начальник оперативного отделения Офштейн, дивизионный инженер Орехов, помощник начальника связи Муравьев, мой адъютант Курбатов, ординарец Костя Горошков, радисты и телефонисты. Позже подошла Таня Павлова — младший лейтенант медицинской службы.

Все мы любили эту славную девушку из далекого сибирского села, мечтавшую стать актрисой. В редкие часы отдыха, когда оперативная группа оказывалась в сборе, мы охотно подпевали Тане, заводившей высоким голосом старинные русские песни. Она, как могла, развлекала нас шутками и импровизированными сценками. Младшего лейтенанта любили не только за веселый нрав и ровный характер. Павлову уважали за неженскую храбрость, за доброе фельдшерское искусство.

На этот раз Офштейн сказал Тане и еще нескольким офицерам, обычно входившим в оперативную группу:

— Вы останетесь за насыпью, пока новый энпе не оборудуют окончательно. А то будет слишком много народу, не сумеем соблюсти маскировку.

Когда все ушли, Таня, подумав, тоже собралась в путь — ведь в группе-то не было ни одного медика. Случись что, и некому даже сделать перевязку. Этого она допустить не могла.

— Таня, куда идешь? — закричали ей, когда она переходила насыпь. — Убьют!

— Для меня немец еще пули не отлил, — задорно ответила девушка.

Израиль Абелевич, увидев ее, поморщился, но не сказал ни слова. Сам он сидел у стереотрубы. А я смотрел, как рвался вперед батальон Давыдова, как, следуя за ним уступом, двигался по кустарнику батальон Ионкина. Левее наступали батальоны капитанов Калинина и Ткаченко из михайловского полка.

Я пробрался к Офштейну. Он был чем-то необычайно взволнован.

— Ну, какие тут у вас дела? — поинтересовался я.

— Товарищ командир дивизии, не вижу соседа слева! Вы знаете, от насыпи и до самой Ароны никого нет. Мне все-таки кажется, что сосед и не выходил за полотно.

— Не может этого быть.

В стереотрубу хорошо просматривались отдельная рощица, кустарник, открытый луг — и нигде ни души. Похоже, что Офштейн был прав. Смутное беспокойство закралось в душу. Но, вспомнив твердые, спокойно сказанные слова командира корпуса: «За свой левый фланг не беспокойтесь», я если и не успокоился окончательно, то, во всяком случае, подумал, что обзор влево у нас слишком ограничен, чтобы делать твердое заключение об обстановке.

Перейдя в свой окоп, где радисты налаживали рацию, я сказал Муравьеву:

— Свяжитесь с Михайловым, уточните, есть ли кто у него слева.

Через несколько минут Муравьев докладывал:

— Командир полка утверждает, что никого из соседей не видел и связи с ними не имеет. Слышит стрельбу слева, сзади железной дороги. А по эту сторону полотна никто не выходил.

Настроение у меня упало. В это время принесли обед, и я дал команду всем подкрепиться. Разместились на вольном воздухе, под мягкой тенью сосен. На землю, слегка присыпанную хвоей, постелили две палатки. На одной

из них уселись Орехов, Муравьев, Коротенко и Таня. Здесь то и дело слышался смех — рассказывали что-то забавное. До меня долетели чьи-то слова: «Вот дерзкая девчонка! Не выполнила приказ Офштейна. Подожди, попадет тебе на орехи!»

Мы с Максимовым и Офштейном немного задержались, и когда, усевшись по соседству, принялись за густой борщ, обед веселой компании уже шел к концу. И тут воздух вдруг распороло сухим треском. Над макушками сосен разорвалось несколько мин. Горячие осколки, шишки и хвоя полетели наземь. Не донеся до рта ложку, я бросился в укрытие. Все остальные сделали то же самое. Я с размаху плюхнулся на радиста, который плотно прижался ко дну траншеи.

Мины продолжали рваться. Осколки шуршали, визжали, свистели. Несколько минут продолжался этот налет. С последним разрывом в соседнем окопе вдруг раздался страшный женский крик. У меня захолонуло сердце. Но необходимость действовать отодвинула все на задний план. Паузу в обстреле надо было использовать немедленно. И, поднявшись, я крикнул Максимову:

— Дай залп реактивными снарядами по минометной батарее!

Максимов схватил телефонную трубку. Но тут снова прозвучали хлопки мин, вынудившие нас поплотнее вдавиться в окопы. Через несколько минут нарастающим мажором прозвучала, покрывая все звуки, самая милая для нашего слуха музыка «катюш». Вслед за этим наступила тишина.

Словно сквозь вату в ушах, я услышал голос Кости Горошкова:

— Фу-ты, чуть не убило!

— Чуть-чуть не считается, — вразумительно отозвался Курбатов, поднимаясь и стряхивая с одежды пыль. Вылез из окопа и я.

— Товарищ полковник, у вас гимнастерка на спине пополам разорвана, — с тревогой произнес Костя. Гимнастерка и правда была вспорота осколком. Но спина оказалась цела.

У соседнего окопа собралась группа солдат и офицеров. Мы с Офштейном поспешили туда. На дне укрытия, скрючившись, лежала Таня. Бедная девушка! Во время первого налета осколком мины ей оторвало грудь. А как

только начался второй налет, еще один осколок ударил ее под левую лопатку. Она лежала окровавленная, бледная и бездыханная. А поодаль от нее в лужицах крови шевелились Максимов, Орехов и Коротенко.

Орехов стонал, повторяя время от времени: «Помогите... Помогите...» У него был прямо-таки разворочен правый бок. Максимов негромко сказал:

— Я, видать, не выдержу. Стар уже, а рана тяжелая. Прощай, Василий Митрофанович. — Он, кажется, впервые назвал меня по имени-отчеству.

И только Коротенко молчал, глядя на нас спокойным-спокойным взглядом. Это молчание было самым нехорошим признаком, оно пугало меня больше всего.

Раненых тотчас же отправили в медпункт. Оперативная группа поспешила оставить негостеприимное место. Мы вернулись на прежний НП, который хоть и не был так хорош для руководства боем, зато был безопаснее.

Возвращаясь, я зашел в медпункт проведать раненых. Коротенко лежал под сосной у ручья. Губы у него почернели, запеклись, глаза были закрыты. Всю грудь опоясывали бинты. Когда я опустился на землю и склонился над ним, он приоткрыл глаза.

— Ну что, болит, дорогой?

— Нет...

Казалось, он хотел что-то сказать, но сил не хватало. Подошел хирург в белом халате — высокий, русоволосый, с открытым русским лицом. Это был капитан медицинской службы Иван Филиппович Матюшин. Несмотря на свою молодость, он пользовался репутацией отличного врача. Я поднялся и спросил шепотом:

— Скажите, ранение тяжелое?

— Да, — кивнул он головой, — очень. Надежды никакой.

Матюшин склонился над Иваном Константиновичем и, сжав длинными, сильными пальцами его запястье, принялся считать пульс. Потом поднялся и снова покачал головой.

— Может быть, тебе что-нибудь нужно, Иван? — спросил я Коротенко. Тот чуть слышно выдохнул: «Нет».

Неподалеку, запрокинув голову, лежал Орехов. Иван Федорович не прекращал стонать.

— А он как?

— Плохо, — негромко ответил Матюшин. — Сильно разворотило бок, ребра переломаны. — Потом уже громко добавил: — Орехова можно оперировать. Сейчас будем готовить.

Иван Федорович даже поднял голову:

— Делайте что хотите, только поскорее!

Я подошел к Максимову. Он лежал молча и неподвижно, накрытый одеялом.

— Тоже тяжелый, — шепнул мне Матюшин, — но надежда есть. Прооперируем...

К вечеру умер Коротенко. Похоронили его в лесу, неподалеку от Тани Павловой, которой так и не суждено было стать актрисой. А он, Иван Коротенко? Кого лишила нас судьба в его лице — ученого, писателя, полководца? Человек он был незаурядный, но никто из нас не представлял его в ином качестве, кроме разведчика, — настолько был он хорош на своем посту. Во всем корпусе не было лучшего мастера разведки, чем этот двадцатичетырехлетний майор. К этому делу у него был настоящий талант: храбрость сочеталась с расчетливостью, предприимчивость с сообразительностью, пылкость с терпением. Всегда он был на самом опасном направлении, там, где решалась наиболее трудная задача. И пули миловали его. А тут...

Одним словом — тринадцатое число. Но к черту мистику. Я не склонен был сваливать несчастье на случайность. Конечно, я не мог не признаться себе в том, что во всем происшедшем была изрядная доля моей вины. Пренебрег осторожностью, не сделал всего необходимого для обеспечения скрытности при размещении на новом НП. Да и командир корпуса слишком оптимистично посоветовал не беспокоиться за фланг, а смотреть вперед. А знай я, что соседнюю дивизию потеснили и она не перешла за железнодорожное полотно, я действовал бы по-иному.

Горько было и тяжело, ведь погибли и выбыли из строя близкие мне люди, с которыми я успел по-настоящему подружиться. Тяжелое чувство не могла развеять даже радостная весть о взятии Мадоны и о форсировании реки Ароны. Немного успокоился я лишь тогда, когда узнал, что Максимов и Орехов операции перенесли благополучно. Но судьба разлучила меня с ними. Оба они надолго легли в госпиталь. Иван Федорович Орехов потом снова попал на фронт, но уже в другую дивизию. Алек-

сандр Васильевич Максимов по выздоровлении начал службу на новом поприще — в военно-учебных заведениях. И тот и другой своим спасением были обязаны превосходному хирургу Ивану Филипповичу Матюшину.

...А мы продолжали до конца месяца вести трудные наступательные бои. В рукописной книге «Боевой путь 150-й дивизии» тем двум неделям посвящены два скупых абзаца:

«С 14 августа 1944 года началась армейская операция, где основная роль отводилась 100-му стрелковому и 5-му танковому корпусам, которые вводились в прорыв. Нашей дивизии ставилась задача обеспечить левый фланг стрелкового корпуса и армии.

В ходе выполнения поставленной задачи, занимая временно активную оборону на участке озера Лабоне-эзерс, Рубени и по восточному берегу реки Светупе, дивизия 16 августа овладела станцией и городом Марциена. После ряда боев к 20 августа наши части вышли на рубеж Аугусте, Авены, где бои возобновились с новой силой. В течение 20—28 августа войска дивизии отражали яростные контратаки на правом фланге. Эти контратаки характеризовались особенно сильным огнем артиллерии и интенсивными налетами авиации противника».

Кое-что здесь стóит прокомментировать, дополнить личными впечатлениями.

Мне запомнилось зловещее уханье шестиствольных немецких минометов. Здесь их было особенно много. И еще запомнилось острое, долго не проходящее чувство тревоги: 21 августа в тылу у нас с севера высунулся «язык» неприятельских войск. 100-й стрелковый и 5-й танковый корпуса не сразу сумели отсечь его и уничтожить.

Помню, как содрогался воздух от рева авиационных моторов и взрывов бомб. В небе то и дело вспыхивали воздушные схватки. Увы, победа не всегда сопутствовала нашим «ястребкам». Один «як» буквально над нами вдруг выпустил шлейф черного дыма и резко пошел на снижение. Я сел на «виллис» и поехал к месту, где упал самолет, в надежде, что летчику еще не поздно оказать какую-нибудь помощь. Но куда там! Машина по самые крылья врезалась в землю...

Контратаки немцев, поддержанные танками и самоходками, следовали одна за другой. Мы перешли к обороне. Дело складывалось скверно. Командир корпуса не

мог оказать нам помощи танками, а своих не хватало. Негусто было и с боеприпасами, снаряды приходилось расходовать очень экономно. И некоторые батальоны, действовавшие после почти непрерывных двухмесячных боев в половинном составе, отошли. Противник вклинился в наши боевые порядки.

В памяти хорошо сохранился день 27 августа. Находясь у Зинченко на наблюдательном пункте, стиснутом неприятелем с трех сторон, я мучительно раздумывал: что сейчас вернее — атака или планомерный отход для выравнивания линии фронта? Неожиданно кто-то схватил меня за руку выше локтя. Я обернулся. Сзади стоял взволнованный радист — Алексей Федорович Ткаченко, который свободно владел немецким.

— Товарищ полковник, — возбужденно заговорил он, — я сейчас перехватил радиограмму. Доклад вышестоящему командованию: «Боеприпасы на исходе, резервы иссякли. Русские не отходят, а сами переходят на отдельных участках в контратаки. Несу большие потери». Подпись я не разобрал.

— Что, так и передано открытым текстом?

— Так точно, открытым.

Ответ на занимавший меня вопрос подсказывал сам противник. Выходило, что немецкий командир решал те же, что и я, проблемы. Но у меня теперь было ценное преимущество: я знал и его возможности, и его взгляд на обстановку, а он ничего этого не знал обо мне. Чаша весов склонялась в пользу решительных действий.

Я распорядился, чтобы вся артиллерия дивизии произвела короткий налет по батареям противника, по местам, где он глубже всего вклинился в наши боевые порядки. После этого был дан приказ начать атаку всеми силами и по всему фронту.

Удар получился на редкость согласованным, дружным. К следующему дню противник полностью оставил занимаемый рубеж.

Наступила короткая передышка.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ РУБЕЖИ

НА ПОДСТУПАХ К РИГЕ

Ранняя осень в Прибалтике — прекрасная пора. Сады и огороды радуют глаз щедрыми дарами. Бабье лето улыбается тихими, погожими деньками — солнечными, но не жаркими. Бывает, набежит влажный ветер с моря, затянет небо тучами, мелкий дождик затушует горизонт, а на следующее утро, глядишь, солнце светит снова с прежним усердием. И плывут домой, на восток, белоснежные облака-паруса...

В один из таких приятных теплых дней мы с Курбатовым ехали принимать молодое пополнение. Кони не спеша трусили по мягкой лесной дороге. Впереди показалась поляна с высокими ометами соломы. Там, завидев нас, офицеры принялись строить новобранцев.

Спешившись, я обошел шеренги, поздоровался с бойцами. Потом приказал распустить их. Пополнение было немалое — тысячи полторы человек. Когда строй рассыпался, я пошел между солдатами. Этих людей, еще не составлявших единого коллектива, стягивал в небольшие кучки магнит землячества или путевого знакомства, возникшего в одной теплушке.

— А вы, случаем, не воронежские? — подошел я к самой большой, человек в триста, и, видно, самой дружной группе.

— Нешто похожи? — отозвался веснушчатый паренек. — Или здесь, товарищ полковник, воронежским почет особый?

— Конечно, особый. Если воронежские — значит, земляки. А как земляков не уважить?

— Тогда воронежские! — озорно крикнул веснушчатый.

— Да не бреши ты, балаболка, — оборвал его солдат с черными, сросшимися бровями. — Казаки мы, товарищ полковник. Кубанские. Вот как.

— Казаки? — удивился я. — Что-то вы ростом не вышли.

— А воронежские дюже вышли? — засмеялись солдаты. — По вас, товарищ полковник, что-то не видать. А мы свое еще возьмем, мы еще расти не перестали!

— Ну, теперь вижу, что казаки. За словом в карман не лезете. Если еще и воевать так же будете, тогда порядок.

— Товарищ полковник, просьба у нас. Вместе мы воевать хотим, чтобы, значит, не разлучаться. Из соседних мы станиц...

Я внимательно посмотрел на этих невысоких, но сильных и юрких ребят. В один батальон их, понятно, не сведешь — не будет он устойчив без костяка из бывалых фронтовиков. Но и просьба эта не была пустой. Здесь чувствовался коллектив, в котором взаимное влияние людей, вышедших из среды, где военное дело почиталось традиционным, могло принести добрые плоды.

— Вот что, товарищи бойцы, — ответил я им уже серьезно. — Полностью вашей просьбы я удовлетворить не могу. Это было бы не в интересах дела. Но распылять мы вас не будем. Все вы будете распределены между тремя ротами автоматчиков. Роты эти будут полкового подчинения. В каждом полку по одной. Ясно?

— Так точно, ясно! Спасибо, товарищ полковник!

Такие роты — своеобразный полковой резерв — были детищем современной тактики, непрерывно совершенствовавшейся в ходе войны. Они прошли проверку жизнью, накопился опыт их использования. В решающий момент боя, когда на каком-либо участке возникала особо острая ситуация, командир полка бросал туда автоматчиков. Это часто создавало крутой перелом в ходе боя.

Понятно, что в такие подразделения старались подбирать лучших солдат. У нас к тому моменту рот автоматчиков не было из-за нехватки людей. И вот с приходом пополнения появилась возможность их создать. Кроме кубанцев в них вошли бывалые бойцы, вернувшиеся из госпиталей.

Забегая вперед, скажу, что молодые казаки стали превосходными автоматчиками. Они сражались смело, расчетливо, самоотверженно.

К началу сентября в дивизии были восполнены потери и в комсоставе. На должность начальника артиллерии пришел подполковник Гончаров. Офицер он оказался знающий, с обязанностями освоился быстро, но все же не обладал таким сплавом боевого и житейского опыта, который в сочетании с беззаветной отвагой отливается в натуру незаурядную.

Хорош был и новый начальник разведки майор Василий Иванович Гук, присланный штабом армии. Все он делал правильно, как надо. Но и ему пока что не удавалось сравняться со своим славным предшественником. Да и не мудрено. Люди с таким ярким, самобытным талантом, как Коротенко, встречаются редко.

Вместо Орехова дивизионным инженером стал майор Владимир Чепелев — человек, которого все мы достаточно хорошо знали. Он был старожилом в нашей дивизии.

К этому времени 3-я ударная армия распрощалась со своим командующим Василием Александровичем Юшкевичем. У него совсем сдало здоровье, и он уж не мог переносить лишения фронтовой жизни. После лечения его назначили командовать только что созданным Одесским военным округом.

Слег в постель и Семен Никифорович Переверткин, его доняла болезнь желудка. Место его временно занял Григорий Иванович Шерстнев, помощник командующего армией. Я уже говорил, что все мы знали и любили этого боевого генерала. А он и по должности своей, и благодаря общительности характера хорошо знал командиров дивизий и полков, был в курсе всех наших дел. Потому и не пришлось ему осваиваться в корпусе.

Перерыв в боевых действиях мы старались как можно полнее использовать для учебы. Пополнение-то наше не было обучено даже элементарной солдатской науке. За несколько дней передышки бойцам требовалось освоить столько всякой премудрости, сколько в мирное время постигается за месяцы напряженного труда. Но война есть война, и темпы обучения тоже должны быть военными. Иначе слишком дорогой ценой придется платить за неумение.

И солдаты знакомились с оружием, практиковались в его применении, параллельно с этим приучались действовать в цепи, овладевали азами боя в лесистой местности. Занятия проводились близко к переднему краю, и роты иногда попадали под настоящие артобстрелы и бомбежки.

В том, что учеба проходила хорошо, с невиданной по нормам мирного времени эффективностью, мы очень многим были обязаны Михаилу Васильевичу Артюхову. Начальник политотдела сделал все, чтобы возбудить у бойцов нетерпеливое стремление к схватке с врагом, желание быстрее овладеть боевым мастерством. На помощь работникам политотдела, у которых главным оружием сейчас было слово, приходила сама обстановка на фронтах великой битвы. Что ни день, радио приносило победные вести. Успешно развивалось наступление на северо-востоке Румынии. Наши и румынские войска теснили немцев в Трансильвании. Гремели бои в Болгарии. Красная Армия сражалась за рубежом. И еще как сражалась!

А мы стояли на месте. И такое брало нетерпение, так хотелось скорее снова двинуться вперед, чтобы начисто вымести врага из Прибалтики!

Мы, конечно, не знали тогда, что еще 29 августа командующий 2-м Прибалтийским фронтом получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования, в которой предписывалось нашему фронту во взаимодействии с 1-м и 3-м Прибалтийскими фронтами разгромить группировку противника севернее Западной Двины и освободить столицу Латвии Ригу. И уже не спали ночей офицеры штаба фронта, ведя расчеты на предстоящую операцию. Тыловики заботились о доставке снарядов, мин, гранат, патронов, горючего, продовольствия и снаряжения. Три Прибалтийских, Ленинградский фронты и Краснознаменный Балтийский флот готовились к новому стратегическому удару.

Верховное командование вермахта было исполнено решимости удержать Прибалтику любой ценой. Она служила надежным прикрытием Восточной Пруссии с северо-востока, обеспечивала базирование немецкого флота в восточной части Балтийского моря, являлась опорой моста в Скандинавию, по которому в третий рейх шли необходимые для войны материалы. Наконец, прибалтийская группировка немцев сковывала силы Красной Армии,

которые можно было бы использовать в Белоруссии, Западной Украине и Румынии, угрожала флангам наших фронтов, наступающих в сторону Польши и Пруссии. Кроме того, с потерей Прибалтики гитлеровцы лишились бы изрядного количества хлеба и бекона, мяса и масла, синтетического горючего, добываемого из эстонских сланцев.

Всем этим Гитлер не намеревался поступаться. И Прибалтика заблаговременно и сильно укреплялась. Особое внимание уделялось рижскому направлению. Латвийскую столицу с северо-востока и востока прикрывали такие мощные рубежи, как «Валга», «Цесис», «Сигулда» и рижский оборонительный обвод...

Нам, войсковым офицерам, использовавшим перерыв в наступлении для боевой учебы, не были известны замыслы высшего командования. Не знали мы и подробностей стратегической и оперативной обстановки. Но в том, что наступление скоро будет продолжено, никто из нас не сомневался. И в том, что предстоит наступать на Ригу, тоже ни у кого не возникало сомнений. Это было логическим продолжением пути, начатого нами еще у Заозерной.

После того как у нас прошли итоговые занятия и части получили отличные и хорошие оценки, мы окончательно почувствовали себя готовыми к дальнейшим действиям.

Ждать пришлось недолго. 14 сентября фронт перешел в наступление.

150-я дивизия находилась во втором эшелоне корпуса. Но уже на третий день нас ввели в бой с ближайшей задачей форсировать реку Огре и закрепиться на ее западном берегу. Сразу же мы встретили ожесточенное сопротивление врага. Немцы не жалели снарядов и мин. Их пехота часто контратаковала нас при поддержке танков и штурмовых орудий. Мы отбивались, стараясь как можно меньше расходовать боеприпасов — нам по-прежнему отпускали их далеко не вдоволь.

На рассвете 18 сентября 756-й полк перерезал шоссейную дорогу между населенными пунктами Айзкарти и Лыэпкалнэ. Бой здесь разгорелся горячий и упорный. 1-й батальон под командованием Сергея Чернобровкина с ходу атаковал очень выгодную в тактическом отношении высоту с отметкой 161.5 и овладел ею. Собравшись с силами, гитлеровцы решили восстановить положение.

Два пехотных батальона при поддержке двадцати танков и штурмовых орудий устремились на занятые нами

позиции. Батальон Чернобровкина отразил этот натиск. Противник повторил контратаку. На этот раз ему удалось оттеснить наших бойцов за восточный скат. Однако Чернобровкин тоже не собирался отдавать завоеванное. Как только неприятельский нажим ослаб, он снова поднял своих солдат. В решительный момент, когда сила вражеского огня достигла предела, командир артиллерийского расчета младший сержант Сумкин выкатил свое орудие на прямую наводку и первыми же выстрелами подбил немецкую самоходную пушку. Его примеру последовали и другие расчеты. Атака увенчалась успехом, противник отошел и больше не пытался вернуть потерянное.

Примечательно, что 1-й стрелковый батальон чуть ли не наполовину состоял из новичков. Но эти не нюхавшие пороху ребята дрались отважно и умело. Впрок пошла им наука, полученная перед наступлением.

Вообще в этих осенних боях Сергей Васильевич Чернобровкин — молодой, статный майор с открытым русским лицом — показал себя тактически грамотным и бесстрашным комбатом. Спустя день или два его батальон вновь отличился при взятии высоты с отметкой 131.6.

Тяжелый бой пришлось выдержать и 469-му полку, прикрывавшему левый фланг дивизии. Воспользовавшись тем, что наш сосед — 43-я стрелковая дивизия — несколько отстал, противник обрушил на полк, которым командовал Алексеев, крупные силы. Случилось так, что на этом участке артиллерии у нас не оказалось. И людям пришлось отражать танковые атаки гранатами и огнем противотанковых ружей. Немцы частично потеснили алексеевцев. Последние, отойдя на новые позиции, заняли крепкую оборону и, приведя себя в порядок, нанесли ответный удар. Он оказался настолько сильным, что гитлеровцы откатились, оставив на поле боя свыше полутора сотен трупов, танк и несколько самоходок.

Алексеев, как всегда, расчетливо и умело организовал бой, сумев найти в позиции неприятеля наиболее уязвимые места. Единственно, в чем он заслуживал упрека, так это в своем стремлении находиться непременно на самых трудных и опасных участках. Несколько раз он лично поднимал цепи в атаку. После боя я уже не в первый раз выговаривал ему:

— Какая в этом была необходимость? Не забывай, что ты — командир полка и тебе положено руководить с

командного пункта, держать в своих руках управление. А то и сам погибнешь без толку и людей погубишь.

Алексеев оправдывался:

— Ясно, товарищ командир дивизии. Только ведь иногда и самому необходимо пример показать, выскочить вперед, в боевые порядки. Не могу я иначе.

— Так то иногда. А у тебя это «иногда» больно часто бывает. В общем, давай через «не могу», держи себя в руках.

— Слушаюсь, — отвечал он.

А я знал, что в следующем же бою он поначалу будет крепиться, потом, когда начнется наступление, не удержится и уйдет в какую-нибудь роту. Впрочем, повода для обвинений в потере управления полком Алексеев не давал. Опыт, интуиция помогали ему выбрать наиболее подходящий момент для отлучки с НП, да и замещали его люди достойные. А вот за его жизнь я опасался всерьез...

Дальше до реки Огре мы шли без боев, если не считать ночной перестрелки разведчиков с арьергардом немцев. Форсировать реку начали с ходу, вброд. Ширина ее не превышала полусотни метров. Противник заранее укрепился на этом естественном рубеже, и, хоть силы у него здесь были небольшие, он задержал продвижение 674-го полка, который первым появился на западном берегу.

Этот полк должен был обеспечивать переправу всей дивизии. Гитлеровцы атаковали его с левого фланга. Михайлов быстро развернул батальоны в негустом лесу, подступавшем к берегу, и принял удар. Два других наших полка начали переправляться севернее, чтобы скорее подоспеть на помощь Михайлову.

Бой длился всего несколько часов, но был жестоким. По просьбе Михайлова дивизионная артиллерия ударила по скоплению фашистов около хутора Липшас. Пехоту дружным огнем встретили стрелки. Не выдержав, она залегла. По танкам начали бить бронебойщики и орудия, успевшие развернуться на прямую наводку. Пять неприятельских боевых машин остановились, зачадив едким дымом. Остальные повернули назад. Их, вместе с самоходками, оставалось еще штук пятнадцать. Тут подоспели полки Алексеева и Зинченко.

Я помню, как с криком «Вперед!» встал во весь рост Михайлов. И тут же упал с тяжелой раной. К нему бро-

сились несколько солдат. Командира полка бережно положили на носилки и, не дожидаясь, пока вокруг перестанет бушевать раскаленный металл, понесли на передовой медпункт. А поднятые им батальоны неудержимо пошли вперед, сминая неприятеля.

С Михайловым мы распрощались навсегда. После эвакуации в тыловой госпиталь он к нам не вернулся. 674-й полк принял майор Евстафий Михайлович Аристов, бывший до этого комбатом в полку у Зинченко. По возрасту и боевому опыту он был старше других командиров батальонов и казался нам наиболее подходящим для выдвижения.

По неширокой грунтовой дороге 150-я двигалась к Западной Двине. С севера наползали рваные тучи и слезились еще не холодным, но по-осеннему нудным дождем. Вокруг лежали небольшие квадраты полей, исполосованные колесами и танковыми гусеницами. Лишь на немногих участках крестьяне успели скосить хлеб. Богатый урожай был почти начисто загублен.

На горизонте в небо упирались черные столбы дыма. Это горели дома и усадьбы латышей, подожженные отступавшим противником. Гитлеровцы окончательно наплевали на тонкости национальной политики в отношении населения Прибалтики. Отступая, они совсем распоясались.

Крестьяне освобожденных селений с ужасом рассказывали об убийствах, грабежах и насилиях, чинимых фашистами, о голодной зиме, которая ожидала их.

Мы стремились усилить темп наступления. Но это не всегда удавалось.

Наши колонны шли по дорогам, встречая на своем пути заранее подготовленные оборонительные линии. Расстояние между ними нередко не превышало 6—7 километров. Головные части обычно не обладали достаточной силой, чтобы с ходу опрокинуть неприятеля, прорвать рубеж. Немцы завязывали оборонительный бой, переходили в контратаки. И пока наступавшее соединение развертывалось, им удавалось на каком-нибудь из участков даже продвинуться вперед.

Ночью, если противник видел, что дальнейшее сопротивление не принесет успеха, он незаметно покидал позиции. И что греха таить, утром мы иногда начинали артналет, засыпая снарядами уже опустевшие траншеи.

А на следующий день такой же бой разгорался на новом рубеже. Не сразу нам удалось приспособиться к этой тактике.

Успешнее шли дела на таллинском направлении, где наступал Ленинградский фронт. Там враг оказывал меньшее сопротивление. И уже 22 сентября Совинформбюро сообщило об освобождении советскими войсками эстонской столицы.

Через четыре дня после этого события 150-я дивизия вышла к Западной Двине.

...Вечерело. С реки тянуло прохладой. Сумерки прорезали зарницы орудийных выстрелов. К басовитому гулу орудий присоединились голоса автоматов и пулеметов. Где-то на том берегу, к северу от нас, гремел бой.

Наши полки развернулись вдоль берега. Я стоял на возвышении и не отрывал бинокль от глаз. Хотелось запечатлеть в памяти еще различимые в сумерках детали обстановки на той стороне. Да, Западная Двина, или Даугава, как ее тут называют, широка и глубока. Переправочных средств у нас не было. И противник, окажись тут у него подготовленная оборона, мог надолго задержать дивизию. Но, судя по всему, он нас здесь не ждал.

Правда, через некоторое время у противоположного берега в воздух взметнулся столб воды и грязи. Несколько высоких всплесков поднялось на середине Даугавы. Однако этот огонь, открытый издалека, не был нам страшен. Пройдет еще несколько минут, совсем стемнеет — и гитлеровцы прекратят его. А вот к утру, если враг сумеет перегруппироваться, нас может ожидать неприятная встреча...

Подошел Курбатов:

— Вас к рации вызывают. Судя по позывным, командующий фронтом.

Взяв микрофон, я назвал себя:

— «Двадцать первый» слушает!

— Говорит «первый», — послышался голос Еременко. — Где ваши части?

— Вышли к Западной Двине южнее города Огре.

— Вся дивизия?

— Так точно.

— Противник перед вами сильный?

— Нет. С западного берега ведется лишь редкий орудийный огонь.

— А ваша артиллерия подошла?

— Одну треть установили на огневые позиции. Остальная подтягивается.

— Что собираетесь делать?

— Форсировать.

— А на чем?

— Начинаем валить лес и делать плоты. Лесу вокруг много. Собираем лодки у населения. Из них будем делать паромы для орудий. Часть лодок пошлем с пулеметными расчетами и с автоматчиками, они будут прикрывать переправу.

— Решение правильное. Не медлите. Быстрее переправляйте первый эшелон. Желаю успеха. До свидания.

Да, с переправой надо было спешить, пока противник не подтянул достаточно орудий. Я распорядился ускорить сбор и изготовление переправочных средств. На помощь саперам пришли стрелки и артиллеристы.

Совсем стемнело. По земле забарабанил крупный дождь. Вопреки ожиданиям, гитлеровцы не прекратили огня. Где-то под самыми тучами зажигались яркие люстры осветительных ракет и, постепенно тая, медленно опускались вниз. Противник пристрелялся, и снаряды стали ложиться точнее. Пришлось поставить вдоль берега дымовую завесу.

Вскоре первый эшелон начал переправу.

Грохнули наши орудия, нащупывая батареи врага. От берега отчалили лодки с бойцами, за ними —небольшие плотики. При неестественно белом, мертвенном свете ракет я наблюдал за ними с замирающим сердцем — дойдут или нет? Неприятельские снаряды падали редко, но близко к переправляющимся. С левого берега затрещали пулеметы. Видно, там засело какое-то подразделение фашистов. Лодки и плоты, счастливо избегая прямых попаданий, уже достигли середины Даугавы. Неужели так все благополучно и обойдется, неужели и этот трудный рубеж мы одолеем без серьезных потерь? Как-то не верилось. Но вот бойцы начали выскакивать на берег, открывая огонь из автоматов и ручных пулеметов. Артиллерия стала бить по опушке леса, где окопался противник. Форсировавшие реку стрелки отбросили врага от уреза воды. На захваченную полоску высаживались все новые подразделения.

Появился подполковник Истрин, недавно ставший у

нас начальником тыла. Константин Петрович был старым воякой, еще в первую мировую войну имел чин артиллерийского штабс-капитана. Расправив пышные усы, которые, по его заверениям, пронзали женские сердца наповал, он отрапортовал:

— Тылы подошли к реке.

— Направляйте их вверх по течению, там в пяти километрах армия навела мост. Пусть идут по мосту.

— Слушаюсь!

К рассвету мы уже вели наступление на левом берегу. В это время из армии поступил приказ изменить направление движения и ускоренным маршем направиться к городу Елгаве, сменить там части 1-го Прибалтийского фронта.

Первый этап Рижской операции закончился. Производилась перегруппировка сил. По решению Ставки создавалось новое направление — клайпедское, или, как оно тогда называлось в оперативных сводках, мемельское. Обусловливалось это тем, что Рижская операция не была завершена в запланированные сроки. Недооценив возможностей противника, наши войска действовали хуже, чем можно было ожидать. Я думаю, сказалось здесь и слабое знание вражеской обороны, и чрезмерная уверенность в своем превосходстве. Это привело и к недостаточному материальному обеспечению операции, и к некоторому шаблону в тактике.

Теперь решить такую стратегическую задачу, как изоляция группы армий «Север» в Прибалтике и ее разгром, можно было наступлением на Клайпеду (по-немецки — Мемель), где силы врага были сравнительно невелики. На это направление и перебрасывались войска 1-го Прибалтийского фронта. Их-то и предстояло нам сменить.

За четыре дня мы совершили марш в сто сорок километров и заняли оборону на сорокакилометровом фронте. Мне стало ясно, что непосредственно участвовать в штурме столицы Латвии дивизия не сможет — мы оказались юго-западнее Риги. Но и новая наша роль была также важна: мы вместе с другими соединениями отрезали противнику путь в Восточную Пруссию.

...Уже несколько дней нас обильно поливал холодный, нудный дождь. На одном из участков, вдоль железнодорожного полотна, нам удалось потеснить противника. Про-

ходя около линии, где еще недавно грохотал бой, я увидел домики служащих дороги. Они чудом уцелели, и над трубами их мирно курился дым. Я постучался в один из них — уж очень велико было желание хоть немного обогреться.

Хозяйка гостеприимно распахнула дверь. В сенях я увидел хозяина. С помощью сапога, так, как это делают у нас в деревнях, он раздувал самовар.

— Порядок, чайку попьем! — обрадовался я.

— Пожалуйста, пожалуйста, — приветливо ответил мужчина. — Проходите в комнату, я сейчас.

— Ждали нас? — поинтересовался я.

— Как же, конечно ждали.

— Правда? Почему же вы все-таки думали, что мы вернемся? Ведь немец нас до самой Волги гнал...

Хозяин подошел к окну.

— Посмотрите сюда, товарищ полковник. — Голос его стал тверже, заметнее обозначился акцент. — Видите ту канаву с водой? Так вот, мы наблюдали, как русские солдаты в этой канаве три дня лежали. И стреляли, и не отступили. А немецкий солдат? Он и дня бы не пролежал, плюнул бы и ушел. Не выдержал бы. Вот потому, что мы знали русских такими, мы и верили: обязательно вернутся. Вы меня понимаете?

— Да, конечно.

— Вот и хорошо. А теперь прошу, чайку горячего выпейте.

Интересный получился разговор. Я словно увидел своих товарищей по оружию со стороны, глазами латыша-железнодорожника. Вот так и запомнились наши воины всем, кому они несли освобождение, — терпеливыми, самоотверженными, обладающими исполинской силой духа. Даже те, кто считал себя стоящим далеко от политики, не могли не ощущать, что сила Советской Армии опирается на прочный фундамент —великую любовь к Родине, веру в святость дела Коммунистической партии. И я почувствовал себя как бы ответственным перед этим малознакомым человеком за успех боев, которые нам предстояли в скором времени. Вера в нас обязывала...

10 октября войска 2-го Прибалтийского фронта достигли первой полосы рижского оборонительного обвода и завязали там бои. А через три дня передовые части наступающих ворвались в город.

Как только стало известно, что Рига полностью освобождена, я попросил у командира корпуса разрешение съездить туда. С этим городом у меня было связано много приятных воспоминаний.

За год до войны солнечным летним днем танковая бригада, в которой я служил начальником штаба, остановилась под Ригой. Выйдя из танков, мы оказались в окружении народа, стоявшего по обочинам дороги. Люди были одеты нарядно, по-праздничному. Многие держали в руках букеты. К бойцам потянулись десятки рук с цветами, конфетами, папиросами.

Знакомства завязывались быстро. Многие латыши говорили по-русски.

— Сколько нам о вас рассказывали небылиц, — доверительно сказала мне пожилая седовласая женщина. — Но я до революции жила на Урале. Знала русских и не верила лжи. А сейчас вижу, что вы стали еще лучше, еще культурнее...

Началась моя служба в молодой Советской Латвии. Жил я в самой Риге, на улице Ольгас. Редкими свободными вечерами гуляли мы с женой Варей по прекрасному городу, где старина, мирно соседствуя с образцами современной архитектуры, радовала глаз. И отношение к нам простых людей было доброжелательным, теплым. Все вокруг казалось таким интересным и необычным. Счастливым, полным радостных надежд был для меня этот предвоенный год...

И вот теперь я с нетерпением ожидал встречи с Ригой, где осталась частица моего сердца. Водитель Иван Кучук подготовил легковую машину — «эмку» (была и такая у нас в дивизии). Мы тронулись в путь. Вскоре глазам моим предстал город, где только что отгремели бои. Как ни привык я за эти годы к разрушениям, вид разбитых зданий на знакомых улицах произвел на меня тягостное впечатление. Не дымили заводы у Красной Двины. Не работал городской транспорт. Не горело электричество. И жителей было мало, они еще не успели вернуться из своих убежищ.

Петляя по улицам и переулкам между груд кирпича, я поехал по старому адресу — на Ольгас, 2 — и без труда нашел знакомый пятиэтажный дом, который перед войной занимали семьи наших командиров, да еще семья одного инженера-латыша. Сейчас дом был пуст.

Не без волнения вошел я во двор, где во флигельке жил дворник с женой. Неужели и здесь никого? Но нет, в домике кто-то был. Я постучался. Дверь открыла дворничиха и пропустила в опрятную квартиру.

— Здравствуйте, — обрадовался я. — Узнаете?

— Ну конечно! — заулыбалась она. — Здравствуйте, здравствуйте!

Комната как-то незаметно стала заполняться ребятишками. Я насчитал пятерых. Они окружили меня и наперебой заговорили каждый о своем. Один мальчик, показывая на меня, все повторял:

— А мой папа носил такую же форму, такую же форму...

— Расскажите, пожалуйста, откуда у вас столько детей? — удивленно спросил я хозяйку. — Насколько помнится, у вас был один ребенок.

— Все мои, — улыбнулась она. — Впрочем, всмотритесь, может быть, кого-нибудь и узнаете.

— Верно! Вот тот мальчик, который говорит, что его отец носил такую же форму, сын моего бывшего соседа.

— Да, вы не ошиблись, — тихо ответила дворничиха. — Это дети командиров, которые жили в нашем доме.

— А родители их где же?

— О, трудно сказать, где они, — продолжала женщина. — Война застала их врасплох. Все было — и бомбежки, и уличные бои, и вылазки националистов. Трудно передать словами этот ужас. Я собрала ребятишек со всего двора. И теперь они мне стали родными. Да! Двое пойдут в этом году в школу, а остальные пока будут вместе с моим дома играть.

— А если родители объявятся?

— Дай бог. Верну им. Пусть только счастливы будут. Я так мужу и сказала: мы должны сделать все, чтобы эти дети выросли и чтобы им было хорошо. Он мне ответил: мы для этого сделаем все, что сможем.

— А где тот инженер, что жил на четвертом этаже?

— Удрал с немцами. Все, кто работал с ними, удрали. Как они будут жить без родины? Не знаю. Какая ужасная вещь, эта война...

— Ну, ребята, слушайтесь маму, учитесь хорошо, — обратился я к детишкам.

— Ведь вы знаете, маменька, — заговорил вдруг один из них, — у этого дяди была маленькая девочка Шура.

— Нам хочется, чтобы дядя погостил у нас хотя бы недельку, — вступил в разговор другой.

— Правда, вот было бы чудесно! — воскликнула хозяйка.

— Может быть, мне потом удастся побывать еще у вас. А сейчас надо ехать.

— Приезжайте, приезжайте к нам, — приглашало меня все семейство.

Я вышел от них растроганный до слез. Да, один этот поступок простой женщины-латышки был куда сильнее воплей геббельсовской пропаганды о том, что якобы между нордической расой жителей Прибалтики и русскими не может быть общности и согласия. И как обидно мне, что память не сохранила имени этой замечательной латышской мамы русских ребятишек...

На следующий день мы получили приказ совершить тридцатипятикилометровый марш в район города Добиле.

НИ ШАГУ НАЗАД!

Дивизия занимала позиции восточнее Добиле под огнем врага. Противостояла нам 11-я мотодивизия «Нордланд». Ее минометы били по переднему краю, доставляя особенно большие неприятности нашим флангам. Тяжелые снаряды падали в расположении штабов и тылов дивизии. С первого же дня у нас появились убитые и раненые.

Перед нашим фронтом лежали леса, перелески, болота. Василий Иванович Гук докладывал, что подступы к неприятельской обороне сильно заминированы. Передний край противника проходил по чрезвычайно извилистой линии. На подготовку к наступлению отводилось три дня. Впрочем, срок этот был не так уж мал для боевой дивизии, успевшей по всем правилам произвести развертывание.

Я собрал в штабе командиров полков и отдельных подразделений, пригласил начальника разведки, непосредственно подчиненных мне офицеров-специалистов. Мы «проиграли» предстоящий бой и на карте, и на «ящике с песком». Согласовали все, что связано с боевым обеспечением. Побывал я и на всех полковых наблюдательных пунктах. Там с командирами полков мы тоже прорепетировали возможные варианты боевых действий,

прикинули, какие решения на какой случай окажутся наиболее целесообразными.

В ночь на 16 октября бойцы 469-го и 756-го полков тихо и незаметно вышли на исходные позиции для атаки. В 9 часов утра в небо взвилась серия красных ракет. Мощный раскат артиллерийского грома сотряс воздух. Весь 2-й Прибалтийский фронт перешел в наступление на немецко-фашистскую группировку, вытесненную на Курляндский полуостров и прижатую к морю. Еще недавно эти войска противника составляли группу армий «Север», занимавшую обширную территорию от Литвы до ленинградских окраин.

Ровно час продолжалась артиллерийская подготовка по первой неприятельской позиции. Потом огонь перенесли по второй позиции, и вперед пошла цепь стрелков. За ними двинулись орудия сопровождения пехоты. Перед нашей дивизией стояла задача прорвать вражескую оборону и овладеть населенными пунктами Аусату, Лутыти, выйти к реке Берзе.

Артиллерия сделала свое дело. На этот раз снарядов на артподготовку было отпущено достаточно. Противник не выдержал огня и оставил первую позицию. Наступление развивалось быстро. Вперед вырвался батальон Сергея Васильевича Чернобровкина. Он вклинился в боевые порядки гитлеровцев и вскоре выбил их из селения Ражас.

К 16 часам части соединения, миновав лес, вышли к рубежу, прикрывавшему Аусату. Немцы уже успели оправиться от неожиданности, и мы здесь встретили организованное сопротивление. Однако вскоре оно было сломлено. Деревня Аусату оказалась в наших руках. А к утру мы заняли еще три населенных пункта — Мазчанкас, Курас и Лукас. Тут фашисты снова зацепились за подготовленный заранее рубеж. На помощь им подошли свежие силы из состава двух пехотных дивизий. Весь день 17 октября шел ожесточенный бой. В конце концов нам удалось смять врага и продолжить движение в основном для нас направлении — к деревне Межмали и мосту через Берзе. Захватить очень выгодную в тактическом отношении переправу должен был 674-й стрелковый полк. Он попытался сделать это с ходу, но натолкнулся на крепкую оборону. Схватка затянулась. Все же верх взяли наши бойцы во главе с майором Евстафием Михайловичем Ари-

стовым. Они почти целиком уничтожили два батальона из мотодивизии «Нордланд», взяли в плен около 200 солдат и офицеров. До моста через Берзе оставалось меньше километра. Но продвинуться дальше полк не мог, артиллерийский и минометный огонь прижал подразделения к земле. К месту боя подходила свежая, 329-я пехотная дивизия противника с танками и штурмовыми орудиями.

Наше соединение перешло к обороне. Неприятельские контратаки следовали одна за другой.

Командир 674-го полка майор Аристов по телефону доложил:

— Мой левый фланг начинает отходить.

— Удержаться во что бы то ни стало! Передайте мой приказ — ни шагу назад!

Много ли значит человеческое слово в бою? Как видно, много. Я видел в бинокль, как бойцы остановились, словно бы вросли в землю. Приказ! Он побуждал их делать то, что минуту назад казалось невозможным, стоящим за пределом их духовных сил. И крутая волна вражеской атаки разбилась об их собранную в кулак волю.

Наша армия находилась на левом крыле фронта. Корпус — на левом фланге армии. Дивизия — на левом фланге корпуса. А в дивизии левофланговым оказался полк Аристова. На него обрушилась сейчас основная тяжесть контрудара. Он непременно должен был устоять, чтобы не допустить прорыва и обходного маневра врага. На 674-й полк, образно говоря, были обращены взоры всего фронта. Ведь противник в случае успеха может потом изменить течение всей операции. Во всяком случае, тогда я именно так представлял себе обстановку.

Между тем грохот боя нарастал и справа, где наступала 207-я дивизия. Бывший ее командир Иван Петрович Микуля сложил голову на латвийской земле, и теперь соединением командовал полковник Александр Васильевич Порхачев — старый воин, служивший офицером еще в царской армии. Сейчас ему, видно, было тоже очень жарко. Мы в это время готовились к отражению шестой контратаки. 329-я дивизия немцев двинула на нас почти все свои силы. Против нашего первого эшелона неприятель имел двойное превосходство в людях, тройное — в танках и самоходках. Глядя в бинокль на наступающие цепи со своего НП, наскоро развернутого в оставленном немцами блиндаже, я нервничал: выдержат наши или нет?

Что, если дрогнут? В резерве у меня по указанию командира корпуса находился полк Алексеева. Если позвонить Шерстневу и попросить разрешения ввести этот полк в бой? А ну как и он не внесет перелома? Тогда оголится левый фланг и корпуса и армии...

В блиндаж вошел подполковник Гончаров и произнес каким-то неестественно тихим, хриплым голосом:

— Товарищ полковник, на левом фланге наши отходят.

Звонить Шерстневу? Поздно. Самому вводить в бой 469-й полк? Нет, нельзя, слишком велик риск. И тогда, расстегивая кобуру пистолета, я бросился вон из блиндажа. И скорее почувствовал, чем увидел, как за мной последовали Офштейн и несколько разведчиков.

Обернувшись, я велел Офштейну остаться на НП и наблюдать за правым флангом.

Мы бежали плотной группой — я с пистолетом в руке и рослые, здоровые разведчики с автоматами, готовые немедленно открыть огонь. Не была ли безумием эта попытка остановить полк, дрогнувший под напором превосходящих сил врага? Нет, порыв мой был подкреплен властным, охватившим всего меня убеждением, что я смогу поднять людей, повести их вперед. И не речами, не уговорами — в бою это средство не действует, да на него попросту и нет времени. По своему положению командира дивизии я обязан был лучше других видеть, и я действительно видел, к чему может привести отступление нашего левого фланга. И желание предотвратить это любой ценой рождало огромный заряд энергии, которую надо было выплеснуть, передать людям, попавшим под нестерпимый шквал вражеского огня. Передать не только словом, но и делом, наравне с ними рискуя жизнью...

Мимо промелькнули деревья. Мы выбежали на открытое место. Поле, испещренное черными оспинами воронок. Дорога и осушительная канава вдоль нее. Вдали пологий склон, на котором виднелись бойцы батальона, принявшего на себя основную тяжесть немецкой атаки. Туда я и направился.

Все окружающее в те минуты воспринималось с какой-то поразительной отчетливостью. В уши врывалось противное вжиканье пуль. С грохотом падали редкие снаряды. Один из них рванул недалеко от нас, выбросив гро-

мадный столб земли. Разведчики мои шарахнулись в сторону.

— Спокойно! — пришлось прикрикнуть на них. И тут вдруг с беспощадной простотой, как о ком-то постороннем, возникла мысль: «Да, сейчас, наверное, убьют. Вот досада какая — не успею добежать до батальона». Кажется, впервые за время войны мною овладело предчувствие близкой смерти. По совершенно непонятной ассоциации в памяти возникли обрывки каких-то далеких воспоминаний. Потом мысль остановилась на последнем письме жены. Два дня назад я читал его вслух сочувствовавшим и возмущавшимся товарищам.

Да, неладно складывались дела у Вари. Недавно вернулась она с детьми из эвакуации в Днепропетровск, а дома, где мы жили в начале войны, не оказалось — от него остались одни развалины. Ее и три другие командирские семьи поместили в пустующую четырехкомнатную квартиру, хозяин которой находился в Ташкенте. Но вот он вернулся. И Варя вынуждена спешно искать другое жилье. А это не так-то просто в разрушенном городе. Конечно, помогут ей, пристроят куда-нибудь. Но сейчас-то как ей быть с тремя детьми? Ведь осень на дворе. Острое чувство жалости к жене охватило меня. Каково будет ей вдобавок ко всему получить похоронную...

Разорвавшийся рядом снаряд бросил меня на землю. Я огляделся. По скату, до которого теперь было рукой подать, медленно спускались «тигры», стреляя на ходу. Чуть в стороне бежала назад группа солдат. А за «тиграми» я видел серые фигурки совершавших перебежки фашистов. До слуха долетели обрывки немецких слов.

Над нашими головами густо и низко зажужжали пули. Совсем близко с сухим треском разорвалось несколько мин. К счастью, недалеко оказалась канава, и, сделав разведчикам знак рукой, я пополз к ней. По ней легче и безопаснее было пробираться вперед, к самому пеклу боя. Приходилось торопиться, бронированные машины противника могли смять наших стрелков. Вскоре я очутился среди своих. Ко мне подбежал комбат.

— Капитан Ткаченко, немедленно остановите батальон, — приказал я ему. — Дайте огонь из всех видов оружия! Связь с дивизией есть? Идемте на ваш энпе.

Связавшись с Гончаровым, я приказал:

— Дать десятиминутный налет по юго-восточному

скату высоты дивизионной артгруппой! — Комбату поставил задачу: — После огневого налета ведите батальон на штурм высоты. Надо ее взять и удержать.

Гитлеровские танки подошли уже совсем близко, их огонь стал еще интенсивнее. Три «тигра» вклинились в наши боевые порядки. Бойцы в одиночку и группами начали покидать окопы и откатываться назад. Свертывалась и противотанковая батарея, видимо считая положение безнадежным.

— Ткаченко, прикажите командиру истребительной батареи сейчас же открыть огонь по танкам, — распорядился я и бросился навстречу отходившим бойцам.

— Стой! Дальше ни шагу, — кричал я. — Вся дивизия стоит насмерть! А вы?..

Одна из групп остановилась, залегла и открыла огонь из винтовок и пулеметов по пехоте, приближавшейся под прикрытием танков. В этот момент отрывисто ударили противотанковые пушки. Один «тигр» завертелся на месте — снаряд угодил ему прямо под гусеницу. Другой полыхнул малиновым пламенем и окутался серым дымом. Третий остановился и стал стрелять с места. Эффект, достигнутый истребительной батареей, на многих подействовал отрезвляюще. Но часть людей, рассыпавшись, все же бежала в сторону находившейся в тылу деревни Итены.

Один солдат летел, что называется, без оглядки и чуть не наткнулся на меня.

— Стой! — оглушил я его возгласом.

Боец не целясь выстрелил в сторону, откуда удирал, и снова кинулся бежать. Лицо его было искажено ужасом, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Стой, стрелять буду! — еще раз окликнул я парня.

Это на него подействовало. Он встал как вкопанный и, увидев меня, вроде бы стал приходить в чувство. На его грязном, небритом лице появилось виноватое выражение.

— Куда бежал?

— Да ведь все бегут.

— Как все? Я ж вот не бегу. И дивизия не бежит. Видишь, «тигры» горят?

Вероятно, появление командира дивизии на поле боя заставило солдата взять себя в руки. Он осмотрелся и совсем уже другим голосом спросил:

— Разрешите отправиться в свою роту?

— А где она?

— Найду!

— Ну тогда беги.

Солдат повернул назад. Его примеру последовали еще несколько человек. Надо было задержать и остальных. Но они от меня были далеко. Тут ко мне пришла неожиданная помощь. Из лощинки, куда устремилась большая группа красноармейцев, послышался высокий женский голос:

— Стойте! Вы бойцы или бабы? Командир дивизии здесь, рядом, и никто не отходит! Стойте, или я вас всех перестреляю!

Подбежав ближе, я узнал военврача Елизарову — жену заместителя командира полка. Она расположилась здесь с полевым перевязочным пунктом. Тут же сидели медсестра и несколько раненых. А Елизарова — небольшая, хрупкая женщина, решительно выставив вперед автомат, шла навстречу отступавшим солдатам. И такая большая внутренняя сила исходила от нее, так яростно звучал ее голос, что люди повиновались ее требованию.

— Тьфу ты черт, — виновато усмехаясь, сказал один из бойцов. — Ну и баба! Повертай, ребята...

Рассыпавшись в цепь, солдаты открыли огонь по гитлеровцам.

С тех пор как я появился в подразделении, прошло всего минут десять. А мне это показалось вечностью. Батальон был приведен в относительный порядок. Перед его позицией горели три «тигра», остальные скрылись за гребнем высоты. В это время раздался орудийный гром, ударила наша дивизионная артиллерийская группа. Черная стена поднялась над склоном, где находился противник.

Налет длился десять минут. Едва смолкли орудия, как послышались возгласы:

— Вперед! За мной... За Родину!..

Офицеры, а за ними солдаты устремились на скат высоты.

Теперь я мог возвращаться. Дело было сделано. Но слишком велик был соблазн понаблюдать до конца, как будет взята высота.

В атаковавших трудно было узнать людей, находившихся несколько минут назад на грани паники. Бойцы

шли дружно. Сейчас они, видимо, чувствовали себя сильными, окрыленными, способными смести перед собой все преграды. Этот психологический перелом был залогом победы.

Гитлеровцы были ошеломлены. Ведь только что они наступали, не сомневаясь в успехе. И вдруг — шквал огня, стремительная контратака, и вот уже они сами оказались в положении бегущих.

Высота была в наших руках. Теперь дивизия оказалась на выгодном рубеже. Угроза прорыва противника и выхода его в наш тыл миновала.

Не очень торопясь, с таким чувством, будто заново родился, отправился я на свой наблюдательный пункт. Но по мере того как приближался к нему, настроение портилось. И было от чего. Около НП рвались снаряды. Рядом с блиндажом лежали убитые и раненые.

— Почему раненых не перевязывают и не убирают? — крикнул я, вбегая, пригнувшись, в блиндаж. Медсестра Маша, сидевшая в углу, вскочила и бросилась искать санитарную сумку. Обвальный гром заложил нам уши. С потолка посыпалась земля. В блиндаже кисло запахло порохом. Маша трясущимися руками шарила по полу, хотя сумка висела на колышке, вбитом в стену. Найдя наконец ее, она выскочила наружу.

Офштейн сообщил:

— Слушали по радио переговоры Порхачева с Шерстневым. Порхачев просил разрешения перенести свой НП на восемьсот — тысячу метров назад. Уж очень им туго приходится.

— Ну и что Шерстнев?

— Не разрешил. Приказал во что бы то ни стало удерживать занятый рубеж. Что теперь будет? Я уже карты сжег.

— Как сожгли, почему?

— Ну, а если прорыв? Если наш энпе захватят? Товарищ командир дивизии...

— Прекратите, Офштейн! Самая большая угроза позади. И на правом фланге тоже будет порядок.

В это время подошел радист:

— Товарищ полковник, командир двести седьмой доложил командиру корпуса: «Противник обложил мой НП. Теперь трудно отойти». На этом разговор оборвался.

Да, сложная обстановка создавалась на стыке нашего

правого фланга и левого фланга 207-й дивизии. Я подошел к стереотрубе. Впереди, справа от нас, хорошо просматривалась небольшая высота с деревней Чанкас на ее вершине. Там уже был противник. Не добившись успеха на нашем левом фланге, немецкое командование, очевидно, решило нанести основной удар в стык двух соединений. И теоретически и практически это место наиболее уязвимо. Взаимодействие здесь обычно не бывает таким тесным и полным, как в пределах одного соединения или части. Этим и воспользовался неприятель.

Меня позвали к рации.

— Вводите четыреста шестьдесят девятый полк в бой, — услышал я голос Григория Ивановича Шерстнева. — Направление — деревня Чанкас. Надо захватить высоту и не допустить наступления противника на юго-восток. Действуйте решительно, ударьте так, чтобы он прекратил свои атаки. Весь огонь сосредоточьте по высоте. Учтите, у меня больше резервов нет...

Я тут же дал Алексееву команду выступать. Командиру приданного нам полка гвардейских минометов приказал подготовить исходные данные для стрельбы по деревне Чанкас.

В это время воздух наполнился густым, тягучим ревом авиационных моторов. Немецкие самолеты, гуськом заходя на бомбежку, начали обрабатывать склон и подножье нашей высоты. Затрясся, задрожал блиндаж, в котором мы находились. Поднявшаяся пыль мешала наблюдать. Когда самолеты отбомбились и земля осела, в стереотрубу стало видно, как из-за гребня выползли тяжелые танки и с ходу открыли огонь по нашим позициям.

И снова рокот авиамоторов ворвался в уши. Но на этот раз звук был родной, приятный — на штурмовку шли наши «илы». Чанкас затянуло дымом, загорелось несколько «тигров».

Когда штурмовка окончилась, фашистские танки снова двинулись вперед. Они приблизились к роще у подножья высоты. Это уже было недалеко от нашего наблюдательного пункта. Тут заговорил замаскированный на опушке леса истребительный дивизион Тесленко. «Тигры» начали маневрировать, искать укрытия. Им хорошо была известна сила наших орудий. Несколько танков загорелось. Остальные, спрятавшись в выемках или за холмами, завязали с артиллеристами перестрелку.

Справа, на участке 207-й дивизии, немцы продолжали продвигаться вперед.

Поступил доклад от Алексеева: полк занял исходное положение и готов начать контратаку.

— Пошли к Павлу Денисовичу, — сказал я командиру «катюш» и офицерам-артиллеристам. Мы выбрались из блиндажа. За нами двинулись связисты и разведчики. Вот и НП Алексеева. Я подал сигнал. Послышались команды. И цепь быстрым шагом направилась в сторону противника. Бойцы шли в рост, с оружием наизготовку. Мы с Алексеевым и артиллеристами держались сзади, метрах в пятидесяти. Рядом шагали радисты с рациями и телефонист с катушкой провода. Шествие замыкала группа разведчиков, готовая в любой момент вступить в бой.

Вот цепь скрылась в овражке и вскоре появилась на противоположной его стороне. Мы ускорили шаг, догоняя бойцов. В стане противника установилось какое-то странное затишье. И вдруг сверху по склону покатилась непривычная для глаза черно-бело-синяя лавина. Это были немецкие моряки. Они бежали в распахнутых бушлатах, под которыми пестрели тельняшки. За плечами у них не топырились горбами вещмешки. Ничего лишнего — только автоматы и гранаты.

Я не раз слышал и читал о том, как наши матросы геройски сражались на суше. Зачастую пренебрегая тактикой сухопутного боя и в той же мере пренебрегая смертью, они действовали с поразительной лихостью и бесстрашием. И, несмотря на большие порой потери, наводили на врага ужас, обращали его в бегство. Им случалось добиваться успеха даже там, где не могли этого сделать более опытные в сухопутном бою пехотинцы. Почему? Я не находил ответа, хотя, впрочем, и не задумывался над этим всерьез — мне не приходилось взаимодействовать с моряками.

И вот сейчас я понял, какое устрашающее впечатление производит эта монолитная масса, спаянная своими законами и традициями.

Я заметил, как замедлили шаг наши солдаты. Кое-кто начал останавливаться. Со стороны врага посыпались автоматные очереди. Над цепью моряков взвился какой-то протяжный крик, похожий на вопль. И хоть пули их еще не причиняли нам вреда, чувствовалось, что на какую-то

часть бойцов эта атака действует как гипноз. Нужно было немедленно создать крутой перелом в этом психологическом поединке. Но не успел я принять решение, как зазвенел чей-то высокий голос:

— Братцы, били фашистскую пехоту, побьем и моряков!

— Побьем! — покатилось по рядам. Люди подхватывали этот клич, может быть механически, не вникая в его смысл. Но он создавал ощущение слитности коллектива, ободрял, звал к активным действиям. И цепь с новой энергией устремилась вперед. До гитлеровцев оставалось метров триста. Я приказал командиру полка гвардейских минометов:

— Дайте полковой залп по склону! — И после некоторой паузы спросил: — Не заденете наших?

— Нет, — заверил он.

Удар «катюш» был сокрушительным. Моряки исчезли в пламени, в облаке дыма и пыли. Не менее трети матросов осталось на земле. Остальные поднялись и снова пошли. Небо прорезали новые ослепительные молнии. Фашисты плюхнулись на землю. Встало их меньше половины. Теперь наши подразделения едва ли что могло остановить. В черном облаке я на мгновение увидел комбата Сергея Хачатурова. С маузером в руке он бежал впереди своих бойцов и что-то кричал. Потом донеслось раскатистое «ура-а-а!». Немецкие матросы повернули назад. Многие из них, сунув под мышку автомат стволом в нашу сторону, на ходу беспорядочно стреляли. Мало кому из них удалось уйти.

«Да, — подумалось мне, — у наших моряков, подрывавших себя вместе с врагами последней гранатой, за душой было нечто большее, чем одна традиционная флотская лихость».

Полк с ходу ворвался в деревню Чанкас, овладел высотой.

Когда мы с Алексеевым и офицерами оперативной группы подходили к селению, рядом с нами неожиданно разорвался вражеский снаряд. Алексеев охнул и медленно повалился на землю.

— Павел Денисович, что с тобой? — бросился я к нему.

— Ерунда. Нога, — тихо ответил он. — Пусть бойцы поднимут меня, я смогу командовать и дальше.

— Нет уж, — воспротивился я, видя, как набухают кровью его галифе. — Гангрены тебе не хватает? Немедленно будешь отправлен в медсанбат. А полк пока примет Тытарь, он вполне справится.

Володя Тытарь только что стал майором и был уже начальником штаба полка. Хорошо шли дела у этого двадцатилетнего парня!

Санитары унесли Алексеева. Мы двинулись дальше. Поднялись на вершину холма. Отсюда открывался вид на занятую противником местность. Хорошо просматривались перелески и овраги, неглубокая река Берзе и мост через нее, который нам пока так и не удалось взять. Все это было бы очень красиво и радовало бы глаз, если б не сознание, что и перелески и овраги — это укрепленные позиции, рубежи обороны, за которые еще предстояла кровопролитная борьба.

Я побрел назад, на свой НП. Несмотря на то что и этот бой был выигран, чувство огорчения не покидало меня — перед глазами стояло окровавленное галифе Алексеева. Неужели и с ним придется расстаться? Я успел очень привязаться к этому немолодому, энергичному подполковнику.

В прошлом Павел Денисович был политработником. И, наверное, очень хорошим. Любовь к людям была одной из самых ярких черт его натуры. Добрый, заботливый, отзывчивый, вежливый — все эти эпитеты подходили к нему безо всяких оговорок. В то же время ему не была свойственна «болезнь» некоторых офицеров, недавно перешедших с политической работы на командную, — стремление обстоятельно объяснять и убеждать там, где надо коротко и строго приказать, навести твердой рукой порядок. В тактическом отношении Алексеев не уступал старым, опытным строевым командирам. Это был человек трезвого, аналитического ума.

Единственным его недостатком была неспособность сдержать себя в горячую минуту боя, устоять перед искушением появиться впереди, в боевых порядках. Но война есть война, и кто из нас не грешил этим? И вот поди ж ты, в самые критические минуты оставался он цел и невредим, а единственный осколок нашел его тогда, когда рисковал он не больше, чем все мы, шедшие рядом с ним...

Навстречу нам попались артиллеристы. По приказа-

нию Гончарова два дивизиона перебрасывались вперед, чтобы окончательно закрепить победу и удержать захваченную высоту. С соседнего холма спустился командир 207-й дивизии. Она тоже добилась успеха.

— Ну и жарко сегодня было! — заговорил Порхачев.— Я не думал выбраться со своего энпе. Спасибо за помощь.

— Что вы, Александр Васильевич, какая там помощь. Одним ведь курсом движемся. Я уж, как моряк, заговорил — сегодня с матросами дело иметь пришлось. Убегать они умеют не хуже пехоты.

— Я видел вашего комбата, Василий Митрофанович. Такой чернявый, в кубанке. Молодец! Большой храбрости человек. Шел впереди цепи. Вокруг него бойцы падают, а он хоть бы что.

— В кубанке? Это Хачатуров. Он с кубанкой и летом не расстается. Отчаянный комбат. Даже слишком отчаянный — все вперед да вперед лезет.

— Что, не нравится? Ну, отдайте его мне. Я с распростертыми объятиями приму.

— Ну уж нет, — рассмеялся я. — Хачатурова? Ни за что...

На наблюдательном пункте я узнал, что рана у Алексеева признана врачами довольно тяжелой и его будут отправлять в тыл. Предчувствие не обмануло меня — и с этим командиром полка приходилось расставаться.

Бой в полосе дивизии не утихал. Но главного мы все же добились: не допустили прорыва противника в тыл ни на левом фланге, ни на стыке двух дивизий. Такую оценку наших действий дал и штаб армии.

На НП мы вернулись во второй половине дня. Во рту у нас ничего не было с самого утра. После пережитого напряжения и волнений аппетит у всех был волчий. Заботу о нашем пропитании взял на себя неутомимый Костя Горошков.

— Я мигом на капе смотаюсь, — сказал он, — одна нога здесь, другая — там. Принесу вам покушать горячего.

— Ну давай, только осторожнее будь, — отпустил я его. — Стреляет ведь немец.

— Ничего, мы привычные, товарищ полковник. — И он отправился в путь.

До командного пункта было три километра. Костя быстро добрался туда. Разогреть обед было для Блинника

делом недолгим. Нагрузившись термосами, они двинулись к НП...

Я никогда не забуду, как в нашем блиндаже появился Моисей Блинник. Был он бледен, тяжело отдувался, глаза лихорадочно горели. Он поставил на пол ношу и остался стоять. Чуя недоброе, Курбатов спросил сдавленным голосом:

— А где же Горошек?

— Костя убит, — коротко ответил повар.

— И ты его бросил?

Блинник молчал. Потом начал сбивчиво рассказывать, как они благополучно миновали большую часть пути и уже недалеко от НП попали под артиллерийский обстрел. Дело было на опушке леса. Поблизости виднелся ход сообщения. Они бросились к нему. Но тут ударили неприятельские минометы. Блинник успел прыгнуть в траншею, а Костя нет. Осколки мины рубанули его по спине. Он упал и больше не поднялся. Так окончил свой солдатский путь Константин Горошков — верный и преданный ординарец, добрый, заботливый человек...

На войне все равны перед смертью. И генералы, и рядовые. Конечно, одни больше рискуют жизнью, другие меньше. И в зависимости от степени риска одни боевые профессии называют героическими, над другими иронизируют, считая их чуть ли не унизительными для настоящего мужчины. Нет, нестоящие это разговоры! Я знал немало разведчиков и истребителей танков, которые сражались смело и остались живы, пройдя войну с первого и до последнего ее дня. И знал поваров и ординарцев, которые, как и рядовой Горошков, сложили свои головы, выполняя очень нужную, но будничую, «негероическую» работу...

Когда Блинник закончил свой рассказ, воцарилось короткое молчание. Первым прервал его Курбатов:

— Нет, это невозможно, ты его бросил!

И он кинулся из блиндажа. Вернулся Анатолий часа через два. Сел на солому. Вздохнул тяжело:

— Похоронил. Нет больше нашего Кости...

Еще целых два дня продолжались бои. Вечером 19 октября противник предпринял последнюю контратаку. Но и она, как и все предыдущие, была отбита. Убедившись в тщетности попыток изменить на этом участке положение в свою пользу, немцы отошли и заняли оборону.

А мы получили приказ сменить позицию, у нас тоже не хватало сил, чтобы продолжать здесь наступление.

Совершив два перехода, дивизия к 22 октября сосредоточилась в лесу около города Вегеряй, километрах в шести от переднего края.

ПОД ОСЕННИМИ ЛИВНЯМИ

На опушке около солдатских кухонь я увидел генерал-лейтенанта со Звездой Героя на гимнастерке. Не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: это новый командующий нашей армией Николай Павлович Симоняк.

Его назначили к нам 6 октября. Но мое знакомство с ним до сих пор исчерпывалось несколькими разговорами по радио и телефону. Совещаний в штабе армии с участием командиров дивизий еще не проводилось. Самому объехать все соединения командующему не позволяла обстановка, в которой армия все это время вела бои.

Сейчас Симоняк стоял в окружении бойцов и о чем-то с ними весьма оживленно беседовал. Я знал о новом командующем немногое: что вообще-то он из кавалеристов, что на Ленинградском фронте, откуда его назначили к нам, командовал корпусом, что там он и был удостоен звания Героя Советского Союза. Сейчас, увидев его среди людей, я подумал: «Что ж, это добрый признак — раз солдаты не стараются держаться от командующего подальше, значит, он доступен и в обращении прост».

Подойдя, я представился.

— Ну, Шатилов, — сказал он, — показывай, чем личный состав кормишь.

Мы подошли к одной из кухонь.

— Здесь гусятину готовят, товарищ командующий, — доложил сопровождавший меня Истрин.

— Сам чую, что гусятину, — улыбнулся генерал.

Повар приподнял крышку котла, и всем нам ударил в нос соблазнительный запах тушеной птицы.

Мы двинулись дальше. У следующего котла Истрин сообщил:

— А здесь, товарищ командующий, борщ и картошка со свининой.

Симоняк заглянул в котел. Потом повернулся ко мне и, насупив брови, сказал:

— Плохо, Шатилов, плохо солдат кормишь.

— Как плохо? — только и сумел промолвить я в ответ, едва сдерживая обиду и на суровость тона, и на явную несправедливость замечания. С чем другим, а с продовольственным снабжением дела у нас обстояли как никогда. Но в следующую минуту широкое лицо командующего расплылось в улыбке:

— А вот так плохо — зажиреют у тебя солдаты от такого харча, не смогут в наступление бегом идти.

Я понял и принял шутку:

— Ничего, товарищ командующий, зато уж если пойдут, то остановиться не смогут.

— Ну-ну, не зазнавайся. Воюй, как воевал. Пошли, посмотрим твое хозяйство.

Дальнейшее общение с командующим утвердило меня в мысли, что человек он простой, без лишнего гонора, умеет расположить к себе людей, а главное, понимает толк в деле, хорошо разбирается в природе современного боя...

Мы прибыли под Вегеряй, на границу Латвии и Литвы, когда Рижская операция, по существу, была завершена. Наши войска не только освободили Ригу, но и в последующих боях отбросили фашистские дивизии на Курляндский полуостров.

В решении этой задачи нам очень помогла Клайпедская операция. Еще 6 октября гитлеровское командование начало отводить войска с рижского участка фронта, чтобы успеть проскочить в Восточную Пруссию до того, как наши выйдут к побережью моря и возьмут Клайпеду. Но как ни торопились немцы, советские дивизии, наступавшие на клайпедском направлении, их опередили. Хотя сама Клайпеда и не была освобождена, но Паланга, расположенная на побережье к западу от нее, оказалась в наших руках 10 октября. А к 22 октября был полностью очищен северный берег Немана от самого устья до Юрбурга (или, по-литовски, Юрбаркаса). Курляндский «мешок», в который попала немецкая группировка, оказался окончательно «завязанным».

В связи с изменением обстановки 3-й Прибалтийский фронт был расформирован. Высвободившимися соединениями пополнили 1-й и 2-й Прибалтийские фронты. Нам

теперь была поставлена задача наступать в общем направлении на Либаву (как тогда называли Лиепаю), с тем чтобы расчленить курляндскую группировку и уничтожить ее по частям.

Но до Лиепаи было еще далеко. А пока перед нами лежал Вегеряй, который предстояло освобождать нашему корпусу. Большая часть города находилась в полосе действий 150-й дивизии. Ширина полосы составляла около четырех километров.

Днем 22 октября офицеры дивизии выходили небольшими группами на рекогносцировку. До начала наступления оставалось дней пять, и мы, не теряя времени, начали собирать сведения о местности, на которой предстояло воевать. На следующий день я намеревался продолжить это занятие, но звонок Шерстнева внес коррективы в мои планы.

— Приезжай, Василий Митрофанович, прямо сейчас, — сказал он. — А то мне скоро на совещание к командующему фронтом отправляться. Хочу до этого повидать тебя.

Через полчаса я входил в небольшой домик, в котором остановился командир корпуса. Шерстнев с командующим артиллерией Лившицем и начальником оперативного отдела Ветренко сидели за столом.

— Присаживайся, Василий Митрофанович, — пригласил генерал, — закусим и поговорим.

Григорий Иванович рассказал о совещании, которое Еременко собирался проводить в штабе нашей армии с командирами корпусов, чтобы лично проинструктировать их относительно предстоящего прорыва неприятельской обороны. Потом расспросил меня о первых результатах рекогносцировки, записал доложенные мною сведения в блокнот и дал дополнительные указания по подготовке к наступлению.

За разговором трапеза незаметно подошла к концу. Григорий Иванович был возбужден. На его умном лице то и дело вспыхивала хитроватая усмешка. Речь свою он сопровождал частыми, короткими жестами. Поднявшись из-за стола, он протянул мне руку:

— Ну, будь здоров, после совещания повидаемся, — и пригласил остальных сотрапезников: — Что ж, пора в путь. Командующий опоздавших не жалует.

Мы вышли на крыльцо. Садясь в машину, Шерстнев еще раз пожал мне руку:

— До свидания, Василий Митрофанович.

Таким я и запомнил его в тот раз — чем-то взволнованным, старающимся скрыть свою озабоченность улыбкой.

Машина тронулась, увозя Шерстнева с офицерами к дороге, ведущей от Вегеряя на юго-восток, в сторону штаба 3-й ударной армии. Я тоже сел в «виллис» и направился в штаб нашей дивизии. Там собрались командиры полков. Встретившись с ними, я рассказал о полученных от командира корпуса указаниях, и мы перешли к обсуждению задач, связанных с рекогносцировкой. В это время меня позвали к телефону, кто-то звонил из штаба корпуса. С трудом я поверил своим ушам: генерал Шерстнев погиб.

Немного позже я узнал подробности. «Виллис» Шерстнева достиг перекрестка как раз тогда, когда к нему по большой дороге со стороны Вегеряя подъезжала машина Еременко.

Свернув на большую дорогу, автомобиль, в котором находился Шерстнев, налетел на противотанковую мину. И это на дороге, по которой недавно прошли две дивизии с боевой техникой! Все, кто находился в «виллисе», погибли на глазах у Еременко.

Когда командующий фронтом прибыл на совещание, командарм доложил ему: «Собрались все, кроме группы Шерстнева». Тогда командующий сказал собравшимся:

— Генерал Шерстнев только что трагически погиб, подорвавшись на мине. Прошу почтить минутой молчания память этого замечательного, талантливого боевого генерала.

Командующий фронтом не преувеличил достоинств Григория Ивановича. Шерстнев действительно проявил себя незаурядным военачальником. Этот подтянутый, быстрый в движениях человек был неутомим, скор на решения, причем на решения всегда обоснованные, наилучшие для сложившейся обстановки.

К этому нельзя не добавить, что Григория Ивановича отличала большая личная отвага и смелость. Смелость в большом и малом. Мне не раз приходилось видеть, как в бою он не обращал внимания на свистящие вокруг осколки и пули и как при объяснениях с начальством, иногда весьма бурных, он последовательно и с достоинст-

вом отстаивал свое мнение. Его, в прошлом начальника училища, генерала большой военной культуры, мне думается, ожидало большое будущее.

Многое можно было бы еще сказать об этом прекрасном человеке — незлобивом, веселом, горой стоявшем за своих подчиненных. Но и этого достаточно, чтобы представить, какого начальника и товарища мы потеряли.

Похоронили Григория Ивановича в Риге, в освобождение которой он внес немалый вклад.

В командование корпусом вновь вступил выздоровевший Семен Никифорович Переверткин.

Вечером командиры корпусов и дивизий собрались на совещание у командарма. Совещание проходило в большой гостиной бывшего помещичьего дома.

Подойдя к развернутой карте, где синим карандашом была нанесена оборона противника, а красным — расположение наших войск, Николай Павлович Симоняк начал подробно говорить о задаче каждого соединения, каждой части. 150-я дивизия находилась в центре группировки, наносившей главный удар. Это обязывало ко многому. Особое внимание присутствующих Симоняк обратил на маскировку. Ее он считал одним из важнейших условий успеха. Противник не должен узнать, когда, какими силами и на каких направлениях начнем мы действовать.

Наступление намечалось на утро 27 октября. И мы сразу же после совещания начали готовиться к нему. Исходное положение для атаки занимали заблаговременно и только по ночам. Первой, за двое суток до атаки, заняла позиции артиллерия. В следующую ночь на исходные рубежи выходили танки и пехота. На дорогах дежурили офицеры, обеспечивавшие соблюдение полнейшей светомаскировки. Приказ на этот счет был строг и категоричен: если кто-либо попытается зажечь фары, разбивать их немедля.

Маскировка, как стало ясно потом, достигла своей цели. Но это не значит, что противник вообще не ждал нашего наступления. Для этого он был слишком опытен и искушен в оценке обстановки. После того как были взяты первые пленные, мы узнали, что гитлеровцы много внимания уделяли обороне. Сюда были подтянуты крупные резервы. Немецкое командование издало приказ, в котором требовало от всех офицеров и солдат не отступать ни на шаг. Была даже проведена такая свое-

образная моральная акция: от каждого солдата потребовали дать подписку, что он предпочтет погибнуть, но не покинет поля боя. Видно, надежда на присягу и дисциплину была уже недостаточной.

Впрочем, понять эти отчаянные меры неприятельского командования можно. Ведь за спиной у гитлеровцев было море, а надежд на эвакуацию — никаких. Германская ставка требовала от курляндской группировки одного — держаться и держаться.

На рассвете 27 октября грянула наша артиллерия. За огневым валом, тесно прижимаясь к нему, двинулась пехота. Устремились вперед танки. В тяжелый гром канонады вплеталось громкое и протяжное «ура».

Вскоре первая линия траншей была взята. 150-я успешно продвигалась вперед. Неприятель попытался контратаковать дивизию с флангов, взять ее в «клещи». Но своевременный маневр 469-м полком, несколько оттянутым назад, позволил пресечь эти попытки. Медленно, но верно продвигались мы на северо-запад.

В этих боях не было недостатка в инициативных, поистине героических действиях наших воинов. Особенно отличился рядовой Дорошенко. Он первым ворвался в неприятельскую траншею и автоматным огнем и гранатами уничтожил 15 фашистов. Оставшихся в живых девятерых солдат он заставил поднять руки и с помощью подбежавших товарищей взял их в плен.

Большую отвагу и тактическую сметку продемонстрировал командир стрелкового взвода младший лейтенант Егоров. Со своими бойцами он, опередив другие подразделения, перерезал железную дорогу, ведущую к Вегеряю. Гитлеровцы контратаковали отчаянно. Совершенно очевидный перевес в силах был на их стороне. Но они ничего не могли поделать с дерзким взводом, удерживавшим захваченный отрезок полотна в ожидании, пока сюда подтянется весь батальон. Егоров толково организовал оборону. Бойцы буквально вросли в землю. Отбивая одну из особенно упорных контратак, младший лейтенант сам застрелил фашистского офицера и двух солдат. А всего взвод до подхода батальона уложил 19 гитлеровцев.

Такими примерами изобиловали бои на вегеряйском направлении, бои тяжелые, изнурительные, проходившие под почти непрерывными осенними дождями. Продолжались они четыре дня. В результате дивизия вместе со

своими соседями продвинулась на 23 километра в глубь неприятельской обороны, освободив 27 населенных пунктов, в том числе и город Вегеряй. Тем самым были созданы благоприятные условия для взятия важного оборонительного узла немцев — города Ауце.

Противник понес большие потери. Но и наши бойцы не были заговорены от пуль, мы тоже понесли значительный урон. Каждый новый километр давался все труднее. К тому же местность не благоприятствовала наступающим. На нашем пути встречались многочисленные болота, ручьи, леса. Деревни попадались редко, дороги покрывала непролазная грязь.

Нам не хватало свежих сил, способных вдохнуть в наступавшие войска новый заряд энергии. Пополнений не поступало. Да и не удивительно. Наше направление было второстепенным. Куда более важные события вершились на полях сражений в Восточной Пруссии и Западной Польше. Ставка, видимо, не имела возможности выделить нам подкрепления людьми и техникой без ущерба для фронтов, действовавших на главных направлениях.

Впрочем, и ту технику, что находилась у нас в руках, не всегда удавалось использовать. Танки, орудия и самоходки порой безнадежно завязали в непролазной грязи и отставали от пехоты. И все-таки мы, хотя и медленно, продолжали наступать. Немцы применяли хорошо испытанную тактику обороны. Они стойко сопротивлялись на занятых позициях до тех пор, пока мы не подтягивали основные силы артиллерии. После этого враг скрытно отходил на следующий подготовленный рубеж, расположенный в 8—10 километрах от предыдущего. И нам приходилось все начинать сначала. Причем трудности наши усугублялись еще и тем, что боеприпасы и продовольствие поступали с большими перебоями.

Чем больше сжимать пружину, тем большее сопротивление оказывают заложенные в ней силы упругости. Так и вражеские войска. Чем сильнее мы давили на них, тем плотнее становились их боевые порядки и тем энергичнее давали они отпор.

К вечеру 4 ноября мы форсировали реку Ликупе. Но дальше продвинуться не смогли. После сильной артподготовки немцы сами перешли в контратаку, которую нам удалось отбить с большим трудом.

Сгустилась непроглядная осенняя ночь. Шумел частый крупный дождь, дул порывистый ветер. На командном пункте дивизии, разместившемся в небольшой избушке на пригорке, усиливалась тревога. С 674-м полком, затерявшимся где-то впереди, среди заболоченного леса, прервалась связь.

— Сколько времени прошло, как она прекратилась? — спросил я Дьячкова.

— Уже три часа, — ответил начальник штаба.

— Какие меры приняли?

— Послал офицера связи. Результатов пока никаких. Недавно отправил второго.

— А по радио?

— Не отвечают.

— Что, по-вашему, могло случиться?

— Ума не приложу.

— Ладно, поеду сам. Курбатов, готовь лошадей.

Мысль о том, что же приключилось с полком Аристова, не давала мне покоя. По нашим замыслам он должен был к рассвету выйти на опушку леса и занять одну из небольших безымянных высоток. Если это не будет сделано, то противник, окопавшийся на соседних холмах, днем мог перейти в новую контратаку и потеснить нас.

Надев осеннюю тужурку — импровизированное творение наших портных, — я вышел на улицу и зажмурился от хлестнувшего в лицо дождя. Курбатов был уже здесь с лошадьми. Вскочив на своего небольшого конька — гнедого, с черной полосой вдоль хребта, — я тронул поводья. Зачавкали копыта по густой грязи. Мы медленно двинулись по тропе, ведущей в лес.

Откуда-то доносились выстрелы, но откуда — понять было трудно. Нас окружали высокие деревья. Их макушки чернели на фоне темно-серого неба. На полянах на нас с остервенением набрасывался ветер. Вскоре мы промокли до нитки. В сапогах хлюпала вода. Тропинка сузилась, почти исчезла. Пришлось спешиться и продираться сквозь мокрые кусты, ведя коней в поводу. Время тянулось медленно. Казалось, конца-края нет этому чертову лесу.

Наконец впереди посветлело. Мы очутились на опушке. В бинокль виднелись очертания каких-то бугров. Судя по всему, мы находились у самого переднего края. Дальше ехать было нельзя. Мы сели верхом и повернули

назад. Моя лошадь зацепилась ногой за провод, проложенный по земле. Это ориентир! С трудом продираясь через кустарник и вспугивая лесных птиц, мы направились вдоль кабеля. Несколько минут спустя на высотке увидели антенну и две человеческие фигуры.

Мы двинулись к ним и вскоре наткнулись на полковой НП. Когда вошли туда, ординарец Аристова принялся будить командира части, спавшего непробудным сном. Тот с трудом открыл глаза.

— Где полк? Почему нет связи? — начал я допытываться у него. Евстафий Михайлович молчал, он еще окончательно не очнулся. Я вгляделся в его осунувшееся, почерневшее лицо, и мне стало жаль офицера. В эти дни, когда люди, доведенные до предела усталости, буквально засыпали на ходу, ему было особенно тяжело, несмотря на отменное физическое здоровье. Человек без достаточного образования, он испытывал большие затруднения в командовании полком. То, что другому, более образованному и развитому командиру давалось легче, Аристову стоило большого напряжения. И вот он выбился из сил.

На все мои вопросы ответил начальник штаба полка. Оказывается, рация была не в порядке. Первый офицер связи заблудился и приехал почти одновременно со вторым. Недавно они вместе отправились назад. Мы с ними разминулись.

Развернув карту, начальник штаба показал расположение подразделений полка. Они находились в лесу. На высоте, которую им предстояло оседлать, был противник. Я приказал на рассвете атаковать высоту и посоветовал, как это лучше сделать. Убедившись, что начальник штаба и очнувшийся наконец Аристов правильно уяснили задачу, я собрался в обратный путь.

На командный пункт мы вернулись уставшие и продрогшие.

— Товарищ генерал, — поднялся Дьячков, — за время вашего отсутствия ничего существенного не произошло...

Я было оглянулся, отыскивая глазами генерала, к которому обращался начальник штаба. А Дьячков продолжал:

— За исключением одного события. Поздравляю вас с присвоением звания генерал-майора.

— Откуда вы это узнали?

— Звонили из штаба корпуса, просили передать поздравления.

— Спасибо. — Усталость и тяжелая, неотступная озабоченность помешали мне даже как следует порадоваться этому приятному и радостному для каждого военного человека событию. — А как семьсот пятьдесят шестой полк? Без изменений? Ну ладно, тогда я посплю, а в случае чего — пусть немедленно будят...

На следующее утро 674-й полк занял высоту, на которую был нацелен его удар, но дальше продвинуться не смог. С переменным успехом вели бои два других полка.

В этот день, в канун 27-й годовщины Октябрьской революции, в дивизии состоялось вручение орденов и медалей большой группе бойцов и командиров. На опушке леса был поставлен накрытый алой материей столик. Саша Теплоухов разложил на нем коробочки с наградами, привезенными из штаба армии. В строю стояли награжденные. И хоть многие из них, только что пришедшие с передовой, в мятой и грязной одежде, под холодным мелким дождем выглядели далеко не по-парадному, все равно чувствовалась торжественность обстановки.

— Служу Советскому Союзу! — громко и приподнято отвечали солдаты и офицеры, принимая награду и поздравления. И слова эти звучали прямо-таки символически в канун дня рождения Советского государства, жизнь которого воины отстаивали в кровопролитных боях.

Многие в тот день получили награды. Были среди них и люди близкие мне, боевой путь которых проходил на моих глазах: способный, грамотный политработник Михаил Васильевич Артюхов, старательный и деловитый штабист Израиль Абелевич Офштейн, двадцатилетний начальник штаба полка Владимир Маркович Тытарь — отважный и умный офицер, подающий большие надежды...

Несмотря на напряженную обстановку, Артюхов сделал все возможное, чтобы люди ощутили праздничную атмосферу. Ведь праздник-то нынче был особый! Мы встречали его на гребне волны, катящейся на запад и выметающей оккупантов из пределов страны. В руках врага оставалось совсем немного наших земель. Но зато уже вовсю гремели залпы на Балканах и ликовали освобожденные София и Белград. Шло наше наступление в Норвегии и Польше. И уже разящий меч был занесен над Восточной Пруссией.

То был праздник людей, стоявших на пороге окончательной победы. Но для того чтобы приблизить ее светлый час, еще немало предстояло затратить сил и пролить крови...

Капитан Вадим Белов — наш новый дивизионный редактор — готовил праздничный номер многотиражной газеты. Агитаторы рассказывали солдатам о боевых успехах, которыми страна встречала знаменательную дату, о том, какой вклад в общее дело вносила наша дивизия, о лучших людях батальонов и рот. Там, где позволяла обстановка, были проведены митинги. В подразделениях накоротке состоялись партийные и комсомольские собрания. Резолюции принимались самые что ни на есть деловые: ознаменовать праздник овладением такого-то рубежа или такой-то высоты.

На вечер 5 ноября я пригласил к себе гостей: командира корпуса, командиров соседних дивизий, офицеров нашего штаба. Надо ж было отметить и получение генеральского звания, и орден Красного Знамени, которым меня наградили. Этот «семейный» ужин решили устроить в избушке, где находился наш командный пункт. Стояла она на пригорке, прижавшемся к опушке леса, около хутора Варначи. Домик окружали ветвистые многолетние яблони. Поблизости журчал быстрый ручей. Эту идиллическую картину портила лишь непролазная грязь, расползшаяся вокруг.

Готовиться к торжеству начали еще днем. Хозяин дома — литовец, проводивший большую часть времени в лесу в землянке, узнав, в чем дело, принес нам корзину прекрасных яблок. Они отливали янтарем, и от их густого запаха кружилась голова.

Но противник не считался с нашим желанием провести этот вечер в добром товарищеском кругу. Как только сгустились ранние и долгие ноябрьские сумерки, немцы после сильного артобстрела нашего переднего края перешли в контратаку на участке 756-го полка. Гитлеровцам удалось потеснить полк и захватить одну из безымянных высот. Зинченко ввел в бой резервы, которые возглавил майор Чернобровкин. Высота была отбита.

Противник обрушил на нее шквал артиллерийского огня. Едва стихла канонада, как из-за леса донесся рев моторов и лязг гусениц. Приближались танки, стреляя на ходу и с коротких остановок.

— Спокойно! Спокойно! — говорил бойцам Чернобровкин. — Надо подпустить их поближе, на верный выстрел!

И когда дистанция стала, по его мнению, достаточно короткой, он поднялся во весь рост и скомандовал:

— По фашистам огонь!

Грянули орудия прямой наводки. И сразу же три машины остановились, окутавшись дымом. Остальные не приняли боя и стали отходить в укрытия. Продвигавшаяся за ними пехота залегла. На высоту опять посыпались снаряды. На этот раз обстрел был особенно ожесточенным. На окутанной дымом земле, казалось, не осталось живого места. Но это только казалось. Когда на холм вновь — на этот раз уверенно, почти без опаски — двинулись танки и пехота, наши орудия заговорили с прежней яростью. В сгущавшихся сумерках высота полыхала слепящими вспышками залпов.

Неприятель отошел, оставив на подступах к нашим позициям много трупов, десяток подбитых и подожженных танков. И у нас, разумеется, имелись потери. Особенно тяжелой утратой была гибель Сергея Васильевича Чернобровкина. Осколок сразил его, когда он руководил отражением второй контратаки фашистов. Он умно и темпераментно провел этот бой, обеспечив устойчивость положения не только полка, но и всей дивизии. Противник отказался от дальнейших контратак после решительного отпора, полученного на безымянной высоте.

Я помню, как понурые бойцы несли бездыханное тело Сергея Васильевича на носилках. Тяжело им было навсегда прощаться с любимым командиром. Помню, как забилась в неутешных рыданиях Тоня — наш зубной врач. Она потеряла самого дорогого и близкого человека. Подступал и у меня комок к горлу. Этот очень молодой и очень симпатичный парень подавал большие надежды. Велик ли срок — полгода. А за это время он у меня на глазах вырос от ротного до комбата и в последний бой шел уже заместителем командира полка. Главное же, я успел просто, по-человечески полюбить Сергея.

Из-за боя наш торжественный ужин был перенесен с шести на девять вечера. Гости прибыли на конях. Лишь один Семен Никифорович Переверткин сумел пробиться через грязь на своем вездеходе. Расселись за столом. Подняли тост за праздник, за победу.

А у меня настроение было совсем не праздничное. Из

памяти не выходил Чернобровкин, каким я увидел его на носилках, с бескровным, заострившимся лицом.

Начались поздравления. Переверткин, вручая мне орден Красного Знамени, заметил:

— Что же ты, Василий Митрофанович, форму нарушаешь, не торопишься полковничьи погоны сменить?

— До погон ли, Семен Никифорович, сейчас? Да и где их достанешь?

Но тут голос подал Истрин:

— Завтра погоны будут. Расшибусь, а достану. Слово начальника тыла!

Это клятвенное заверение было встречено дружным смехом — слово интенданта не считалось тогда самым верным словом. Но надо отдать Константину Петровичу должное: обещание свое он выполнил...

Утром 7 ноября я зашел в блиндаж оперативного дежурного, чтобы справиться о новостях на переднем крае. Дежурил начхим дивизии майор Мокринский. Я поздравил его с праздником и попросил доложить обстановку. Юрий Николаевич коротко и толково сообщил обо всем, что произошло за ночь. Мы разговорились.

— Не повезло мне в жизни, товарищ генерал, — вдруг огорченно сказал Мокринский. — Надо же — в начхимы попал. Знал бы, что это за должность, ни за что бы не согласился. Я с четвертого курса чкаловского химинститута на войну пошел. Вот встречусь после войны с однокашниками — они, может быть, и не скажут, но подумают: в тылу отсиделся. Ни одной награды нет. И не будет — химикам ордена не дают, не за что.

Я глянул на его расстроенное лицо. Горе начхима было хоть и наивным, но очень искренним. Он продолжал:

— Товарищ генерал, разрешите мне в разведку сходить.

— Нет уж, Мокринский, никаких разведок. Есть приказ — химиков беречь, на передовую не пускать. Да и что ты расстраиваешься? Еще успеешь себя показать. Не завтра война кончится.

— Я, товарищ генерал, на войне с первых дней и все время такое слышу. Только слабое это утешение. Сидим мы здесь в лесах да в болотах на третьестепенном направлении. Не то что Первый Белорусский — они вон куда нацелились!

— Оставь, Мокринский, — остановил я его. — Не будь нашего, как ты говоришь, третьестепенного направления, разве Белорусские фронты действовали бы так? У них правый фланг голым был бы, и, думаешь, немец этим не воспользовался бы? Группировка «Север» — штука серьезная. Если бы мы ее не прижали здесь, тогда и в центре не до наступления было бы. Так что задача у нас не менее важная, чем на других фронтах. Только, может, славы меньше. Так воюем-то мы не ради славы. А боевая работенка и для тебя найдется. Не торопись только...

Юрий Николаевич слушал внимательно и серьезно. Потом с грустной улыбкой попросил:

— Логика на вашей стороне, но все же разрешите мне в разведку сходить за «языком». Я уже с Васей Гуком договорился.

— Никуда ты не пойдешь. Смотри, сколько рек до Берлина осталось. Кто дымзавесы будет ставить?

На этом и закончился наш разговор. Конечно, упоминая о Берлине и о реках, лежащих на пути к нему, я называл германскую столицу не как конкретное географическое понятие, с которым может быть связан боевой путь дивизии, а как некий символ рубежа, где мы встретим победу. Но события обернулись так, как никто из нас и не предполагал.

В конце ноября, когда мы готовились к новому туру наступательных боев, генерал Симоняк вдруг срочно собрал командиров корпусов и дивизий. Я ехал в штаб армии, гадая, зачем меня вызвали, да еще в срочном порядке. Ясность относительно предстоящих боевых действий была полная. Может быть, на «проработку»? Но повода для этого вроде бы не было. Оставалось предположить одно: будет поставлена новая задача. Но какая?

То, что сообщил командарм, и удивило, и обрадовало нас. 3-я ударная армия получила устный приказ готовиться к отправке по железной дороге. Куда? Этого мы не знали. Могли только гадать.

Впрочем, логика событий подсказывала, что предстоящая передислокация не такое уж неожиданное событие. Группа армий «Север» была выведена из активной борьбы. Оказавшись в курляндском «мешке», она лишилась возможности влиять на ход операций других фронтов. Правда, решить все задачи, поставленные Ставкой, в Прибалтике не удалось. Прибалтийские фронты так и не смог-

ли расчленить и окончательно разгромить курляндскую группировку, на это не хватило сил. Но все же стратегический удар здесь достиг своей цели. И это давало Верховному Главнокомандованию возможность, заблокировав группировку врага, перебросить часть войск туда, где в них испытывалась большая нужда.

Оканчивалось наше пребывание в Прибалтике. 99 дней назад перешли мы границу Латвии. И добрая половина этого времени была насыщена трудными наступательными боями. Поэтому казалось, что пробыли мы здесь не три с лишним месяца, а целую вечность. Теперь все оставалось позади. Шла ускоренная подготовка к переезду на другой, неведомый нам фронт.

ГРАНИЦА ПОЗАДИ

ПОЕЗДА ИДУТ НА ЗАПАД

Всякие сборы в дорогу — событие волнующее и, как правило, окрашенное либо радостью, либо печалью. Но когда в путь готовится целая дивизия, тут уж над всеми чувствами господствует озабоченность. Столько всего надо предусмотреть, согласовать, утрясти, сделать. Как-никак, а переезжают три стрелковых полка, один артиллерийский, два дивизиона — противотанковый и зенитный, да еще несколько специальных подразделений. И во всем этом должен быть полный порядок: чтобы и техника и припасы были погружены правильно, чтобы люди разместились в вагонах как надо и чтобы не было отставших в пути.

Но прежде чем заняться сборами, требовалось передать занимаемый участок. 2 декабря нас сменили части 22-й армии. И уже утром следующего дня мы начали легкий марш в сторону Елгавы.

В другой обстановке и в другое время года этот марш не оказался бы особенно трудным. Но, во-первых, наша передислокация должна была быть сохранена в тайне, и поэтому шли мы только ночами. Во-вторых, погода нас не баловала — почти непрерывно лил дождь, перемежаемый снегом. Транспорта и горючего не хватало. На дорогах, ставших непроезжими, застревали автомашины. Люди брели по колено в грязи. Хорошо, хоть темного времени в эту пору много.

Ночью 6 декабря дивизия сосредоточилась на станции Платоне около Елгавы. Здесь нас должны были посадить в эшелоны.

Штаб дивизии под руководством Николая Константиновича Дьячкова составил подробный план работ, связанных с перевозкой. В каждой части и подразделении представители штаба наблюдали за их ходом. Дел хватало всем. Бойцы пилили доски для оборудования вагонов, заготавливали дрова. К месту посадки доставлялись железные печки и продовольствие, лампы и фураж, ведра и веники. Словом, предусматривалась каждая мелочь.

Политработники, партийные и комсомольские активисты разъясняли бойцам условия и правила железнодорожных передвижений, давали советы, как вести себя, чтобы не отстать в пути. Особо обращалось внимание на то, чтобы сохранить в тайне сам факт нашей передислокации из Латвии: противник в Прибалтике не должен был знать, что мы уезжаем, а на новом месте — откуда прибыли. Поэтому все, что говорило о нашем довольно долгом пребывании на прибалтийской земле — лозунги, плакаты, листовки, номера многотиражки «Воин Родины», — убиралось или уничтожалось. О задачах, возникавших в связи с переездом, говорилось на партийных и комсомольских собраниях, на общих собраниях красноармейцев и совещаниях офицеров.

И вот наконец наступил день 17 декабря, когда первый поезд тронулся в путь. Он был сцеплен из шестидесяти товарных вагонов и платформ. Еще шесть таких составов формировались и по мере готовности отправлялись. Последний из них ушел со станции Платоне 22 декабря.

Я ехал с первым эшелоном. Помню, как лязгнули сцепки, дернулся под ногами пол вагона и в самую душу ворвался паровозный гудок, воскрешая что-то далекое, довоенное, счастливое. Отпуска, командировки, переезды в незнакомые гарнизоны — все это бывало связано с ощущением новизны, с ожиданием того, что жизнь откроет перед тобой еще одну непрочитанную, увлекательную страницу. Отголосок этих чувств тронул сердце легкой и приятной грустью.

Неизведанное и сейчас лежало впереди. Манящее и тревожное. Что сулило оно нам? До сих пор нашей дивизии (а я уже не мог представить себя вне ее) сопутствовал успех. А как-то сложатся дела на новом месте?

Встав на какой-то ящик, я смотрел в оконце шатко-

го вагона общепринятого типа «40 людей или 8 лошадей». Смотрел долго, пока пробегавшие мимо деревья и столбы не завязли в чернильном мраке ранней ночи.

В вагоне нас было не 40 человек, а значительно меньше, и устроились мы с достаточным комфортом. Заштопорили окна, зажгли лампу. Присев за деревянный столик, я спросил Артюхова:

— Как настроение у бойцов?

Михаил Васильевич ответил:

— Настроение боевое. Но, конечно, находятся и такие, кого переброска немного пугает. Знаете ведь, какие разговоры иногда идут? Вот мы, мол, немца до Волги допустили и там разбили, а теперь он нам где-нибудь постарается Сталинград устроить.

— Но это же ерунда! — возмутился я. — Как можно сравнивать несопоставимые вещи?

— Конечно, ерунда. Но разговоры вредные. Один такой доморощенный стратег, если против него не выступить, целое подразделение в уныние может ввести. Чтобы этого не случилось, меры мы приняли. Парторги и комсорги в каждый вагон назначены. Агитаторы тоже. Все они проинструктированы, материалами снабжены.

— А от шапкозакидательства их предостерег? И на легкие победы людей настраивать нельзя, это тоже вредная крайность. У Гитлера еще силы есть. И немцы, чем ближе к своей земле, тем ожесточеннее будут сражаться.

— Это учли.

— Вот и хорошо. А теперь — отдыхать. Надо и за прошлое отоспаться и про запас...

Стучат вагонные колеса, дрожит на стене фонарный блик. И несет нас поезд в незнакомые места, к новым боям. Ночь сменяется днем, день ночью. Мелькают за окном руины станционных зданий — ни одного целого. Крустпилс и Двинск, Полоцк и Молодечно, Лида и Волковыск, Черемха и Седлец... Наконец — Брожкув.

Вот теперь-то все стало ясно! Мы вливались в 1-й Белорусский фронт, действовавший на важнейшем стратегическом направлении.

Приехали мы в Брожкув 26 декабря. А последний эшелон пришел как раз под Новый, 1945 год. Как мы встретили этот последний военный год, я не помню. Собственно, никакой встречи и не было. Торжеств не устраивали. Надо было готовиться к пешему маршу в район

города Станиславова, где было отведено место для сосредоточения дивизии.

И вот после сорокапятикилометрового перехода мы прибыли туда 2 января. Всего в сорока километрах от нас лежала поверженная Варшава, находившаяся в руках оккупантов. Польская столица с нетерпением ждала своего освобождения. А мы также нетерпеливо ждали начала наступления, ради которого — это было ясно каждому — нас направили сюда. Боевой дух в частях был высок: умелая партийно-политическая работа, что велась во время переезда, сделала свое дело.

Но поступавшие к нам указания свидетельствовали, что наступление начнется не завтра и не послезавтра. Видно, подготовка к нему велась серьезная и основательная. Мы занялись размещением полков в зимних неприветливых лесах, окружавших Станиславов. Делалось это для того, чтобы сохранить тайну нашей передислокации из Прибалтики. Ведь здесь, в непосредственной близости от противника, возможность утечки такой информации была особенно велика.

Солдаты принялись рыть землянки, сооружать укрытия для лошадей, строить бани, оборудовать полигоны и учебные поля. Командующий армией приказал подготовиться к приему пополнения и к боевой учебе. Нелегко было на новом месте. Донимал холод. Земля промерзла на большую глубину. Дни стояли короткие, светлого времени в обрез. Да и со строительным материалом, дровами приходилось туго. Леса, послужившие нам пристанищем, были невелики и к тому же (что особенно трудно было нам усвоить) составляли частную собственность отдельных лиц. Всякую порубку мы могли производить только с их разрешения — таково было указание советского командования войскам, находившимся на польской земле.

И все-таки устроились мы всего за три дня. А там подошло и весьма изрядное пополнение людьми и техникой. Мы начали доводить до полного комплекта роты. В полках, прибывших в Польшу в двухбатальонном составе, создавались третьи батальоны.

Дивизия заметно обновилась. И не только за счет рядовых бойцов, но и командиров. Так, незадолго до отъезда из Латвии слегли с желудочными заболеваниями Гончаров и Аристов. Виной тому, видимо, была плохая

вода. Артиллерией у нас теперь командовал полковник Григорий Николаевич Сосновский. Вместо Аристова командиром 674-го полка назначили подполковника Алексея Дмитриевича Плеходанова, офицера из соседней дивизии, а командиром 469-го — полковника Михаила Алексеевича Мочалова.

Таким образом, во главе частей у нас остались лишь два «старика», сражавшихся еще у Заозерной и прошедших через все бои в Прибалтике, — это Зинченко и Гладких. Майор Георгий Георгиевич Гладких, командир артиллерийского полка, выделялся отменным хладнокровием и храбростью. В боях он неизменно находился на самых горячих участках, но ни пуля, ни осколки не брали его.

Такое «боевое долголетие» реже встречалось среди командиров батальонов. Но и среди них имелись ветераны — Давыдов, Хачатуров. Помню, как в начале боев в Латвии ко мне подошел Степан Андреевич Неустроев — невысокий, худощавый капитан. На Заозерной он шел в бой заместителем комбата, был там обожжен и ранен, попал в медсанбат. Вскоре, не долечившись как следует, Неустроев попросил вернуть его в батальон. Чувствовалось, что положение «безработного» сильно угнетало его и не способствовало укреплению здоровья. Я знал, что в таких случаях полное выздоровление зачастую скорее приходит на передовой, чем в тылу, и поэтому направил его в 469-й полк заместителем комбата. Но поскольку там нужнее оказался командир батальона, Неустроева и определили на эту должность. Он справился. В боях был попрежнему решителен и смел. 6 ноября его снова — в пятый раз за войну! — ранило. Сейчас он вернулся в строй и принял 3-й батальон в 756-м полку.

Но таких комбатов у нас осталось немного. На смену выбывавшим из строя прибывали новые. За последние месяцы минувшего года командовать батальонами стали капитаны Блохин, Боев, Логвиненко и Твердохлеб.

И вот теперь нам предстояла большая работа по обучению молодых бойцов, по сколачиванию подразделений и частей. Что ж, не в первый раз вставала перед нами такая задача. И все мы энергично взялись за ее решение.

Недостатка в энтузиазме у людей не было.

Начали, как всегда, с изучения строевого и боевого уставов, с освоения устройства оружия и правил обра-

щения с ним в бою. Через несколько дней перешли к проведению ротных и батальонных учений на дивизионном полигоне. Одно из показных батальонных учений наблюдал наш командарм. Генерал Симоняк остался доволен действиями солдат и особенно командиров.

Тактические учения, ночные марши, боевые стрельбы — все это втягивало молодых солдат в напряженную фронтовую жизнь, психологически подготавливало их к тяжелым испытаниям, сокращало разрыв в мастерстве между ними и бывалыми воинами.

Проводились также сборы ручных и станковых пулеметчиков, стрелков из противотанковых ружей. Солдаты и сержанты изучали листовки-памятки, выпущенные Военным советом фронта для представителей всех боевых специальностей.

Много учились и офицеры: ведь им предстояло руководить боями на незнакомом доселе театре военных действий. С командирами полков, батальонов и рот были организованы занятия при штабах дивизии и корпуса. Там для них читались лекции о системе обороны на западном берегу Вислы, делались военно-географические обзоры.

Не замирала все это время и партийно-политическая работа, нацеленная на воспитание у людей высокого наступательного порыва, готовности не пожалеть ни сил, ни жизни для достижения победы.

Дивизия упорно готовилась к броску на запад, туда, где неровно, с перебоями, но все еще билось сердце фашистской империи Гитлера.

МАРШ СКВОЗЬ ВЬЮГУ

В наших боевых приготовлениях не участвовал артиллерийский полк. Вместе с минометными ротами стрелковых частей он был передан во временное оперативное подчинение 89-му корпусу и выдвинут к правому берегу Вислы. Я воспринял это как верный признак того, что нам не придется наступать в первом эшелоне. И не ошибся.

11 января Семен Никифорович Переверткин собрал командиров дивизий и объявил, что через три дня фронт начнет наступление на противостоящую ему группу не-

мецких армий «А». Цель наступления — разгромить неприятельские войска, освободить Польшу и, выйдя к Одеру, создать выгодные условия для завершающего удара по Берлину.

Для достижения этой цели намечалось нанести фронтальные удары на лодзинском и ченстоховском направлениях, расчленить главные силы группы армий «А» и, уничтожив их по частям, развить стремительное наступление в направлениях Познани и Бреславля. На пути фронта между Вислой и Одером лежало семь оборонительных полос, эшелонированных на глубину до 500 километров. Это была серьезная преграда. Поэтому 3-я ударная армия, которой предстояло наступать во втором эшелоне фронта, должна была быть в постоянной готовности немедленно включиться в активные боевые действия.

12 января перешел в наступление находившийся слева от нас 1-й Украинский фронт. Висло-Одерская наступательная операция началась. 14 января, как и намечалось заранее, в нее включился и 1-й Белорусский.

Через три дня была освобождена Варшава. 17 января в 15 часов дивизия получила приказ на марш вслед за наступающими войсками.

Походные колонны двинулись в путь. Идти во втором эшелоне — это не то, что наступать с боями. Но и увеселительной прогулкой наш переход нельзя было назвать. Мы шли со всеми предосторожностями, выставив боевое охранение, выслав вперед головные походные заставы. Ведь мы вступали на территорию, где еще несколько дней назад находился враг, и какая-то часть его сил могла оказаться в тылу наступающего фронта. Нужно было сохранять готовность вступить в бой в любую минуту.

Вскоре дивизия вошла в Варшаву. Чем больше мы в нее углублялись, тем сильнее нами овладевало чувство сострадания и гнева. Мы видели много городов и сел, превращенных в руины. Но такие варварские разрушения и в таком масштабе нам, пожалуй, привелось увидеть впервые. Улицу за улицей, квартал за кварталом проходили солдаты, и глаз не мог найти ни одного уцелевшего дома. Всюду зияли провалами стен остовы когда-то прекрасных зданий. Груды битого кирпича и обломки домашней утвари запрудили тротуары и мостовые. То тут, то там виднелись изуродованные памятни-

ки. Взывая к отмщению, тянули вверх обгорелые руки-ветви столетние липы. И как зловещий шрам, оставленный «новым порядком», краснела тянувшаяся на километры кирпичная стена — граница еврейского гетто.

Три часа движения по Варшаве были тремя часами убедительнейшего политзанятия на тему: «Что несет фашизм порабощенным народам и почему мы должны уничтожить его». Разрушенный город был обжигающим душу наглядным пособием. Он вызывал самые разнообразные оттенки острых и сильных чувств — щемящую жалость к людям, жившим под этими кровлями, возмущение звериной жестокостью, с которой разрушались великолепные плоды человеческого труда, ненависть и отвращение к убийцам. Все виденное умножало ярость к врагу, желание покарать его.

С 18 января войска первого эшелона начали преследование противника. Приказ командующего фронтом предписывал не ввязываться в бои по уничтожению вражеских гарнизонов в городах и населенных пунктах (на такие бои противник как раз и делал ставку), а быстрее идти вперед. Это повышало вероятность встречи с оставшимися в нашем тылу силами неприятеля. Мы двигались на запад и северо-запад несколькими параллельными колоннами. Шли грунтовыми, проселочными, лесными дорогами, иногда тропками, а то и просто по полю, целиной.

И тут начались вьюги. Трудный путь стал еще труднее. Люди шли, по колено проваливаясь в снег. Забуксовали автомашины. Сразу же ухудшилось снабжение горючим. Автомобили начали отставать еще больше. А следовательно, резко ухудшилось снабжение продовольствием, боеприпасами, снаряжением. Пришлось все это перевозить лошадьми. Но гужевого транспорта не хватало, чтобы полностью удовлетворить потребности дивизии. Положение складывалось тяжелое. Метель метелью, а мы не могли намного сокращать суточные переходы, чтобы не выбиться из заданного графика. Приходилось сжимать до минимума время на отдых. И поскольку продовольственные обозы не справлялись со снабжением частей, к усталости прибавилось недоедание.

Участились случаи отставания. Солдаты заболевали от переутомления. Только в 469-м полку за три дня заболело 86 человек. И все-таки среднесуточные переходы у нас достигали 36 километров.

Особенно мне запомнилось 27 января. Неистовый ветер нес навстречу людям сплошную стену снега. Наклонившись вперед, закрывая лицо руками, бойцы пробивались сквозь белесую пелену. Каждый шаг давался с большим трудом. Но если тяжело было рядовым, то каково приходилось офицерам! В полковых колоннах командиры шли вместе с бойцами. Чтобы никого не потерять, они часто пропускали колонны своих подразделений вперед, а потом обгоняли их. Это требовало поистине нечеловеческих усилий. А если обнаруживался отстающий, выбившийся из сил боец, то командир нередко еще и помогал ему догнать своих.

Не меньше доставалось и политработникам. Находясь в людской гуще, они подбадривали усталых, следили, чтобы на привалах все отдохнули и получили пищу; тех, кто не может двигаться, определяли на повозки или сани. На привалах они старались обеспечить людей свежими газетами, вручали им листовки-«молнии», посвященные солдатам, показывавшим пример выдержки и дисциплинированности. Как бы ни были измотаны бойцы, они не упускали возможности послушать офицера, читающего сводку Совинформбюро или рассказывающего о положении на фронте.

Кончался привал, и, казалось, вконец изнуренные люди находили в себе силы, чтобы подняться и снова штурмовать гудящую стену ветра и снега. Согнутые, натруженные фигуры пробивались сквозь снежную лавину во имя долга, повелевавшего в срок прибыть к месту назначения и изготовиться к бою. А то, что нас вскоре ожидают нелегкие бои, понимал каждый.

Правое крыло фронта, во втором эшелоне которого мы продвигались, встречало особенно сильное сопротивление врага. Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы сдержать наступление советских войск, не дать им выйти к Одеру. К 26 января гитлеровское командование произвело реорганизацию, которая, по его мнению, должна была способствовать стабилизации фронта. Группа армий «А» преобразовывалась в группу армий «Центр». А к северо-западу от нас, в Померании, создавалась группа армий «Висла»...

Так шли мы навстречу боям. И вдруг 1 февраля наступила оттепель. Полил дождь. На полях обнажилась черная вязкая земля. Дороги превратились в реки. Лоша-

ди окончательно выбились из сил. Бойцы сами впрягались в сани и повозки. Испытание достигло своего предела. Но 2 февраля наступил конец нашим мучениям. Завершив почти 500-километровый марш, мы вошли в небольшой городок Фандсбург, расположенный у старой немецко-польской границы.

Городок этот стал местом, где дивизия могла, что называется, отдышаться. Подтягивались тылы. Приводилось в порядок обмундирование. Чинилась обувь. Люди мылись в бане, отсыпались. И всех нас не покидало чувство: скоро и наш черед, скоро и нам в бой, в наступление. Ведь еще 31 января около города Кенитца был форсирован Одер и на левом его берегу появился наш первый небольшой плацдарм. А к 3 февраля таких плацдармов было уже несколько. Войска 1-го Белорусского широким фронтом вышли к реке.

Но, вопреки нашему ожиданию, темпы наступления снизились. Впрочем, если вдуматься, ничего удивительного в том не было. Слишком уж далеко вперед вырвались головные армии фронта, слишком большое расстояние отделяло их от тылов и баз снабжения, слишком растянулись коммуникации. Требовалось закрепиться на занятых рубежах, покончить со многими очагами сопротивления фашистов, оставшимися в нашем тылу и оттягивавшими на себя немалые силы.

5 февраля дивизия получила приказ строить оборону.

Такова уж трудная доля матушки-пехоты. Приходишь на новое место, получаешь приказ на оборону и начинаешь врываться в землю — так, будто оборона эта на века. Но пролетает несколько дней — еще не настланы все накаты, еще не оборудованы все огневые позиции и блиндажи, а уже пришел новый приказ, и войско снимается с места, с сожалением глядя на плоды своего оказавшегося напрасным труда. А потом снова стоянка, и снова вручную люди переворачивают горы земли. И хоть чувствуешь порой, даже знаешь почти наверняка: долго мы здесь не задержимся, а никаких скидок, никаких послаблений — все делается самым основательным образом. Иначе нельзя. На войне ведь между «наверняка» и «почти наверняка» — дистанция огромного размера.

Задача перед нами ставилась нелегкая: за три дня подготовить жесткую оборону, создав систему ротных и батальонных опорных пунктов. Начиналась линия оборо-

ны у западных окраин города и шла на северо-восток. В мерзлой, так и не прогревшейся за время оттепели земле предстояло выкопать траншеи. огневые позиции для орудий, минометов и пулеметов, оборудовать землянки и блиндажи. Лопат, кирок, топоров и другого шанцевого инструмента не хватало. Работа двигалась медленно. А через день вновь началось потепление. Но от этого не стало легче. Земля под ногами расползалась. Полевые дороги стали непроезжими, даже пешком по ним удавалось пробираться с трудом. Траншеи наполнялись водой, их стенки обваливались.

И все-таки, как оно часто бывает, задача, казавшаяся поначалу невыполнимой, была решена в срок. Все теперь было готово для боя. Но принять бой на этом рубеже нам так и не пришлось. Едва закончилось строительство выстраданной нами обороны, поступил новый приказ: передислоцироваться в район немецкого города Флатова, находящегося в 32 километрах к западу от нас. Мы снялись с необжитого еще места.

В полном боевом порядке, выставив походные заставы и охранение, полки двинулись по шоссе, ведущему на Флатов. Поблескивал влажный асфальт. С полей почти совсем сошел снег. И уже пахло приближающейся весной. Вдоль дороги чернели стволы яблонь и лип. Справа и слева виднелись большие прямоугольники полей, разделенные живыми изгородями из деревьев. Попадались небольшие леса, но не наши, не такие, как в России или даже в Прибалтике, — деревца в них стояли ровными шеренгами, словно на параде. К каждому хуторку, красневшему где-нибудь вдали кирпичными строениями, вела асфальтированная дорога. По богатой мы шли земле.

И хоть шоссе порядком пострадало от танковых гусениц, хотя оставили на нем свои следы снаряды и бомбы, до Флатова мы добрались быстро. Полки расположились, не доходя до него, а штаб дивизии обосновался на восточной окраине аккуратного городка. Преобладали в нем чистенькие коттеджи, в основном пустые, покинутые жителями. Обитатели их сбежали на запад. Одни из них имели серьезные основания для того, чтобы не желать встречи с Красной Армией. Другие были напуганы гитлеровской пропагандой, неутомимой в своих россказнях о «зверствах русских». Об этом кричало геббельсовское радио, газеты и журналы. В иллюстрациях, «подтверждающих»

зверства, у фашистов не было недостатка: снимков, сделанных у себя в лагерях, хватало с лихвой. Требовалась лишь совсем небольшая ретушь.

Оставшиеся в городе немцы старались не попадаться нам на глаза. А те, кто попадался, имели вид, запуганный до крайности. И политотдел дивизии усилил работу, цель которой была в том, чтобы довести до сознания каждого бойца мысль: за развязывание подлой войны, за зверства и грабежи на нашей земле отвечают фашистские главари и их приспешники, но отнюдь не мирное население немецких городов и сел. Необходимость в такой работе была велика: у многих, очень многих зияли сердечные раны, вызванные потерей близких, надругательствами над родными, разоренными и сожженными домами. Гитлеровцы убивали ни в чем не повинных родителей, жен и детей наших бойцов. А тут перед нами были родители, жены и дети неприятельских солдат, да еще в целехоньком, неразрушенном городе (фашисты не применяли на своей территории зверскую тактику «выжженной земли»). И слепое чувство мести — око за око, зуб за зуб — могло вырваться из-под контроля, если б не велась серьезная, каждодневная политическая работа.

Эта работа была деликатной и тонкой, требующей и умения, и такта. Три с лишним года разжигалась у людей ненависть к врагу, ненависть, обретавшая силу грозного оружия. А врагом был немец — тогда с этим коротким словом отождествлялся всякий неприятельский солдат, вторгшийся на нашу землю с оружием в руках, всякий захватчик, которого нужно было уничтожить, чтобы спасти себя и свою страну.

Теперь мы ступили на вражескую землю. Немцы были вокруг нас. Разные немцы. И ненависть нужно было дифференцировать, направить ее по строго определенному руслу. Одно дело — фашисты, приверженцы гитлеровского режима. И совсем другое — женщины, дети и старики, с которыми чаще всего приходилось вступать в контакт. Они не были нашими врагами. И понимание этого приходило к солдатам не только под влиянием бесед, докладов и газетных статей. Для этого им порой было достаточно увидеть голодного старика или встретить испуганный взгляд ребенка. У воспитанных советским обществом людей никогда не гасло чувство человечности. И сердце у них было отходчивое.

ШНАЙДЕМЮЛЬСКИЙ КОТЕЛ

Итак, мы разместились в окрестностях Флатова, завидуя тем, кто наступал в центре фронта и уже захватил плацдармы на левом берегу Одера. Ведь от них до Берлина было рукой подать, всего каких-нибудь 60—70 километров. И с нашей точки зрения, они имели больше всего шансов первыми ворваться в германскую столицу. А значит — положить конец войне, поставить последнюю точку. Взятие Берлина прочно отождествлялось в нашем сознании с окончательной победой.

Но отдавали мы себе отчет и в том, что обстановка на фронте к этому времени сложилась очень непростая. 1-й Белорусский острым клином вытянулся далеко на запад. С севера, от самой Данцигской бухты и до устья Одера, занимая всю Восточную Померанию, ему угрожала группа армий «Висла». 2-й Белорусский фронт был развернут на север. На стыке с его левым крылом находилась наша 3-я ударная армия. Линия вражеской обороны проходила километрах в двадцати пяти — тридцати севернее Флатова. А в тридцати километрах к юго-западу от нас кипел, бурлил шнайдемюльский котел.

Город Шнайдемюль представлял собой крепкое звено в цепи померанского вала, созданного вдоль старой немецко-польской границы еще в тридцатые годы. Расположенный на берегах реки Кюддов, он был узлом нескольких железных и шоссейных дорог. Город окружали мощные оборонительные сооружения, противотанковые и противопехотные препятствия. Имелся там и аэродром.

Во время стремительного январского наступления Шнайдемюль не стали брать штурмом, а обошли его. Гарнизон города оказался в нашем тылу. В Шнайдемюле насчитывалось свыше 25 тысяч солдат и офицеров, более 100 полевых орудий, много танков, штурмовых орудий и других боевых средств. Фашистское командование организовало «воздушный мост», и осажденные получали пополнения, боеприпасы, эвакуировали раненых.

10 февраля войска левого крыла и центра 2-го Белорусского фронта начали наступление против группы армий «Висла», направив свои удары в сторону Данцига и в глубь Померании. Мы получили приказ развернуть дивизию фронтом на север и северо-запад. Это на случай, если противник предпримет ответный удар на стыке двух

фронтов, попытается пробиться к окруженному Шнайдемюлю и соединиться с блокированными в городе войсками. Нам надо было быть готовыми отразить возможное нападение и самим перейти к активным действиям.

Мы произвели рекогносцировку на угрожаемых направлениях и приготовились к бою. Но удар последовал совсем не оттуда, откуда его ожидали.

Днем 14 февраля меня вызвал к телефону командир корпуса.

— Василий Митрофанович! — услышал я встревоженный голос Переверткина. — Немцы прорвались из Шнайдемюля. Движутся на север и северо-запад. Точными данными о противнике мы не располагаем. Так что быстро проведи разведку и выдвигай дивизию на запад, наперерез группировке. Ни один фашист не должен прорваться, слышишь?

Приказав Дьячкову немедленно организовать разведку, я позвонил командирам полков и, распорядившись готовиться к выступлению, велел им через час прибыть на западную окраину Флатова, к озеру.

Несколько минут спустя в прихожей коттеджа послышались чьи-то голоса. Дверь распахнулась, и в комнату вошел незнакомый офицер.

— Разрешите, товарищ генерал? — заговорил он возбужденно. — Полковник Бугров, начальник тыла кавкорпуса.

— Садитесь, пожалуйста, полковник. В чем дело?

— Товарищ генерал, беда! Немцев прет — тьма. Тылы наши захвачены.

— Да вы успокойтесь. Покажите лучше, где вы их встретили.

Мы развернули карту. После некоторого раздумья полковник показал, где произошла встреча с противником, и назвал время. Я даже удивился, как быстро начальник тыла добрался до Флатова. Неприятель, двигавшийся в походных колоннах, такой скоростью обладать не мог, так что в нашем распоряжении оставалось достаточно времени для приготовления к бою.

Сев с майором Гуком в «виллис» и пустив вперед две машины с разведротой, мы покатили по асфальтированной дороге, ведущей на запад. Там, впереди, вдоль реки Кюддов, текущей с севера на юг, до самого Шнайдемюля тянулась почти сплошная лента лесов.

Мне живо вспомнилось, как в 1941 году, под Киевом, я сам выходил из окружения. Тогда нашим спасителем был лес. Он укрывал нас и от авиации, и от танков. Мы выпадали из поля зрения противника, оставались неуловимыми для него. Только благодаря лесному маршруту дивизия, в которой я был тогда начальником штаба, сумела пробиться на восток, к своим.

Сейчас немцы оказались в положении, несколько напоминавшем наше тогдашнее. И я не сомневался, что они не преминут воспользоваться лесным массивом для прорыва. Ведь в тактическом умении отказать им было нельзя. Вот мне и хотелось самому посмотреть, каковы там, в лесу, дороги и что творится на них.

У опушки мы остановились. Вышли. С юга доносилась стрельба. Прошли по лесу сотню метров и увидели дорогу, по которой одна за другой проскочили две машины. Когда мы приблизились к ее обочине, показался еще один автомобиль. Я присмотрелся — наши. Офицеры.

— Стой! — закричал я, выходя на дорогу с поднятой рукой. Машина завизжала тормозами и, прочертив по асфальту черные полосы, замерла. Люди в ней были не из нашей армии.

— Куда спешите?

— Там немцы, товарищ генерал!

— Далеко?

Офицеры замялись. В это время подошел грузовик с солдатами.

— Это все ваши силы или еще есть?

— Еще подъедут.

— Ну так вот что. Располагайте бойцов вон у того овражка. Там удобная позиция. Скоро сюда подойдут наши подразделения. И не забывайте, что сейчас не сорок первый год. Не мы от немцев удирать должны, а они от нас.

Выйдя на опушку, мы сели в машины и поспешили к месту, где был назначен сбор командиров полков. Они уже ждали.

Едва я начал ставить задачу, показалась машина командира корпуса. Семен Никифорович разыскал нас здесь, чтобы проинформировать о положении на фронте. Оказывается, минувшей ночью часть сил, окружавших Шнайдемюль, ворвалась в город. Но немцы, оставив там

лишь несколько подразделений, сами пробили в окружении брешь и двинулись на север.

Это вызвало замешательство в некоторых наших частях. Между тем прорыв, судя по всему, был тщательно подготовлен и согласован: противник одновременно предпринял попытку наступать с севера, из Померании, навстречу шнайдемюльской группировке.

— Двести седьмая дивизия будет действовать южнее, — предупредил Переверткин. — Основная же тяжесть ляжет на вас, Василий Митрофанович. Немцы прорваться не должны. Смотри, дело серьезное.

Пожав мне руку и пожелав успеха, Переверткин двинулся к машине. А я принялся ставить задачу командирам полков. К этому времени уже поступили данные разведки, посланной в разных направлениях. Авангард противника двигался на север и северо-запад двумя колоннами с танками и техникой. Одна часть сил шла по дороге вдоль опушки, другая — через гущу леса.

План наших действий был такой: 756-й полк должен был преградить путь первой колонне. Правее и западнее 674-му полку предстояло блокировать другую колонну. 469-й полк выдвигался еще севернее, образуя второй заслон.

Мне казалось, что стоящая перед нами задача не слишком сложна в тактическом отношении. Цель противника и его замыслы достаточно очевидны. Наши силы распределены в принципе правильно. Единственное неизвестное состояло в том, хватит ли этих сил, чтобы преградить путь неприятельским войскам, уничтожить их или принудить к сдаче в плен.

Сев в машину, я снова поехал к опушке леса, на этот раз южнее, к поросшему кустарником холму. С высоты мне открылась дорога, запруженная вражеской пехотой, артиллерией, танками, грузовыми автомашинами с каким-то имуществом. Колонна была огромной. А в той стороне, откуда должны были показаться батальоны 756-го полка, пока не замечалось никакого движения. Опаздывал Зинченко.

Так вот и дают себя знать неурядицы, породившие афоризм: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Из-за неорганизованности полк прибыл на отведенный ему рубеж — к маленькому городку Гурзену — только на исходе дня. К этому времени противник занял несколько

населенных пунктов, разбросанных вдоль опушки лесного массива, где уже следовало находиться нашим подразделениям.

Что ж, элемент случайности, включающий в себя различные ошибки и оплошности, на войне неизбежен. В той или иной мере это учитывается и в тактических расчетах. Как нет идеальных планов, так нет и идеальных исполнителей. Обидно, конечно, мириться с этим, особенно если видишь очевидный промах подчиненного (свои промахи замечаются как-то не очень). Остается утешать себя тем, что противник тоже не свободен от подобных просчетов.

К вечеру близ Гурзена завязался упорный бой между прорывавшейся колонной немцев и 756-м полком, поддержанным несколькими подразделениями 674-го. Не считаясь с потерями, неприятель рвался к дороге, идущей от Гурзена на северо-запад, в спасительный лес. Бой не стихал всю ночь. И врагу частично удалось добиться своей цели. Но впереди, на следующем рубеже, его ждали основные силы 674-го и 469-го полков.

Утром разведка донесла, что с юга накатывается следующая волна вражеских войск. Теперь уже замысел немецкого командования вырисовывался более определенно: авангард, с которым мы до сих пор имели дело, должен был проложить путь главным силам шнайдемюльской группировки. Обстановка диктовала решение: не дать этим частям соединиться с находящимися впереди и уничтожить их по отдельности. Командиры полков получили по телефону соответствующие распоряжения. 756-й во взаимодействии с 674-м должны были нанести удар по основной вражеской группе. 469-му предстояло сосредоточить все усилия на разгроме авангарда. Дивизия начинала действовать на два фронта.

Я позвонил командиру корпуса и доложил ему о своем решении. Он согласился с ним и пообещал подбросить артиллерию.

С небольшой оперативной группой я разместился на вершине кирки, возвышавшейся на южной окраине Гурзена. Панорама оттуда открывалась превосходная. Видны были и свои боевые порядки, и деревушка Дейч-Фир на юге, к которой приближалась вражеская колонна, и дорога, ведущая на северо-запад, в лес. Наши спешно ук-

реплялись в Дейч-Фире, готовя заслон на пути главных сил немцев.

— Ну как, неплохой мы энпе подготовили? — не удержался от невинного хвастовства майор Гук.

— Наблюдать-то отсюда отлично. Только до первого снаряда. Давай-ка, Василий, готовь новый энпе вон на той высотке. Полторы тысячи метров на юго-запад, видишь?

— Товарищ генерал...

— Понял?

— Так точно.

— Действуй.

Не прошло и часа после этого разговора, как около кирки взметнулись фонтаны земли. Один снаряд прошил кирпичную кладку колокольни. Противник, видно, догадался, что отсюда ведется управление боем. Мы кубарем скатились вниз.

Хорошо, что новый наблюдательный пункт был уже в общем готов. Мы бегом направились к нему. Он был не так удобен, но зато почувствовали мы там себя куда надежнее. Я приказал направить в сторону Дейч-Фира взвод конной разведки под командованием лейтенанта Здоровцева.

Отрегулировав стереотрубу, я повел ею с севера на юг. Увидел машины врага, идущие по полевым дорогам, и отдельные группы неприятельских солдат. Сосновский подготовил артиллерию к открытию сосредоточенного огня по дорогам, где наблюдалось наибольшее оживление. И вдруг, приближенные линзами стереотрубы, перед глазами возникли конники. Они мчались прямо к НП. Это, несомненно, был Здоровцев. Как же неосмотрительно он действовал! Этот лихой, бесшабашный мальчишка совершенно не думал о том, что из-за своей беспечности может открыть противнику расположение наблюдательного пункта дивизии.

Я высунулся из укрытия и потрясал кулаком до тех пор, пока Здоровцев не уяснил, что этот «сигнал» относится к нему. Кавалеристы резко изменили направление, скрылись за кустами и вскоре подскакали к НП с тыла. Здоровцев сообщил, что начался бой за Дейч-Фир, небольшие группы противника вышли восточнее этой деревни, а по дороге вдоль Кюддова движется колонна в шесть километров длиной.

Сведения были очень важные, они позволяли представить обстановку в целом. Свои прорывающиеся по лесу части противник намерен прикрывать с правого фланга, ведя бои за населенные пункты. Ему, надо думать, не было известно, какими силами располагаем мы и как они распределены. И в этом заключалось наше преимущество.

В стереотрубу просматривалась северная окраина Дейч-Фира. Было видно, как расположившаяся там противотанковая батарея ведет огонь по каким-то целям. Бой в деревне разгорелся жаркий. Как узнал я потом, сражались наши бойцы с величайшей отвагой. Рота 756-го полка под командой капитана Ивана Гусельникова оказалась в полуокружении. Шесть раз гитлеровцы атаковали занятые ею позиции. Но каждый раз откатывались, встреченные прицельным огнем винтовок и автоматов, гранатами, а то и штыковыми ударами. И сам капитан, и командир взвода младший лейтенант Дмитрий Шишков, и другие офицеры дрались расчетливо и храбро, показывая пример всем бойцам. Рота на своем направлении не пропустила на север ни одного гитлеровца. Она уничтожила около двухсот фашистов, а пятьдесят захватила в плен.

Я внимательно наблюдал за ходом боевых действий. Гук и Сосновский то и дело склонялись над картой, отмечая вновь обнаруженные батареи и танки. Мне удалось заметить особое оживление вокруг одной из колонн. Очевидно, оттуда шло управление войсками. Я приказал дивизионной артгруппе, усиленной корпусными батареями, ударить по походному штабу гитлеровцев. Артиллеристы накрыли цель точно. После этого огонь был перенесен на развернувшиеся батареи врага, скопления танков и самоходок. Но и противник не остался в долгу. Его орудия стали бить по позициям 756-го полка, приготовившегося встретить основные силы неприятельской группы. Затем немцы бросились в атаку. С нашей стороны в пасмурное небо взметнулась серия красных ракет. Загромыхали орудия всех калибров, заухали минометы, застрекотали пулеметы и автоматы. Первая цепь фашистов была буквально сметена. Но за ней двигалась вторая, третья... Гитлеровцы шли по трупам своих солдат. Им удалось добиться некоторого успеха: при поддержке танков и самоходок они пробили брешь в обороне 756-го полка.

Сквозь нее прорвалась полутысячная группа с пятнадцатью самоходками.

Зинченко по телефону сообщил: по показаниям пленных, на подходе еще человек 700 с 10—15 танками и штурмовыми орудиями. Едва я положил трубку, как вновь раздался звонок. Плеходанов докладывал, что по лесной дороге тянутся непрерывные колонны пехоты и автомашин. Это часть главных сил немцев пробивалась на соединение с авангардом. Я приказал Плеходанову держать вражеские подразделения под неослабным огнем. А 2-й батальон, которым командовал Яков Логвиненко, направить на подмогу Зинченко.

Михаил Васильевич Артюхов, находившийся в полку Мочалова, передал, что недалеко от штаба батальон Василия Давыдова ведет бой с сильной неприятельской колонной. У Давыдова нет артиллерии, и подразделение несет большие потери. Пришлось туда срочно бросить противотанковый дивизион майора Тесленко. На равнине, недалеко от лесной опушки, завязалась жестокая схватка. Наши стрелки стояли насмерть. Артиллеристы Тесленко, развернувшись с ходу, начали расстреливать самоходки, бить по пехоте.

Но и им самим пришлось нелегко. Падали сраженные осколками и пулями наводчики, заряжающие. Командир 3-й батареи капитан Николай Хованцев вынужден был стать к прицелу орудия, расчет которого почти целиком выбыл из строя. И комбат показал себя настоящим мастером меткого огня. Он поджег четыре вражеских танка. Отважно сражался и его подчиненный — командир огневого взвода лейтенант Евгений Куц.

По четыре неприятельских боевых машины уничтожили 1-я и 2-я батареи, которыми командовали капитаны Александр Овечкин и Андрей Дрыгваль.

Пять часов не утихал бой, и трудно сказать, каков был бы его конечный результат, если б на помощь не подошел 164-й полк 33-й стрелковой дивизии. Противник не выдержал и стал искать спасения в лесу. Некоторые его роты сдались в плен вместе со своими командирами.

Примерно в это же время к бреши, пробитой в обороне 756-го полка, подтянулась группа гитлеровцев, о которой нас предупреждали пленные. Но там их уже поджидал батальон Якова Логвиненко. И когда немцы попытались смять роту, прикрывавшую дорогу, они неожиданно были

атакованы с обоих флангов. Засады открыли огонь из орудий прямой наводки. Одновременно в тылу врага грянул необычайной силы взрыв. Это диверсионная группа, посланная Логвиненко в лес, подожгла следовавшие за боевыми порядками фашистов машины со снарядами.

Неприятель растерялся. В результате бой закончился очень быстро. Немцы потеряли убитыми 315 солдат и офицеров, 126 человек было захвачено в плен. В качестве трофеев нам досталось 2 танка, 5 орудий, 15 грузовых автомашин.

На другом участке обороны 3-й батальон 756-го полка, возглавляемый Степаном Неустроевым, нанес внезапный удар по голове приближавшейся колонны. Гранатами были подорваны танк и самоходка, ударившие из укрытий орудия подожгли автомашины. Автоматные и пулеметные очереди косили метавшихся солдат. На дороге создалась пробка. Паника довершила дело — солдаты выскакивали из грузовиков и разбегались по лесу.

Через час появилась новая, более мощная колонна. Зная об участи своих предшественников, гитлеровцы развернулись в боевые порядки и начали атаку по всем правилам. Неустроеву приходилось туго — противник обладал, по крайней мере, тройным превосходством. Но тут на помощь подоспел 594-й полк 207-й дивизии. К 6 часам вечера и с этой фашистской колонной было покончено. На поле боя осталось более тысячи убитых. А те, кто уцелел, рассеялись по лесу.

К ночи 16 февраля от войск шнайдемюльского гарнизона уцелели две группы. Обе находились в лесах, севернее Гурзена. Переверткин, выслушав мой доклад о сложившейся обстановке, приказал днем покончить и с ними.

Но это оказалось не так просто. Всю ночь не стихала канонада. Неприятель не собирался сдаваться без боя. В половине пятого утра силами до полка он обрушился на позиции батальона Сергея Хачатурова. Пехоту врага поддерживала полевая артиллерия и штурмовые орудия. Бойцы Хачатурова встретили атакующих гранатами, и те залегли на опушке леса. Но вскоре к ним присоединилось еще несколько подразделений. После трехчасового боя батальон вынужден был отойти. Немцы начали быстро продвигаться по лесной чаще на север. Но тут им

путь преградили два других батальона 469-го полка. Снова разгорелась схватка, в которой полегло до двухсот гитлеровцев. И все-таки воспрепятствовать прорыву мы не смогли. К счастью, это не привело к каким-либо серьезным последствиям. Фашисты не ушли далеко — они были встречены частями 23-й гвардейской дивизии, которая довершила начатое нами дело.

А 469-й полк прочесал лес по всей округе, и к 16 часам от наиболее крупной группы врага осталась только толпа смертельно усталых и перепуганных пленных.

Тем временем другие наши полки разделались со второй группой. Из нее не ушел никто. Бóльшая часть солдат сложила оружие. Те, кто не хотел сдаться, погибли на поле боя.

Шнайдемюльская группировка прекратила свое существование. Итоги боев были впечатляющи. Противник потерял 3500 человек убитыми. Во время последнего прорыва погиб и комендант шнайдемюльского гарнизона, возглавлявший всю группировку, полковник Решлингер. В плену оказалось свыше 800 человек, в том числе и несколько видных должностных лиц. Достались нам и немалые трофеи: больше сотни орудий и минометов, 44 танка и самоходных орудия, много грузовых и легковых автомашин, мотоциклов и другого военного снаряжения и имущества.

Наши потери были в общем невелики. Минувшие бои прибавили нам опыта. Подверглись испытанию способность дивизии к быстрому маневру, гибкость управления, четкость взаимодействия пехоты и артиллерии, умение командиров применяться к обстановке. Экзамен этот мы выдержали. А вместе с тем явственнее увидели и свои недостатки. Такие, как неповоротливость Зинченко, в результате которой поднятый по тревоге 756-й полк опоздал к месту развертывания. Это, несомненно, дало противнику некоторый выигрыш на первом этапе боевых действий. Да и поставленная перед дивизией задача на деле оказалась не такой простой, как мне сначала представлялось. Кроме того, на собственном опыте мы убедились, что на своей земле немцы воюют упорнее и ожесточеннее.

Едва дивизия привела себя в порядок, как командир корпуса приказал готовиться к маршу в район, находящийся в 80 километрах северо-западнее Шнайдемюля.

Утром 17 февраля наши походные колонны подошли к Шнайдемюлю. Город пылал. Войска, очищавшие улицы от гитлеровцев, оставшихся здесь для прикрытия прорыва, встретились с яростным сопротивлением. Противник был немногочислен, но он прекрасно знал географию города. Многие дома были превращены в крепости. Оттуда били из пулеметов и фаустпатронами.

Отступая с улицы на улицу, неприятельские отряды поджигали здания. Многие из них загорались от обстрела. Гасить пожары было некому: большая часть жителей разбежалась по окрестным лесам, другие прятались в подвалах.

Дивизия обошла Шнайдемюль по северной окраине и повернула на шоссе, ведущее к западу. А я на машине отправился назад, в один из расположенных поблизости населенных пунктов, чтобы встретиться с Переверткиным. Семена Никифоровича я разыскал быстро. Он поблагодарил меня за успешные в целом действия дивизии по ликвидации шнайдемюльской группировки. Сказал, что общая обстановка на фронте довольно сложная. Наступление 2-го Белорусского фронта затухает. Противник хотя и понес серьезные потери, оставил многие населенные пункты, но в Восточной Померании еще достаточно силен. Есть предположения, что морем туда переброшены некоторые части курляндской группировки и из Восточной Пруссии. На правом фланге 1-го Белорусского положение тоже нелегкое.

Попытки немцев контратаковать наши войска приостановлены. 2-й Белорусский во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом в ближайшее время продолжит наступление. Основные силы группы армий «Висла» должны быть разгромлены, Одер — до самого устья очищен. Тогда создадутся благоприятные условия для нанесения удара по Берлину. А пока дивизии надо прибыть в назначенный район и сразу же подготовиться к ведению боевых действий. Каких? Будет видно по обстоятельствам. Дальнейшие указания мы получим на месте.

Так или примерно так обрисовал мне обстановку командир корпуса. Распрощавшись с ним, я сел в «виллис». Машина быстро бежала по грязной, разбитой танковыми гусеницами дороге. По сторонам тянулись то ровные, насаженные рукой человека леса, то луга, на которых висящая в воздухе морось — не то дождь, не то ту-

ман — съедала остатки снега. Вскоре мы обогнали тылы. Потом поравнялись с полковой колонной. Бойцы шли тяжелым шагом уставших, но привычных к ходьбе людей. Я вылез из автомобиля и пристроился к одной из рот. Где еще узнаешь лучше мысли и настроения людей, как не в одном с ними походном строю?

— Как, ребята, тяжело без отдыха-то идти? — поинтересовался я.

— Ничего, на Одере перекурим, а в Берлине отдохнем, — сразу же нашелся кто-то.

— Ну, до Одера еще далеко. Сначала надо немца в других местах разбить, чтобы не помешал нам на Берлин идти.

— Вона как, не на Одер, значит, идем. Жаль. Конечно, не лето, купаться нельзя. Но все-таки на бережку портяночки бы посушили.

Вокруг засмеялись. А кто-то подытожил:

— Нам, товарищ генерал, теперь все равно куда, лишь бы войне скорее конец. Кругом земля германская, куда ни ударь — все одно Гитлеру больно.

На место мы прибыли 19 февраля. А 26-го я получил приказ, из которого явствовало: будем наступать на север, и не когда-нибудь, а 1 марта.

К МОРЮ!

ПЯТЬ МИНУТ

На подготовку к наступлению времени у нас почти не оставалось — февраль-то месяц короткий. 26-го мы перенесли командный пункт дивизии с хутора Шенов в фольварк Фаулериге. В воздухе время от времени противно шуршали снаряды, раздавались взрывы — противник методично вел редкий, рассредоточенный огонь, не прекращая его даже ночью. Сзади гремели наши пушки — артиллеристы пристреливали репера.

Зимы словно и не бывало. Из низких туч сыпал частый, мелкий дождик, от которого шинели набухали и становились в пуд весом. Дороги совсем раскисли. Орудия приходилось перетягивать с места на место на руках — лошади окончательно выбились из сил. А по низинам зловеще поблескивали болота. Их тут, по-моему, было больше, чем в Латвии.

Утром приехал на рекогносцировку начальник штаба корпуса полковник Александр Иванович Летунов — он замещал заболевшего Переверткина. Довольно долго лазили мы с ним по переднему краю, изучая четырехкилометровую полосу, отводимую нашей дивизии для наступления. Летунов уехал, а я продолжил это занятие с командирами полков. Попутно проигрывались их действия в предстоящем бою. То к одному, то к другому я обращался с вопросами: «А что станете делать, если сосед справа задержится? Как будете наступать вон по тому дефиле? А если из-за той высоты начнут бить орудия прямой наводки? Когда введете второй эшелон?»

Командирам частей было приказано произвести рекогносцировку и проиграть бой с комбатами, комбатам —

с ротными. И так вплоть до командира отделения и командира танкового экипажа. Причем танкистам приданного подразделения уделялось особое внимание. Местность была такая, что завязнуть машинам ничего не стоило. Поэтому мы добивались, чтобы каждый командир танка и водитель знал, где лучше можно пройти.

С наступлением темноты над передним краем противника повисли люстры осветительных ракет. Это затрудняло ведение разведки. Дивизия не спала. Бойцы помогали саперам готовить исходное положение для атаки: рыли траншеи, оборудовали огневые позиции и наблюдательные пункты. А мы с Дьячковым, Офштейном, Сосновским, Гуком и другими офицерами принялись за разработку плана наступления. По данным разведки, нам противостояли два полка 5-й легкой пехотной дивизии. У противника было по меньшей мере два дивизиона 105-миллиметровых и один дивизион 75-миллиметровых орудий, несколько минометных батарей и не менее 15 пулеметных точек. В полосе нашего наступления находились две сильно укрепленные деревни — Нантиков и Нойнантиков, а также участки непроходимых болот. Кое-где передний край немцев отстоял от наших позиций всего на 700 метров.

Нашу дивизию крепко усилили. Особенно много было артиллерии. Поэтому мы смогли создать мощные артгруппы, придаваемые стрелковым полкам. В непосредственном же подчинении Сосновского оставалось тридцать два 120-миллиметровых миномета, двадцать три 76-миллиметровых орудия и восемь гвардейских минометов.

Начинать наступление было решено четырьмя батальонами — по два от 674-го и 756-го полков. Третьи батальоны этих частей составляли второй эшелон и располагались в километре за атакующими. Еще дальше — в двух километрах от них — находился 469-й полк. Самоходные орудия разместились за первым эшелоном.

По нашим расчетам такое распределение сил должно было обеспечить прорыв обороны противника и продвижение в глубь ее на 12—14 километров. Перед атакой должна была, как всегда, проводиться артподготовка, рассчитанная на 50 минут. Обычно в таких случаях мы поднимали стрелков за две минуты до ее окончания. Но по раскисшей земле бойцы смогли бы двигаться со скоростью не более 100 метров в минуту. Значит, там, где меж-

ду нашими и вражескими траншеями было 700 метров, людям предстояло бежать добрых полкилометра без огневого прикрытия! За это время противник успеет прийти в себя и нанести нам немалый урон.

Поэтому на этот раз мы решили начать движение пехоты на пять минут раньше обычного, то есть не за две, а за семь минут до конца артподготовки. Это давало бойцам возможность преодолеть расстояние до неприятельского переднего края, пока враг будет прижат к земле. Как только цепи приблизятся к первой траншее на 100—120 метров, огонь будет перенесен на вторую. Атакующие, таким образом, будут надежно прикрыты артиллерией от ответного удара. Такую организацию атаки я считал наиболее приемлемой еще и потому, что надежда на танковое прикрытие была слабая — на раскисшей почве боевые машины теряли свою маневренность и даже могли отстать от людей.

Был ли при таком расчете времени риск поразить бойцов своей артиллерией? В какой-то мере да. Но чтобы свести его на нет, мы все наблюдательные пункты расположили на гребне господствующей высоты. И если бы наступающие приблизились к позициям противника раньше, чем предусматривалось, то огонь орудий сразу же был бы перенесен в глубь немецкой обороны.

27 февраля мы отослали наш план в штаб армии и начали готовиться к наступлению. Вместе с командирами полков и приданных частей предстоящие действия были проиграны на карте. Начальник связи майор Дмитрий Павлович Лазаренко и его помощник капитан Дмитрий Степанович Муравьев разработали схему обеспечения дивизии связью. По их указанию радисты и телефонисты приводили в порядок свое хозяйство.

Напряженно работал политотдел. Михаил Васильевич Артюхов старался везде поспеть сам. В подразделениях, где позволяла обстановка, проходили митинги. Привезли листовки с обращением Военного совета армии, очередной выпуск многотиражки «Воин Родины». Надо было позаботиться, чтобы они попали в каждый взвод, в каждое отделение, к каждому агитатору. Там, где не было возможности провести митинги, собрания, политработники беседовали с небольшими группами бойцов, разъясняли им стоящие перед дивизией задачи. Политотдельцы делали все, чтобы поднять дух людей, вселить в них уверен-

ность в своих силах, вызвать стремление как можно лучше выполнить свой солдатский долг.

В ночь на 28 февраля, за сутки до боя, подразделения скрытно заняли исходное положение для атаки.

Утром я лежал в своем двухкомнатном кирпичном домике под овчинным тулупом. Знобило. Давала себя знать гнилая погода. Громкие голоса и стук двери вывели меня из тягучей полудремы. Я быстро поднялся. В комнату входил генерал Симоняк с офицером из оперативного отдела армии.

— Что, Шатилов, нездоровится? Погода дрянь. Здравствуй, — и он протянул мне руку. — Рассмотрели мы твой план наступления. Не перемудрили? Чего доброго, своих перебьете.

— Разрешите, товарищ командующий, доложить подробнее?

— Ну давай.

Я принялся обосновывать расчет времени и дистанций, рассказал, какие будут приняты меры предосторожности. Симоняк слушал внимательно, согласно кивая головой.

— Что ж, убедил. План утверждаю.

Николай Павлович задал еще несколько вопросов, касавшихся нашей подготовки к наступлению, уточнил некоторые детали взаимодействия соединений и распрощался.

В тот день наша разведка установила, что проселочная дорога, проходящая перед траншеями 674-го полка, свободна от противника, хотя до этого находилась в руках немцев. Тотчас же туда был выдвинут 2-й батальон. К полуночи дивизия была окончательно готова к наступлению. «Все-таки здорово, что мы уложились за три дня, — подумалось мне. — Ведь после Шнайдемюля люди почти не отдыхали». Я прошел на высоту, где расположился НП нашей оперативной группы. Справа и слева находились другие наблюдательные пункты, вплоть до ротных и батарейных. С поля тянул холодный, влажный ветерок. Я застегнул полушубок. По низинам курился белесый туман. В воздухе пахло весной. «А в России сейчас снежно», — мелькнула мысль. И как всегда, когда мысль обращалась к дому, сладко и остро кольнуло сердце.

Поодаль слышались голоса. Это был Лазаренко со своими связистами. Я скорее представил себе, чем увидел

его невысокую полную фигуру, круглое, всегда улыбающееся лицо.

— Так вот тот солдат и говорит, — узнал я голос Дмитрия Павловича, — дайте, пани хозяюшка, воды испить, а то так проголодался, что аж переночевать негде!

Слушавшие его дружно загоготали. А Лазаренко продолжал:

— А как один радист волну потерял, знаете?

— Нет, товарищ майор, не знаем, расскажите!

Кто-то зафыркал, сдерживаясь, в предвкушении смешного. Я подошел ближе:

— А ну, друзья, сбавьте тон. Говорите как можно меньше и вполголоса. До переднего-то края рукой подать.

Все смолкли. Но через минуту Лазаренко снова что-то начал рассказывать шепотком. Этот балагур не умел молчать и все время сыпал шутками-прибаутками, иные из которых он сочинял удачно, но чаще — не очень. Впрочем, слушатели у него были невзыскательные. Особенно сейчас, накануне боя, когда нервы у всех взвинчены до предела. Смех служил своеобразной разрядкой. А мало я все-таки знаю Лазаренко, подумалось мне вдруг, хотя воюем вместе почти год. Ну, знаю, что он балагур, весельчак, что не прячется от пуль и, когда надо, а порой и когда не надо, лезет вперед, что связь почти никогда меня не подводит. И такой уж всех связистов удел: чем лучше работают, тем реже ими интересуются начальники и тем меньше знают их.

Тишину изредка прорезали длинные пулеметные очереди. Время от времени в глубине неприятельской обороны раздавался орудийный выстрел. Ему вторил взрыв где-нибудь в нашем расположении. Интересно, знали ли немцы о том, что мы приготовили для них на утро, пронюхала ли что-нибудь их разведка о сроках наступления? Ждать его они, конечно, ждут, но вот вопрос — когда?

Как бы в ответ на эти мысли донеслись дальние раскаты артиллерии. Снаряды упали в районе наших батарей. Неужто противнику все известно и он начал контрподготовку? Но нет, выстрелов больше не последовало. Молчали и наши, чтобы не демаскировать себя. По всему выходило, что удар этот оказался случайным.

Я вошел в блиндаж. Хотелось спать. Но едва я начинал клевать носом, как меня звали к телефону. Просто удивительно, скольким людям требовалось что-нибудь

уточнить или выяснить у командира дивизии. Ведь все как будто было обсуждено еще днем...

Утро началось как-то внезапно. За дальней высотой занялась заря, окрашивая в розовый цвет перистые облака. День обещал быть не пасмурным и, слава богу, не дождливым. В стереотрубу я видел, как по траншеям, пригнувшись, ходят немцы, к чему-то готовясь. Видно, со дня на день ждут они нашей атаки.

В 8 часов в серое, еще не успевшее поголубеть небо разом взметнулись зеленые ракеты со всех НП. Обвальный грохот обрушился на землю — дали залп гвардейские минометы. Затем открыла огонь вся артиллерия. Густой дым затянул передний край врага.

Через 38 минут (я точно заметил по часам) вверх взмыли красные ракеты, пехота выскочила из траншей и с криком «ура» ринулась в атаку. Вышли из укрытий и начали набирать ход танки. Люди тяжело бежали по вязкой, липнущей к сапогам земле. Расчет наш оправдывался. За пять минут лишь немногие подразделения достигли вражеских позиций. С тех участков огонь был перенесен вглубь. В 8 часов 45 минут по второй позиции били уже все орудия.

До неприятельской траншеи пехотинцы добежали почти без потерь. Первым в нее спрыгнул старший сержант Иван Золотухин из батальона Алексея Семеновича Твердохлеба. Пробежав по ней немного, он свернул в ход сообщения и вскоре уперся в дверь блиндажа. Рванув дверь на себя, он швырнул туда гранату. Вслед за взрывом раздались крики и стоны. Оказалось, из пятнадцати гитлеровцев, находившихся в блиндаже, не нашлось ни одного, кто не был бы поражен осколками. Двадцать фашистов были уничтожены отделением сержанта Виноградова и двенадцать захвачены в плен. Рядовые Игнатьев, Кислый и Гарбуз на ходу били по гитлеровцам из ручных пулеметов.

Бой перекинулся в глубину обороны. Подошли танки. Они давили гусеницами уцелевшие огневые точки.

Местами дело доходило до рукопашной. Сержант Вукалов ударом кулака по голове замертво уложил гитлеровца. Ефрейтор Великий заколол штыком фашиста, а двух других застрелил.

Сержант Голод со своим отделением ворвался в сарай, где укрылась группа немцев. «Сдавайтесь!» — крикнул

сержант, замахнувшись гранатой. Неприятельские солдаты подняли руки. Их оказалось 50 человек.

Воинскую сметку и профессиональное мастерство проявил радист младший сержант Ланшаков. Он развернул свою станцию на только что отбитой у противника высоте. Настроившись на рабочую волну, Ланшаков вдруг услышал, как чей-то голос назвал эту высоту и скомандовал: «Десять снарядов — огонь!» Радист понял, что произошло какое-то недоразумение, и, сразу же вступив в связь со своим командным пунктом, передал:

— Высота наша, отставить огонь!

Радист Яценко, принявший это сообщение, успел доложить его командиру. И залпа не последовало — доклад поспел вовремя. Позже выяснилось, что это немцы попытались спровоцировать удар нашей батареи по своим.

Противник цеплялся за каждую позицию, за каждую складку местности, за каждый бугорок, каждый дом. Добротные кирпичные здания представляли собой настоящие маленькие крепости. Многие из них были оборудованы для круговой обороны, имели орудия. Но наше наступление развивалось успешно. Только при прорыве переднего края враг потерял свыше 600 солдат и офицеров. Более 100 человек было пленено.

Мы пожинали плоды тактического выигрыша, достигнутого в начале атаки. Те пять минут, что прикрывал наших солдат огневой вал на пути к первой траншее, сберегли нам силы для развития успеха. И теперь эти силы приходили в действие...

На НП к нам привели обер-лейтенанта, взятого около деревни Нантиков. Я принялся допрашивать его.

— Ваша должность?

— Командир роты пятьдесят шестого пехотного полка пятой пехотной дивизии.

— Вы считаете себя преданным присяге и Гитлеру?

— Да.

— Как же случилось, что вы сдались в плен, да еще без сопротивления?

— Был очень сильный артиллерийский огонь по участку, который мы занимали. Сколько времени, я даже не могу сказать. Мы все находились в укрытиях. Потом огонь стих. Я приказал быть в готовности, и все заняли свои места. Но тут на нас с новой силой обрушился огонь орудий и минометов.

— Понесли вы потери?

— Да, очень много. Все, кто не успели спрятаться в укрытия, погибли. Потом стрельба снова прекратилась. Я решил немного выждать, не возобновится ли она опять. Потом скомандовал: «К бою!» В это время в окопы к нам полетели гранаты. Сзади меня кто-то толкнул и крикнул: «Хенде хох!» Я оглянулся и увидел два наставленных на меня автомата. Мне ничего не оставалось, как поднять руки вверх. Потом меня привели сюда. Ваш артиллерийский огонь был просто ужасен, я до сих пор не могу прийти в себя.

И действительно, обер-лейтенанта било мелкой дрожью.

— А что стало с ротой? — спросиял я в заключение.

— Не меньше половины погибли. Остальных взяли в плен.

Я приказал увести гитлеровца. Оперативной группе пора было собираться на новый наблюдательный пункт, который, как доложил майор Гук, был уже подготовлен.

Когда мы добрались туда, сразу же бросился в глаза просчет начальника разведки. Всем была хороша выбранная им высота. Но на вершине ее торчала ветряная мельница — прекрасный ориентир для артиллерии. И действительно, только наши фигуры замаячили на вершине, как рядом плюхнулось несколько снарядов.

— Так дело не пойдет, — решил я. — Спустимся метров на двести вниз и обоснуемся на склоне. Оттуда тоже обзор неплохой.

Саперы взялись за дело. К часу дня мы могли уже вести наблюдение из довольно приличного блиндажа на западной стороне холма. Отсюда просматривалась вся полоса нашего наступления на несколько километров вперед.

— Василий Митрофанович, пообедать надо, — сказал мне Артюхов. — Блинник голубей жареных приготовил — пальчики оближешь. Нельзя же, в самом деле, весь день без еды.

Я и правда не завтракал и не обедал — простуда отбила аппетит. К тому же обстановка на флангах была очень тревожной, и мы с Офштейном не отрывались от стереотрубы. Развивая успех утренней атаки, дивизия опередила своих соседей на три-четыре километра. Противник мог отрезать наш первый эшелон.

Погода, с утра обещавшая быть хорошей, испортилась. Пропитанный влагой воздух потерял прозрачность. Но все-таки в стереотрубу видно было движение в лесу. Немцы подтягивали силы, сосредоточивая их для флангового удара.

— Товарищ комдив, — услышал я вдруг голос адъютанта, — тут начальство какое-то приехало, наверное из армии.

Я выбрался из траншеи, за мной последовал Артюхов. Действительно, на проходившей неподалеку дороге остановилось четыре новеньких «газика». К нам направилась группа генералов и офицеров. Я пригляделся — ни одного знакомого. И все — артиллеристы. Что за гости?

Когда прибывшие приблизились, старший из них и я представились друг другу. Передо мной был командир артиллерийской дивизии прорыва с командирами бригад.

— Значит, вы из третьей ударной? — уточнил комдив. — Так я и знал — заблудились мы малость.

— И очень кстати, — начал я дипломатический заход. — Надеюсь, вы не откажетесь нам помочь?

— Нет, мы должны поддерживать шестьдесят первую.

— Да вы познакомьтесь с обстановкой. Нам без вашей помощи не обойтись.

— Нет уж, вызывайте свою артиллерию.

— Вы же хорошо знаете, сколько на это времени уйдет. Она ведь по другим целям работает. Вот что, товарищи, — сменил я тему разговора. — Вы, наверное, еще не обедали. Давайте-ка перекусим немного.

— Прошу вас, товарищи, жареной дичи отведать, — вступил в разговор Артюхов. — Повар у нас первоклассный, из лучшего киевского ресторана.

Артиллеристы переглянулись.

— А что, — сказал комдив, — обедать-то мы и правда не обедали. Когда теперь поесть придется? Что ж, не откажемся от угощения.

Мы прошли в маленький домик, притулившийся около нашего НП. Сели за стол. Блинник моментально накрыл его. Появились дымящиеся тарелки с дичью.

Здоровые мужчины эти артиллеристы. В двадцатые годы в артиллерию отбирали только крепких и рослых парней — по обычаю, сохранившемуся еще от старой армии. А гости, судя по возрасту, как раз и были призыва тех лет. Высокие, плечистые. Аппетит у них был отмен-

ный, вполне отвечавший их мужественному облику. С голубями они разделались быстро. Обед, как я и ожидал, вывел артиллеристов из состояния торопливой озабоченности, в котором человеку бывает не до чужих дел. И я попросил комдива подойти к стереотрубе.

Склонившись к окулярам и бросив потом взгляд на карту, он даже присвистнул:

— Так ваш первый эшелон окружают!

— В том-то и дело.

— Что же вы от соседей оторвались?

— Да ведь сверху, как всегда, подгоняют, назад, мол, не оглядывайтесь, за фланги не беспокойтесь.

— Ну что, поможем товарищам по оружию? — обратился комдив к своим комбригам. Те согласно кивнули.

— Тогда действуйте. Дайте налет вон по тому леску. Там около двух полков пехоты накопилось для атаки.

Командиры бригад пошли к машинам, где у них были рации. Через несколько минут на лес обрушились 152- и 203-миллиметровые снаряды. Лизнули небо огненные языки «катюш». Налет был короткий, но сильный. Я, пожалуй, впервые наблюдал одновременный удар целой артиллерийской дивизии. Если в лесу что-нибудь и уцелело, то очень немногое.

— Ну как? — спросил комдив. — Не в обиде?

— Какое там в обиде! Большое спасибо.

Простились мы очень тепло. Я дал артиллеристам провожатого из разведчиков, чтобы он показал им кратчайший путь к нашему соседу слева — частям 61-й армии.

469-й полк двинулся против остатков неприятельской пехоты. На правом фланге контратаку противника сорвал батальон Твердохлеба. Дивизия продолжала продвигаться вперед.

Вскоре мне позвонили из штаба корпуса и сообщили, что командование фронта в полосе нашей армии решило ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию. Танкисты должны были пройти через боевые порядки 150-й дивизии. Нам следовало использовать танковый таран для повышения темпа наступления.

Около 18 часов танки прошли через наши боевые порядки. Мы старались не отставать от них.

К вечеру вдруг повалил густой снег, напомнив, что зима еще не окончательно сдала свои позиции. Солдаты шли и шли вперед по густой снежной жиже...

Весь день 2 марта дивизия продолжала наступать. К концу следующих суток части продвинулись в глубь неприятельской обороны на добрых 50 километров. Путь нам преградило озеро Вотшвин-зее. Было оно саблевидной формы, шириной в один-два километра, длиной — в десять и тянулось с юго-востока на северо-запад, почти совпадая с направлением нашего наступления. Нам ничего не оставалось, как обойти его вдоль обоих берегов. 469-й полк продвигался по левому берегу, 674-й — по правому. У северо-западной оконечности водоема они должны были встретиться. Там я рассчитывал 674-й полк вывести во второй эшелон, а вместо него пустить свежий 756-й. Вслед за танкистами он должен ворваться в город Регенвальд. Серьезного сопротивления мы не ожидали. По нашим сведениям, у немцев в том районе не было ни крупных резервов, ни мощных оборонительных сооружений.

Некоторые опасения у меня вызывал оказавшийся обнаженным левый фланг. К западу от южной оконечности Вотшвин-зее, у города Фрайенвальде, сосредоточилась сильная вражеская группа. Она сдерживала нашего соседа — 12-й гвардейский стрелковый корпус и могла нанести удар в нашу сторону. Но и 469-й полк, двигавшийся вдоль берега озера, в свою очередь нависал над неприятельским тылом.

Я приказал обоим полкам наступать и ночью, чтобы к утру обойти Вотшвин-зее.

На исходе дня, когда я был на НП в каком-то фольварке, пришло тревожное сообщение из 756-го полка. На пути его встретился спиртовой завод. Такие сообщения всегда очень волновали командиров. Чего греха таить, любители спиртного имелись во всех подразделениях, и когда они обнаруживали где-либо брошенные цистерны с водкой или ректификатом, то последствия обычно бывали неутешительные.

Потому-то я сразу же сел в «виллис» и поехал к Зинченко. Когда машина подошла к заводу, у ворот его уже стояла охрана, а успевшие проникнуть во двор изгонялись оттуда.

Удостоверившись, что все обошлось благополучно, я еще раз напомнил Зинченко о порядке смены 674-го полка и отправился к Плеходанову. Смеркалось. Машина

въехала в рощу. Впереди, за черными с белой оторочкой деревьями, наперерез нам шла большая фрайенвальдская дорога. Оттуда вдруг донесся тяжелый, нарастающий лязг гусениц.

— Давай, Лопарев, сворачивай в кусты и глуши мотор, — распорядился я.

Из-за веток мне вскоре хорошо стали видны немецкие танки, шедшие со стороны Фрайенвальде на восток. Их было немало. Судя по тому, как они спокойно двигались, немцы, видно, и знать не знали, что попали между нашими первым и вторым эшелонами.

Когда корма последней вражеской машины скрылась за поворотом, мы быстро поехали назад. От Зинченко я сообщил соседу справа и Переверткину, уже оправившемуся после болезни и приступившему к делам, о рейде гитлеровских танков по нашим тылам. Потом связался с 469-м полком и приказал Мочалову послать к фрайенвальдской дороге батальон Хачатурова, а основными силами продолжать наступление вдоль озера. Истребительный дивизион Тесленко тоже получил приказание выдвинуться к шоссе и перекрыть его. Я сделал это на случай, если противник вздумает вернуться или бросит в том же направлении новые силы. Теперь тыл и фланг 469-го полка были прикрыты.

В связи с изменившейся обстановкой Зинченко получил задачу срочно поднять свой полк и выдвинуть его к деревне Тешендорф. Селение это находилось на правом берегу Вотшвин-зее. Там располагались тылы 674-го полка.

Направляя Зинченко в этот район, мы снимали угрозу рассечения дивизии, подстраховывали тыл Плеходанова и вместе с тем в любое время могли усилить подразделения, перехватившие фрайенвальдскую дорогу.

На ночь я решил расположиться в Тешендорфе. Туда мы и направились. Когда «виллис» миновал место, где расположилась наша засада, за спиной у нас в небо вдруг взмыли красные ракеты. Вслед за этим дружно рявкнули орудия. Оказалось, что со стороны Фрайенвальде выползла новая группа танков. Бой с нею продолжался не более получаса. Артиллеристы подожгли передние и задние машины, потом навалились на середину колонны. К ним присоединился батальон Хачатурова. И вскоре вражеские танки были уничтожены.

Мы въехали в Тешендорф, когда уже было темно. Он оказался совершенно пустым. Тылы Плеходанова уже ушли вперед. А жители деревни попрятались в лесу. Мы с Лопаревым облюбовали дом на площади. Он показался нам вполне подходящим. Но чувство тревоги не покидало меня — все-таки одни в пустом селении.

Послышался шум автомобильного мотора.

— Наши, — уверенно сказал Лопарев.

Машина развернулась на площади и остановилась. Из нее выскочил солдат.

— Иди-ка сюда, товарищ боец, — позвал я его. Разглядев меня, солдат подбежал и представился. Оказался он ординарцем Плеходанова.

— Командир полка послал чего-нибудь на ужин раздобыть, — объяснил он свое появление здесь.

— Вот что, — прервал я его, — иди-ка вон в тот конец улицы, на выход из поселка, замаскируйся и наблюдай. Как кто на дороге покажется — дашь знать. Ясно?

— Так точно, товарищ генерал!

Через полчаса подъехала оперативная группа с комендантским взводом, и я отпустил ординарца по его хозяйственным делам.

Наступление обоих полков по берегам Вотшвин-зее развивалось успешно. Особенно радовали меня доклады полковника Мочалова. Михаил Алексеевич проявил себя в этом бою хорошим организатором и тактиком. Он умело воспользовался беспечностью немцев, которые посчитали, что танковый рейд из Фрайенвальде вполне обезопасил их. Наш ночной удар для них был как снег на голову. В некоторых населенных пунктах в плен были захвачены целые подразделения. Один из фашистов потом рассказывал на допросе: «Мы легли спать, считая, что русские очень далеко и в ближайшие сутки появиться здесь не смогут. Все оружие поставили в углу. Проснулись от команды «Хенде хох!». У входа стояли русские солдаты. Мы подняли руки вверх. Я посмотрел туда, где находился мой ручной пулемет. Его уже там не было. Повидимому, оружие забрали, когда мы еще спали».

Искусно маневрируя, Мочалов окружил неприятельский пехотный батальон и два зенитных дивизиона. Решительная атака ошеломила гитлеровцев. Они попытались уйти на северо-запад, но, попав под наш огонь, прекратили сопротивление.

И. В. Васильков, Г. И. Шерстнев, И. П. Микуля

И. М. Тесленко

П. А. Греченков

А. П. Уткин, Н. Н. Балынин

В. М. Тытарь

П. Д. Алексеев

В. А. Лапин

Л. Я. Липунов

Я. Рахманов

А. Д. Плеходанов

М. А. Мочалов

М. В. Артюхов, С. Н. Переверткин

С. Д. Хачатуров (третий слева) с командирами подразделений

А. С. Блохин

Ф. А. Ионкин

М. Г. Кузьмин

Л. П. Литвак

И. Ф. Клочков

К. И. Серов

Н. М. Фоменко

Братья А. К. Рубленко (слева) и Г. К. Рубленко

28 апреля 1945 г. Бой на подступах к рейхстагу

В. В. Белов

В. Е. Субботин

В. Д. Логовик, Г. Я. Жидель

П. Н. Пятницкий

К. Исаков

К. В. Середа

Р. Кошкарбаев

Водружение Знамени Победы над рейхстагом

На первых двух ступенях: К. В. Гусев, В. И. Ярунов, П. Д. Щербина, Н. Н. Козлов, И. У. Матвеев

Ф. А. Волков (справа) поздравляет С. А. Неустроева с наградой

Ф. Я. Лисицын, А. И. Литвинов, Г. Н. Сосновский, В. М. Шатилов, В. И. Кузнецов, А. И. Негода

А. Г. Курбатов, Н. Т. Кириленко, Н. И. Шатилов

А. П. Берест, К. В. Гусев на Красной площади в Москве

Участники штурма рейхстага через 15 лет: В. И. Давыдов, М. В. Кантария, М. А. Егоров, И. Я. Сьянов, Ф. М. Зинченко, В. М. Шатилов, С. А. Неустроев

Г. К. Жуков беседует с героями штурма рейхстага. 1965 г.
Крайний слева — М. А. Егоров, крайний справа — М. В. Кантария.

Во время очередного доклада по радио Мочалов взволнованно говорил в микрофон:

— Взяли много трофеев! Двадцать четыре зенитных орудия, около пятидесяти пулеметов, большое количество стрелкового оружия, машин и лошадей. Пленено более двухсот человек. Как поняли? Перехожу на прием...

Я попробовал связаться с корпусом, но тщетно. Сильные радиопомехи не дали возможности доложить о ходе боевых действий. Ни к чему не привели и неоднократные попытки генерала Переверткина переговорить со мной.

Посреди ночи к нам прибыл нарочный с пакетом от командира корпуса. Депеша была очень сердитой: «Тов. Шатилов! Это безобразие... У Вас серьезная угроза слева. Противник занимает Фрайенвальде и все время подбрасывает сюда силы. Вы скользите вперед и все время увеличиваете разрыв со своим соседом слева. Ставите под серьезную угрозу весь корпус. Ваш Мочалов изолировался. Кругом у него противник, справа озеро. Вы хотите его утопить? Смотрите влево, чтобы противник не ударил по тылам и, главное, чтобы не погиб Ваш левый полк.

Приказываю:

Движение Мочалова приостановить, если он находится у южного берега озера. Вести сильную разведку влево...

До подхода 207-й дивизии полк Зинченко задержать и подготовить для действий на Фрайенвальде, Фелингсдорф. Имейте в виду, целиком отвечаете за левый фланг. Безрассудно нельзя лезть вперед.

Смотрите за Мочаловым...

3.03.45

Переверткин».

Послание было написано еще с вечера. Семен Никифорович нервничал, имея недостаточно точное представление об обстановке. Рейд танков из Фрайенвальде означал начало контрудара, который, как ему казалось, развивался успешно для противника. Это и заставило его направить мне записку. Переверткин очень опасался за свой левый фланг, а потому даже не помышлял о возможности действовать активно. Его можно было понять. Но как быть мне? В тексте было слово «приказываю». В армии оно не имеет двоякого толкования. И если наше ночное наступление закончится неудачей, командиру ди-

визии придется отвечать не только за свои просчеты, но и за прямое невыполнение приказания.

Потерпев еще одну неудачу в попытке связаться с Переверткиным по радио, я решил поступать так, будто ничего от него не получал. Ведь сведения, на основе которых командир корпуса отдал распоряжение, устарели. Дела же наши сейчас шли хорошо.

Утром, когда озеро было обойдено и оба полка благополучно соединились, я поехал на новый НП. Он оказался километрах в трех к северо-востоку от озера. Здесь и остановились штабные автобусы. В одном из них Блинник принялся готовить завтрак для оперативной группы. Поодаль саперы начали оборудовать наблюдательный пункт.

Через некоторое время появилась машина командира корпуса. Переверткин вылез из нее спокойный и бодрый, приветливо поздоровался с нами и попросил меня доложить обстановку. Я пригласил его в автобус. Расстелил на столе карту. На ней было подробно отражено положение частей. Устно я доложил, что 674-й полк выходит во второй эшелон, а занявший его место 756-й продвигается в направлении Регенвальде; 469-й полк наступает западнее. Затем сообщил о количестве трофеев и захваченных пленных.

— Хорошо действовали, — заговорил Семен Никифорович, — молодцом. Проявили разумную инициативу. Противник, когда почувствовал угрозу с тыла, отказался от активных действий в районе Фрайенвальде. Это обеспечило успех не только нашего корпуса, но и двенадцатого гвардейского. Ну а я ночью обстановку знал не полностью. Связь плохо работала. Да и трудно подробности знать, когда в двадцати пяти километрах от переднего края находишься. Тем более противник резервы то туда, то сюда бросает. Тебе, конечно, виднее было. Обиделся на записку-то?

— На начальство обижаться не положено.

Я пригласил Переверткина в соседний автобус. Там уже был приготовлен завтрак.

— С удовольствием, — оживился Семен Никифорович. — А то я и ночь почти не спал, и есть не ел. С рассветом выехал к вам.

За столом мы обсудили, как брать Регенвальде. Тут у нас не было расхождения во взглядах: город надо за-

хватывать во взаимодействии с наступающими танкистами.

Прощаясь, Переверткин поблагодарил нас за успехи, пообещал доложить о них командарму.

После беседы с командиром корпуса многое для меня прояснилось. Я понял и намерения противника, и то, как повлиял на них наш ночной бросок вдоль озера.

Немцы, вопреки моим предположениям, все же намеревались нанести контрудар во фланг нашей армии. С этой целью они произвели перегруппировку сил и выслали танковую разведку, с которой мы встретились на шоссе. Наши атаки оказались для немцев неожиданными. Узнав, что в тыл им выходят, как показалось командованию противника, крупные силы русских (а ночью неприятельские силы в тылу всегда кажутся крупными), оно решило, что его опередили, и отказалось от контрудара.

Вот и получилось, что результаты нашего скромного тактического замысла повлияли на ход всей операции. Что ж, это было приятно. Нас хвалили. Хвалили даже чересчур, как людей, все заранее предвидевших...

Теперь дивизия наступала почти без задержек. Расчлененные на части, силы противника быстро отходили к морю. Небольшие очаги сопротивления, встречавшиеся на нашем пути, подавлялись с ходу или же блокировались и затем уничтожались подразделениями второго эшелона.

В Регенвальде 756-й полк вошел следом за танками без каких бы то ни было потерь. Отсюда направление нашего движения изменилось. До сих пор мы наступали почти на север. Теперь поворачивали влево градусов на шестьдесят. Если продолжить линию нашего пути, она уперлась бы в город Каммин на берегу пролива Дивенов, одного из трех проливов, соединяющих Штеттинскую гавань с морем.

К вечеру прошли город Плате. Он был весь в электрических огнях, но совершенно пуст. Миновав его, мы оказались на шоссе, где на желтых указателях чернели латинские буквы, услужливо сообщая, что дорога ведет в город Гюльцов. Именно туда нам и было нужно.

Вскоре мы догнали темневшую в ночи лавину фургонов, повозок и даже старинных карет. Это население Плате по приказу гитлеровцев уходило за Одер, спасаясь от «нашествия диких орд варваров», каковыми, согласно всем канонам геббельсовской пропаганды, являлись наши вой-

ска. Услышав за спиной гул танковых моторов, беженцы в ужасе шарахнулись в придорожные кусты и рощи.

Остановив машину, я разглядел в зарослях целый табор. Подойдя к беженцам поближе, обратился к ним на немецком языке. Запас слов у меня был невелик, поэтому и речь получилась короткой:

— Мужчины и женщины! Возвращайтесь домой и продолжайте заниматься своим делом! Никто вас не тронет. Будьте спокойны.

Наступила некоторая пауза. Потом из-за деревьев вышло несколько человек. Еще через некоторое время ко мне приблизилась целая группа. Постепенно они окружили меня. Посыпались вопросы. Люди интересовались, будут ли их угонять в Сибирь и не слишком ли жестокой будет расплата Красной Армии за ущерб, причиненный России вермахтом.

Я сказал, что никаких переселений на Восток не будет, а Красная Армия не собирается расправляться с ними.

Через час в поселке Циммерхаузен мне доложили, что неподалеку находится лагерь, в котором содержатся советские граждане. Захватив разведчиков и саперов, я выехал туда. За колючей проволокой перед бараками нас с нетерпением ожидала огромная толпа изможденных людей.

Бойцы быстро открыли ворота.

— Вы свободны! — крикнул я.

Соотечественники плакали от радости. Каждый из них старался обнять, поцеловать или хотя бы дотронуться до советского солдата. Это были в основном молодые люди, вывезенные с Украины и из Белоруссии. Обращались с ними здесь, как с рабочим скотом. По заявкам окрестных хозяев их ежедневно отправляли на самые тяжелые полевые или какие-либо другие работы. Трудились они по двенадцать и больше часов в сутки. Кормили же их впроголодь.

Слезы радости освобожденных смешивались со слезами освободителей, до глубины души потрясенных видом этого лагеря — первого лагеря на их пути...

И вот ведь странно: вид этих обессиленных и больных ребят не вызывал ожесточения к перепуганным боями беженцам из здешних мест. А это были в основном крепкие старики и старухи, которые, может быть, совсем недавно покрикивали на бесплатных русских батраков и даже по-

колачивали их. Сейчас этих трясущихся, заискивающих людей было даже жалко. Отходчив душою русский человек!

Располагаясь на ночлег, я припомнил эпизод, происшедший еще в Латвии. Темной дождливой ночью группа разведчиков во главе с лейтенантом Вильчиком привела пленных. Одного из захваченных немцев — долговязого, с рыжими усиками фельдфебеля — доставили на допрос к нам на КП.

Пленный оказался словоохотливым и на все вопросы отвечал очень обстоятельно. Узнав от него то, что требовалось, я поинтересовался:

— А почему у вас все лицо в синяках?

— Когда ваши разведчики брали нас, завязалась рукопашная схватка. Драка продолжалась несколько минут. Вот мне и попало. А потом еще дорогой добавили...

— Что, бежать пытались?

Фельдфебель красноречиво промолчал.

— А дальше?

— Дальше произошло непонятное. Прошли мы около трех километров и оказались в вашей деревне. Солдаты зашли под навес от дождя и начали курить. Нам тоже очень хотелось сделать хотя бы по одной затяжке. И вдруг господин лейтенант, — фельдфебель кивнул головой в сторону Вильчика, — что-то сказал сержанту. Тот развязал нам руки и дал каждому по кусочку бумаги и русского табака. И потом они улыбались и говорили с нами не как с противниками, а как с обыкновенными людьми...

Помню, я сам тогда несколько подивился необычности ситуации. Ведь воюем-то мы не с благородными рыцарями, а с армией в основе своей разбойничьей и жестокой, давно опрокинувшей все нормы общечеловеческой морали.

Утром 5 марта мы продолжили движение на Гюльцов, где, по данным разведки, противник сосредоточивался, чтобы дать нам отпор.

У пересекавшей шоссе речки Хоммер Бах произошла задержка. Здесь мы натолкнулись на небольшую засаду. Бой длился не более получаса, но, прежде чем бежать в лес, неприятель успел подорвать мост. Наши саперы быстро навели новый. Я с разведчиками проскочил на ту сторону. А вот артиллерия на конной тяге застряла. На

подступах к переправе разлилось море грязи. Лошади не могли вытащить орудий. Пришлось в помощь артиллеристам выделить специальную команду.

Пока ликвидировалась пробка, я с группой бойцов пошел к помещичьему дому, расположенному неподалеку от дороги. Он был пуст. На чердаке нашли стреляные гильзы, следы свежей крови.

Со двора доносился рев скота.

— А ну пошли, посмотрим, — предложил я ребятам.

Почуяв приближение людей, животные замычали еще сильнее.

— Отворите ворота и снимите цепи с коров, — попросил я лейтенанта Вильчика.

Вильчик вместе с разведчиками быстро справился с этим делом. Но когда подошел к быкам — громадным, с кольцами в ноздрях, с покрытыми пеной мордами, — то явно заробел.

— Что, Вильчик, боитесь?

— Да нет, — смущенно ответил русоволосый лейтенант с мальчишеским лицом.

— Смелее, Вильчик, они вас не тронут — пить побегут.

И точно, отвязанные быки вслед за коровами устремились к воде.

— Хоть этот скот и помещичий, а жалеть его надо, — пояснил я разведчикам. — Иначе население не прокормится...

Вскоре мы продолжили путь. Но тут в небе появилась неприятельская авиация. Урон наш от нее был невелик, а вот полку из соседней дивизии, двигавшемуся по параллельной с нами дороге, пришлось худо. Мы не стали испытывать судьбу и свернули с шоссе на лесные просеки.

Если не считать действий авиации, то противник особой активности не проявлял. Еще один или два раза мы встретились с засадами. Больше до самого Гюльцова никаких заслонов не было. Город мы решили брать с ходу.

Успех наступления должны были обеспечить танки. Но на узких улицах старинных городов они сами несли немалые потери от фаустпатронов и потому нуждались в поддержке пехоты. Это определяло замысел: наступать нешироким, в полтора километра, фронтом, пустив боевые машины одновременно с пехотой. Атаку начать вечером: в темноте танкам грозила меньшая опасность.

Сосредоточились мы в лесу. Развернулись. Как только сумерки опустились на землю, тридцатьчетверки и головные роты 756-го полка ворвались на улицы Гюльцова. Загремели орудийные выстрелы, рассыпались очереди пулеметов и автоматов. Шум боя постепенно перемещался к центру.

Прячась в густые тени домов, немецкие солдаты отстреливались и постепенно отходили к западной окраине. Вдруг в центре города полыхнуло яркое пламя — загорелось несколько домов. Это было что-то новое. До сих пор гитлеровцы не поджигали свои города. На этот раз они изменили этому правилу, вероятно в интересах тактики: танкам опасно двигаться по узким горящим улицам.

Под прикрытием пожара и редкой стрельбы противник покидал Гюльцов. Я остановился на центральной площади около объятого пламенем здания. На глаза мне попалась наша медсестра Маша Пятачкова. Лицо у нее было в копоти, волосы растрепаны, обмундирование подпалено.

— Что с тобой, Мария? — поинтересовался я.

— Да вышла я сюда с первым эшелоном, товарищ генерал, — принялась рассказывать Маша. — Вдруг слышу детский крик. Где? Не пойму. Потом разобралась: из небольшого домика доносится. А домик горит весь. Я в окно влезла. Вижу — дитё на кроватке лежит и плачет, кричит по-ихнему. Огонь уже в комнате. Я схватила ребеночка из-под одеяла — и к окну. Окно уже в огне. Я к другому. Выскочила. А на улице снаряды рвутся. Заскочила я в первый попавшийся дом. Ребятенок плакать перестал, только повторяет «мутер, мутер», мама значит, и трогает меня за волосы. У меня в сумке печенье было. Покормила я его, говорю: «Успокойся, успокойся». Он вроде как бы понял и засыпать стал.

Вышла я с ним на улицу. Уже не стреляют. А куда девать его? Пропадет один. Вдруг вижу — у горящего дома какая-то немка ходит, на огонь смотрит, оглядывается. Я ей крикнула: «Фрау, ком!» Она испугалась, но подошла. Я ей ребенка показываю: твой? Она обрадовалась, заплакала, руки протягивает и по-русски чудно так выговаривает: «Спасибо, спасибо!» Дитё я ей отдала. «Как тебя звать?» — спрашиваю. Она поняла, ответила: «Мария». Тезки мы с ней, выходит, — не то с удивлением, не то с обидой закончила Маша.

— Молодец, Машенька, — пожал я ей руку. — И солдат настоящий, и женщина настоящая. А немцев, поимей в виду, и нам с тобой перевоспитывать придется. Вот ты уже и начала эту работу...

ПОМЕРАНСКИЕ КОНТРАСТЫ

Утром 6 марта дивизия выступила из Гюльцова, а вечером того же дня 756-й полк, поддержанный танковыми частями, ворвался на окраины Каммина — города, расположенного на восточном берегу пролива Дивенов. Два других полка прорывались к проливу южнее.

На всем пути сюда мы то и дело наталкивались на возрастающее сопротивление небольших отрядов. Они встречали нас в поселках и имениях, на выгодных рубежах по лесным опушкам, межболотным дефиле, речным поймам. Немцы изо всех сил старались не допустить нас к устью Одера, чтобы не оказаться запертыми в Померании. Но сил у них здесь было маловато. Густая сеть хороших дорог позволяла нам маневрировать подразделениями, совершать обходы опорных пунктов. И мы, используя ударную мощь идущих впереди танков, продвигались достаточно быстро, без серьезных задержек.

К вечеру 7 марта был очищен почти весь восточный берег Дивенова. Только за деревню Цеббин еще двое суток после этого продолжались упорные бои. Здесь находился последний переправочный пункт, из которого можно было попасть на западный берег Одера, в Штеттин. Противник цеплялся за него что есть мочи. Сюда была брошена школа морской пехоты. С пролива ее поддерживал дивизион бронекатеров. Впервые Плеходанову пришлось иметь дело с флотом. Маленьким, правда, но все же флотом. Стрелки не оплошали. 9 марта 674-й полк овладел Цеббином.

По утрам, когда не было тумана, с низменных берегов пролива далеко просматривалась сизо-стальная вода, перечерченная песчаными косами. Мы были у моря, дышали свежим, пьянящим морским воздухом, а в солнечные дни щурили глаза при виде нестерпимо сияющей сини.

Море! В Прибалтике мы рвались к нему несколько месяцев, но так и не пробились. А здесь вышли к приморскому городу Каммину на шестой день операции. За два дня до нас на другом участке побережья, западнее

Кольберга, появились соединения 1-й гвардейской танковой армии. 11-я армия немцев, противостоявшая нашему фронту, оказалась рассеченной на части.

Но не всюду дела шли так гладко. Действовавшие левее нас 61-я и 47-я армии не сумели с ходу прорвать вражескую оборону. Там и неприятельские рубежи оказались мощнее, и местность не благоприятствовала наступлению, и враг сопротивлялся более умело и упорно. В результате наступление развивалось медленнее, чем планировалось.

Восточнее Регенвальде, в районе города Шифельбайна в окружении оказались основные силы 10-го корпуса СС и корпусной группы «Тетау». Их взял в «клещи» наш правый сосед — 7-й стрелковый корпус с частями усиления, взаимодействовавший с соединениями 1-й армии Войска Польского и 1-й гвардейской танковой армии. Бои здесь не стихали с 3 по 7 марта. Несмотря на все усилия, наши войска так и не смогли полностью разгромить вражескую группировку. Часть сил противника все-таки вырвалась из окружения и устремилась на северо-запад.

Немцы тут были в чем-то организованнее нас, в чем-то предприимчивее. К тому же им придавало сил отчаяние. Правда, этот их частичный успех почти не оказал влияния на последующий ход операции. Остатки прорвавшихся дивизий у побережья, около города Трептова, вновь очутились в «котле» и не избежали своей судьбы.

Своеобразное положение сложилось в районе Восточной Померании, примыкающем к устью Одера. 150-я и 171-я дивизии, выйдя к устью реки, отрезали немцам путь на запад. Остатки расчлененной 11-й армии гитлеровцев оказались прижатыми к береговой черте. В то же время и некоторые наши соединения находились как бы в окружении. И не потому, что противник стремился взять их в кольцо, — просто его части были разбросаны на слишком большом пространстве. Причем численное превосходство в таких случаях зачастую было на стороне врага.

С 10 марта 3-й ударной армии почти всеми своими силами, исключая 79-й корпус, пришлось вести ожесточенные бои против полуокруженных у моря шести пехотных и танковых дивизий, отколотых от 11-й немецкой армии. Эти соединения удерживали два прибрежных населенных пункта, где имелись причалы, пригодные для приема кораблей. С юга на них наступал 7-й стрелковый

корпус, с востока — 7-й гвардейский кавалерийский. Против этой группировки врага действовала и 207-я стрелковая дивизия. К вечеру оба корпуса приостановили боевые действия, решив продолжать их утром 11 марта. Уверенные в полном своем превосходстве, командиры соединений даже не сочли нужным выслать ночью разведку. Гитлеровцы воспользовались этим. Оставив с юга и востока небольшие заслоны, они в 6 часов утра ударили в направлении города Вальддивенов, расположенного у основания косы, перекрывающей устье Одера. 207-я дивизия одна не смогла воспрепятствовать прорыву неприятеля. Одновременно 171-я дивизия, блокировавшая Вальддивенов, подверглась удару вражеских частей, двинувшихся с косы навстречу выходящей из окружения группе.

К вечеру войска противника соединились и пробились за Одер.

Конечно, уйти удалось далеко не всем. Но все же для нас это был большой минус. Уровень военного искусства, достигнутый к этому времени Красной Армией, позволял обходиться без такого рода ошибок.

В ходе операции у нас произошла замена командарма. Николая Павловича Симоняка отозвали, а на его место был назначен генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов.

Дни, когда потрепанные части немцев прорывались за Одер, и для нашей дивизии были очень тревожными и напряженными. За сутки до прорыва мы получили приказ построить глубоко эшелонированную оборону фронтом на восток, чтобы преградить на своем участке фашистам путь к реке. Не ограничиваясь этим, я выдвинул полк Мочалова на угрожаемое направление, значительно расширив тем самым полосу нашей обороны.

Хотя полк и был сильно утомлен предыдущими боями, хотя в дождь по слякоти лошади еле-еле тянули повозки, а машин не хватало, новый рубеж к рассвету был занят. За десять часов батальоны сумели не только перейти в полном составе на другое место, но и проделать все необходимые земляные работы, укрепиться.

В эти дни из лесов стали чаще выходить крупные группы гитлеровцев. Днем они избегали столкновений с нами. Зато ночами пытались просочиться к спасительному проливу. Были моменты, когда вражеские отряды угрожали нашим штабам.

Так, в довольно тяжелом положении однажды оказался штаб артиллерийского полка. Располагался он в деревне Клайн-Веков. Ночью на него неожиданно напала большая группа неизвестно откуда появившихся фашистов. Штабные офицеры, писаря, коноводы — всего человек тридцать — заняли оборону и открыли плотный огонь из автоматов и ручных пулеметов. Противник откатился в лес, вероятно, не предполагая, что имеет дело с небольшой горсткой людей.

Командир артполка Гладких и его заместитель по политчасти Александров в это время находились в штабе дивизии. Под утро, возвращаясь к себе, они лишь благодаря счастливой случайности не очутились в плену.

Мы же ночью на разных участках дивизии захватили немало пленных. Все они говорили о больших потерях 11-й армии.

Но то были лишь мелкие стычки. Настоящих же боев с организованным неприятелем нам в ту пору вести не пришлось. Прорывавшиеся на запад главные силы немцев прошли севернее нас, в полосах 207-й и 171-й дивизий.

Две недели марта в Восточной Померании запечатлелись в памяти пестрыми картинами.

Вот беженцы в лесу под Каммином. Подошли к Одеру — никому не нужные, растерянные, и не знают, что делать дальше. На лицах — уже знакомое выражение недоверия и надежды: «Неужели правда можно возвращаться домой, не опасаясь быть сосланными, убитыми, ограбленными?»

Вот сценка в деревне, на широкой центральной улице. Из-за угла дома появляется группа — человек пятнадцать пожилых мужчин и три девушки. В руках у них самое разнообразное оружие — от автоматов-«шмайзеров» до дробовиков. Мы, четверо, с ручным пулеметом, выскакиваем на ходу из «виллиса»:

— Хенде хох!

Немцы, побросав оружие, послушно поднимают руки.

— Куда следуете?

— В лес.

— Зачем?

Молчат, потупившись. В это время к нам подкатывает машина с комендантским взводом. Задержанных уводят в разведотделение для допроса.

Оказалось, что эти жители поддались призыву гитлеровских властей уходить в леса и вести боевую и диверсионную деятельность в тылу у русских войск. Тут гитлеровцы явно пытались позаимствовать наш опыт. Но никакой партизанской борьбы у них не получилось. Подобных групп мы больше нигде не встречали.

Погода в те дни была очень неустойчивая. То вдруг светило солнышко, напоминая, что март — все же первый месяц весны, и пахло тогда по-весеннему, и резко выделялись на сизой воде пролива узкие, длинные тела бронекатеров, по которым артиллеристы из полка Плеходанова били прямой наводкой; то ползли с моря низкие волокнистые облака, цепляясь за макушки сосен и извергая на наши головы дождь вперемешку со снежной крупой. В один из таких дней в полки не поступили хлеб и махорка. Я вызвал Истрина, чтобы разобраться, в чем дело. Он прибыл к ночи мокрый и усталый. Даже говорил через силу, едва ворочая языком:

— Вчера и сегодня, товарищ генерал, чинили мельницы. Немцы при отходе крепко их попортили. Сейчас зерно на муку перемололи, первая партия готового хлеба отправлена в части. Махорка тоже.

Дивизии тогда нередко приходилось жить на «подножном корму»...

В ту пору все мы особенно остро чувствовали — война идет к концу. Это накладывало отпечаток на настроение людей, на их мироощущение, заставляло чаще задумываться о том, какой будет жизнь в мирные годы.

Мокринский смотрел на меня грустными глазами:

— Вот мы и на Первом Белорусском, товарищ генерал...

— Что, опять в разведку проситься будете?

— Нет, — Юрий Николаевич отчаянно мотнул головой, — не буду. Понял, что бесполезно это. Никто химика за настоящего солдата не считает.

— Ну, вы это зря, — ответил я ему не очень уверенно.

И еще мне запомнилось, как плясали разведчики. Часов в одиннадцать вечера по пути в штаб я заглянул в столовую разведчиков. Там «обмывались» полученные в этот день ордена. Бойцы сидели за столами по-домашнему, с расстегнутыми воротниками. Столы ломились от закусок. Не было недостатка и в водке. Кто-то играл на аккордеоне. А посредине комнаты невысокий красивый офи-

цер с девушкой-связисткой отплясывал гопака. Напряженно, боясь пропустить хоть одно движение, следили десятки глаз за этой парой. И зрелище стоило того. Особенно хорош был партнер. Казалось, невидимая пружина подбрасывала его ввысь, из присядки под самый потолок, подбрасывала снова и снова в каком-то необыкновенно частом и четком ритме.

Боясь помешать танцу, я жестом позвал Гука, и мы пошли к штабу. Это было 12 марта — дивизия сдавала свой участок обороны частям Войска Польского, чтобы назавтра выступить в поход. Надо было заканчивать подготовку к этому маршу...

Восточно-Померанская операция завершилась в конце марта. Участие в ней нашей дивизии ограничивалось всего двенадцатью днями. Правда, дни эти были напряженные. 150-я стрелковая дивизия быстро пробила брешь в неприятельской обороне. За успех при прорыве вражеского рубежа она в числе прочих соединений отмечалась в приказе Верховного Главнокомандующего.

Другим его приказом всему личному составу объявлялась благодарность за овладение городами Плате, Гюльцов и Каммин. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года за ночной бой у озера Вотшвин-зее дивизия была награждена орденом Кутузова II степени.

13 марта мы начали 160-километровый марш на юг, в район города Кенигсберг (Померанский). Нам предстояло действовать на новом направлении.

КЮСТРИНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСНА

Померанский Кенигсберг ничем не напоминал своего старшего восточнопрусского тезки. Этот маленький провинциальный городишко, почти поселок, стоял на ровном месте и никакой «королевской горы», о которой говорило его название, тут не было. Остановились мы не в самом Кенигсберге, а в восьми километрах от него, около озера Мантель-зее, в помещичьей усадьбе. На место прибыли утром 17 марта. Переход наш сюда не ознаменовался никакими примечательными событиями, за исключением, пожалуй, одного эпизода на тему «К чему ведет недисциплинированность».

Назначая путь движения 328-му артполку, я предупредил его командира:

— Двигаться только по этому шоссе и не по какому другому. Ясно?

— Так точно, ясно! — отчеканил майор Гладких.

Да и что тут могло быть неясным? Мы шли по чужой земле, по чужим дорогам, где нас могли подстерегать любые неприятности.

По шоссе, предназначенному для движения артиллеристов, были пущены вперед саперы. Они извлекли немало мин. И все же беда не обошла нас. Примерно через час мне доложили, что Гладких подорвался на мине.

— Каким образом? — встревожился я.

— Свернул на параллельную дорогу.

Когда я подъехал к Георгию Георгиевичу, он лежал на санитарной повозке белый как бумага и силился улыбнуться.

— Почему нарушил приказ? — набросился я на него. — Ты ведь весь полк мог погубить!

— Товарищ генерал, — извиняющимся голосом заговорил Гладких, — уж больно хороша шоссейка была, не удержался. Думал, в скорости выиграем. Вы не думайте, товарищ генерал, я полком не рисковал. Я первый на тарантасе выехал, проверить решил...

— Ну, вот она, твоя проверочка. Еще кто-нибудь ранен?

— Нет, я один. А лошадей обеих уложило — тарантас-то у меня пароконный был.

— Ладно, ругать не буду — сам себя наказал, хуже не придумаешь. А урок на будущее, наверное, извлекать и не придется. Выздоровеешь — войне уже конец придет.

— Товарищ генерал, — взмолился Гладких, — разрешите остаться при части! Врачи говорят, рана ерундовая.

Рана у него и впрямь была не тяжелая, кажется, в ногу. Но тут уж я не согласился:

— Нарушил дисциплину — поплатился. А уклонение от стационарного лечения — тоже нарушение дисциплины. Что ж ты хочешь, чтобы я тебе потакал? Чтобы с тобой еще что-нибудь случилось, но уже с разрешения начальства? Нет, не выйдет. Отправляйся лечиться, а мы тут как-нибудь и без тебя войну кончим.

Гладких больше не просил, но было видно, что переживает он страшно. Полк его принял Александр Петрович Дерягин — начальник штаба артиллерии дивизии.

Майор Дерягин, инженер по своей гражданской профессии, на войне стал превосходным артиллеристом. Был он расчетлив, хладнокровен, не терялся в любой обстановке. Хорошо показал себя и во время недавних боев в Померании. Словом, была у человека «артиллерийская жилка». Но он не хотел признавать за собой этого качества. Бывало, во время какого-нибудь «семейного» торжества в штабе он после двух-трех рюмок запевал «Трубку», а потом, смущенно махнув рукой, говорил: «Кончится война — в оперу пойду. Примут, как думаете? Это мое настоящее призвание. А остальное — так...»

Среди нас не было ценителей оперных голосов. Но Сашин тенор всем нам нравился. И все мы желали ему только добра. Однако никто не мог представить себе Сашку Дерягина на оперных подмостках — слишком уж это казалось неестественным. Артиллерист — да. В крайнем случае — инженер. Но оперный артист...

328-й артполк вскоре был направлен в распоряжение 52-й дивизии, проводившей частную операцию по форсированию Одера.

Вокруг Мантель-зее простирались леса и перелески — еще уныло-черные, с нераспустившимися почками, но уже вовсю пахнущие весной. По утрам в рощах без умолку галдели какие-то птицы. Снега не было и в помине. Солнце, если ему удавалось прорваться сквозь облака, уже приятно согревало. Смеркалось непривычно поздно. Впрочем, повинна в этом была не только природа. Мы, как и все советские войска, жили по московскому времени, а местное время отставало от него на два часа.

Да, весна властно и неотвратимо вступала в свои права. Четвертая военная весна! Разве сравнишь ее с первой? Большая зимняя победа под Москвой еще не внесла коренного перелома в ход войны. Той весной били нас в Крыму, и, что особенно горько, били не числом, а умением. Били и под Харьковом.

Вторая весна была куда веселее! Волга в ту пору была уже не трагическим рубежом, а символом победы выдающейся, переломной, не оставлявшей сомнений в исходе войны даже у многих наших недругов. И уже не за горами было сражение танковых армад на Курской дуге, от которого гитлеровская военная машина не смогла оправиться до конца войны.

Триумфальной была третья весна. Победы на северо-западе и на юге, переход нашими войсками государственной границы — разве это не предвещало скорого разгрома врага? Но противник еще был достаточно силен. Он дотянул до весны четвертой, последней, дотянул без славы и надежд.

Заканчивались последние бои в Восточной Померании. Близилось полное освобождение Венгрии — Красная Армия шла вдоль седого Дуная к Австрии. В смертельные тиски был зажат Кенигсберг — тот, что в Восточной Пруссии. А в центре огромного фронта тучи сгущались над Берлином. Каждому сейчас было ясно, что война окончится вот-вот, что это вопрос уже не месяцев, а недель.

И теплые победные ветры — вестники весны летели над Россией, осушая слезы вдов, и сирот, и матерей, навсегда простившихся со своими сыновьями. Не одну, пожалуй, семью в нашей стране не обошло безутешное горе.

И не было силы, способной развеять его. Но личное горе не могло затмить той общей радости, которую несла с собой всем и каждому весна победы.

Ждали и мы с нетерпением окончания войны. Ждали и надеялись, что получим возможность сказать свое слово в завершающих боях. Только где, на каком участке фронта? Угадать было трудно.

К западу, километрах в двадцати от нас, протекал разлившийся Одер. На левом его берегу укрепились немцы. Здесь нам и было приказано, подготовившись должным образом, форсировать реку. А дальше? Если продолжить линию наступления на запад, она проходила значительно севернее Берлина. На пути ее не было крупных военно-стратегических пунктов. Мне не была понятна цель наступления на этом участке. Лишь значительно позже я узнал, что наши действия носили отвлекающий характер. Но тогда я об этом не догадывался.

Дивизия расположилась на новом месте со всеми удобствами. А штаб — и подавно. В моем распоряжении были такие апартаменты, каких я дома и представить себе не мог. Померанские помещики оказались изобретательными по части организации своего быта. Впрочем, наслаждаться житейскими благами в роскошной вилле мне, по сути, и не приходилось. С рассветом, наскоро позавтракав, я покидал ее, потом забегал на обед и затемно возвращался окончательно, чтобы поужинать и завалиться спать — если не предвиделось ночных занятий. Так что из всей этой роскоши запомнилась мне только широченная, словно кузов пятитонки, кровать в алькове, с шелковым прохладным бельем, с атласной периной вместо одеяла.

Дел в те дни было много. К нам начало поступать пополнение. Это были либо раненые, выписанные из госпиталей, либо юноши, освобожденные нашими войсками из фашистской неволи.

В частях снова были созданы штурмовые батальоны. Отбор в них проводился очень тщательно. Брали самых здоровых молодых солдат, преимущественно с боевым опытом. Не меньше сорока процентов в каждом батальоне составляли коммунисты и комсомольцы.

Учебу, как всегда, начали с занятий в составе взвода, а где требовалось, и с отработки действий одиночного бойца. Потом в составе роты учились скрытно сосредоточиваться на исходных рубежах, пользоваться переправоч-

ными средствами, стремительно врываться в неприятельские траншеи.

После этого перешли к батальонным учениям. Командиры полков, штабные офицеры придирчиво следили за каждым элементом занятий. Самый молодой начальник штаба полка Володя Тытарь с непреклонной взыскательностью, под стать кадровому офицеру довоенной школы, проверял подготовку своих комбатов — Блохина, Давыдова, Хачатурова, каждый из которых был старше его. Они потели, краснели, ругали про себя дотошного майора, но не обижались. Тытарь был человек справедливый и в храбрости не уступал самым лихим бойцам — это он доказал в боях. Мочалову легко жилось с таким начальником штаба.

«Как откроется вакансия командира полка, обязательно выдвину Тытаря, — решил я тогда. — Наплевать, что ему всего двадцать один год и что начальство будет возражать. Все равно добьюсь».

Проводились учения с боевой стрельбой. Но главное внимание уделялось отработке переправы через реку. Это была задача номер один. Военный совет армии разослал во все части сборник статей и различных советов по преодолению водных рубежей.

Учились мы на берегу Мантель-зее. Это озеро заменяло нам Одер. По ширине оно было примерно таким же. По многу раз — и днем и ночью — бойцы быстро, без суеты, садились в надувные лодки и плыли к противоположному берегу. Там они выскакивали, порой принимая по пояс холодную ванну, и вступали в «бой» за захват и расширение плацдарма.

Раза два приезжал к нам член Военного совета армии генерал-майор Андрей Иванович Литвинов. Он интересовался ходом нашей подготовки к форсированию реки, снабжением, материальным обеспечением. Но больше всего старого кадрового политработника интересовали люди — как они накормлены, одеты и обуты, какое у них настроение, что их волнует, все ли награждены по заслугам. Обо всем этом он узнавал не из вторых рук — Литвинов сам шел к бойцам, завязывал с ними живые беседы. Простота члена Военного совета была совершенно естественной. Он не старался казаться менее образованным, чем был на самом деле, не стремился играть этакого рубаху-парня в генеральском мундире. Интерес к людям,

внимание к ним были у него неподдельными. Бойцы чувствовали это и тянулись к нему...

В одну из ночей мы собрались на рекогносцировку к Одеру. Мы — это Переверткин, Негода, Асафов и я. Полковник Василий Михайлович Асафов недавно был назначен командиром 207-й стрелковой дивизии вместо Порхачева, угодившего после автомобильной аварии в госпиталь. Был он грузен, сильно прихрамывал на правую ногу — никак не заживала полученная в бою рана.

Грунт в эту раннюю весеннюю пору был еще раскисший. Примерно полпути к реке мы проехали на машинах. Потом пересели на лошадей. Вдоль дамбы, отделявшей пойму от луга, пошли пешком. Ходили часа два, но толку от этого вышло немного. Слишком уж темной была ночь. Кроме редких вспышек выстрелов, мелькавших на западном берегу, и огненных пунктиров трасс, дугами прошивавших черный бархат неба, мы ничего не увидели. Зато ноги наломали, извозились в грязи до колен и промокли насквозь под нудным, по-осеннему долгим дождем.

Когда вернулись усталые, голодные и злые, Блинник устроил нам что-то среднее между ужином и завтраком. На стол были поданы огромные, как поленья, карпы из помещичьего пруда. Морщины на лице Асафова разгладились. Большой любитель вкусно поесть, Василий Михайлович сразу же забыл о перенесенных тяготах...

В конце месяца мы получили приказ провести разведку боем силами до двух батальонов. В памяти четко запечатлелась картина: серый, разлившийся во всю пойму Одер, на нем — 12 больших надувных лодок, каждая на целый взвод, и белые столбы всплесков, поднятых снарядами. Левый берег изрыгал массу огня. Меня била нервная дрожь. Казалось, под таким огнем ни одна лодка не дойдет до неприятельского берега.

Возбужденно распоряжался Сосновский. Наша артиллерия вернулась в дивизию и сейчас работала на полную мощь, стремясь подавить вражеские огневые точки. Честно говоря, я даже удивился, когда одна за другой лодки начали причаливать к месту высадки. Несмотря на огненный смерч, бушевавший над водой, ни одна из них не оказалась потопленной. Потери в людях были невелики. И бойцы, выскакивая на береговую кромку, заученно, как на занятиях, устремлялись к первой траншее.

На нешироком, километра в два, участке высадившиеся роты заняли и первую и вторую траншеи. Немцы, вопреки нашим ожиданиям, оказали слабое сопротивление. Вероятно, мало у них здесь имелось пехоты и танков.

Итак, первый успех был достигнут. Теперь требовалось развить его, а для этого переправить на тот берег еще людей и средства поддержки. Иначе противник мог, не мешкая, собраться с силами и сбросить наши роты в реку.

Но тут вдруг по радио неожиданное приказание Переверткина:

— Отбой! Всем вернуться в исходное положение.

— Я вас правильно понял — всем вернуться в исходное положение? — переспросил я с сомнением. — Ошибки нет?

— Нет, все правильно, выполняйте, — подтвердил командир корпуса.

К тучам рванулись красные и зеленые ракеты, передавая ротам приказ о возвращении на свой берег. Организовав прикрытие, они начали отходить к урезу воды. И вскоре все двенадцать лодок пустились в обратный путь, выгребая к стрежню реки.

Обидно было прекращать успешно развивавшийся бой, добровольно отдавая захваченные позиции. Утешало лишь то, что взяты они были малой кровью, да надежда на получение новой, более интересной боевой задачи.

И надежда на этот раз сбылась. Оказалось, Переверткин прервал разведку боем, получив приказ готовиться к передислокации. 3-я ударная армия получала новое направление. Нам было велено готовиться к тридцатикилометровому переходу на юг, в сторону города Кюстрина.

ПЕРЕД ОДЕРОМ

Еще в феврале в районе Кюстрина, к югу и северу от него, войска 1-го Белорусского фронта захватили на левом берегу Одера два плацдарма глубиной от 3 до 5 километров. Гитлеровцы не сумели сбросить в воду закрепившиеся там части, однако и не давали им продвинуться.

Кюстринский плацдарм лежал прямо против Берлина. Немцы понимали, что рано или поздно отсюда начнется наступление на их столицу, до которой оставалось каких-

нибудь 60—70 километров. И они делали все, что было в их силах, чтобы эти километры оказались непреодолимыми для наших войск.

Германский рейх всячески пытался оттянуть свой конец. Тотальная мобилизация сгоняла в армию шестнадцатилетних мальчишек. Из стариков и подростков создавались отряды фольксштурма — «народного ополчения». Сопляки из «Гитлерюгенда» записывались в фаустники. Все это дало возможность фашистскому командованию развернуть на подступах к Берлину, фронтом на восток, две общевойсковые и две танковые армии, входящие в группы армий «Центр» и «Висла». В них было миллион солдат и офицеров, десять с половиной тысяч орудий и минометов, полторы тысячи танков и самоходных орудий, свыше трех тысяч самолетов, более трех миллионов фаустпатронов.

Мы прибыли на новое место в первых числах апреля. Дивизия расположилась в лесу, километрах в пяти от Одера. До Кюстрина отсюда было около двадцати километров. На противоположной стороне Одера в полосе нашего наступления оборону держал 273-й полк 89-й гвардейской дивизии 5-й ударной армии.

Теперь-то ни у кого из нас не оставалось сомнения в выпавшем на нашу долю счастье: наступать на берлинском направлении, участвовать в сражении за вражескую столицу. То, что такое наступление начнется в самом скором времени, было очевидно каждому. Об этом говорил весь ход предшествующих операций, все приготовления, которые велись сейчас полным ходом. Да и не было же, в самом деле, резона дожидаться, когда на Берлин двинутся вышедшие к Эльбе союзники, которым фашисты что-то уж слишком охотно сдавали свои города.

В дивизии продолжала вестись боевая учеба. Не отрабатывались теперь лишь действия по преодолению водной преграды.

Большой энтузиазм вызвали поступившие из штаба армии «Памятка бойцу-пехотинцу для боя в крупном городе», «Памятка расчету станкового пулемета, действующему в составе штурмовой группы в уличных боях в крупном городе» и другие советы с «крупногородским» профилем. Памятки говорили сами за себя: впереди, кроме Берлина, не было крупных городов.

К нам продолжало щедро поступать пополнение. Я, как обычно, лично встречал каждую новую партию бойцов. Однажды посмотреть наших новичков, проверить, как идут дела в дивизии, прибыл командарм.

Василия Ивановича Кузнецова я знал еще с довоенных времен — мне тогда приходилось служить под его началом. Как и Юшкевич, это был старый офицер, воевавший прапорщиком в империалистическую. Как Юшкевич и Симоняк, он был грамотным военным специалистом, хорошим организатором. Но в отличие от того и от другого у Кузнецова была такая черта, как сдержанность и сухость в отношениях с людьми. Впрочем, этот недостаток не мешал ему хорошо воевать.

Мы с Василием Ивановичем обходили строй дивизии. Солдаты — старые и молодые — браво выпячивали грудь, застыв в положении «смирно». Вдруг взгляд командарма задержался на двух пулеметчиках. Они стояли рядом — молодой парнишка и пожилой, степенный боец. На гимнастерке молодого красной эмалью и тусклым отблеском благородного металла светились три ордена и две медали. У старого не было ни одного отличия.

Кузнецов остановился перед этой парой.

— Вот, товарищ ефрейтор, — обратился он к старику, — посмотрите на своего соседа. Видите, сколько у него наград? А у вас ни одной. Хоть он гораздо моложе вас, а вам у него надо учиться мужеству.

У старика кровь прилила к щекам.

— Разрешите доложить, товарищ генерал? — произнес он сдавленным голосом. — Насчет того, кому у кого учиться, это вам, конечное дело, виднее. Только Васька — мой сын, и два года мы вместе с ним в одном расчете воюем. Я первый номер, а он второй.

— Так почему же вас ни разу не наградили? — спросил Кузнецов.

— А это уж, товарищ генерал, кому какая планида. После боя я завсегда в медсанбат или в госпиталь. И живым не чают. А Васька целехонек. Ему и ордена идут. Чего ж там, воюет он здорово, по-нашенски.

— Что ж, будут и у вас награды, — пообещал Василий Иванович. — Желаю вам отличиться в первом же бою, но ран не получать.

Он двинулся дальше вдоль строя. Я за ним.

— Шатилов, — сказал командарм вполголоса, — этого солдата надо наградить.

— Разрешите вашей властью?

— Нет, незачем. Наградите сами...

Вскоре старый солдат был удостоен ордена Красной Звезды.

Случай этот может показаться вымышленным. Тем более, что фамилию пулеметчика я назвать не могу — в свое время не записал и, понятно, забыл ее. Но и сейчас стоят у меня перед глазами эти два бойца — сын, впитавший отцовскую науку воина, и отец, принимавший на себя все пули, предназначенные им обоим.

Наконец дивизии поставлена задача: с началом общего наступления двинуться с левобережного плацдарма на Кунерсдорф и захватить его. Это не тот знаменитый Кунерсдорф, где во время Семилетней войны русские войска наголову разбили прусскую армию Фридриха II, а просто его «однофамилец», заурядный городишко километрах в восемнадцати от Одера. Все пространство от переднего края до Кунерсдорфа сильно укреплено. Правда, средства усиления нам выделены немалые. Одних орудийных стволов у нас будет 337.

Дьячков и Офштейн со своими помощниками взялись за работу. Им предстояло подробно, во всех деталях разработать последовательность действий дивизии вплоть до захвата Кунерсдорфа. А это кропотливый и сложный труд. И времени на него, как всегда, оказывалось маловато.

Подготовка к наступлению велась скрытно. Части наши не показывались из лесу, не попадали в поле зрения противника. Всякие передвижения к Одеру и от него совершались только ночью, при полной темноте. Днем принимались все меры для маскировки с воздуха.

Забота о сохранении в тайне наших приготовлений проявилась и в своеобразном проведении рекогносцировки на плацдарме. Принять в ней участие требовалось и командиру корпуса, и командирам дивизий, которым предстояло наступать с плацдарма, а в дивизиях — командирам стрелковых и приданных полков, командующим артиллерией. В связи с этим было приказано всем генералам и старшим офицерам во время рекогносцировки

находиться в сержантском обмундировании, вести рекогносцировку небольшими группами. Об этом маскараде ничего не знали даже командиры частей, оборонявшихся на плацдарме. Просто их предупредили, что у вас, мол, в эти дни будут работать сержанты-разведчики из штаба, которых не следует ни о чем расспрашивать и которым надо во всем оказывать содействие.

Что ж, мысль о переодевании была неплохой, ибо появление на передовой большого числа генералов и полковников не ускользнуло бы от внимания противника и свидетельствовало бы о том, что готовится что-то серьезное, причем в ближайшие дни.

С утра 12 апреля «старшина» Переверткин, «старший сержант» Асафов, я, «младший сержант» Шатилов (шинель Блинника была мне очень велика и топорщилась во все стороны), и другие «сержанты» переправились по мосту через Одер и группами по два-три человека разошлись по ходам сообщения.

Я с Асафовым вышел на левый фланг 273-го полка, позиции которого должна была занять наша дивизия с частями усиления. Нам предстояло буквально втиснуться сюда. Рельеф местности здесь равнинный, и полк глубоко врылся в землю. Все окрест просматривалось неприятелем, и всякая попытка высунуться из укрытия обычно оказывалась последней. Все эти траншеи, блиндажи, командные пункты и капониры должно было занять войско вдесятеро большее.

Мы очутились в окопе, среди бойцов. Отсюда хорошо наблюдалась вражеская оборона. Появление в окопе посторонних, незнакомых людей пусть небольшое, но событие. Мы привлекли к себе всеобщее внимание.

— Откуда, братки? По какой нужде? — посыпались вопросы. — Разведчики, говорите? У нас тут не наразведуешься.

Мы сами принялись расспрашивать солдат о жизни на плацдарме. И гвардейцы охотно начали вспоминать февральские дни, когда плацдарм был взят в жестоком бою и им приходилось отстаивать его, укрепляясь, вгрызаясь в землю, неся потери. Каждому хотелось воспользоваться редким случаем рассказать незнакомым людям обо всем примечательном, что случилось здесь, поделиться с ними своими воспоминаниями. Из их рассказов вырисовывалась картина богатырского мужества и стойкости наших

людей. Сколько раз, пока не наступила здесь стабилизация, приходилось отбивать им атаки многократно превосходящих сил врага! И они выдержали все, что, казалось, не под силу выдержать человеку.

— Что за шум, а драки нет? — послышался вдруг звонкий голос.

Мы обернулись. В окопе появился ротный — совсем молодой лейтенант. И по тому, с какой подчеркнутой небрежностью он был одет, как всей манерой держаться хотел показать себя тертым, бывалым фронтовиком, можно было безошибочно определить, что на фронте он недавно.

— Э, да тут гости! Зачем пожаловали к нам, сержанты?

— Да вот, товарищ лейтенант, — ответил я, — изучаем местность для захвата «языка». Смотрим, где лучше к немецким траншеям подобраться. А то вы давно тут стоите, а пленных-то нет.

Лейтенант посмотрел на нас озадаченно, потом расхохотался, фамильярно ткнул Асафова кулаком в живот.

— Ну вот ты, — сказал он мне, — поползешь, сумеешь. Вижу, что разведчик, хотя, конечно, староват. А вот старший сержант — куда он с таким брюхом? Да и нога у него, вон, не сгибается. Разве он может в разведку? Не поверю! В писаря — это еще сойдет. — И лейтенант снова засмеялся весело и заразительно.

Асафов покраснел, смутился, но не обиделся. А я ответил за нас обоих:

— Напрасно смеешься, товарищ лейтенант. Мы знаешь кто? Мы казаки донские, вот кто. С детства воевать обучены. И науку эту до старости помним. У нас деды — во-о бородищи, а в разведку почище молодых ходят.

Лейтенант посерьезнел:

— Ну если казаки, тогда конечно. Я это понимаю, какие с Дона рубаки. Извините тогда.

Он смотрел на нас уже с некоторой опаской и завистью. Что, если правда возьмем пленных? Будут его тогда срамить, будут выговаривать: вот, мол, живешь на плацдарме, как на курорте, и мышей не ловишь. Сколько времени пленных не имел? А пришли два старика из разведки — и нá тебе, пожалуйста.

— Пойдемте-ка, сержанты, ко мне обедать, — вдруг предложил он. — Водочкой угощу! — И лейтенант снова довольно хохотнул.

Мы направились за ним — дел здесь у нас больше не было.

— За чей же счет водкой угощать будешь? — поинтересовался я. — Каждому ведь по сто граммов положено. Или солдата ущемишь?

— Солдата? Не-ет. Жить надо уметь! У меня запасец есть.

— Откуда ж?

— А очень просто. — И лейтенант стал пояснять нам с видом бывалого человека древнюю премудрость, почерпнутую, вероятно, у дошлого старшины: — Не все в роте пьют? Не все. Боевые потери у нас бывают? Бывают. А пока сведения о них до интендантов дойдут — водка на них отпускается. Понятно? И тут соображение нужно.

— Мудро, — едва сдерживая смех, сказал Асафов.

— Так что вы не сомневайтесь, угощу, — подтвердил ротный.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — отказался я, — идти нам пора, а то от начальства попадет. Времени нет.

— Ну что ж, бывайте здоровы. Когда за «языком» пойдете, заглядывайте ко мне, — распрощался с нами хлебосольный лейтенант.

А мы двинули на другой участок. К концу дня излазили весь передний край. Мне стало окончательно ясно, кому и где занять исходное положение для атаки, как определить ближайшую и последующую задачу полков.

На следующее утро у нас намечался проигрыш предстоящего боя на местности. Принять в нем участие должны были командиры наших полков и приданных частей со своими начальниками штабов, с начальниками артиллерии, а также представители штаба корпуса. Для этого я наметил место в одной из первых траншей, на левом фланге, где предполагалось нанести главный удар.

Чуть свет мы с Дьячковым перешли по мосту на ту сторону Одера и двинулись траншеями к переднему краю. Плацдарм жил своей обычной жизнью. Изредка то там, то тут рвались снаряды. Где-то впереди то вспыхивали, то вдруг обрывались пулеметные очереди. Нет, не знали ни минуты покоя бойцы 273-го полка, державшиеся здесь третий месяц! Каждый день недосчитывались они кого-нибудь из своих товарищей. И это в обстановке затишья. А что будет, когда начнется наступление? Сколько жиз-

ней унесет первый же бой? Ведь он будет очень и очень тяжелым. Теперь же, когда до конца войны рукой подать, каждая смерть особенно обидна. Обидна потому, что за спиной остался гигантский путь чуть ли не от самой Волги, на котором пули и осколки пощадили немногих. И разве не было долгом командира думать и думать над тем, как избежать больших потерь в этих завершающих боях?

Из раздумья меня вывел строгий басок с хрипотцой:

— Товарищ младший сержант, почему честь не отдаете?

Тьфу ты, совсем забыл о маскараде! Передо мной стоял высокий, осанистый старшина. Краснея, я произнес извечные, одиозно неубедительные слова оправдания:

— Виноват, товарищ старшина, не заметил.

— Вот и плохо, что не заметили. А еще младший сержант! Вам-то положено знать, что старшие и младшие есть везде, где бы вы ни находились. И на передовой тоже честь надо отдавать. На первый раз делаю вам замечание. Идите!

— Есть, идти! — Я лихо козырнул и пошел по ходу сообщения. Дьячков, поспевавший за мной в обличье сержанта, вытянулся перед грозным старшиной, с трудом сдерживая смех. А мне подумалось: «Орел — старшина! С таким ротному служить одно удовольствие — ни забот, ни хлопот. Как нужны в армии такие люди!»

Когда мы появились в первой траншее, на месте сбора были уже все командиры, участвовавшие в проигрыше. Здесь стояли заранее установленные стереотрубы, через которые хорошо просматривался вражеский передний край вплоть до второй позиции. Кроме того, каждый из присутствовавших имел бинокль. Офицеры подходили к оптическим приборам и внимательно изучали местность, на которой им предстояло наступать, рубежи неприятельской обороны. Потом каждый докладывал свое решение на бой.

Перед нами раскинулось ровное поле. Кое-где виднелись небольшие рощи. Вдоль дорог тянулись ряды яблонь и лип с ветвями, тронутыми зеленью почек. Деревья и кусты покрывали дамбы осушительных каналов. И вся земля, насколько хватало глаз, была изрыта траншеями, ходами сообщения. Трудное предстояло здесь наступление. Это понимали все командиры и учитывали в своих решениях.

За второй позицией, в центре, стояли красные кирпичные дома небольшого поселка. Гросс-Барним — значилось на карте. Все наши наблюдения говорили о том, что это превосходно укрепленный район с гарнизоном не менее усиленного батальона.

— Как, товарищи, по-вашему, поведет противник себя в этом населенном пункте, когда мы приблизимся к нему? — задал я вопрос командирам полков.

— Будет контратаковать во фланг того батальона, который окажется справа от него, — уверенно произнес Плеходанов.

— Ну нет, — возразил Мочалов, — он будет держать этот пункт сколько сможет, а потом отойдет.

— Факт, — поддержал его Зинченко, — окружить он себя не даст.

— Всяко может случиться, — сделал я заключение. — В лоб мы взять этот Гросс-Барним сразу не смогли бы. Да и зачем это? Будем обтекать его. Тогда немец наверняка попытается нанести нам удар во фланг или в тыл. Учтите этот вариант во время проигрыша на местности с комбатами.

Потом мы разобрали вопрос, когда вводить в бой второй эшелон дивизии и как обеспечивать его огнем. Рассмотрели все, что касалось инженерной подготовки и связи. В общем, занятия прошли, по-моему, хорошо. Командиры полков получили указания, которые сводились к следующему: завтра с выходом частей на плацдарм организовать непрерывное наблюдение за противником. Рекогносцировку с комбатами провести завтра, с ротными и командирами взводов — послезавтра. Саперам навести пятитонный понтонный мост через Одер. Свои мины снять ночью 14 апреля. В ночь на 16 апреля проделать проходы в проволочном заграждении. Сигналы: зеленая ракета — атака, белая — прекратить огонь и обозначить себя, красная — вызов огня. После этого офицеры быстро разошлись — каждый спешил в свою часть, дел хватало. А я отправился на ближайший НП командира батальона, который, по моим расчетам, должна была занять наша оперативная группа. Наблюдательный пункт представлял собой небольшой блиндажик, соединенный ходами сообщения и с передним краем, и с тылом. Обзор отсюда открывался хороший — до второй позиции видно все, а дальше — только на отдельных направлениях. Этого было

вполне достаточно. Лишь на самом НП следовало кое-что дооборудовать.

Я заканчивал осмотр НП, когда в блиндаже появился среднего роста, подтянутый, неторопливый в движениях подполковник. «Степаненко, командир 273-го полка», — подумал я.

— Что вы здесь делаете, товарищ младший сержант? — удивленно взглянул он на меня.

— Разведку готовим, товарищ подполковник, — ответил я стереотипной фразой.

Во взгляде подполковника я прочел, что он не верит ни в разведку, ни в мое сержантское звание.

— А вы скоро здесь закончите свою работу? — спросил он.

— Уже заканчиваю.

— Что ж, тогда пойдемте вместе. Вдвоем веселее.

Не спеша пошли мы по ходу сообщения.

— А что, собственно, за разведку вы собираетесь проводить? — принялся расспрашивать меня подполковник. — Вы из какой части?

Расспросы принимали неприятный для меня характер — говорить правду я не мог, а врать было глупо и несолидно. Степаненко же, чувствовалось по всему, относился ко мне с подозрением. Чтобы покончить с этим, я сказал:

— На ваши вопросы, товарищ подполковник, я, к сожалению, отвечать не могу. Если у вас какие-нибудь сомнения насчет меня, позвоните в штаб семьдесят девятого корпуса. Фамилия моя Шатилов.

— А звание?

— Вы же видите мои погоны.

Мы тем временем подошли к полковому командному пункту.

— Побудьте пока, пожалуйста, здесь, — сказал Степаненко, входя в блиндаж. Сказал твердо, словно отдавал приказ, и показал на меня глазами ординарцу. Тот чуть заметно кивнул головой. Я присел в передней части блиндажа, представлявшей собой что-то среднее между прихожей и помещением ординарца. Командир полка прошел на свою половину, отгороженную плащ-палаткой. Было слышно, как кричит он в телефонную трубку: «Младший сержант Шатилов... Да, в расположении моего хозяйства... Понятно. Ясно».

Я слушал этот односторонний разговор безучастно, все мое внимание поглощал запах борща — густой, ароматный. Время-то, оказывается, перевалило за полдень. А я утром и позавтракать не успел. Тут распахнулась плащ-палатка и Степаненко пригласил меня на свою половину:

— Не хотите ли отобедать со мной, товарищ младший сержант?

— С удовольствием! — сразу же согласился я.

— Тогда прошу к столу.

Мы принялись за борщ. Я стал расспрашивать Степаненко о поведении противника в последние два дня. Он отвечал охотно, без опаски, но в глазах его светился невысказанный вопрос: «А кто же ты, братец, все-таки есть на самом деле?»

После обеда я еще некоторое время пробыл на левом берегу Одера. На этот раз без приключений. Когда наконец добрался до своего штаба, уже смеркалось. Дьячков доложил мне о завершении подготовки к смене 273-го полка. Через несколько часов мы должны были начать выход на плацдарм.

Только я остался один в своей комнате, только переоделся, как раздался стук в дверь и на пороге выросла фигура незнакомого офицера.

— Василий... — негромко произнес он.

— Коля!

Это был Николай Тихонович Кириленко, муж Маши, моей младшей сестры. Мы обнялись, расцеловались. Вот уж нежданной была для меня эта встреча! Не виделись мы с ним с начала войны, и я не знал даже, на каком фронте он воюет.

— Какими ты здесь судьбами? Как меня нашел? — принялся я расспрашивать его.

— Да очень просто. Мы ведь с тобой едва не встретились. Я знаешь где? В двести семьдесят третьем полку, у Степаненко заместителем. Захожу к нему, а он рассказывает: только что обедал у меня кто-то, а кто — сам не знаю. В форме младшего сержанта, но чувствуется, что не сержант. Назвался Шатиловым. В корпусе подтвердили, что есть такой, и попросили обращаться вежливо и во всем оказывать содействие. Я как услышал фамилию, так и подумал, что это ты. Ну а узнать, что в семьдесят девятом корпусе дивизией командует

Шатилов Василий Митрофанович, было делом несложным. Так я тебя и разыскал.

— Маша давно не писала?

— На днях получил письмо.

— Где она?

— Недавно в Москву приехала. А до этого с детьми под Воронежем у старшей сестры была.

— Дети как?

— Юля и Валя в школу уже пошли. А я не могу себе их представить. Шутка ли, почти четыре года не видел.

Долго говорили мы, вспоминали семьи, которым пришлось хлебнуть немало горя, отправляясь без вещей да без денег в эвакуацию с детьми. Припомнили и переделки, в которых приходилось нам бывать.

— Сколько раз думал, что не останусь живым, а пули меня щадили, — говорил Николай. — Как-то, помню, смотрел в амбразуру, вдруг — вжик — пуля фуражку прошила и клок волос сняла. После меня девушка-снайпер в ту амбразуру глянула. Сразило ее наповал... Ну а теперь вроде все самое тяжелое и страшное позади. Должны мы с тобой живыми домой вернуться...

Тепло мы распрощались с Николаем. Память об этой встрече еще долго согревала меня.

НАКАНУНЕ

Ночью на плацдарм переправились основные силы пехоты и танки. Наши бойцы сменяли гвардейцев 273-го полка. Перед рассветом немцы обрушили артиллерийский огонь по наплавному мосту, наведенному саперами, и по паромной переправе. Били они, как обычно, и по постоянному мосту, находящемуся в нескольких километрах южнее, — им пользовались мы в предыдущие дни, отправляясь на рекогносцировки. А сегодняшней ночью по нему проходили танковые подразделения. Артиллерия почти вся переправилась на тот берег еще накануне.

Сейчас по мостам пробегали последние роты пехотинцев. В сером предрассветном воздухе появились вражеские бомбардировщики. Но еще до того, как первые бомбы понеслись со зловещим визгом к земле, грянули наши зенитные батареи, развернутые по обеим сторонам переправ. «Юнкерсы» отбомбились кое-как, не достигнув ни

одного прямого попадания в мосты, и поспешно убрались на запад. Зато артиллерийский обстрел усилился. Снаряды плюхались в воду, вздымая высоченные столбы всплесков, падали на берег, выбрасывая черные султаны земли.

Сияние осветительных ракет выхватывало из жидкой темноты фигурки бойцов, стремительно преодолевавших опасную зону — от леса к берегу и дальше, по мостам, на огненный плацдарм. Над переправами, над вспаханным снарядами берегом свистели осколки, стлался пороховой дым. Люди с ходу летели на землю, вжимались в нее, чтобы через несколько секунд подняться и снова рвануться вперед. Но, увы, поднимались не все. Одни из них оказались потом в медсанбатах и госпиталях. Другие сложили свою голову у Одера. Потери эти, к счастью, были невелики. Переправа в целом прошла успешно. В этом была немалая заслуга понтонеров. Несколько раз под непрекращающимся огнем восстанавливали они наплавной мост, получавший повреждения от прямых попаданий.

14 апреля вся наша дивизия была уже на плацдарме, площадь которого составляла не более пяти квадратных километров. И какая дивизия! В числе приданных и поддерживающих частей у нас имелось два самоходных артиллерийских полка, два полка гвардейских минометов, шесть обычных артполков, два истребительно-противотанковых дивизиона, артиллерия 265-й стрелковой дивизии и 23-я танковая бригада. Раньше даже корпус не мог похвастаться такой мощью.

Вся эта техника, боеприпасы и имущество зарывались в землю на заранее размеченных участках. Бойцы подновляли старые траншеи, отрывали новые.

На КП дивизии я собрал командиров стрелковых полков. Мочалов, Плеходанов и Зинченко явились со своими начальниками штабов оживленные, в приподнятом настроении. Ведь сейчас, по существу, был сделан хотя и первый, но весьма важный и вполне осязаемый шаг в сторону Берлина.

Я ознакомил офицеров с только что полученной боевой задачей. Она была неожиданной. Нам предстояло за сутки до общего наступления провести разведку боем, использовав для этой цели по батальону от двух стрелковых полков со средствами усиления. Разведку требо-

валось провести энергично, напористо, чтобы противник принял ее за начало наступления и стал отражать всеми огневыми средствами.

Мочалов и Плеходанов внимательно слушали и делали пометки в своих записных книжках — батальоны в разведку выделялись от их полков. Сосредоточенно шевеля губами, что-то записывал Сосновский — Григорию Николаевичу предстояло назавтра обеспечить мощную огневую подготовку. Дивизионный инженер Чепелев тоже был весь внимание. Ночью его саперам надо было за сутки до намеченного срока проделать для наступающих проходы в проволочных заграждениях...

Когда все необходимые указания были сделаны, я отпустил офицеров и остался один на КП, где еще вчера был гостем командира 273-го полка. У меня оставалось время, чтобы еще раз все хорошенько обдумать, вспомнить, не упущено ли чего. Пожалуй, все было сделано как надо. Хотя разведка боем и нарушала логически стройный во всех своих звеньях план наступления, которому столько труда отдал штаб, жалеть об этом не приходилось. План-то ведь нужен не ради плана. А проведение разведки сулило тактические да, пожалуй, и оперативные выгоды. И подготовка к ней не вступала в противоречие со всем тем, что делалось нами до сих пор.

В людях я был уверен вполне. Все они получили основательную закалку во время боевой учебы. Высок был их духовный подъем. Пока мы стояли перед Одером, ожидая выхода на плацдарм, все политработники дивизии во главе с Михаилом Васильевичем Артюховым работали без устали. Было сделано все, чтобы каждый боец понял: от него лично зависит скорейшее окончание войны. И люди рассматривали возможность принять участие в боях за Берлин как большую честь, выпавшую на их долю. Они гордились этим. Об этом было сказано много взволнованных слов на митингах, прошедших вчерашним вечером. А сколько заявлений с просьбой принять в Коммунистическую партию было подано в те дни! Парткомиссия работала, не зная отдыха.

Рассвет 15 апреля я вместе с оперативной группой встретил на НП. По команде Григория Николаевича Сосновского открыла огонь артиллерия. 20 минут не прекра-

щался сплошной, давящий уши грохот. В нем тонул басовитый рев «катюш». На неприятельские позиции обрушилась лавина смертоносного металла.

Наконец в небо взвились красные ракеты. Над траншеями плеснулось протяжное «ура», и бойцы, выскакивая на голую, открытую всем осколкам и пулям землю, устремлялись к переднему краю противника. Шквал огня хлестал им навстречу. Но порыв солдат был столь высок, что остановить его не могла никакая сила. Я видел, как в спринтерском темпе преодолели они стометровку, отделявшую их от немецких траншей, и ворвались в них. Часть вражеских солдат полегла на месте. Некоторые с возгласом «Гитлер капут!» подняли руки вверх. Остальные, несмотря на строжайший приказ не делать ни шагу назад, обратились в бегство.

Достичь второй траншеи оказалось труднее, несмотря на то, что в бой двинулись наши самоходные орудия. Гитлеровцы усилили огонь. Несколько самоходок запылали как свечи. Захлебнулась одна атака, другая. Наши, неся потери, откатывались в захваченные окопы.

Майор Гук со своими разведчиками, полковник Сосновский с артиллерийскими офицерами неотрывно наблюдали в стереотрубы за гремящей, извергающей снаряды, мины, фаустпатроны и пули обороной врага. На их картах появлялись все новые и новые отметки, обозначавшие до сих пор неизвестные нам огневые точки. Мы достигли своей цели: немцы посчитали вылазки нашей и соседних с ней дивизий за начало большого наступления. Это подтвердили первые же пленные, которые вскоре были доставлены на НП. По их словам, поступавшие сверху распоряжения свидетельствовали, что фашистское командование уверено: фронт перешел в наступление на Берлин.

К полудню вторая траншея была все-таки взята. На этом поставленную перед нами задачу можно было считать выполненной. Попыток продвигаться вперед мы больше не предпринимали. Впору было удержать захваченное — ведь свежие силы в бой не вводились.

Почувствовав, что мы больше не проявляем активности, немцы немного успокоились, и огонь их стал более организованным. Кстати, нам бросилась в глаза такая деталь: добрая половина вражеских мин, падая, не взрывалась. Раньше такого не приходилось замечать. Эта де-

таль лишний раз говорила: немецкая военная машина трещит по всем швам. Вот и промышленность дает очередную осечку.

К вечеру противник кое-где вытеснил нас из второй траншеи. Но не везде. А первую мы надежно держали в своих руках.

Я собрал офицеров штаба, командиров полков и приданных частей. Уточнили задачи на завтра. Каждый из присутствующих, кажется, уже наизусть знал все, что касалось неприятельской обороны. На глубине пятнадцати километров — несколько рубежей с двумя и тремя линиями траншей полного профиля, со стрелковыми ячейками, пулеметными площадками, блиндажами и ходами сообщения. На нашем направлении, кроме того, — три отсечных рубежа, каждый из которых состоит из двух траншей тоже полного профиля. Все одиночные дома приспособлены для ведения фланкирующего огня, все поселки и деревни превращены в опорные пункты.

Эту оборону предстоит прорвать на полуторакилометровом фронте и к исходу дня овладеть селением Кунерсдорф.

Разведка боем дала нам многое. Мы теперь хорошо представляли систему огня неприятеля, точно установили стык двух соединений — мотодивизии «Курмарк» и 309-й пехотной дивизии «Берлин». А стык, как известно, самое уязвимое место. Наконец, в плотных минных полях были проделаны проходы.

В первый эшелон выделялись 469-й и 674-й полки. Мы окончательно уточнили направление для каждого батальона и роты. Артюхов напомнил командирам, чтобы те проверили, во всех ли отделениях известны задачи на завтра, до всех ли они доведены бойцов. Продумано, кажется, было все, вплоть до эвакуации из траншей раненых с помощью маленьких тележек, в которые впрягались специально обученные собаки.

Итак, наступление предстояло начать до рассвета, в 5 часов по московскому времени (по местному — в 3) мощной артподготовкой. Через 20 минут намечалось поднять людей в атаку. Причем сопутствовать ей должен был необычный тактический прием: освещение переднего края мощными зенитными прожекторами. Предполагалось, что прожектора облегчат действия наших солдат и ослепят противника. Да и вообще ночью, когда

люди особенно впечатлительны и восприимчивы ко всему непонятному и неожиданному, яркий, слепящий свет не мог не ошеломить оборонявшихся.

Вдоль всего готовящегося к наступлению фронта было рассредоточено 143 прожекторные установки. Четыре из них поставили в полосе нашей дивизии. Прибыли они вечером, тщательно зачехленные брезентом. Бойцы, глядя на них, голову ломали — что это за диковинная техника? Но тайна соблюдалась строго. Ведь просочись сведения об этом к противнику, ожидаемый эффект оказался бы утраченным наполовину.

Сгустилась темная, тревожная ночь. Черный полог разрывал зеленоватый мертвенный свет немецких ракет. Шли последние приготовления к бою. Подразделения занимали исходное положение для атаки, накапливаясь в отбитых у противника траншеях. Выдвигались вперед орудия, предназначенные для стрельбы прямой наводкой. Напряженно трудились саперы. Им предстояло между проволокой и густо разбросанными спиралями Бруно проделать по крайней мере по два прохода на каждую роту. А главное, требовалось проложить много новых проходов для пехоты и танков через минные поля.

Немцы не прекращали методичного огня по нашему переднему краю. Не обращая внимания на обстрел, саперы ползли от мины к мине, отыскивая и обезвреживая их на ощупь. Вспыхивала ракета, и бойцы замирали, вдавливаясь в землю. Свет гас, и они снова быстро и безошибочно работали чуткими пальцами. О том, с какой нагрузкой шла эта ювелирная, смертельно опасная работа, может показать такой факт. Рядовой Лавренев за эту ночь проделал три прохода в проволочных заграждениях и обезвредил 500 мин. Всего же саперами было извлечено 9 тысяч противопехотных и противотанковых мин. Воткнутые ими в землю флажки ограждали пути, по которым бойцам предстояло идти в атаку.

В эту ночь мне так и не удалось сомкнуть глаз. И возможности не было, и состояние было не такое, чтобы спать. Ведь всего несколько часов отделяло нас от начала великой битвы, которая должна завершить разгром фашистского рейха. Последней, за которой наступит мир, начнется новая полоса современной истории.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Неотрывно смотрел я на стрелки часов. Без двух минут пять... Без одной... По местному времени это без одной минуты три. Еще совсем темно. И вдруг в небо упирается голубоватой колонной вертикальный луч прожектора. Тут же темноту разрывает яркая, в полнеба зарница. Грохот такой, что дрожит земля.

Выбрасывая языки пламени, рассекают небо реактивные снаряды. Ползут разноцветные пунктиры трасс. И багровым заревом растекается свет от разрывов снарядов и мин та́м, на позициях врага. Это была потрясающая своей яркостью картина. Ничего подобного мне не приходилось видеть до сих пор.

Так 22 тысячи артиллерийских стволов — эту цифру я узнал гораздо позже — начали свою сокрушительную работу, готовя атаку 1-го Белорусского фронта.

Вот оно! Началось!

В 5 часов 20 минут над передовой взмыли зеленые ракеты. И тут же поток серебристого света обнажил всю местность перед нами. Это зажглись прожектора.

Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. И пехота поднялась в атаку. Странная это была картина. Утопающие в ослепительных лучах цепи выглядели редкими-редкими. «Наверное не все вышли из траншей, — мелькнула мысль. — Слишком необычна обстановка — не только немцев, но и своих, видать, смутили...»

— Майор Гук, — позвал я. — Выделить группу разведчиков во главе с лейтенантом Здоровцевым. Пусть проверят, не остался ли кто в траншеях.

Вскоре Гук сообщил:

— С исходного докладывают: все траншеи пустые, люди ушли вперед.

Мне, признаться, стало неловко: как это я мог усомниться в бойцах сто пятидесятой! Но если на меня так подействовал необычный оптический эффект, то как же должен быть ошеломлен ослепленный неприятель!

К рассвету оборона противника оказалась прорванной на глубину в семь километров. Наша артиллерия прямо-таки выкорчевала некоторые доты, уничтожила много крупнокалиберных зенитных орудий, поставленных на прямую наводку.

В воздухе появились наши штурмовики и бомбардировщики. Но все же темпы наступления к утру заметно упали. Как ни мощна была артиллерийская подготовка, она просто не могла уничтожить все оборонительные сооружения врага — слишком их было много. Не удалось решить эту задачу и бомбардировкой с воздуха. Немцы, оправившись после необычной ночной атаки, продолжали сопротивляться очень упорно.

Проходя по недавнему полю боя к новому НП, я воочию убедился, сколь разрушительно поработал «бог войны». Траншеи были завалены трупами. Попадались среди них и наши убитые и, что особенно меня встревожило, раненые. Значит, несмотря на все заверения начальника медицинской службы Ипатова, несмотря на дрессированных собак с тележками и другие заранее предусмотренные меры, раненых не поспевают своевременно находить и доставлять в тыл, под заботливую опеку медсанбата.

У иссеченного осколками дерева я вдруг заметил Сергея Джагановича Хачатурова в необычной позе. Комбат лежал на спине, прислонив задранные вверх ноги к стволу.

— Хачатуров, что с тобой? — подбежал я к нему.

Он, словно бы виновато, улыбнулся и тихо ответил:

— Ранен, товарищ генерал. В ноги. Лежу вот так, чтобы кровью не истечь.

— Давно ранен?

— Часа два.

— А люди твои где?

— Вперед ушли. Я им запретил около меня задерживаться.

— Сейчас тебя заберут. Потерпи немного, дорогой, — пообещал я ему. Снова на его красивом и очень бледном лице мелькнула слабая улыбка:

— Не беспокойтесь, товарищ генерал. Я знаю, что и до меня очередь дойдет. А ноги у меня перебинтованы...

Придя на НП, я первым долгом вызвал майора медицинской службы Ипатова. Не в силах сдержать себя, сказал ему много резкого. Выговорившись, как всегда, пожалел о своей запальчивости. Владимир Яковлевич Ипатов — умный и выдержанный человек, — дождавшись, когда я умолкну, убедительно доложил о трудностях, с которыми столкнулась медслужба, и о том, что предпри-

нимается, чтобы их преодолеть и всем раненым вовремя оказать необходимую помощь. Надо отдать ему должное, он был хороший организатор, опытный врач и храбрый офицер.

С нового наблюдательного пункта открылась мне картина боя за Гросс-Барним — тот самый поселок, о котором три дня назад заходила речь на занятии с полковыми командирами. Плеходанов тогда отстаивал мнение, что разместившийся там гарнизон даст обойти себя, а потом ударит по тылу и флангам наступающих. Я согласился с ним. И вот сейчас предстояло убедиться в основательности наших предположений.

Кирпичные постройки Гросс-Барнима представляли собой маленькие, хорошо оснащенные крепости с взаимообеспечивающей системой огня. И, конечно, лобовая атака не могла здесь привести к успеху. Плеходанов — на этом участке наступали его люди — приказал обходить поселок. Гитлеровцы, засевшие в Гросс-Барниме, не проявили при этом беспокойства — никаких попыток отступить с их стороны не было. Зато, оказавшись за линией наступавших, они нанесли им удар в тыл. Досталось и нашему правому соседу — 207-й дивизии, с которой мы стыковались чуть севернее Гросс-Барнима.

Тут же поступило приказание Переверткина сосредоточить силы для того, чтобы быстрее разделаться с опасным гарнизоном. К этому времени батальон Якова Логвиненко, в тыл которого пришелся удар, успел развернуться в обратном направлении. На занятиях комбату уже приходилось принимать такое решение, поэтому все было сделано быстро и организованно. По контратакующим ударили станковые пулеметы и орудия прямой наводки. Танки и две стрелковые роты были посланы в обход противника с севера.

Однако я чувствовал, что силы врага в Гросс-Барниме превосходят наш стрелковый батальон. И на подмогу Логвиненко спешно было двинуто подкрепление. Стал на прямую наводку против поселка противотанковый дивизион Тесленко. С юга туда спешил выведенный из второго эшелона полка батальон Давыдова. Сосновскому было приказано произвести по Гросс-Барниму пятиминутный огневой налет. Командующий артиллерией не заставил себя долго ждать. Я увидел в стереотрубу, как над городком взметнулись клубы черного дыма и красноватой от

кирпичной крошки пыли. На окраинах чадило несколько танков, подожженных истребителями Тесленко. Потерпевшие неудачу в контратаке гитлеровцы отошли в поселок и попрятались в укрытиях.

Как только окончился артиллерийский налет, на улицы Гросс-Барнима ворвались бойцы Логвиненко. Они встретили отчаянное сопротивление. Но тут с юга подоспел батальон Давыдова, поддержанный танками. Теперь разрозненным группам противника ничего не оставалось делать, как искать щели между наступающими подразделениями, через которые можно было бы выбраться на запад.

Большая часть неприятельского гарнизона погибла. 60 человек было взято в плен. Те, кому удалось прорваться, бросились в сторону следующего опорного пункта — Вубригсберга. Но наши батальоны набрали высокий наступательный темп, который уже невозможно было сбить. На плечах бегущих гитлеровцев они ворвались в Вубригсберг и быстро овладели этим поселком.

Вскоре на НП дивизии привели одного из офицеров, плененных в Гросс-Барниме. Я спросил его:

— Какой смысл небольшому гарнизону, находящемуся в полном окружении, сопротивляться, подобно смертникам? Ведь это же не остановит нашего наступления.

— По приказу командования, — ответил он, — мы должны удерживать занимаемый пункт до последнего солдата. Тем самым мы отвлекаем на себя хотя бы часть ваших сил, предназначенных для удара по столице. Это замедляет наступление на Берлин. Вероятно, командование стремится выиграть время, чтобы за счет этого решительно изменить обстановку в свою пользу...

Трудно было воспринять эти слова всерьез. То, что германская столица обречена, не могло, по-моему, вызывать сомнений у грамотных в военном отношении людей. Самое отчаянное сопротивление вело к отсрочке падения третьего рейха на несколько дней или, скажем, на неделю. Но стоило ли платить за такую отсрочку ценой сотен тысяч людей? Цель и плата были, на мой взгляд, несоразмерны.

Тогда я не знал, да и не мог знать, о надежде Гитлера и других заправил фашистского режима сдать Берлин не советским войскам, а нашим союзникам, с которыми они надеялись найти общий язык. Не знал я и о том, что

союзники тоже рассчитывали овладеть Берлином, если к этому появится хоть какая-то возможность, хотя это и противоречило Ялтинскому соглашению.

Одним словом, упорство врага превзошло все наши ожидания. Мы так и не сумели выполнить задачу дня — к вечеру овладеть Кунерсдорфом. Однако и на месте дивизия не топталась. Полк Мочалова совершил обходный маневр и, несмотря на сильную контратаку противника, захватил узел дорог около железнодорожной станции Нойтреббин. До Кунерсдорфа оставалось 5—6 километров. На этом нас застигли сумерки. Наступление приостановилось.

Утро 17 апреля я встретил на полковом НП у Мочалова. Здесь должны были развернуться главные события. Первое, что предстояло сделать полку, — это захватить станцию Нойтреббин. На пути к Кунерсдорфу она представляла одну из наиболее серьезных преград.

Первая атака не принесла успеха: сильнейший огонь прижал пехоту к земле. Танки, неся потери, тоже отошли назад. Командир полка начал перегруппировывать силы, готовя повторный удар.

— Надо послать батальон через этот ручей, — предложил Мочалову Тытарь, — и ударить по станции оттуда, со стороны домиков. Получится захват в «клещи».

— Верно, — согласился Михаил Алексеевич с начальником штаба.

И тотчас же в 3-й батальон пошло приказание перейти на противоположный берег. Солдаты двинулись через вязкое, заболоченное русло, не обращая внимания на редкий обстрел.

— Ну и медленно тянутся, как на похоронах, — переживал Тытарь. — Ведь пора уже начинать! Надо мне пойти поторопить их.

— Не пори горячку, — урезонивал его Мочалов. — Без тебя, что ли, там не справятся?

Но и сам командир полка при всем его спокойствии начинал нервничать — действительно, пора было подниматься в атаку, а батальон еще не занял исходного положения.

— Разрешите, я пойду туда, — решительно поднялся Тытарь. — В батальоне не понимают своей роли в решении задачи. Ведь им никто толком не объяснил — времени-то не было. Надо расшевелить их на месте.

— Ну что ж, Володя, — раздумчиво сказал Мочалов, — пожалуй, ты прав. Отправляйся, только осторожнее будь.

— Не волнуйся, Владимир Алексеевич, будет полный порядок. — И, пожав командиру руку, Тытарь вышел из блиндажа.

Когда он перебрался через ручей, в небо взмыла красная ракета. Ждать больше не было времени. Атака началась.

— Вперед, товарищи, ура-а-а! — крикнул Тытарь, нагоняя группу отставших бойцов. Те прибавили ходу. А он бежал к станции прямо посередине улицы, не прижимаясь к домам, — высокий, стройный, по-юношески уверенный в своей неуязвимости.

Грохот орудий и минометов, пулеметные очереди, рычание танковых моторов — все слилось в сплошной надсадный рев. Не различая отдельных звуков, я, как в немом кино, смотрел на станционное здание, окутанное рваными клочьями дыма, на улицу, по которой во весь дух несся Тытарь с пистолетом в руке, обгоняя жавшихся к стенам бойцов. И вдруг он, словно споткнувшись, взмахнул руками и упал на землю. Волнение за его судьбу так и подбросило меня с места.

Приближалась развязка. Видно было, как от станции гитлеровцы откатывались к дальнему оврагу, другие выходили из домов с поднятыми руками. Наконец показался офицер с белым флагом на стволе автомата. Еще с одним очагом сопротивления было покончено.

Я торопливо направился на противоположный берег ручья. Навстречу мне показались санитары с носилками. Подойдя ближе, я увидел на них Володю Тытаря.

— Ранен? — с надеждой спросил я санитара.

— Никак нет, товарищ генерал, отошел.

— А где же рана-то?

Санитар откинул полу распоротой гимнастерки. На груди Володи чуть ниже правого соска виднелась маленькая кровоточащая точка — не больше булавочной головки. Других ран на теле не было. Да неужели такой крошечный кусочек металла мог оборвать жизнь здорового и сильного мужчины? Я взял за запястье его неподвижно висящую руку. Пульса не было.

Я не сразу отпустил санитаров, не находя сил оторвать взгляд от бледного, заострившегося лица убитого. Сколько бы ежедневных смертей ни случалось во-

круг тебя, гибель человека близкого, дорогого все равно потрясает. А Володя был мне по-настоящему дорог. По возрасту он годился мне в сыновья. И я испытывал к нему отцовское чувство.

Заметил я Тытаря вскоре после того, как принял дивизию. И с тех пор пристально следил за его военной судьбой, направляя ее, насколько это было возможно. Я видел, что у Володи большие способности, и мечтал вырастить из него опытного, несмотря на молодость, военачальника. Еще недавно, когда его назначали начальником штаба полка, он просил, чтобы ему дали батальон. Настойчиво просил, но я отказал. И не потому, что не верил в него как в комбата. Расчет был такой: подержать его начальником штаба, а потом, при первой же возможности, выдвинуть командиром полка. В том, что он справится, я не сомневался.

А сейчас майор Владимир Маркович Тытарь, начальник штаба 469-го стрелкового полка, двадцати одного года от роду, лежал передо мною бездыханным. Не суждено ему теперь принять полк, не суждено больше, как это делал он не раз, появиться на самом трудном участке и повести за собой бойцов...

К вечеру 17 апреля мы вышли к реке Фридландерштром — водному рубежу, прикрывавшему Кунерсдорф. За два дня боев мы продвинулись на 15 километров, заняли 12 населенных пунктов, пленили 540 солдат и офицеров. Но к Кунерсдорфу, которым должны были овладеть в первый же день, подходили только сейчас. Такое снижение запланированного темпа наступления наблюдалось повсеместно. Особенно тяжело пришлось 8-й гвардейской армии, действовавшей южнее Кюстрина. Ей досталось прорывать наиболее мощные укрепления врага на склонах Зееловских высот.

И все же войска двигались вперед, и ничто не могло остановить их. Решающее превосходство в силах было создано на всем фронте. Маршал Жуков умело использовал это превосходство. И последний час третьего рейха приближался неумолимо.

А пока очередной задачей нашей дивизии было взятие Кунерсдорфа. В документах у нас он фигурировал как селение, но безо всякого преувеличения его можно

было бы назвать городом. Он ничуть не уступал нашим русским районным городкам ни по площади, ни по основательности построек. Его кирпичные одноэтажные и двухэтажные дома были укреплены не хуже, чем в уже взятых нами поселках. Здесь как-никак проходил второй после одерского рубеж обороны. С востока город защищали противотанковые препятствия. В кирхах и высоких домах располагались наблюдательные пункты и пулеметные гнезда. А с запада над Кунерсдорфом господствовала гряда лесистых высот, сплошь испещренных стрелковыми ячейками и огневыми точками.

В самом городке и на холмах, как доложил мне Василий Иванович Гук, находились 2 батальона 119-го пехотного полка 25-й мотомеханизированной дивизии и 2 учебных авиационных полка в пешем строю. Это были эсэсовские части, правда состоящие в основном из молодого пополнения. Пехоту поддерживало не менее 7 минометных батарей и 2—3 артиллерийских дивизиона, поставивших многие орудия на прямую наводку. Имелось там и 10 самоходок, или, как называли их немцы, штурмовых орудий. В общем, в живой силе оборонявшиеся почти не уступали нам. Но мы решительно превосходили их в артиллерии. Кроме того, для взаимодействия с нами была выделена 23-я танковая бригада, тогда как у противника танков не было вообще.

Итак, к вечеру дивизия подошла к Фридландерштрому — речке неширокой, но все же не такой, которую можно перейти вброд. Чтобы перебраться через нее, требовались переправочные средства, особенно для танков и артиллерии. Вдоль западного берега Фридландерштрома тянулись траншеи.

Полки остановились на восточном берегу, натолкнувшись на сильный артиллерийский и пулеметный огонь. За рекой простиралась неширокая равнина. Из-за перелесков выглядывали красные здания Кунерсдорфа.

Как же его все-таки брать? Переправиться и взять город в «клещи»? Но противник сумеет быстро обнаружить эту попытку и отвести свои силы на укрепленные высоты. И тогда нам достанется пустой Кунерсдорф и перспектива вышибать эсэсовцев с холмов — ситуация, в которой все тактические преимущества будут на стороне врага.

Вероятно, самым разумным было бы нанести удар

одновременно и по высотам и по городку, используя свое превосходство в боевой технике. Отсюда вытекало решение: с фронта атаковать Кунерсдорф силами 674-го полка, 469-му — обойти город с юга и ударить по высотам, 756-му — замкнуть кольцо с севера, 23-й танковой бригаде — поддержать стрелков. Переправу начать ночью, под прикрытием артиллерии. Это обещало минимальные потери. Вначале предполагалось переправить пехоту, потом орудия сопровождения и танки.

Таков был план овладения Кунерсдорфом. Дело, как говорится, оставалось за немногим: претворить его в жизнь.

Наши «виллисы» подъезжали к реке, когда солнце клонилось к закату. Вечер был тихий и очень теплый. Чувствовалась настоящая весна.

Со мной сидели Офштейн, Сосновский и Курбатов. В других машинах — остальные офицеры оперативной группы. Мы ехали к месту, где готовился наш новый наблюдательный пункт. Вдруг впереди и сбоку нашей машины выросла плотная стена разрывов — начался артналет. Место было открытое, одна надежда оставалась на скорость. Лопарев наклонился к баранке и, казалось, слился с машиной, выжимая из нее все лошадиные силы. Нас встряхивало и ударяло в лица горячим воздухом. Кругом шуршали и свистели осколки.

Через несколько минут мы проскочили поражаемую зону и направились к небольшому холму, где расположился командный пункт Плеходанова. Нас встретили два майора — Гук и Чепелев. Начальник разведки и начальник инженерной службы были озабочены подготовкой наиболее удобного и безопасного НП для оперативной группы.

Василий Иванович сообщил:

— На этом холме хорошее местечко. Неплохо видно. Но там, дальше, блиндажик есть, товарищ генерал, — мечта. Слышно, как на том берегу немцы разговаривают. Только, пожалуй, слишком близко к ним...

— Давай посмотрим, — сразу заинтересовался я.

И Гук повел нас — перебежками от укрытия к укрытию. Противник тотчас же открыл огонь — подходы к реке с его стороны просматривались здесь хорошо. Наконец мы оказались у блиндажа, прикрытого бугром от неприятельских глаз. Там еще трудились саперы — вероятно, это

место для НП Гук подыскал совсем недавно. Отсюда действительно открывался довольно хороший обзор всего вражеского переднего края — от реки и до опушки леса, взбиравшегося за Кунерсдорфом на покатые склоны холмов. С того берега и правда доносилась немецкая речь.

Пока я осматривал местность, внутренне одобрив сделанный Гуком выбор, Сосновский со своими артиллеристами отправился на наблюдательный пункт командира ближайшего батальона. Отсюда они в наступающих сумерках пытались вскрыть огневые точки противника. Координаты подозрительных ориентиров передавались на батареи, и те открывали огонь. И если там действительно находились немецкие орудия, то они либо становились жертвами наших снарядов, либо начинали ответную стрельбу, демаскируя себя.

Так до наступления темноты командующий артиллерией со своими помощниками вскрыл до шестидесяти процентов огневых позиций противника.

Тем временем мы с Чепелевым обсуждали возможности наведения переправ. Еще затемно надо было соорудить два моста — только при этом условии мы могли поспеть до рассвета переправить всю артиллерию и танки.

— Успеете? — спрашивал я Чепелева с пристрастием. — Ведь ночи-то короткие пошли, не то что зимой.

— Справимся, товарищ генерал, — заверял он. — Все инженерные силы на постройку брошу. Часам к двум-трем ночи закончим. Тем более что с одним мостом возни будет мало — не было счастья, да несчастье помогло.

— А в чем дело?

— Да под вечер два танка своим ходом пытались переправиться. Ну и остались на дне. Только башни торчат. Вот вам и готовые опоры.

— Что ж, используйте. А передовые батальоны начнут переправу на подручных. К часу ночи займут на том берегу исходное положение и прикроют переправу артиллерии и танков.

Чепелев вышел из блиндажа и направился к саперам.

Надо ли говорить, что этой ночью никому не пришлось сомкнуть глаз. Едва бойцы приступили к работе, как противник открыл по реке шквальный огонь из орудий, минометов и пулеметов. Наши батареи отвечали, стараясь подавить их.

Вскоре на том берегу вспыхнула сильная ружейная

перестрелка, раздались хлопки гранат. Это наши пехотинцы, перебравшись через реку, начали бой за прибрежную полосу. Через некоторое время пальба стала стихать. На НП наступили тревожные минуты: кто кого? Успокоились мы, когда поступил доклад, что траншеи немцев захвачены.

Мы приступили к осуществлению еще одного замысла, возникшего с вечера. Для облегчения задачи 674-го полка, которому предстояло штурмовать город в лоб, было решено послать в тыл врага группу разведчиков. Укрывшись в лесу у западной окраины города, они должны были во время фронтальной атаки полка ударить с тыла, создав у неприятельского гарнизона впечатление окружения, посеять панику. Сейчас настало время отправлять этих ребят. Я вызвал старшего сержанта Виктора Николаевича Провоторова, возглавлявшего разведгруппу — всего в ней было 25 человек. Связь он обязан был держать непосредственно со мной, потому и следовало с ним обо всем договориться.

— Кроме демонстрации атаки с тыла, — сказал я ему, — ваша не менее важная задача — стараться как можно больше увидеть и обо всем доложить по радио. Вступать в радиообмен не бойтесь, фашисты не засекут. Им не до вас будет. А в общем действуйте по обстановке, — пожал я сержанту руку.

Вскоре после того как ушел Провоторов, раздался звонок Чепелева.

— Мосты готовы! — доложил майор.

Часы показывали около двух. Не подвели саперы!

— Начинайте переправлять артиллерию, — распорядился я.

По мостам двинулись орудия сопровождения пехоты, потом танки непосредственной поддержки, самоходки.

Я вышел из блиндажа. Восток уже начал сереть. А за рекой до самого леса мигали вспышки выстрелов. До начала артподготовки, назначенной на 7 утра, времени оставалось порядком. Я решил осмотреть бугор, нависавший над нашим блиндажом, и сильно побитое кирпичное здание на его вершине. Вечером, когда еще видно было неплохо, да к тому же траншеи на западном берегу находились в руках противника, сунуть туда нос не было никакой возможности. Сейчас — иное дело, обстановка изменилась.

Мы с Курбатовым поднялись на бугор. Вошли в дом. По уцелевшей лестнице взобрались на чердак. Место для наблюдения было превосходное. Я приказал подвести сюда телефонный аппарат, поставить у слухового окна броневой лист и установить стереотрубу. Вскоре выносной НП был готов.

Склонившись к окулярам, я начал просматривать равнину и перелески перед Кунерсдорфом. В сером брезжущем свете уже были хорошо различимы все детали местности. Вдруг над головой вжикнули пули. Я заметил, что бьют из дзота метрах в восьмистах от нас. Видимо, внимание немцев привлекли стекла стереотрубы.

Тут меня позвал Артюхов:

— Приглашаю завтракать, Василий Митрофанович!

— А не рановато?

— Если сейчас не поедим — весь день голодные будем.

Я спустился вниз. Появился Сосновский. Лицо у него было усталое, выбеленное бессонной ночью. Всю ночь он готовил артиллерию и сейчас еле держался на ногах.

— Как артиллеристы? — поинтересовался я.

— Готовы. Стоят, за шнуры держатся, сигнала ждут.

— Ну, раз пушкари готовы, пошли, Григорий Николаевич, заправимся. Время еще есть.

Мы спустились в блиндаж, принявший уже вполне обжитой вид. Блинник около печки колдовал над картофелем и мясными консервами. Рядом стоял Офштейн, прикрыв глаза и вытянув руки к огню. Его пошатывало от неодолимого желания уснуть.

— Нет, не дело, — сказал он вдруг, тряхнув головой и открыв глаза. — Слишком в сон клонит.

— Садись завтракать, весь сон пройдет, — посоветовали ему. — Перед атакой надо хорошо поесть.

— Пожалуй, в этом и есть сермяжная правда, — согласился он, глянув в угол, где несколько штабных офицеров сидели и лежали в неестественных позах. Прободрствовав трое суток, они предпочли завтраку часок сна до начала атаки.

Только мы стали садиться за стол, как в блиндаж вошли Семен Никифорович Переверткин и Иван Сергеевич Крылов — начальник политотдела корпуса.

— Ну как, все у вас готово? — спросил командир корпуса.

— Все. Но придется нелегко. Район укреплен основательно, немцы будут держать его изо всех сил.

— Однако ловко вы их за ночь оттеснили от реки. Только сто пятидесятая и переправилась. Что ж, через ваши боевые порядки будет наступать танковый корпус генерала Кириченко. Саперы ваши молодцы. Надо наиболее отличившихся представить к наградам.

Семен Никифорович сказал также, что южнее нас 23-я танковая бригада наводит переправу из подручных материалов. К началу нашей атаки должна управиться. Согласно плану бригада пойдет в обход Кунерсдорфа с юга и оседлает дорогу между городом и высотами. Наша задача — использовать все выгоды, которые даст взаимодействие с танкистами.

Потом Переверткин захотел глянуть на неприятельские позиции. Мы вышли из блиндажа и едва подошли к кирпичному дому на бугре, как рядом провизжали пули. Тот самый вредный дзот начал свою работу — мы оттуда были хорошо видны. В здание вошли благополучно. Поднялись на чердак. Снова где-то над головою: вжик, вжик... Не обратив на это никакого внимания, командир корпуса подошел к стереотрубе и долго смотрел то в нее, то в бинокль на вражеские позиции.

Телефонисту, примостившемуся в уголке на полу, я приказал вызвать Сосновского. Когда тот подошел к телефону, я дал ему ориентиры мешавшего нам дзота и приказал ударить по нему артиллерией. Прошло несколько минут. Подхлестываемый нетерпением, я снова вызвал Сосновского:

— Ну как, скоро откроете огонь?

— Готовы, — ответил Григорий Николаевич. — Передаю на батарею.

Тотчас же где-то за спиной у нас выстрелила пушка, за ней другая, третья, потом громыхнул слитный залп. Над головою прошелестели снаряды. В бинокль я отчетливо увидел, как прямо на месте дзота взметнулась фонтанами земля.

— Вот это да! — оторвался от стереотрубы Переверткин. — С первого залпа накрыли! Не видал еще такого.

Я сам был поражен ювелирным мастерством артиллеристов не меньше его, но ответил шуткой:

— Знайте наших!

— Что ж, теперь и закусить можно, — сказал Семен Никифорович. — Зови, хозяин, в гости.

Мы спустились вниз. Переверткин ел и похваливал, дивясь мастерству Блинника. Потом спросил:

— Где раньше-то работал?

— В киевском ресторане, — ответил Моисей.

«Ну, сейчас заберет его у меня», — подумал я с опаской. Но командир корпуса не сделал такого поползновения. Вскоре он распрощался с нами, пожелав успехов, и вместе с Крыловым отправился на свой НП.

Ровно в семь мы начала артподготовку. В половине восьмого взмыли зеленые ракеты и полки бросились в атаку. Все шло по плану. С чердака было хорошо видно, как солдаты мочаловского полка стремительно продвигались вперед. Артиллеристы вручную перекатывали свои сорокапятки. Бежали за пехотой минометчики со стволами и плитами на руках. Танки, обогнав пехоту, били на ходу и с коротких остановок по неприятельским позициям. Изрыгали огонь самоходки. Появились взмыленные четверки лошадей с орудиями в упряжках — это выходил вперед 328-й артиллерийский полк.

Оборона противника ожила. Заговорили многие необнаруженные вчера ячейки и дзоты. Ощетинились огнем каменные дома городка. Бой разгорался.

469-й полк обходил город с юга. 756-й полк при поддержке 1203-го самоходного артиллерийского полка продвигался к его северной части. А вот батальоны Плеходанова, штурмовавшие Кунерсдорф в лоб, несмотря на поддержку самоходок 351-го полка, остановились и залегли под нестерпимым огнем. И тут с тыла ударила группа старшего сержанта Провоторова. Это внесло некоторое изменение в ход боя. В рядах противника наступило замешательство. Этим воспользовался Плеходанов. Его бойцы ворвались на улицы Кунерсдорфа. Батальоны Логвиненко и Твердохлеба начали драться за отдельные дома. Плеходанов доложил, что он ведет бой при поддержке самоходных орудий. У Мочалова и Зинченко дела тоже шли неплохо. Но вот воспользоваться в полную мощь артиллерией уже было нельзя — без точной корректировки наши батареи могли накрыть своих.

Тогда я и вызвал капитана Чупрету. Борис Владимирович Чупрета по своей штатной должности был помощником Офштейна. Когда случалось отсутствовать Курба-

тову, он выполнял обязанности моего адъютанта. Я знал этого офицера и дал ему задание, которое можно дать лишь человеку бесстрашному и надежному.

— Возьмите двух солдат с рацией и офицера связи, — сказал я ему. — Садитесь в трофейную машину и проскочите к Кунерсдорфу. Там выберете здание повыше, откуда видно, где наши и где противник, и будете корректировать огонь артиллерии по городу. Задача ясна?

— Так точно, — ответил Борис. — Разрешите выполнять?

Чувствовалось, что он и горд, и рад, что поручение пришлось ему вполне по душе. Как и многие другие молодые офицеры штаба, он тяготился вынужденным бездельем на наблюдательном пункте, вдали от жарких боевых дел.

— Действуй, только не слишком зарывайся. Бессмысленный риск здесь ни к чему, — напутствовал я его.

Но как тут проведешь четкую грань между риском, необходимым для выполнения боевого задания, и риском неоправданным? Граница эта весьма условна.

Чупрета быстро добрался до КП Плеходанова. Прикинув на месте, оба пришли к выводу, что лучший пункт для корректировки огня — городская ратуша. Она находится на самом высоком месте и сама по себе выше других домов. Одна беда — здание это пока что в расположении противника.

Чупрета и Плеходанов — люди молодые, отчаянные — быстро столковались друг с другом. И вот уже, сев в автомобиль вместе с Чупретой, Плеходанов приказал шоферу гнать по улице, занятой противником. Немцы поначалу растерялись. Как-никак машина-то была германская — что-то вроде «оппель-капитана». Когда они спохватились и послали несколько фаустпатронов вслед, было уже поздно. «Оппель» развернулся у ратуши, и весь его экипаж бросился к дверям. Один-единственный солдат, охранявший помещение, не успел сделать выстрела — с ним сразу же было покончено. Через несколько минут радио понесло команды на огневые позиции артиллеристов и минометчиков. Попытки немцев ликвидировать наблюдательный пункт, оказавшийся в расположении их частей, ни к чему не привели. Маленький гарнизон ратуши хорошо забаррикадировался и метко отстреливался.

Пустить же против него более или менее значительные силы немцы не могли — им было не до этого.

674-й полк нажимал с фронта. Два других давили с флангов. И хоть в самом Кунерсдорфе нам приходилось биться за каждый дом, каждый подвал, способность противника к сопротивлению таяла. А тут еще с юга подоспели переправившиеся через речку танки 9-го корпуса. На подходах к городу гитлеровцы пытались остановить их огнем фаустпатронов, но безуспешно.

Тридцатьчетверки появились на улицах. С ходу было организовано взаимодействие между танкистами и пехотинцами. Стрелки повели охоту за фаустниками, которые могли на нешироких улицах нанести большой урон боевым машинам. Танки сокрушали каменные дома, превращенные в огневые точки, выкуривали оттуда эсэсовцев.

Не выдержав, противник начал отходить из города к лесистым холмам. Но путь ему перекрыли танки 23-й бригады, успевшие завершить свой обходный маневр. Гусеницами и огнем уничтожали они эсэсовцев, пытавшихся пробиться к сулившему спасение лесу. Во взаимодействие с танкистами вступил полк Мочалова. Добраться до раскинувшихся на склонах дубрав удалось немногим.

В 9 часов, через полтора часа после начала боя, уцелевшие в городе неприятельские группки стали сдаваться в плен. К 11 часам Кунерсдорф был полностью в наших руках. А еще через два часа прекратили сопротивление и гитлеровцы, которым все же удалось прорваться к лесным опушкам...

Помню, как двенадцатилетний воспитанник комендантского взвода Коля привел на КП взятого в плен немца. Пленный был здоровенным, долговязым детиной — Коля не доставал ему и до груди. Но держался мальчик с отменной серьезностью. Сжимая в руках автомат и изредка подталкивая пленного, он по-хозяйски покрикивал: «Ну, иди ты, фриц!»

Помню, как под свежим впечатлением офицеры в штабе говорили о героях минувшего боя. О младшем лейтенанте Чурсине, который под огнем пулемета выводил расчет сорокапятки на прямой выстрел. Пулемет был уничтожен. О командире взвода старшем сержанте Князеве — он забросал гранатами засаду фашистов, а потом с пятерыми бойцами из пулемета и автоматов уложил

36 врагов и 20 взял в плен. О санинструкторе сержанте Сорокине, несколько раз переплывавшем реку и вынесшем с поля боя 30 раненых. О братьях Рубленко — Григории и Анатолии. Григорий был лейтенантом, командиром минометного взвода. Анатолий же, младший по возрасту, стал уже старшим лейтенантом и возглавил роту 120-миллиметровых минометов. Оба брата сражались как настоящие герои...

Бой за Кунерсдорф был очень тяжелым. Укрепился здесь противник не хуже, чем на Одере. К встрече с нами он успел хорошо подготовиться, получить пополнение. Сумей мы выйти к городу в первый день наступления, как это предусматривалось планом, трудностей, наверное, было бы меньше.

Всего в этом бою гитлеровцы потеряли свыше тысячи человек убитыми и ранеными. 263 солдата и офицера мы взяли в плен. Путь к Берлину в нашей полосе наступления был, по существу, открыт. Но и дивизия понесла немалые потери. Нам требовалось «залатать дыры», дать людям хотя бы небольшой отдых. Но бойцы, несмотря на усталость, несмотря ни на что, говорили: «Скорее бы на Берлин!»

В БЕРЛИНЕ

ВТОРЖЕНИЕ

Немцы тщательно подготовили Берлин к обороне. Он был превращен в сильнейший укрепленный район. Его опоясывали три рубежа: внешний, внутренний и городской. Столица делилась на восемь расположенных по окружности секторов обороны. Девятый сектор охватывал самый центр. В нем находились здания главнейших государственных учреждений.

Только в городе насчитывалось свыше 400 железобетонных дотов и бункеров. Некоторые из них уходили под землю на шесть этажей. Гарнизон такой крепости достигал тысячи человек. Всего же в Берлине сосредоточилось более чем двухсоттысячное войско. Число это продолжало расти за счет формирований фольксштурма и «Гитлерюгенда». По воле фашистских главарей Берлин готовился сопротивляться до последнего человека, способного держать оружие.

Если б речь шла о народе, подвергшемся нападению агрессора, то такая решимость защищать свою столицу, пусть даже без надежды на успех, могла бы вызвать только сочувствие и уважение. Но ведь здесь-то все обстояло по-иному! Клика Гитлера, проиграв разбойничью войну, корчилась от ужаса перед возмездием. И не судьба Берлина, как олицетворения национального величия и чести, волновала заправил рейха. На первом плане стояли призрачные надежды хоть как-то облегчить свои личные судьбы. И ради этого сотни тысяч немцев были вовлечены в кровавую трагедию. Что держало их в строю? Груз предрассудков и заблуждений, сила привычки к послушанию, раздутый пропагандой патриотический угар, страх перед нацистскими карательными органами.

Словом, в Берлине нас ждали тяжелейшие бои.

В районе Кунерсдорфа мы в своей полосе прорвали второй рубеж обороны за Одером. 150-я дивизия в течение дня продолжала наступать. Ни два промежуточных рубежа, преграждавших ей путь, ни удары с воздуха не смогли остановить ее.

19 апреля мы были выведены во второй эшелон корпуса. Вперед выдвинулась 207-я дивизия. А нам пришлось очищать лес километрах в пятнадцати западнее Кунерсдорфа от остатков неприятельских подразделений. Мы продвигались по разбитым дорогам под надоедливым дождем. На перекрестках местами уцелели указатели, на которых латинскими буквами было выписано слово «Берлин». И еще попадались простые фанерные стрелы на шестах с размашистыми надписями: «До Берлина 30 км», «До Берлина 25 км». Все просто, буднично. Впереди крупный город Берлин. Мощный узел обороны. Сильный укрепленный район. И его надо брать, как брали мы до этого множество больших и малых городов, укрепленных районов и мощных узлов обороны.

От усталости, озабоченности, хронического недосыпания такое приземленное восприятие происходящего заслоняло весь высокий смысл момента. Но временами, увидев с медленно ползущего «виллиса» такой вот указатель, я встряхивался. Черт возьми, ведь это что же происходит! До германской столицы, если мерить московскими масштабами, полчаса на электричке. Дачные места!

Немцы тоже доходили до пригородов нашей столицы. Смотрели на нее в бинокль. Обсуждали организацию парада и массовых расстрелов. Но мы и тогда упрямо повторяли: «Кончим войну в Берлине!» Повторяли с того самого июньского воскресенья, когда гитлеровские войска перешли нашу границу. Повторяли и в самые страшные, в самые тяжелые дни. А потом, после Сталинграда, после Курска говорили еще увереннее и определеннее: «Дойдем до Берлина!» Дойдем — значит добьем врага, положим конец войне.

И вот сейчас мы подходим к этому финишу. К самому настоящему, не условному Берлину, кончить войну в котором — почетно вдвойне.

Пока мы находились во втором эшелоне, полки прямо на ходу пополнялись из имевшегося у нас резерва. Прав-

да, роты мы так и не довели до полного комплекта, но все же дышать, как говорится, стало легче.

Внутренне готовясь к предстоящим испытаниям, я еще и еще раз перебирал мысленным взором командиров полков и батальонов, с которыми мне придется заканчивать войну. Готовы ли они к упорным, изнурительным боям в огромном городе? Хватит ли им умения, чтобы мгновенно сориентироваться в неразберихе уличных схваток, находить кратчайшие пути к победе, не допуская лишних потерь?

Вот Мочалов — с прищуренными глазами и поджатой нижней губой, спокойный, уверенный в себе. Он кадровый командир, более грамотный в военном отношении, чем его коллеги. Это возмещает его недостаточный по сравнению с ними опыт командования частью — ведь полк он впервые получил, когда пришел к нам в дивизию в самом конце прошлого года. За те пять-шесть месяцев, что воевал с нами, Михаил Алексеевич многому научился. Человек он способный, переимчивый. Боем теперь руководит уверенно, умело налаживает взаимодействие с соседями, с танками и артиллерией.

Комбаты у него закаленные, испытанные — капитан Андрей Блохин, майоры Владимир Токарев и Петр Бахтин. Эти не подведут.

Плеходанов в полковых командирах не первый год. Он храбр, решителен, скор в мыслях и поступках. Всегда подтянутый, подвижной, Алексей Дмитриевич вызывает к себе симпатии людей своей жизнерадостностью, общительностью. После участия дивизии в Померанской операции и в минувших боях он заметно возмужал как командир, обрел бо́льшую твердость и выдержку. В полку его уважают за личную отвагу, порой даже чрезмерную. И люди готовы идти за ним в огонь и в воду.

С командирами батальонов ему повезло — один лучше другого. Бравый майор Алексей Твердохлеб, капитаны Яков Логвиненко и Василий Давыдов — все они отличились под Шнайдемюлем, прекрасно дрались в Померании. А Давыдов еще и при Заозерной отлично зарекомендовал себя, и через Латвию прошел молодцом.

С Зинченко мы уже почти год воюем вместе. И как вырос за это время Федор Матвеевич — старейший в дивизии командир полка и по возрасту, и по стажу, и по сроку службы. Он стал настоящим мастером общевойскового боя — опытным, тактически мудрым. Умеет он при-

слушаться к совету подчиненных, к мнениям и доводам командиров приданных и поддерживающих частей, учесть все разумные предложения. В полку его за глаза уважительно называют «батей». Здесь очень популярен его любимый завет: «Прежде чем подумать о себе, подумай о товарище, о соседе. Тогда и тебя не оставят в беде».

На батальонах у него тоже крепкие ребята: капитаны Иван Клименков, Петр Боев и Степан Неустроев. Проходили они и через огонь, и через воду и наскоро залечивали свои раны. Словом, это те битые осколками и пулями парни, за каждого из которых двух небитых дают...

Из этих размышлений меня вывел Семен Никифорович Переверткин, вошедший в большую комнату господского дома, где к вечеру остановилась оперативная группа.

— Завтра, Василий Митрофанович, перехо́дите в первый эшелон, — сказал он. — Не взыщи, обстановка требует.

— Чем скорее, тем лучше, товарищ генерал. Войну скорее кончать надо.

— Ну вот и хорошо. Смотри сюда. — И, достав из планшетки карту, Семен Никифорович повел по ней острым карандашом: — Наступать будете на населенный пункт Прётцель. Задача дня — овладеть Прётцелем. А там дальше — и до Берлина рукой подать. Кольцевое шоссе, за ним — пригородные кварталы...

Ночью мы продолжили марш и к утру вышли в первый эшелон. Наступать дивизии пришлось в довольно широкой полосе, выбивая небольшие неприятельские группы из фольварков и поселков. Продвигались мы хоть и не быстро, но безостановочно. Сильного сопротивления не встречали. Больше всего времени отнимала ликвидация мелких подразделений противника, просочившихся через боевые порядки и оказавшихся у нас в тылу.

В этот день, 20 апреля, артиллерия 79-го корпуса первой открыла огонь непосредственно по окраинам Берлина. Политработники, агитаторы быстро разнесли эту весть по ротам. И она словно бы всех подхлестнула. Стремительным броском головные подразделения вышли к Прётцелю. Бой за него был коротким. Создавалось впечатление, что немцы не надеются удержать нас на этих рубежах и отходят к столице, чтобы там влиться в ряды ее защитников.

В Прётцель мы вступили уже в темноте. Запомнилось мне здание школы, где расположился наш наблюдательный пункт, погруженные во мрак улицы, узкие лучики затемненных автомобильных фар, скрип подвод, тихая ругань повозочных...

Поутру прибыл офицер из штаба корпуса. Он привез карту с нанесенной на ней задачей: перерезать кольцевую автомобильную дорогу, опоясывающую Большой Берлин, и занять северо-восточный пригород столицы — Каров.

Полки перешли кольцевую магистраль. И здесь противнику не удалось остановить или хотя бы надолго задержать нас. Стрелковые батальоны при поддержке артиллерии и танков быстро выбили гитлеровцев из прилегавших к автостраде рощ.

Очутившись на бетонке, я залюбовался широченной серой лентой, терявшейся вдали среди нежно-зеленых зарослей. Кривизна кольца тут почти не ощущалась. На полотне местами виднелись свежие выбоины от осколков снарядов и мин. И все-таки дорога не выглядела разбитой, изуродованной. Шероховатая, ровная поверхность ее манила, рождая представление о больших скоростях, о тугом встречном ветре.

— А ну-ка, Лопарев, давай с ветерком!

Очень уж велик был соблазн прокатиться по берлинской «кольцовке». К тому же и повод был: посмотреть, что творится в тылах дивизии. Но не проехали мы и полкилометра, как из кювета появился наш солдат и замахал рукой. Завизжали тормоза. «Виллис» остановился.

— Товарищ генерал! Нельзя дальше. Там немцев полно по кустам. Стреляют.

Мы поехали назад и, достигнув перекрестной дороги, свернули вправо, вслед за наступавшими полками.

Вскоре машина въезжала в Каров. Наконец-то мы вступили в пригород неприятельской столицы! Правда, ощущения того, что мы очутились в пределах крупнейшего города Европы, не было. Все выглядело так, как в десятках немецких городков, которые мы прошли. Только вот листва на деревьях теперь уже распустилась вовсю.

Каров утопал в белоснежной кипени садов. За стенами цветущих деревьев виднелись красивые двухэтажные домики с островерхими крышами. Следов разрушений почти не заметно, хотя в нескольких кварталах от нас шла

ожесточенная перестрелка. Хлестали автоматные очереди, сотрясали воздух резкие разрывы мин, снарядов, фаустпатронов.

Майор Гук, поджидавший нас у въезда на улицу, показал дом, где оборудовался наблюдательный пункт для оперативной группы. Я поднялся на второй этаж изящного каменного коттеджа. Вышел на крохотный, прилепившийся к стене балкон. И тут справа от дома стали видны улицы, по которым отходили, отстреливаясь, вражеские солдаты. Бинокль позволил различить, что одни из них были в обычной армейской форме, у других форменная одежда смешивалась с гражданской, на третьих поверх обычного штатского платья виднелись ремни и подсумки. По-видимому, это были фольксштурмовцы.

Бой они вели неумело, мешая друг другу. Скопилось их между домами видимо-невидимо. Поэтому наши подразделения продвигались очень медленно.

— Григорий Николаевич! — позвал я Сосновского. — Посмотри вон туда. Видишь, Мочалову развернуться не дают? Подкинь огоньку.

Сосновский сделал пометки на планшете и пошел к телефону. Вскоре дом, в котором мы находились, вздрогнул от артиллерийского залпа...

Если б я тогда находился не на балконе двухэтажного здания, а на некой воображаемой вышке, с которой можно окинуть взором всю фашистскую столицу, то увидел бы, что Берлин уже зажат в «клещи». С северо-востока в его пригороды вторглись соединения 3-й и 5-й ударных армий. В южных пригородах вели бои войска 1-го Украинского фронта. И жизнь огромного города, скованного предсмертным ужасом, замерла. Прекратили работу последние предприятия — не стало топлива и электричества. Население перешло на голодный паек — продовольственные склады, расположенные на окраинах и в пригородах, оказались либо в наших руках, либо в зоне действия нашей артиллерии. Ближайшие подручные Гитлера — Геринг и Гиммлер — бежали из столицы...

Но ничего этого я, понятно, не мог ни видеть, ни знать. Широта открывавшегося мне мира ограничивалась обзором дивизионного НП, докладами подчиненных командиров и распоряжениями из корпусного штаба. В напряженной, изменчивой обстановке это и заполняло весь объем внимания, отпущенный природой одному человеку. И по

мере сил я пытался направлять события в отведенных мне масштабах.

К вечеру большая часть Карова была в наших руках. Наступление вели 469-й и 674-й полки. 756-й полк я еще днем вывел во второй эшелон. Он сильно устал, понес большие потери. Федору Матвеевичу Зинченко было приказано преобразовать три поредевших батальона в два. Остатки 1-го батальона, которому досталось больше всего, слили с 3-м. Комбатом 1 стал Неустроев, комбатом 2 остался Боев.

Выведенный из боя полк расположился в пригородной роще. Я поехал туда, чтобы посмотреть, как у Зинченко идут дела, какое настроение у бойцов. Теплый пасмурный день был на исходе. На деревьях трепетала молодая листва. Под ногами шуршали прошлогодние прелые листья. Но их тленный запах не мог заглушить аромата свежей зелени. И в красках, и в запахах весна господствовала безраздельно. Даже близкое и почти неумолчное громыхание больше напоминало первый гром, чем звуки упорного боя.

Звучат команды, бойцы быстро занимают свои места.

— Товарищ генерал, первый батальон построен! — докладывает Степан Неустроев. Невысокий, щупловатый двадцатитрехлетний капитан не производит впечатления этакого отца-командира. Но как вспомнишь про его пять ранений, про трудный путь от взводного до батальонного, как глянешь на внушительный «иконостас» на его груди, на вытянувшуюся в положении «смирно» фигуру, — он и ростом кажется выше, и чувствуется в нем солидность бывалого и авторитетного человека.

В строю заметен рослый грузноватый Иван Гусельников. Этот капитан со своей ротой отчаянно сражался под Шнайдемюлем. Среди его бойцов многие с повязками, с бинтами в бурых пятнах запекшейся крови. Они и под Кунерсдорфом не жалели себя и в последние дни все рвались вперед.

— А ведь некоторым из вас, товарищи, не мешает подлечиться. Верно?

В ответ — молчание. Потом голос какого-то забинтованного солдата:

— Это после Берлина, товарищ генерал! Тогда — хоть в госпиталь, хоть куда.

— А еще лучше — домой! — добавляет кто-то.

— Верно! — поддерживают его.

Домой! Это слово я, пожалуй, впервые услыхал произнесенным так просто, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся и совсем близком. И ведь верно! Как-то до сих пор о том, что скоро предстоит самое важное, самое долгожданное — возвращение в родные гнезда, — говорили мало. А если и случалось, то с оттенком гадательным или мечтательным. И вдруг наступил момент, когда отчетливо, осязаемо почувствовалось, что война подошла к концу, что мы стоим на пороге новой жизни — без стрельбы, без нечеловеческих лишений, без неуверенности в том, что завтрашний день ты встретишь живым.

В тот вечер, вернее, уже в ночь Артюхов возвратился с совещания начальников политотделов, на которое их созывал член Военного совета армии. Войдя в коттедж, он с порога объявил:

— Вот, товарищ генерал, Знамя нам вручили, — и показал скрученный в трубку и обернутый бумагой сверток, из которого торчало длинное древко.

— Что за Знамя?

— Военный совет учредил. Девять знамен — по числу дивизий. Какая дивизия возьмет рейхстаг, та и водрузит над ним Знамя. В знак полной победы.

Почему именно над рейхстагом? Как всякий грамотный человек, я знал тогда, что рейхстаг — это немецкий парламент, что в 1933 году он стал ареной чудовищной провокации — Геринг организовал его поджог и обвинил в этом коммунистов. Эту провокацию смело разоблачил на Лейпцигском процессе Георгий Димитров. Но она к тому времени уже сыграла свою роль — фашисты использовали ее для разгрома компартии и захвата власти. А рейхстаг? Он утратил свое прежнее значение с установлением фашистской диктатуры, когда парламентаризм в стране был фактически уничтожен.

Словно бы угадав ход моих мыслей, Михаил Васильевич добавил:

— Как-никак, а рейхстаг — символ германской государственности. Даже при фашизме.

— Ну что ж, рейхстаг так рейхстаг, — согласился я. — Ну-ка покажи Знамя.

Артюхов снял бумагу и развернул алое полотнище. Оно было шириной около метра и длиной около двух. На нем, как обычно, в верхнем углу выделялись звезда и

серп, скрещенный с молотом. Внизу у древка стояла пометка — № 5. Все девять знамен, учрежденных Военным советом, имели порядковые номера.

— Номер у нашего Знамени пятый, — сказал Артюхов, — но это не значит, что нам заказано быть первыми. Так, Василий Митрофанович?

— Конечно так. Кому что брать — не мы решать будем, а командование. Ну а за право быть первыми посоревнуемся. Людям-то о Знамени когда думаешь объявить?

— Да уже приказал, чтобы замполитов полков вызвали. Вот-вот должны подойти. В подразделениях митинги надо провести. Белову дал указание материал в газету подготовить.

— Что ж, все правильно. Действуй, комиссар...

Ночью в батальонах и ротах, где позволяла обстановка, накоротке были проведены митинги, на которых бойцам рассказали о Знамени, о великой чести, которая выпадет на долю тех, кто водрузит его над поверженным Берлином.

ДЫМЗАВЕСЫ МОКРИНСКОГО

Утром 22 апреля, едва я задремал после второй бессонной ночи, меня разбудил офицер из штаба корпуса. Он привез план и карты Берлина с окрестностями. На одной из них Переверткин обозначил направление, в котором должно было развиваться наступление дивизии. Конечным пунктом было озеро Тегелер-зее в районе северо-западных предместий города.

Честно говоря, я испытал в душе некоторое разочарование. Если условно представить себе Берлин в виде круга, то путь движения нашего корпуса можно было изобразить хордой. Она начиналась с северо-восточной четверти круга и пересекала пригородные районы столицы в юго-западном направлении, не захватывая ее центральных районов. Выходило, что не суждено нам ударить по самому что ни на есть черному логову, откуда двенадцать лет шло управление всей фашистской империей. Выходило, что и полученное нами Знамя вроде бы ни к чему.

Но легкое чувство досады сразу же прошло. На войне нельзя давать простор честолюбию — оно может слишком далеко завести. Ведь сражаемся-то не ради славы. И уж

если на то пошло, разве не велика честь принять хоть какое-то участие в штурме неприятельской столицы?

«А потерь на окраинах будет меньше, чем в центре»,— подвел я итог этим мыслям и начал собираться на новый наблюдательный пункт. За ночь наши продвинулись ближе к западной окраине Карова, и руководить боем с прежнего места было неудобно.

В это утро, следуя рекомендациям Военного совета фронта, я распорядился создать в полках штурмовые отряды. О целесообразности таких формирований говорил и наш собственный опыт уличных боев. Каждый такой отряд состоял из обычного стрелкового батальона, усиленного 6—8 орудиями, 4—6 танками, саперным и химическим взводами. Подразделялся он на две штурмовые группы и одну стрелковую роту, следовавшую во втором эшелоне. Штурмовая группа представляла собой роту, которой придавалось до четырех орудий, 2—4 противотанковых ружья, 2 станковых пулемета, 2—3 танка.

В штурмовые отряды преобразовывались первые батальоны. Их командиры получали возможность управлять мощными огневыми средствами, обретая бóльшую самостоятельность и свободу действий. Для ведения уличных боев это было просто необходимо.

Город — сплошная оборонительная позиция. Здесь невозможно наступать по классической схеме: провести артподготовку по переднему краю, пустить пехоту в атаку вслед за танками, под прикрытием огневого вала. Улицы разобщают силы. Дома мешают маневру артогнем. И вообще не сразу разберешься, где фронт, а где тыл. Стреляют отовсюду — спереди, сзади, из переулков, из подвалов, с чердаков. Ведь мы имели дело не только с фольксштурмовцами, которых я видел вчера при въезде в Каров. Нам противостояли и очень устойчивые, упорно дерущиеся формирования эсэсовцев. Мы имели дело с представителями самых различных родов и видов войск. Все, кто отступил в Берлин, сводились здесь в подразделения, которые затем выдвигались нам навстречу и занимали стойкую оборону.

Эту оборону приходилось буквально прогрызать. Во главе полков шли штурмовые батальоны. Они наступали клином. Острие клина составляли танки, прикрываемые от фаустников пехотой. Такой таран сметал встречавшиеся на пути баррикады, выбивал гитлеровцев из домов, сте-

ны которых служили надежной защитой от ружейного и пулеметного огня. Когда недоставало этих сил, в дело вступала поддерживающая артиллерия. Командиры артиллерийских дивизионов шли вместе с комбатами. А рядом с ротными командирами находились артиллерийские наблюдатели. При танковых контратаках командиры полков сами маневрировали приданными им противотанковыми подразделениями.

Крылья наступающего клина, состоящие из пехоты и саперов, растекались вширь улиц, по домам, дворам и садам. Оттуда выкуривались притаившиеся неприятельские солдаты, которые, если им случалось остаться незамеченными, открывали огонь нам в тыл или оказывали организованное сопротивление подразделениям второго эшелона.

Мне приходится говорить об этих подробностях уличных схваток потому, что, не познакомившись с ними, невозможно представить, как складывался штурм огромного города...

В этот день вступил в бой 756-й полк, а 469-й был выведен во второй эшелон. Дивизия прошла Каров и стала продвигаться по Бланкенбургу — следующему пригородному району Берлина. Если б не карта, мы бы и не знали, что оказались в другом пригороде. Когда-то это были самостоятельные поселки и городки. Но теперь они слились в один почти сплошной массив. В каждом из них в изобилии зеленели парки и сады. Поэтому, когда приходилось пересекать рощи, отделявшие один пригород от другого, такая условная граница оставалась неощутимой.

Правда, Бланкенбург был ростом повыше — в нем преобладали трехэтажные здания. И с каждым новым кварталом нарастало сопротивление врага. Фашистские главари все еще не хотели примириться со своей участью и предпринимали безнадежные попытки отстоять Берлин. Как узнали мы потом, 22 апреля из столичных тюрем были выпущены уголовники и привлечены к участию в обороне. В одном строю с ними оказались и 32 тысячи полицейских. Благодаря этим сверхтотальным мерам гарнизон столицы вместе с солдатами отошедших частей насчитывал уже свыше 300 тысяч человек.

Свои надежды Гитлер связывал и с вновь сформированной 12-й армией, располагавшейся к юго-западу от Берлина. Она создавалась для действий против американ-

ских войск на Эльбе. Но теперь было не до американцев, и армия получила приказ пробиваться на восток — путь туда ей уже преградили танковые части 1-го Украинского фронта. В свою очередь 9-й армии немцев, оказавшейся в окружении юго-восточнее Берлина, было приказано прорываться на запад, навстречу 12-й. Им ставилась задача соединиться и, повернув на север, совместно двинуться на Берлин, чтобы отстоять его.

Забегая вперед, можно напомнить, что из этой попытки, предпринятой с явно недостаточными силами, ничего не вышло. Обе армии были наголову разбиты.

А для нас день 22 апреля запомнился не только изматывающими боями за каждый дом и квартал, но и таким примечательным событием: дивизионная артгруппа под командованием Григория Николаевича Сосновского нанесла удар по целям, расположенным в центральных районах Берлина.

На следующий день мы продолжали упорно дробить вражескую оборону. Дивизия продвигалась уже через пригород Панков. Все было, как и прежде. Трех-четырехэтажные дома. Корпуса каких-то фабрик. Огрызающиеся огнем кварталы. Тяжелые танки, врытые в землю на перекрестках. Путь вперед пробивал артиллерийский и танковый таран наших штурмовых отрядов. Вместе с пехотой следовали 57-миллиметровые орудия приданного нам 1957-го истребительно-противотанкового полка, которым командовал Герой Советского Союза полковник Константин Иванович Серов.

От несмолкаемого грохота, от двух бессонных ночей у меня гудела голова. Хорошо хоть не приходилось долго сидеть на одном месте. За день мы сменили четыре или пять наблюдательных пунктов. Не помню, на каком из них меня нашел командир корпуса.

— Ну, Василий Митрофанович, — сказал он, — задача наша несколько меняется. Будем наступать южнее, вот сюда. — И он придвинул к себе карту. — Видишь район Плётцен-зее, за этим каналом? Вот к каналу нам и надо выйти. Уяснил?

— Все ясно, товарищ генерал, — заверил я его.

Тотчас же по радио последовали распоряжения Плеходанову и Зинченко: «Направление — южная оконечность пригорода Рейникендорф... Задача — выйти на рубеж восточного колена канала Берлин-Шпандауэр-Шиффартс...

Артиллерийские средства — дивизион триста двадцать восьмого полка и десять установок эрэс...»

Мы начали сворачивать к югу, вгрызаясь в кварталы Рейникендорфа. Правый фланг наш оголился. Слева двигалась 171-я дивизия. Путь ее лежал через Веддинг — рабочую окраину, известную в прошлом своими революционными традициями. Утром 24 апреля правее нас в бой был введен второй эшелон корпуса — 207-я дивизия. В результате полоса нашего наступления сузилась раза в полтора. Мы сразу почувствовали облегчение.

Бóльшую часть этого дня я провел в отбитом у противника трамвайном парке. Здесь благодаря толстым кирпичным стенам депо и служебных построек было довольно спокойно и безопасно. С наблюдательного пункта открывался обзор чуть ли не до самого озера Плётцен. За ним проходил участок канала, который нам предстояло форсировать. Еще дальше простирался район, получивший свое имя от названия озера, — Плётцен-зее, рабочий район Берлина. События начинали приобретать интересный оборот — оттуда было совсем недалеко и до центра города.

К вечеру наши полки подошли к берегу канала. В полсотни метров шириной, облицованный камнем, он мог бы стать серьезной преградой, окажись на противоположном берегу подготовленная оборона. К счастью, ночная разведка никого там не обнаружила.

Рано утром 207-я дивизия начала переправляться через канал. Вскоре принялись его форсировать и мы. По уцелевшим мосткам, укрепленным за ночь саперами, с помощью всевозможных подручных средств перебирались на ту сторону стрелковые и пулеметные роты, за ними — артиллерия и танки, самоходки и «катюши».

Район Плётцен-зее обладал уже всеми типичными признаками современного большого города. Четырех-пятиэтажные дома вытянулись в ровном строю вдоль нешироких улиц. Зелень почти исчезла. Сады и палисадники уступили место асфальтированным внутренним дворам. Бросались в глаза следы работы союзной авиации: многие здания представляли собой груды развалин, над которыми возвышались неровно изломанные стены фасадов.

Против всех ожиданий сопротивление здесь было не слишком сильное. Приехавший на НП Переверткин уточнил нашу задачу: наступать на юг и к исходу дня достичь

железной дороги, идущей с востока на запад и пересекающей канал Фербиндунгс чуть пониже того места, где он изгибался под прямым углом.

Вечером мы вышли на назначенный рубеж. Рядом с нами к железнодорожному полотну выдвинулась и 207-я дивизия. Участок фронта, который мы теперь занимали, стал еще у́же. Воспользовавшись этим, я вывел во второй эшелон 674-й полк. С того дня, как мы вошли в Берлин, он еще ни разу не сменялся и был измотан до предела.

— Пу́сть все спят до утра, — сказал я Плеходанову. — И вы тоже. Силы еще понадобятся.

Я и сам решил отоспаться впервые за трое суток, а то уже трудно было ловить и собирать воедино расползающиеся мысли. Но не тут-то было: только я собрался уходить с НП, как раздался звонок командира корпуса. Семен Никифорович взволнованно сообщил, что наш левый сосед — 171-я дивизия пытается форсировать Фербиндунгс-канал близ его слияния с каналом Берлин-Шпандауэр-Шиффартс. Подразделения дивизии захватили уцелевший там мост и ведут за него кровопролитный бой, но продвинуться дальше не могут. Им надо немедленно помочь.

— Подсобишь Негоде выбить немцев с моста, форсируешь канал и будешь наступать на юг, через Моабит, — приказал Переверткин. — Дальнейшие указания получишь утром.

Я тут же вызвал Зинченко, велел ему поднимать полк и выступать на помощь соседям. Вслед за ним был направлен полк Мочалова. Ему ставилась задача выйти на берег правее того места, где шел бой, и подготовиться к форсированию канала.

Теперь-то можно было и отдохнуть. Я спустился в подвал казарменного здания, где расположилась на ночлег оперативная группа.

— Товарищ генерал, — встретил меня Курбатов, — слышали новости? Передовые подразделения Первого Украинского вышли на Эльбу и встретились с американцами.

— Ну да? Вот это здорово!

— Мало того. Первый Белорусский и Первый Украинский соединились западнее Потсдама. Берлин теперь полностью окружен!

— И немецкие войска окончательно расчленены, — добавил я, мысленно увидев большую карту военных действий.

Как ни радостно было это событие, но сил у меня хватило лишь на то, чтобы добраться до двухъярусной солдатской койки и сказать Офштейну: «Не буди до шести ноль-ноль». И сразу же глухой сон выключил сознание.

Проснулся я от громких голосов. За освещенным аккумуляторным фонарем столом стояли Офштейн и Переверткин и возбужденно разговаривали.

— Помначштаба полка Логвинов лично ходил в разведку на мост, товарищ генерал, — услыхал я слова Офштейна. — Он утверждает, что мост не взят и что там нет никого из наших. У меня нет оснований не верить ему.

— Вас ввели в заблуждение, а вы вводите меня, — раздраженно отвечал Семен Никифорович. — Мне докладывали, что мост взят, что там бой идет! А вы до сих пор не подключились!

Сон с меня как рукой сняло. Сразу поняв что к чему, я вступил в разговор:

— Товарищ генерал, ясно, что один из двух докладов неверный. Но здесь мы не установим истину. Давайте подъедем на место и там посмотрим. Тогда и увидим, кто прав.

— Ну вот еще, этого не хватало, — произнес, остывая, Переверткин. — С какой стати нам туда ехать?

— А что? — настаивал я. — Самый быстрый способ разобраться и принять решение. Чем ждать, пока штабы будут проверять да перепроверять...

— Ну ладно, — согласился Семен Никифорович, — поехали.

Через несколько минут мы сели в машину и в сопровождении взвода автоматчиков помчались по разбитым, словно вымершим улицам. С неба сочился серый, жидкий рассвет. Сырой холодный ветер прорывался за воротник шинели. Путешествие наше было недолгим. Минут через восемь машина остановилась. Дальше пришлось идти переулками, в которых притаилась предутренняя мгла, на редкие звуки выстрелов. Встретившийся солдат провел нас на НП разведчиков.

С чердака полуразрушенного дома хорошо были видны мост, канал и баррикада вдоль него. На асфальте темнели

неподвижные пятна — тела сраженных пулями бойцов. Мост был пуст. А за ним, на той стороне, просматривались позиции вражеских орудий, поставленных на прямую наводку.

Картина, в общем-то, становилась ясной.

— Были на мосту? — обратился я к разведчикам.

— Так точно, товарищ генерал, были, — ответил черноглазый сержант — он тут оставался за старшего.

— А кто еще туда ходил?

— Наши саперы. Они мост разминировали, прикидывали, как укрепить его. Немец-то подорвал, да не до конца. Все на соплях, то есть, извините, на рельсах трамвайных держится. Пехота пройдет, а артиллерия и танки — нет.

— А соседи не пытались мост захватить?

— Как же, пытались. Только немец их сразу же оттуда шуганул. Когда мы подошли, их уже там не было.

— А «языка» брали? Кто тут оборону держит?

— Был «язык». В обороне находится учебная рота запасного пехотного батальона и боевые группы фольксштурма. Всего человек четыреста. За мостом — семь орудий на прямой наводке. В поддержке — два тяжелых дивизиона. Танков нет. А пулеметов много. Огневые точки и на той стороне, и здесь, на баррикаде. Мы их позасекали. Сейчас продолжаем наблюдение.

— Хорошо, товарищ сержант, — вступил в разговор Переверткин. — Занимайтесь своим делом. У вас есть боец, который проведет нас на энпе сто семьдесят первой дивизии? Пошли, Василий Митрофанович.

Дворами и переулками пробрались мы в дом, до которого было метров двести. Правда, там оказался не дивизионный, а полковой НП. Семен Никифорович приказал вызвать Негоду. Тот явился быстро, чувствуя, что его ждет разговор не из приятных.

— Поторопились с докладом — полбеды, — взялся за него Переверткин. — Но почему потом не доложили, что не взяли моста?

— Сил не хватило удержать, товарищ генерал. Люди кровью заливались. Решил с атакой до утра повременить.

— Не о том речь! Я спрашиваю: почему не доложили, почему меня в заблуждение ввели?..

Дело кончилось тем, что Негоде было приказано отвести дивизию восточнее, к гавани Вестхафен, образован-

ной слиянием каналов Фербиндунгс и Берлин-Шпандауэр. Весь северный берег Фербиндунгс-канала входил теперь в полосу сто пятидесятой.

В заключение командир корпуса сказал мне:

— Форсируете канал — будете наступать через Моабит на юг, к Шпрее. А там, не исключено, на восток подвернем, к центру города. Понятно?

Куда уж понятнее! Теперь перед нами открывалась хоть какая-то надежда принять участие в штурме сердца Берлина, где расположены посольства, правительственные учреждения, имперская канцелярия, рейхстаг.

Переверткин уехал, приказав начать форсирование в полдень. С моей просьбой дать отсрочку для более основательной подготовки он не согласился. Я направился на НП к Зинченко, находившийся по соседству, в том же доме.

— Как на ту сторону перебираться будем? — спросил я Федора Матвеевича.

— Думаю, товарищ генерал, после того как полковая артгруппа подавит орудия прямой наводки и огневые точки за мостом, пустить в атаку второй батальон За ним пойдет первый. Он потом, в Моабите, выдвинется вперед. Как возьмем мост и саперы укрепят его, переправим средства усиления: артиллерию, танковый батальон и батарею самоходок.

— В принципе верно, — согласился я. — Только про баррикаду не следует забывать. Дай огня и по ней. Выдвини против нее танки и самоходки. И пулеметные точки на той стороне обработай.

— Ясно, товарищ генерал, учту.

— К двенадцати успеешь подготовиться?

— Трудно. Артиллерия еще не пристреляется. Но раз надо, значит надо. Начнем в двенадцать.

Пожелав Зинченко удачи, я отправился к Мочалову. Ему предстояло переправляться на подручных средствах — в полосе полка не было мостов. Но зато и неприятельская оборона здесь не представляла столь серьезной преграды. К тому же Мочалов должен был форсировать канал после того, как 756-й полк возьмет мост и скует противника боем на южном берегу.

674-й полк я решил переправлять вторым эшелоном.

Покончив с этими делами, можно было и вздремнуть часок на своем НП — время позволяло. Но прежде чем прилечь, я сделал еще одно распоряжение:

— Товарищ Артюхов, отправь Знамя, предназначенное для водружения на рейхстаге, в полк к Зинченко. Думаю, это повысит дух.

Начальник политотдела понимающе кивнул головой...

Двадцатиминутная артиллерийская подготовка, казалось, смела с лица земли все огневые точки противника. 2-й батальон 756-го полка во главе с капитаном Боевым пошел в атаку. Но тут пулеметы и орудия противника ожили и обрушили на стрелков шквал огня. Направляющая рота залегла на небольшой площади перед мостом.

Когда стрельба немного утихла, бойцы снова поднялись. И опять свинцовый ливень прижал их к мостовой. Зинченко приказал Боеву отойти. Командир полка подтянул танки и самоходные артиллерийские установки. Увеличил число орудий прямой наводки. Зинченко не мог понять, почему огневые точки противника оказались неподавленными. Ведь «адреса» большинства из них были известны. Ответить на этот вопрос помог помощник начальника штаба полка капитан Андрей Борисович Логвинов. Он находился во 2-м батальоне и доложил о своих наблюдениях командиру полка:

— Когда начинает бить наша артиллерия, немецкие расчеты под землю прячутся — у них огневые позиции рядом с канализационными колодцами и водопроводными коллекторами расположены. Как наш огонь кончается, они вылезают, чтобы отбить атаку. Я думаю, — предложил он, — надо все пулеметы установить в окрестных домах, на втором и третьем этажах. После артподготовки они возьмут под обстрел орудийные расчеты.

Зинченко принял это предложение и доложил о нем мне, попросив разрешения начать повторную атаку в 20 часов. Я одобрил намеченный план и согласовал его с командиром корпуса.

«Все ли предусмотрено, чтобы потери были наименьшими и успех был бы обеспечен наверняка? — продолжал я раздумывать после принятого решения. — Ведь, захватив мост, надо быстро его укрепить, а полностью подавить огонь противника сразу не удастся. Кроме того, переправу надо организовать и правее моста, на подручных средствах. 469-й полк только на них и может рассчитывать. При этом урон ему грозит немалый. Что же предпринять? Стоп. Идея! Надо вызвать Мокринского!»

Через несколько минут начальник химслужбы был у меня.

— Садитесь, товарищ Мокринский, дело есть, давайте обсудим.

Юрий Николаевич опустился на мягкий, обитый бархатом стул, выглядевший на чердаке, где разместился наш новый НП, инородным телом. Я поймал его нетерпеливо-выжидательный взгляд.

— Вот и настал ваш час. Небось не гадали, что придется отличиться в самом Берлине?

Лицо майора оживилось.

— Двигайтесь ближе к столу и смотрите сюда, на карту. В двадцать часов тридцать минут по московскому времени мы должны начать форсировать Фербиндунгс-канал. Еще совсем светло будет. С той стороны противник видит нас как на ладони. Что если прикрыть атаку дымзавесой? Сможете?

— Конечно! — воскликнул Юрий Николаевич и тут же принялся излагать свой план: — Я думаю, что лучше подготовить не одну завесу, а несколько. Мы сможем расположить дымовые шашки по северному берегу, от моста до изгиба канала. Вторую, ложную, завесу поставим вдоль другой части канала, по западному берегу. Это распылит внимание противника, он станет ожидать удара с двух сторон. А после захвата моста химики переправятся на ту сторону и пустят дымы по южному берегу. Это надежно прикроет переправу артиллерии и танков.

— Что ж, неплохо, — одобрил я. — Только вот что: на западном берегу маскировку сделать поплотнее. Там у неприятеля меньше сил. Он решит, что мы хотим воспользоваться этим и нанести основной удар с фланга. Могут немцы на такую приманку клюнуть?

— Вполне!

— Теперь, кого вы думаете послать на тот берег во главе химиков?

— Разрешите мне, товарищ генерал!

— Ни в коем случае. Вы начхим и отвечаете за выполнение задачи в целом.

— Тогда пойдет командир химроты капитан Гордов.

— Ну, это другое дело. Идите, готовьтесь. Первые две завесы начнете ставить перед открытием артогня. Желаю удачи!

Отпустив Мокринского, я позвонил Зинченко, посвя-

тил его в наш замысел и уточнил время начала штурма: 20 часов 30 минут — артподготовка, через 20 минут — атака.

Дальше все шло по намеченному плану. В назначенный час вдоль берегов поползли и начали низко стелиться плотные, белые клубы дыма. Потом по засеченным целям ударили орудия, танки и самоходки. Снаряды крошили баррикаду, дробили камень зданий на той стороне канала. В работу включились калибры вплоть до 152 миллиметров. Когда их басовитый рев оборвался, застучали станковые пулеметы.

Порядок атаки на этот раз был иной. Первым на мост выдвигался не 2-й батальон, а штурмовая группа, ядро которой составляла рота старшего лейтенанта Ефрема Панкратова — человека пожилого, очень рассудительного и бесстрашного. Вести группу был назначен старший лейтенант Кузьма Гусев, возглавлявший штаб 1-го батальона. За час до штурма я сам проинструктировал его.

Атакующие бросились к мосту. Послышались разрывы мин и фаустпатронов. По разрушенному покрытию моста не могло двигаться более двух человек в ряд. Поэтому часть бойцов, бегущих сзади, не дожидаясь, пока пройдут передние, устремилась к каналу. Они переправлялись кто вплавь, кто на маленьких плотиках, наскоро сделанных из дверей и досок.

Воздух, казалось, был весь насыщен раскаленным металлом. Вода кипела и пенилась от разрывов мин и хлещущих по ней пуль. Но враг уже не мог остановить атакующих, прижать их к земле. Большой урон на этот раз понесли его артиллеристы и минометчики. Дымовые завесы сбили противника с толку. Наступательный же порыв наших солдат был необычайно высок. За те несколько часов, что велась подготовка к атаке, все бойцы узнали от политработников, агитаторов и коммунистов, что в полк передано Знамя, предназначенное для водружения на рейхстаге, и что наше наступление будет развиваться к центру города. Это удваивало силы людей, приумножало их стремление во что бы то ни стало преодолеть рубеж, преграждавший им путь к конечной цели.

Этот бой изобиловал примерами подлинного героизма. Сержанту Досычеву, который вел за собой взвод, перебило правую руку. Перебросив автомат в левую, он про-

должал бежать во главе бойцов. Рядовой Филиппов пошатнулся от удара в грудь, но не остановился. Зажав кровоточащую рану рукой, он, пока хватало сил, шел вместе со всеми. Солдат Бобров одним из первых преодолел мост. Оказавшись один на один с пятью гитлеровцами, не растерялся: открыв огонь в упор, он уложил всех пятерых.

— Давай, ребята, за мной! — крикнул Бобров и бросился дальше. Но в этот миг пуля оборвала его жизнь.

Вместе с пехотинцами в первых рядах атакующих были саперы и химики. Саперам ставилась задача подорвать противотанковые надолбы на противоположной стороне, сделать настил через ров, тянувшийся вдоль канала, восстановить мост. А до этого они действовали как стрелки и не уступали им ни в умении владеть оружием, ни в мужестве.

Рядовой Станкевич был ранен еще на мосту. Однако отважный сапер не вышел из боя. Он продолжал бежать, ведя огонь, и выпустил из рук карабин лишь тогда, когда от второго ранения перестало биться его сердце.

Из таких вот солдатских подвигов и складывался неудержимый напор полка. В половине десятого были заняты первые дома Моабита на южном берегу канала. В наступавших сумерках особенно плотной казалась завеса дыма, прикрывавшего мост уже с той стороны. Саперы укрепляли мост. Впрочем, скорее, не укрепляли, а наводили заново. Он был совсем непригоден для движения орудий и тяжелых боевых машин.

Немцы контратаковали. Но уже было ясно, что мост окончательно наш и им его не отбить, а переправу дивизии не остановить.

В этом бою среди отличившихся были и химики. Мокринский проявил тактическую зрелость, распорядительность и смелость. Мне приятно было потом подписать боевую характеристику с представлением его к ордену Красного Знамени.

— А не забыли, как вы просились в разведку? — напомнил тогда я ему. — Для того чтобы отличиться, вовсе не обязательно за «языком» ходить. Главное — настоящим воином быть и дело свое знать. А случай показать себя на войне всегда представится.

МОАБИТ

В нашей стране хорошо известно слово «Моабит». С ним связано представление о зловещей берлинской тюрьме, в которой гитлеровцы держали своих политических противников. В этой тюрьме два года томился вождь германского пролетариата Эрнст Тельман. Здесь встретил свой смертный час замечательный советский поэт Муса Джалиль. Коммунист и воин боролся с фашизмом до самого конца единственным оставшимся у него оружием — поэзией. Его стихи, прославляющие Родину, клеймящие гневом и презрением фашистских палачей, вырвались на свободу и уже после войны составили знаменитую «Моабитскую тетрадь» — посмертную книгу поэта.

Об этой книге знают не только любители поэзии. О ней много писали, когда присудили ей Ленинскую премию и когда Мусе Джалилю посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

В ночь на 27 апреля, когда мы захватили мост через Фербиндунгс-канал и начали переправу по нему, название Моабит не вызывало у меня таких мрачных ассоциаций. В плане Берлина оно обозначало крупный городской район, ограниченный с юга волнистой линией Шпрее, а с других сторон — полосками смыкавшихся друг с другом каналов. На юго-востоке Шпрее отделяла Моабит от Тиргартена — большого городского парка и от административного центра столицы. Там, за рекой, был девятый сектор обороны, укрепленный особенно прочно.

Моабит составляли преимущественно рабочие кварталы, фабрики, мастерские и железнодорожные станции, казармы и кирхи. Был здесь и большой госпиталь, была и тюрьма. Имелся и свой собственный Тиргартен, называемый в отличие от настоящего Кляйн Тиргартеном. Он уступал в размерах своему большому собрату раз в десять.

По этому району нам и предстояло наступать в южном направлении. Но для этого сначала надо было очистить от противника железнодорожную станцию Бойсельштрассе, находящуюся примерно в километре от моста. Кирпичные станционные постройки, хорошо укрепленные, приспособленные для кругового обстрела, представляли собой сильный узел сопротивления, который перекрывал нам путь кинжальным огнем.

Попытки штурмовать станцию в лоб не принесли успеха. Немцы сами несколько раз переходили в контратаки. В ходе этих боев в тяжелом положении оказался КП 2-го батальона, расположившийся в каменной коробке железнодорожного пакгауза. Старшим там был капитан Андрей Логвинов, который по приказанию Зинченко шел со 2-м батальоном и в числе первых оказался на южном берегу канала. Под его командой семь человек отбивались от наседавших немцев гранатами и автоматным огнем. Им бы не удалось остаться в живых, если б на помощь не подоспела одна из рот.

Тогда я сказал командующему артиллерией:

— Товарищ Сосновский, делай что хочешь, но чтобы через полчаса Бойссельштрассе можно было взять голыми руками.

— Будет сделано, товарищ генерал, — коротко ответил Григорий Николаевич.

Через 10 минут с нашего НП можно было наблюдать впечатляющую картину. В вечернем небе над крышами домов пронеслись огненные языки «катюш». Станция полыхнула слепящими вспышками. Прокатился могучий грохот. Это заработала дивизионная артгруппа. И снова по вокзальным зданиям метнулись вспышки.

Спустя пятнадцать минут артиллерия смолкла. И тогда с нескольких сторон к Бойссельштрассе устремились бойцы. Станция была взята. В плен сдалось более ста вражеских солдат во главе с офицером.

А по восстановленному мосту уже двигались орудия и танки. Дивизия прорвала городской оборонительный обвод и открыла путь в глубь Моабита.

Солнце давно скрылось за домами. Стало совсем темно. С нашего наблюдательного пункта видны были лишь яркие зарницы на той стороне канала. С несколькими штабными офицерами я пошел пешком через мост, вслушиваясь в звуки затихавшего боя. От канала веяло прохладой. Но дышалось тяжело — воздух был какой-то густой, пропитанный гарью и пылью.

Наша группа подошла к железной дороге. В стороне, справа, виднелся темный забор со сторожевыми вышками. Оттуда доносились громкие голоса, шум. Свернули к забору. Перед нами предстал концентрационный лагерь — еще один на нашем пути.

Бойцы открыли ворота, и из них высыпала густая

толпа. Свет карманных фонарей выхватывал из темноты жалкие лохмотья и изможденные лица. Бойцы расступились, и я оказался перед получившими свободу узниками. Их было тысячи полторы. Одни из них плакали от счастья, другие обнимали наших солдат, третьи исступленно повторяли:

— Дайте нам оружие! Мы хотим помогать вам!

Увидев перед собой генерала, они принялись просить еще настойчивее:

— Возьмите нас в бой!

Я поднял руку. Постепенно шум стих.

— Дорогие товарищи, Красная Армия достаточно сильна, чтобы в ближайшие дни окончательно овладеть Берлином. Спасибо вам, но вашей помощи не требуется. Да это вам и не под силу. Будет самое лучшее, если вы сейчас приведете себя в порядок, оденетесь...

Утром я отправился на новый НП, подготовленный в трамвайном парке. Когда я вошел в чердачное помещение красного кирпичного здания, мне показалось, что там никого нет. Но потом увидел в углу за столиком нашу штабную телефонистку Веру Кузнецову. Возле нее, склонившись, стоял невысокий, крепкий Василий Гук. Он что-то нашептывал Вере на ухо, и такое робкое, нежное выражение было на лице лихого разведчика, что я изумился. А Вера смотрела мечтательным взглядом куда-то вдаль. Но уже в следующее мгновение все изменилось, так что я подумал даже, не почудилось ли мне все это. Гук резко выпрямился и, сделав пол-оборота, четким уставным голосом доложил:

— Товарищ генерал, энпе подготовлен, связь налажена!

Заметив краску на Вериных щеках, я понял, что зрение не обмануло меня.

За окном виднелись освещенные ранним солнцем крыши домов. Дым, стлавшийся над городом, переливался багряными и розовыми тонами. На липах во дворе дрожала веселая листва. И сквозь глухой, несмолкающий гром, доносившийся со всех сторон, прорывалось щебетание какой-то пичуги. Что поделаешь, была весна. Она следовала своим законам, не желая знать о тяжелом сражении, терзавшем обреченный город.

Вера посмотрела на меня служебным, деловым взглядом.

— Вызови Мочалова, пусть доложит обстановку, — сказал я ей.

У Мочалова все шло хорошо. Его полк переправился через канал на подручных средствах и теперь продвигался справа от 756-го полка.

Грохот боя, несколько поутихший за ночь, теперь снова нарастал. Штурмовые батальоны пробивались по узким, густо заселенным улицам Моабита. Тактика их действий несколько изменилась. Если на широких аллеях Панкова и Плётцен-зее они наступали главным образом клином, или, как это принято называть, углом вперед, то теперь боевые порядки строились углом назад. Фаустники здесь представляли особенно серьезную угрозу для танков и самоходных орудий. Поэтому пехота выходила вперед, растекалась по тротуарам, ведя огонь по домам, расположенным на противоположных сторонах, расчищая дорогу танкам. При этом наши бойцы с успехом использовали фаустпатроны — захваченное у врага оружие пришлось им по душе. Танки оберегались особенно заботливо. Их у нас сильно поубавилось. Если вначале штурмовые отряды имели по 4—6 танков, то теперь их было по 2—3 — потери, понесенные нами за время боев в Берлине, не восполнялись.

Когда на пути наступавших встречались баррикады или пулеметные точки, защищенные бронированными колпаками, танки останавливались и били по этим целям. Случалось, что снаряды оказывались бессильны. Тогда такие точки обходили. Из укрепленных подвалов и первых этажей домов гитлеровцев выкуривали химики. Имевшиеся у них бутылки с горючей смесью вызывали пожары. Саперы тем временем закладывали взрывчатку, и гарнизонам этих горящих и подорванных зданий не оставалось ничего, кроме как поднять руки или попытаться спастись бегством.

В заводском районе, где улицы были пошире и на них выходили большие дворы, штурмовые группы и отряды наступали углом вперед.

По мере того как мы приближались к центру города, накал схваток нарастал. Гитлеровское командование пополняло обороняющиеся подразделения, бросая в пекло сражения наспех сколоченные боевые группы. От пленных мы узнали, что в Моабит в этот день были направлены отряды, сформированные из курсантов школы пере-

водчиков главного командования вооруженных сил и из состава охраны авторемонтных мастерских Берлина. Но это, разумеется, не могло оказать существенного влияния на ход событий.

Около 11 часов позвонил Переверткин:

— Василий Митрофанович, слушай, какие дела. Направление твое будет теперь на восток, к Малому Тиргартену. Ближайшая задача — овладеть тюрьмой, последующая — выйти к Шпрее у моста Мольтке. Двести седьмая пойдет за тобой во втором эшелоне. Слева чувствуешь локоть сто семьдесят первой? Нет? Она подзавязла около учебного плаца, никак взять его не может. Желаю удачи.

Отдавая распоряжения командирам полков, я испытывал чувство радостного волнения. Вот теперь-то сомнений нет — нам предстоит сражаться в районе рейхстага. От моста до него каких-нибудь полкилометра.

На НП появился Артюхов.

— Товарищ генерал, прошу полюбоваться на геббельсовскую стряпню, — и он протянул мне лист газетной бумаги. — Вот дает, колченогий!

Это был «Берлинский фронтовой листок», датированный 27 апреля. Коллективными усилиями мы не без труда принялись переводить его текст:

«Браво вам, берлинцы!

Берлин останется немецким! Фюрер заявил это миру, и вы, берлинцы, заботитесь о том, чтобы его слово оставалось истиной. Браво, берлинцы! Ваше поведение образцово. Дальше так же мужественно, так же упорно, без пощады и снисхождения, и тогда разобьются о вас штурмовые волны большевиков... Вы выстоите, берлинцы, подмога движется!..»

Этот наигранный оптимизм звучал как издевательство над теми, кто, напрягая все силы в отчаянном, безнадежном сопротивлении, оставлял квартал за кварталом на подступах к сердцу столицы. Кто-то сплюнул и выругался. Мы не могли даже улыбаться. Вероятно, и сами немцы так же реагировали на обращение шефа нацистской пропаганды.

— Ну а как у наших настроение? — спросил я Артюхова. — Как, штурмовые волны большевиков не разбиваются о защитников Берлина?

— Какое там разбиваются, — засмеялся Михаил Васильевич. — Комбатам и ротным приходится придержи-

вать людей, чтобы не рисковали понапрасну. Я приказал сделать флажки для штурмовых отрядов и групп. Будем их устанавливать на главных зданиях.

— Что ж, это нелишне. Ведь к центру наступаем.

— У людей это еще больший подъем вызовет. Хотя, говоря по правде, трудно даже представить — куда уж выше. В партию, Василий Митрофанович, приток какой! За неделю боев шестьдесят четыре человека приняли. Люди в боях и политические университеты проходят. Правильно понимают, что к победе нас партия привела. А до победы сейчас — рукой подать. Характерно: заявления пишут в первую очередь те, кто на самых горячих участках.

Во второй половине дня бои уже велись в Кляйн Тиргартене и на параллельных с ним улицах. Наша оперативная группа перебралась в кирху, возвышающуюся у западной оконечности парка.

К одиннадцати часам 28 апреля 469-й полк овладел заводским кварталом южнее Кляйн Тиргартена, а 756-й полк вышел к тюрьме, находящейся в квартале от парка, у его восточного конца. Расположенное на возвышенном месте, это здание в плане выглядело звездой — пять корпусов расходились лучами от круглой центральной башни. Тюрьму окружала высоченная кирпичная стена с массивными железными воротами. Гитлеровцы, разумеется, превратили эту крепость в сильный узел обороны.

С утра пополз слух, источником которого были пленные, что Геббельс, ответственный за оборону Моабитского района, находится где-то здесь, за тюрьмой. Слуху легко поверили — в нем ведь не было ничего противоестественного, — и нас охватил своего рода охотничий азарт. Вот было бы здорово — поймать колченогого живьем.

Я позвонил в 756-й полк:

— Товарищ Зинченко! Ваша задача окружить и пленить вражескую группировку в тюрьме. С юга с вами будет взаимодействовать Мочалов. Постарайтесь захватить Геббельса живым!

— Слушаюсь! Сейчас произведу небольшую перегруппировку: второй батальон будет наступать прямо на тюрьму, первый пойдет севернее.

— Правильно. Действуйте!

Через минуту Толя Курбатов доложил, что у телефона Мочалов. Я взял трубку:

— Товарищ Мочалов, пошлите батальон Блохина к тюрьме, а двумя другими наступайте южнее. Задача — охватить район тюрьмы с юга и во взаимодействии с Зинченко окружить и взять в плен гарнизон, который там засел. Геббельса постарайтесь захватить живым.

— Есть! Приступаю к выполнению.

Сосновский скомандовал своим артиллеристам, и дивизионная артгруппа обрушила на тюрьму тяжелые снаряды. Как только утих огневой шквал, батальоны пошли в атаку. Бой завязался упорный.

Часа через полтора мне доложили, что дело идет к концу и к НП доставлена большая партия пленных. Я спустился вниз. Грязные, изможденные немецкие солдаты едва держались на ногах от усталости и пережитого потрясения.

— Среди вас нет Геббельса? — спрашивал я, проходя между нестройными шеренгами и вглядываясь в лица.

— Нет, нет...

— Вы не видели Геббельса, не знаете, где он?

— Нет, не видели... Не знаем... — отвечали пленные.

Вскоре подошла еще одна группа в несколько сот человек. И снова я обходил, оглядывал и расспрашивал солдат. Результат был прежним — Геббельса не было, его никто не видел.

А в тюрьме звучали последние выстрелы. Еще немного времени — и она целиком оказалась в наших руках. Сотни политзаключенных были освобождены из каменного мешка. Я пошел взглянуть на зловещее здание вблизи. Признаться, я не был очень внимательным и не старался запомнить детали. В ту пору нам не было известно имя Джалиля, не связывали мы эту тюрьму и с именем Тельмана. Ну, тюрьма и тюрьма. Пятиконечная. С железными решетками на окнах. Я смотрел на нее глазами человека, для которого это был прежде всего узел неприятельской обороны... Мрачная слава Моабита разнеслась по миру позже.

За тюрьмой на улицах, напоминавших узкие каменные траншеи, еще густо курились дым и пыль, слышались выстрелы и взрывы, а из подвалов уцелевших домов уже начали появляться жители — женщины, дети. Настороженно оглядываясь по сторонам, они высматривали ту-

ши убитых лошадей. Если поблизости оказывалась сраженная осколком или пулей лошадь, люди бросались к ней, рискуя быть задетыми шальным металлом, и начинали быстро резать ее на куски. Муки голода были сильнее страха смерти.

Эта картина произвела на меня гнетущее впечатление. Я вызвал Истрина и велел ему позаботиться, чтобы в занятом нами районе побыстрее открыли сохранившиеся продовольственные магазины.

После осмотра тюрьмы я пошел на новый наблюдательный пункт, развернутый неподалеку от нее, в кирпичном доме у восточной оконечности Кляйн Тиргартена. Вызвал Зинченко.

— Теперь всеми силами пробивайся к мосту Мольтке, — сказал я Федору Матвеевичу. — Нажми, дорогой! Немного осталось.

Было нечто символичное в том, что нам предстояло сражаться у моста, носящего имя Мольтке-младшего — отъявленного милитариста, начальника кайзеровского генштаба, активного вдохновителя и организатора первой мировой войны. У памятника агрессивному началу в государственной политике нам предстояло дать наглядный урок: к чему приводит агрессия.

Потом я связался с Мочаловым. Распорядился, чтобы один батальон он бросил на прорыв в район моста Мольтке. Остальные силы приказал ему растянуть по всему северному берегу Шпрее, вплоть до Фербиндунгс-канала, и блокировать шесть уцелевших мостов, соединявших Моабит с центральными районами — Шарлоттенбургом и Тиргартеном. Это был наш правый фланг, не прикрытый ничем, кроме реки. А он сильно беспокоил и меня, и командование корпуса.

К этому времени кольцо наших войск вокруг девятого сектора обороны Берлина стягивалось все туже и туже. Мы шли к центру с северо-запада. Другие соединения 1-го Белорусского фронта дрались в западной, северной и восточной частях города. С юга давили армии 1-го Украинского фронта. Вражеские войска, защищавшие столицу, рассекались на части. И если б мы сосредоточили все свои силы в юго-восточном углу Моабита, в направлении моста Мольтке, теснимый с юга противник мог бы

попытаться вырваться из окружения у нас за спиной. Данные разведки подтверждали, что опасность появления фашистских батальонов в тылу корпуса была вполне реальной. Вот почему Мочалов получил приказание перекрыть своими подразделениями мосты через Шпрее.

Полк Плеходанова все еще находился во втором эшелоне. Уже не было никакого сомнения, что нам придется пробиваться в глубь центрального сектора обороны, и для этого требовалось сохранить свежие силы...

На улицах гремели бои. Сопротивление гитлеровцев не иссякло. Пленные показывали, что Гитлер во дворе рейхсканцелярии лично производил смотр частей, предназначенных для обороны девятого сектора, и приказал им сражаться до последнего человека.

Я помню, какое впечатление на нас производили тогда эти имена, произносимые устами пленных немцев: Гитлер, Геббельс... Раньше они звучали для нас как слова нарицательные, воплощавшие фашистское злодейство и изуверство. С ними как-то не связывалось представление о реальных человеческих существах. Теперь же, и к этому поначалу даже трудно было привыкнуть, о них говорилось как о живых людях, находящихся где-то рядом, что то делающих. И значит, открывалась не отвлеченная, а вполне практическая возможность захватить этих величайших из преступников, каких когда-либо знала планета, и отдать их на суд всего человечества. На суд, где вместе с живыми будут незримо присутствовать и миллионы жертв их злой воли — погибшие в боях, предательски убитые, замученные в концлагерях. Мысли об этом не могли не волновать!..

Помнится, в тот день в дивизии объявился Георгий Гладких. Для меня было большой неожиданностью услышать в трубке его голос. А он как ни в чем не бывало весело сыпал словами:

— Товарищ генерал! Майор Гладких после полного выздоровления из госпиталя вернулся. Вступил в командование триста двадцать восьмым артиллерийским полком сто пятидесятой Идрицкой...

— Ладно, — перебил я его, — потом договоришь. Поздравляю с возвращением. Счастье твое — эскулапы у нас хорошие. А то и к шапочному разбору бы опоздал. Видишь — центр Берлина рядом. Чуть не кончили войну без тебя.

— Без меня разве можно, товарищ генерал! Я подолгу в госпиталях не лежу, на мне быстро заживает. Опыт есть. В пятый раз ведь уже.

— Ну смотри, осторожнее будь. Шестая рана тебе ни к чему.

— Слушаюсь, товарищ генерал, буду стараться!

Но я, понятно, не принял это заверение всерьез. Разве мог Георгий за этот короткий срок переменить характер, утратить свою лихость, порой переходящую границы разумного? Не такой он был человек.

Сосновский ходил довольный: с возвращением Гладких освободился Дерягин и он снова заполучил своего начальника штаба. А дел у артиллеристов в эти дни было невпроворот.

Я тоже рад был возвращению Гладких. Каждый офицер, каждый боец были сейчас на учете. В этот день штурмовые батальоны получили пополнение.

В комнате четвертого этажа, где находилась оперативная группа, появился Блинник с поздним обедом. Моисей и в этой обстановке сумел приготовить что-то вкусное — запах, во всяком случае, был аппетитный. В это время Вера Кузнецова позвала меня к телефону. Я услышал хрипловатый голос Мочалова:

— Товарищ генерал, северного берега Шпрее достигли! Сейчас направляю к каждому мосту по стрелковой роте со средствами усиления. Вижу на той стороне Тиргартен. Деревьев мало — вырублены. А оставшиеся пообгорели. Зато зениток понатыкано! Часть из них против нас на прямую наводку ставят.

— Ну держись, если что, — напутствовал я его. — Помощи тебе ждать неоткуда.

Только я положил трубку, как снова раздался требовательный звонок. На этот раз докладывал Зинченко.

— Товарищ генерал, батальон Неустроева пересек железнодорожные пути и вышел на набережную Шпрее в районе моста Мольтке! — Федор Матвеевич выпалил это единым духом и замолк.

— Что еще? Где второй батальон?

— Очищает железнодорожные тупики и Лертерский вокзал. Какие будут приказания?

— Как — какие? Готовься брать мост и выходить на ту сторону. Знамя Военного совета у тебя? У тебя. А рейхстаг там? Там. Чего ж тебе не ясно? — И уже серь-

езно я добавил: — Готовься к штурму моста солидно. Ставь больше орудий на прямую наводку. Попозже позвоню и все уточню.

Закончив разговор, я по привычке глянул на часы. Было 6 часов вечера. Связался с Семеном Никифоровичем Переверткиным.

— Товарищ генерал, семьсот пятьдесят шестой полк первым батальоном вышел к мосту Мольтке. Четыреста шестьдесят девятый полк занимает оборону по северной набережной Шпрее и блокирует невзорванные мосты. Шестьсот семьдесят четвертый пока во втором эшелоне. Мое решение такое: выходить на ту сторону реки, занимать плацдарм и готовить штурм рейхстага. Захват плацдарма возложу на Зинченко, потом введу полк Плеходанова.

— Правильное решение! — после минутного раздумья ответил Семен Никифорович. — Сто семьдесят первая сейчас тоже выходит к Шпрее левее вас. Будем и ее на ту сторону выводить. А как подойдет двести седьмая — введем ее. Она будет справа.

Вот так и было принято решение о штурме рейхстага. Без звона литавр и барабанного боя. Не было торжественных фраз. Никто заранее не отдавал такого приказа, все получилось обыденно и просто. Ведь в те дни и часы командармы думали прежде всего о том, как расчленить силы врага в Берлине на отдельные группировки, не дать им ни сомкнуться, ни вырваться из кольца, а затем разбить их по частям. Этим идеям и были подчинены маневры армий и корпусов. И вдруг обстановка сама подсказала: рейхстаг — вот он. Надо же брать его!

И тогда эта задача приковала к себе внимание командующих и командиров разных рангов, выросла в задачу номер один, наделенную не только военным, но и большим политическим смыслом.

ДОМ БЕЛЫЙ И ДОМ КРАСНЫЙ

После разговора с командиром корпуса я вновь — в который уже раз — склонился над планом Берлина.

Вот излучина Шпрее — дуга с вершиной, обращенной на север. Внутри дуги, справа, у самого основания ее, — прямоугольник с фигурными сторонами, вытянутый с севера на юг. На плане он помечен цифрой «105». На ле-

генде, приложенной к плану, против этой цифры написано: «рейхстаг».

Слева, ближе к вершине дуги, — мост Мольтке. Он смотрит на юго-восток. Если провести через мост прямую она под острым углом упрется в западную стену рейхстага, в его фасад. Расстояние от моста до него — 550 метров.

У основания улицы, как бы продолжающей мост, на северо-восточной ее стороне обозначено крупное угловое здание.

— Белый дом, — авторитетно, с видом знатока говорит Гук. — В нем швейцарское посольство размещалось.

Напротив посольства, по другую сторону улицы, — еще бо́льшее здание какой-то неправильной формы. У него каждая сторона — квартал. Гук поясняет:

— Это красный дом. В нем министерство внутренних дел. Его тут все домом Гиммлера называют.

Ниже и левее дома со зловещим названием обозначено еще одно строение. Его фасад смотрит на фасад рейхстага. Это — Кроль-опера. Оперный театр. Между ним и рейхстагом квадраты зелени и описанный циркулем круг — Кёнигплац. Королевская площадь. Если верить плану, там тоже растут деревья. От красного дома до рейхстага — 360 метров на юго-восток. И еще один приметный ориентир. Южнее рейхстага метрах в двухстах изображена прямоугольная скобка. Бранденбургские ворота. Они замыкают улицу Унтерден-линден, идущую с востока на запад.

Эта часть города прочно фиксируется в памяти. Скоро смотреть на карту станет некогда. Начнут поступать один за другим доклады и запросы. И надо будет четко представлять себе, что и где происходит, принимать какие-то решения, отдавать распоряжения. Тут уж ошибки в ориентировке недопустимы и непростительны.

Оторвавшись от этого занятия, я приказал соединить меня с Зинченко. Вера Кузнецова почти сразу же протянула трубку.

— Федор Матвеевич, подробно доложи обстановку.

— Только что был в боевых порядках. Обстановка такова. Ширина реки полсотни метров. Берега гранитные, высотой метра в три. На подручных средствах форсировать не удастся. Придется по мосту. Перед мостом баррикада. За ним — тоже. Вероятно, все минировано. Обстреливают мост сильно. Из Тиргартена лупят и из-за домов.

— Где первый батальон?

— Занимает исходное положение перед баррикадой. Устанавливаем артиллерию на прямую наводку. Думаю, надо быстрее цепляться за тот берег, пока противник окончательно не опомнился.

— Правильно! Сейчас я подойду к тебе на энпе. Сто семьдесят первая не появлялась?

— Появилась. Выходит левее нас к реке.

— Ну ладно, сейчас иду.

Положив трубку, я уточнил у Сосновского:

— Сколько у нас орудий на закрытых позициях?

— Пятьдесят девять, товарищ генерал.

— В девятнадцать ноль-ноль начнете артподготовку. Главные цели — батареи противника, обстреливающие мост.

В сопровождении двух солдат я спустился с четвертого этажа и вышел на улицу. До НП Зинченко, расположенного неподалеку, решил добираться пешком. Так безопаснее. По Альт-Моабит-штрассе валялись трупы людей и лошадей. То тут, то там улицу перегораживали неподвижные, еще чадящие танки, искореженные автомашины. Раздавались автоматные очереди. Ухали взрывы фаустов. Мы продвигались перебежками, осматриваясь, прижимаясь к стенам домов.

Разыскав Зинченко на верхнем этаже большого, массивного здания, я первым делом поинтересовался ходом дел. Обстановка ведь менялась беспрерывно. И действительно, пока я шел до полкового НП, произошло кое-что новое.

Взвод из 1-го батальона атаковал мост. Его поддержали огнем орудия прямой наводки, минометы. Но ответный огонь был все же слишком силен. Взвод залег перед баррикадой.

— Как потери? — спросил я.

— Есть, — тяжело, болезненно скривившись, ответил Федор Матвеевич. — Не то что на взводах офицеров нет, на роты сержантов приходится ставить. Вот Гусельников тяжело ранен. На его место назначил старшего сержанта Сьянова.

— Это который?

— Может, помните, высокий такой? Парторгом роты был.

— Припоминаю. Из других полков подразделения подошли?

— Батальон Блохина справа от нас. Плеходановские батальоны за нами стали.

— Хорошо. Смотри сюда, — я подошел к расстеленному на столе плану Берлина. — В девятнадцать начнется артподготовка. Надо, чтобы первый эшелон проскочил на тот берег. Одновременно саперы должны вести разминирование моста. А вот это здание видишь? Это белый дом. Заметный. Его и надо в первую очередь брать. А напротив него красный дом. Канцелярия Гиммлера. Его брать потом. Он, видишь, очень большой. Укреплен — сам понимаешь... Это и будет исходным положением для штурма рейхстага. Понял?

— Так точно.

— За ночь переправь как можно больше людей на ту сторону. И сам старайся быстрее энпе туда перенести.

— Слушаюсь!

— Ну, пошел я. Сейчас артиллеристы начнут трудиться. Передай Неустроеву, пусть времени не теряет...

Назад я возвращался под гул канонады. Вскоре Зинченко сообщил:

— На противоположный берег Шпрее проскочили два взвода. Пошла рота старшего лейтенанта Панкратова. На мосту под огнем работают саперы старшего лейтенанта Червякова. Немцы перед нашей атакой пытались подорвать его. Но что-то не сработало. Мост малость осел, однако танки выдержит.

Затем доложил Плеходанов:

— Батальоны на исходном положении. Твердохлеб убит. На его место поставил Давыдова.

Сразу и не нахожу, что ответить. Неужели и этого сильного, мужественного человека я больше не увижу никогда? Превосходный был комбат, один из лучших. Но теперь его имени всегда будет сопутствовать горькое слово «был».

— Плеходанов! Слышишь меня? Назначение Давыдова одобряю. Его батальон и пустишь на ту сторону. Но после того, как перейдет все хозяйство Зинченко. А остальные батальоны попридержи. Им там пока делать нечего — плацдарма нет.

Снова звонит Зинченко:

— Около белого здания заняты небольшие дома. Немцы пытаются контратаковать, но наши держатся.

— Не держаться надо, а самим бить! — «завожу» я

его. — Понимаешь? Активно бить, расширять плацдарм. И скорее вводить весь полк!

— Ясно, понял!

К аппарату просит Мочалов. Он сообщает:

— Немцы пытаются прорваться через мосты. Около каждого кроме стрелковой роты держу по три-четыре танка и по четыре орудия на прямой наводке. Пока все атаки отбиты.

— Молодец. Держись!

Звонки наконец стихли. Я позвал Офштейна и принялся диктовать ему приказ, который официально закреплял все устные распоряжения, отданные мною за последние несколько часов, и определял существо задач, стоящих перед полками:

— Четыреста шестьдесят девятому стрелковому полку — занять оборону по северному берегу реки Шпрее от Фербиндунгс-канала до Пауль-штрассе, прочно прикрыть в противотанковом отношении не взорванные противником мосты, не допустить прорыва противника в район Моабит, тем самым обеспечив правый фланг дивизии и семьдесят девятого стрелкового корпуса.

Семьсот пятьдесят шестому стрелковому полку — расширяя плацдарм на юго-восточном берегу Шпрее, полностью захватить и очистить дом швейцарского посольства и во взаимодействии с шестьсот семьдесят четвертым стрелковым полком уничтожить противника в «доме Гиммлера», занять исходное положение правее семьсот пятьдесят шестого стрелкового полка для штурма рейхстага...

Покончив с приказом, я со спокойной совестью позвонил командиру корпуса и доложил обстановку. Сообщение о том, что бóльшая часть батальона Неустроева дерется за расширение плацдарма на том берегу в каких-нибудь пятистах метрах от рейхстага, произвело на Переверткина большое впечатление. Он несколько раз переспросил фамилию комбата и сказал, что немедленно доложит обо всем командарму.

В завершение разговора Семен Никифорович произнес:

— Уточняю продолжение твоей разграничительной линии: Лертерский вокзал, швейцарское посольство включительно, рейхстаг включительно. Вопросов нет? Тогда желаю удачи!

Ночью мне так и не удалось сомкнуть глаз. Напряженный бой на той стороне реки не стихал ни на минуту. С нетерпением ждал я каждого нового доклада Зинченко. Вот наконец получена весть, что подразделения неустроевского батальона ворвались в белое здание. Ну, теперь дело пойдет!

С наступлением темноты по мосту Мольтке пошли батальоны 171-й дивизии. Перебрался на ту сторону Неустроев, развернул свой НП в одной из комнат белого дома. Начал переправу 2-й батальон 756-го полка. Вел его капитан Клименков, вызванный из резерва на место получившего ранение Боева. Затем двинулись орудия, предназначенные для стрельбы прямой наводкой, танки.

В здании швейцарского посольства, уже основательно разрушенном, яростные схватки разгорались буквально за каждую комнату. Здесь отлично показал себя взвод младшего лейтенанта Леонида Литвака, всего неделю назад прибывшего в дивизию. Его отважные ребята были лучшими при форсировании Фербиндунгс-канала. И сейчас они не жалели себя.

По верхним этажам здания открыли огонь 76-миллиметровые орудия 3-го дивизиона 328-го полка. Командир этого дивизиона Магомет Найманов со своим радистом Яценко был в числе артиллеристов, первыми преодолевших мост. Свой НП он устроил на нижнем этаже белого дома и оттуда давал своим батареям безошибочные целеуказания.

Немцы попытались контратаковать белый дом со стороны набережной. Рота Сьянова подпустила их поближе и встретила автоматным огнем. Ей помогли пулеметная рота капитана Герасимова и минометная рота лейтенанта Моргуна. Гитлеровцы откатились назад.

Батальоны 171-й дивизии завязали бой за дома, расположенные северо-восточнее швейцарского посольства. Но и в белом здании появилось несколько подразделений нашего соседа. Эта помощь была весьма кстати. Ведь нам противостояли силы многочисленные и очень стойкие. К тому же на стороне противника было и такое преимущество, как знание планировки этого большого здания. Нашим же солдатам приходилось продвигаться от комнаты к комнате, с этажа на этаж буквально вслепую, на ощупь.

В промежутках между телефонными разговорами с

командирами полков мы с Василием Ивановичем Гуком наносили на план уточненные данные о неприятельской обороне в районе рейхстага.

Рейхстаг, «дом Гиммлера» и Кроль-опера — это костяк девятого оборонительного сектора. Все здания сильно укреплены, имеют крупные гарнизоны и связаны между собой огневым взаимодействием. В рейхстаге оконные проемы заделаны кирпичом — оставлены лишь небольшие амбразуры и бойницы. В нескольких метрах от него, в северной и западной сторонах, имеются железобетонные доты. В двухстах метрах к северо-западу и юго-западу от здания вырыты траншеи с пулеметными площадками и разветвленными ходами сообщения. Через Кёнигплац в 120 метрах от рейхстага параллельно его фасаду проходит довольно глубокий ров — часть трассы метрополитена, строившегося открытым способом. Минувшим днем немцы заполнили ров водой.

Если двигаться к рейхстагу от «дома Гиммлера», этот канал не миновать. Мостки же через него, представлявшие собой деревянные настилы на железных балках, разрушены. Словом, препятствие серьезное.

Гарнизон рейхстага насчитывает до двух тысяч человек. В него входят 600 курсантов военно-морской школы из города Росток — вчера их доставили на транспортных самолетах и высадили на аэродроме Темпельгоф. Кроме моряков здесь отборные эсэсовские подразделения пехотных, зенитных и авиационных частей. На позициях к югу от рейхстага — 20 боевых групп по 35 человек.

Перед фасадом на прямую наводку поставлены орудия, в том числе и зенитные. Четыре батареи 105-миллиметровых, одна — 88-миллиметровых составляли основу огневой мощи оборонявшихся. Кроме того, их могли поддерживать танки и штурмовые орудия, врытые в землю у Бранденбургских ворот. Не была еще подавлена артиллерия и в Тиргартенпарке — из глубины его она могла бить вдоль набережных и по Кёнигплацу.

Уточнение обстановки подтверждало правильность замысла относительно штурма рейхстага. Сначала захватить помещение швейцарского посольства. Затем, опираясь на него, — «дом Гиммлера». Потом нейтрализовать Кроль-оперу. И наконец, начать штурм рейхстага двумя полками. Исходное положение — южная оконечность «дома Гиммлера». Отсюда оба полка спустятся на юго-восток, к

центру Кёнигплаца, перед рвом развернутся на восток, фронтом к фасаду, и при поддержке артиллерии начнут атаку.

Дело теперь стояло за тем, чтобы скорее овладеть белым зданием и начать выбивать немцев из здания красного.

Под утро я приказал подготовить наблюдательный пункт для оперативной группы как можно ближе к берегу Шпрее. Капитан Чупрета, веселый и, как всегда, оживленный майор Лазаренко со своими связистами, кто-то из разведчиков и артиллеристов быстро собрались в путь.

К утру 29 апреля большая часть белого здания уже находилась в наших руках. Там обосновал свой НП Зинченко. Туда вошел и батальон Давыдова. Приданная ему истребительно-противотанковая батарея капитана Романовского тоже перебралась на ту сторону. Значит, пришла пора брать резиденцию Гиммлера.

На 7 часов по московскому времени была назначена двадцатиминутная артподготовка. В ней должна была принять участие вся артиллерия. Целями служили «дом Гиммлера», Кроль-опера, огневые позиции врага в районе Кёнигплаца и в Тиргартене.

Сосновский, с серым от бессонных ночей лицом и воспаленными глазами, не отрывался от телефона. Охрипшим голосом давал он целеуказания и боевые распоряжения, запрашивал доклады. И вот в час, когда где-то за темными домами Берлина начало всходить над землей невидимое нами солнце, когда день 29 апреля начал вступать в свои права, над центром города прокатился гром нашей артиллерии. Заговорили «катюши» и полковые минометы, пушки-сорокапятки и 203-миллиметровые гаубицы. Двадцать минут не прекращался страшный грохот, от которого содрогались стены зданий, лопались уцелевшие оконные стекла.

Как только смолк орудийный гром, в атаку пошел батальон Давыдова. Бойцы выскакивали из дверей и окон первого этажа, из проломов, которые зияли в стенах белого здания. Перед ними был огромный шестиэтажный дом, каждая сторона которого занимала целый квартал. Из амбразур в кирпичной кладке, закрывавшей окна, по бойцам ударил многослойный пулеметный огонь, полетели

фаустпатроны. Взвод лейтенанта Кошкарбаева все-таки сумел прорваться сквозь этот ливень металла к одной из дверей, сбил охрану и закрепился на лестничной площадке первого этажа.

Брешь — пусть небольшая, но все же брешь — в твердыне красного здания была пробита!

Тем временем пришла тревожная весть от Чупреты:

— Товарищ генерал! Подготовка энпе закончена. Но нас атаковали немцы силою до роты автоматчиков. Отбиваемся, однако приходится туго...

— Где вы находитесь?

— В складском помещении Лертерского вокзала, у эстакады.

— Держитесь, сейчас вышлю подмогу. Вы меня слышите?

Ответа не последовало — связь оборвалась. Батальон Блохина, находившийся неподалеку от вокзала, получил приказание поспешить на выручку группе, подготавливавшей НП. Вскоре от Блохина поступил доклад, что противник отброшен и рассеян и что дома в районе наблюдательного пункта тщательно прочесываются.

В 8 часов, после завтрака на скорую руку, было решено отправиться на новый НП. Но если вчера вечером я сумел проделать пеший путь до Зинченко и обратно, то сегодня о таком путешествии не могло быть и речи. Альт-Моабит-штрассе находилась под непрестанным и густым обстрелом. Вели его из окон домов, из подвалов и чердаков фаустники, автоматчики, снайперы. То ли это были ожившие после вчерашних боев очаги сопротивления, то ли за ночь сюда просочились неприятельские солдаты из других кварталов. Как ни неприятно, но мириться с такой обстановкой у себя в тылу все же приходилось. На выкуривание противника из этих домов у нас не было сил. Оставалось утешать себя тем, что разрозненные группы и одиночные солдаты врага способны лишь на пассивное сопротивление — они едва ли смогут объединиться для контратак и нанести ощутимые удары по органам управления дивизии.

В такой обстановке требовалось срочно найти подходящее средство для передвижения. Более всего для этой цели подходил танк.

— Товарищ Морозов, — спросил я находившегося на НП командира 23-й танковой бригады, — найдется у вас

свободная машина с хорошим механиком-водителем? Иначе мне до Лертерского вокзала не добраться.

— Есть такая, товарищ генерал, — ответил подполковник. — Это мой танк. Разрешите, я с вами поеду.

— Нет, вдвоем нам ехать нецелесообразно. Вы подъедете потом и кого-нибудь из штаба дивизии с собой прихватите. А пока проконтролируйте, чтобы все танки, находящиеся на этой стороне, вышли на набережную и стали на прямую наводку против «дома Гиммлера». Если оттуда начнется контратака, ее надо будет подавить. Ясно?

— Все понятно, товарищ генерал. Сейчас дам команду, чтобы танк подошел ближе к нашему дому.

Через несколько минут мы с Курбатовым сели в тридцатьчетверку. Она резко взяла с места и, развернувшись на большой скорости, выскочила на Альт-Моабит-штрассе. Не проехали мы и десятка метров, как рядом громыхнул взрыв фаустпатрона. Однако механик уверенно вел машину посередине улицы, подминая покореженные автомобили, объезжая завалы. Спереди, сзади, сбоку рвались фаусты. Хлестали по броне пули. Поднимали столбы земли залетавшие с той стороны реки снаряды. Но танк в твердых и умелых руках виртуоза был неуязвим. Всего несколько минут продолжался наш путь по открытой, простреливаемой улице. Но какие это были минуты! Каждая из них могла стать последней в нашей жизни.

Танк круто повернул влево. Мы въехали в район вокзала. Железнодорожные пути проходили здесь в разных направлениях под улицей, над улицей по эстакадам. Машина вползла во двор четырехэтажного дома. Здесь царило оживление, взад и вперед пробегали озабоченные люди.

— Где здесь энпе? — спросил я рослого солдата Парчевского, одетого в грязный ватник.

— В эту дверь, товарищ генерал, на четвертый этаж! — вытянулся он.

Я вошел в подъезд и пустился бегом вверх по лестнице. Между третьим и четвертым этажами навстречу попались два бойца с носилками. На них лежал прикрытый офицерской шинелью человек и громко стонал. Я наклонился и узнал Логвинова — помощника начальника штаба 756-го полка.

— Что с ним? — обратился я к солдатам.

— Балкой придавило капитана, — ответил один из них. — Снаряд на энпе разорвался...

— Осторожнее несите. В санроту дорогу знаете?

— Так точно!..

На НП разместились артиллеристы и разведчики. В помещении, которое они занимали, обвалился потолок. Еще не осела пыль, и кисло пахло порохом. Я подошел к провалу окна. Отсюда виднелся противоположный берег Шпрее, какие-то дома на той стороне. Все было видно как в тумане. Над Берлином стлалась гарь пожаров. Продымленный и пропыленный воздух скрадывал перспективу, искажал представление о расстоянии. Бинокль ненамного облегчал наблюдение.

И все-таки я вполне отчетливо увидел сильно разрушенное здание с закопченными стенами, — видимо, еще совсем недавно оно без преувеличения отвечало эпитету «белое». Правее его возвышалась красно-бурая громада необъятного дома. Так вот он каков, «дом Гиммлера»! А левее над какими-то крышами вставал высокий купол. У основания купола, над фронтоном, виднелся бронзовый всадник. Из-под его ног вниз уходили колонны, теряясь за очертаниями каких-то домов. Верх здания с его куполом и всадником отдаленно напоминал наш Большой театр.

— Рейхстаг? — спросил я стоявшего рядом артиллериста и показал рукой.

— Как будто он. Мы считаем, что так.

Перед глазами встал план этого района. Я прикинул направление и расстояние. Да, наверное, рейхстаг. Ведь должен же он чем-то выделяться среди окружающих его домов. А как его еще отличишь? До сих пор мне не приходилось видеть фотографий или картин с изображением рейхстага, не приходилось и слышать устных описаний его. «Потом еще раз прикину по плану, удостоверюсь, — решил я. — Да и пленных надо спросить. А то, чего доброго, возьмем что-нибудь не то — сраму не оберешься...»

Недалеко от нас виднелся мост Мольтке. По нему проезжали машины, пробегали люди, катились на прицепах орудия. То на самом мосту, то в воде около него рвались снаряды. Все-таки вражескую артиллерию мы подавили далеко не полностью!

В это время от взрыва заходила ходуном стена нашего дома. Второй грянул где-то в соседнем помещении. Видимо, вражеские наблюдатели засекли НП.

— Пункты, откуда противник ведет наблюдение, обнаружены? — поинтересовался я.

— Так точно!

— Передайте Сосновскому, чтобы ударил по ним прямой наводкой из тяжелых...

Словно вынырнувший из-под земли Гук тронул меня за рукав:

— Товарищ генерал, для оперативной группы дивизии энпе подготовлен внизу. Пойдемте, я провожу вас.

Мы спустились по лестнице, прошли по дворам через груды развалин и очутились около железнодорожной эстакады, к которой прилепилось небольшое одноэтажное строение с толстенными стенами.

— Здесь!

Мы вошли в узкий коридорчик, вся обстановка которого состояла из двух столов, стульев и дивана. Здесь была навалена небрежно собранная в кучу одежда, очевидно припрятанная жителями. Из коридорчика дверь вела в комнату с узкими окнами, где разместились офицеры-операторы.

Меня встретил бледный Чупрета:

— Товарищ генерал, майор Лазаренко погиб!

— Как?

— Когда мы тут отстреливались от немцев, он был ранен в мякоть правой ноги. Вроде бы и несерьезно. Перевязали его. Он сказал, что плохо ему, умирает, мол. Потом попить попросил. Попил, сказал, что лучше стало. А как кончился бой, смотрим, он и не дышит...

Вот и еще одним соратником в самый канун победы стало меньше. Трудно было представить себе, что больше не появится на НП коренастая, полная фигура Димы Лазаренко, не прозвучит его убежденное (и отнюдь не пустое!) заверение: «Связь будет, товарищ генерал, обязательно будет!», что не прыснут солдаты от его соленой шутки. Горько было сознавать это.

Да, много жизней забрал тот трудный день — 29 апреля. Среди погибших кроме Лазаренко были и другие люди, которых я знал, с которыми постоянно сталкивался и по служебным делам, и в редкие часы отдыха. Например, капитан Вадим Всеволодович Белов, редактор дивизионной газеты «Воин Родины». Со своим заместителем капитаном Зацепиным он отправился в один из полков.

Ударил из окна фаустпатрон, грохнул взрыв, и Белов был сражен насмерть, а Зацепин ранен...

Но об этом я узнал позже. А пока, осмотревшись на новом месте, позвонил на старый НП и попросил быстрее направить ко мне Офштейна. Но оказалось, что Израиль Абелевич заболел — что-то стряслось с желудком и врач не разрешает ему подниматься.

— Ладно, — решил я, — Чупрета здесь уже, пришлите кого-нибудь еще из оперативного отделения...

Вскоре на танке прибыли подполковник Морозов и один из заместителей Офштейна — капитан Константин Барышев.

Штурм красного дома продолжался. К 13 часам подразделения давыдовского батальона очистили несколько комнат на первом этаже. Бойцы из батальона Неустроева захватили угловую часть здания, выходящую на набережную. В этом бою был ранен командир роты Панкратов, его заменил командир отделения старший сержант Гусев.

Сражение за «дом Гиммлера» затягивалось. Пока что нами был достигнут незначительный успех. Вводить же раньше времени весь 674-й полк не хотелось — ведь нужны были свежие силы для штурма рейхстага.

Несколько раз поднимался я на четвертый этаж соседнего дома, на НП, где сидели артиллеристы и разведчики. Картина, во всяком случае внешне, оставалась неизменной. Все так же клубились разрывы на набережной и на мосту. Все так же густой чадный туман застилал панораму города серой кисеей. Разве что кисея эта стала плотнее да из нескольких окон красного здания начал валить дым.

Но как бы ни важны были события по ту сторону Шпрее, они не могли безраздельно поглотить внимание. Время от времени звонили то Мочалов, то Дьячков.

Мочалов сообщал:

— Фашисты из Тиргартена атакуют мост силами до двух батальонов при поддержке танков. Атаку отбили главным образом артиллерией. Несколько немецких танков горят. Два наших тоже подожжены. В общем, держимся. Сейчас у другого моста, южнее, заваруха наклевывается.

— Держись, Мочалов, держись! Не стой неподвижно, выводи мелкие подразделения на ту сторону, встречай немцев там. Маневрируй, устраивай засады!

Следом докладывал Дьячков, как всегда, спокойно, невозмутимо:

— Фашистов вокруг капе полно. Действуют отдельными группами. Подполковник Истрин использует для борьбы с ними тыловые подразделения. Дела у него идут неплохо.

Обстановка окончательно утвердила меня в решении оставить батальон Блохина в резерве. А то, не ровен час, вся опергруппа может оказаться в руках у немцев.

К вечеру батальоны Давыдова и Неустроева очистили уже довольно значительную часть «дома Гиммлера». Плеходанов получил приказ вводить в здание весь свой полк. Бой за красный дом слишком затянулся. Это не входило в наши планы. Надо было форсировать ход событий.

В темноте два батальона 674-го полка бегом преодолели мост Мольтке, по которому гитлеровцы не прекращали вести огонь. Наши силы в «доме Гиммлера» удвоились. А в здании швейцарского посольства к этому времени уже находились 380-й и 525-й полки 171-й дивизии.

Часы показывали полночь. Наступило 30 апреля.

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

НА ИСХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Бой в красном здании продолжался всю ночь. Оборонявшийся там эсэсовский батальон дрался очень упорно.

Под утро над нашими частями нависла внезапная угроза. Из кварталов, расположенных к юго-востоку от швейцарского посольства, вырвалась монолитная масса людей. Растекаясь между домами, они подняли неистовую пальбу из автоматов. Пули градом стучали по асфальту, по стенам домов.

Это бросились в отчаянную контратаку курсанты-моряки, прибывшие из Ростока. Они пытались прорваться к мосту Мольтке. Однако застать врасплох наших командиров, искушенных всяческими неожиданностями, было не так-то просто. Плеходанов быстро вывел часть людей из «дома Гиммлера», Клименков двинул своих бойцов из белого здания. Грянули орудия прямой наводки и минометы, уже успевшие перебраться на противоположный берег Шпрее.

Бой получился очень скоротечным. Ошеломленный, зажатый в «клещи» отряд не смог даже по-настоящему сопротивляться. Около трехсот пятидесяти незадачливых курсантов оказались в плену. Половина остальных устлала своими трупами улицы, другие столь же стремительно, как и наступали, откатились назад.

На НП ко мне привели несколько пленных моряков. Это были рослые, статные ребята, лет восемнадцати-девятнадцати, в черных бушлатах и брюках-клёш. При виде их мне припомнилась контратака немецких матросов на латвийских холмах. Эффектное было зрелище! А этим

и внешний эффект не помог — свой прорыв они предприняли в темноте.

Курсанты были обескуражены всем происшедшим. Еще несколько десятков минут назад они мнили себя спасителями третьего рейха, а теперь вот неловко и опасливо переминались с ноги на ногу в блиндаже русского комдива. На вопросы они отвечали довольно обстоятельно.

Вчера утром их высадили в Темпельгофе. 600 человек. Строем прошли они пятикилометровый путь до рейхсканцелярии. Там их построили около бункера. Вышел Гитлер со свитой. Вид фюрера их удивил. Пятидесятишестилетний мужчина, он выглядел глубоким стариком. Сначала Гитлер вручил Железный крест подростку, подбившему фаустпатроном русский танк. Потом обратился с короткой речью к морякам. Он назвал их героями и надеждой нации, призванными спасти Германию в трудный для нее час. Для этого требовалось всего-навсего отбросить небольшую кучку русских, которые прорвались на этот берег Шпрее, и пресечь их попытки овладеть рейхстагом и Бранденбургскими воротами. Продержаться нужно совсем недолго — вот-вот появится оружие возмездия огромной силы и новые самолеты. Это вопрос дней. С юга подходит армия Венка. Русские будут не только выбиты из Берлина, но и отброшены до Москвы.

Гитлер ушел. Его место перед строем занял Геббельс. Он говорил долго и манерно, развивая мысли фюрера о чудодейственном оружии, о слабости большевистских позиций и о скорой победе. Все это перемежалось откровенной лестью в адрес моряков. «Гитлер еще покажет свою силу всему миру!» — патетически восклицал маленький колченогий человечек. В заключение он сказал, что отряд моряков получает наименование «батальона СС особого назначения», и дал приказ немедленно выступать.

Курсанты направились к рейхстагу, до которого было несколько кварталов, и расположились в траншеях. Там и сидели они, пока их не подняли в ночную контратаку с задачей пробиться к мосту Мольтке и взорвать его, чтобы отрезать и уничтожить форсировавших Шпрее русских.

Допрос помог нам уточнить представление о силах, оборонявших рейхстаг. Меня, признаться, больше всего поразила вера этих мальчишек в сказки о «сверхоружии» и скорой победе над большевиками. В этой вере было что-

то мистическое, настолько противоречила она явным, совершенно очевидным фактам.

К рассвету 30 апреля весь «дом Гиммлера» был нашим. Но, понятно, далось это ценой немалых потерь. Батальоны Давыдова и Неустроева поредели. Сложили свою голову и многие артиллеристы, выводившие орудия на прямую наводку по рейхстагу.

Задача эта была труднейшей. Если сравнительно легко удалось ее решить майору Найманову — его дивизиону были отведены огневые позиции у здания швейцарского посольства, — то намного тяжелее пришлось тем кому предстояло стать перед фасадами «дома Гиммлера» и Кроль-оперы. Орудия приходилось перекатывать вручную. Путь им преграждали завалы из битого кирпича и камня. Со стороны Кёнигплаца ни на минуту не утихала ожесточенная стрельба изо всех видов оружия. Артиллеристы прокладывали себе дорогу огнем.

Младший лейтенант Михаил Шмонин — командир взвода из 76-миллиметровой полковой батареи капитана Сагитова, когда в расчете остался один заряжающий, сам стал на место наводчика. От «дома Гиммлера» орудие ударило по пулеметным точкам и автоматчикам врага. Но неприятельский снаряд снес угол здания, и отважный командир взвода погиб под обрушившимися обломками.

Выгодные огневые позиции заняла полковая противотанковая батарея капитана Дмитрия Романовского. Взвод лейтенанта Швыдкого расположил пушки в проломах стены, выходящей к Кроль-опере. Взвод лейтенанта Байсурова стал под аркой «дома Гиммлера». А старший лейтенант Тарасевич приказал бойцам своего взвода вкатить сорокапятки на второй этаж красного здания.

Переправились через Шпрее и противотанковый дивизион майора Ильи Тесленко, и приданный нам 1957-й противотанковый полк. Артиллеристы этого полка проявили незаурядную находчивость. Чтобы с меньшими потерями добраться до Кёнигплаца, они решили воспользоваться подвалами красного дома. Бойцы разведали подземный коридор. Он оказался узким и местами заваленным. Чтобы не тратить время на разборку завалов, солдаты сняли стволы со станин и таким образом несколько пушек удалось протащить через весь коридор, а потом, выбравшись на поверхность, установить их против рейхстага.

Итак, значительная часть орудий, предназначенных для стрельбы прямой наводкой по вражеской твердыне, заняла свои позиции. Стрелковые полки получили приказ сосредоточиться в южной оконечности «дома Гиммлера» и занять исходное положение для атаки рейхстага: Зинченко — на левом фланге, Плеходанов — на правом. Артподготовка назначалась на тринадцать часов, штурм — на тринадцать тридцать.

Связавшись с Переверткиным, я доложил ему о своих намерениях. Он одобрил их. Потом я попросил:

— Разрешите перенести наблюдательный пункт в «дом Гиммлера». А то отсюда мне невозможно вести личное наблюдение за ходом боя.

— Нет, нет, — возразил командир корпуса, — ни в коем случае. Вы тогда оторветесь от своего правого фланга, утратите руководство им. А для корпуса и для армии этот участок очень важен. Допустить прорыв немцев на север ни в коем случае нельзя!

— Да, но командный пункт дивизии останется на северной стороне, в Моабите... — начал я.

Но Переверткин перебил:

— Нет, Василий Митрофанович, переходить на южный берег запрещаю.

Тогда мне этот приказ показался обидным и не очень обоснованным. Лишь много позже я понял, что Семен Никифорович был прав.

Утро занималось все такое же — дымное, пропитанное гарью и оттого вроде бы пасмурное. С четвертого этажа, куда я забрался понаблюдать за обстановкой, было видно, как по мосту проскакивают, стараясь не угодить под вражеские снаряды, конные упряжки с орудиями. Огонь по мосту не прекращался. На набережной, на той стороне, чернело несколько тридцатьчетверок, подожженных вчера вечером. Танкистам нашим доставалось крепко!

Едва я спустился вниз, раздался звонок. Зинченко докладывал:

— Батальон Неустроева занял исходное положение в полуподвале юго-восточной части здания. Только вот ему какой-то дом мешает — закрывает рейхстаг. Будем обходить его справа.

— Постой, постой, какой еще дом? Кроль-опера? Так она от вас на юго-запад.

— Нет. Это на юго-восток.

Я мысленно воспроизвел план. Что за чертовщина! Перед рейхстагом ничего не должно было быть.

— Что-то ты путаешь, Зинченко. План у тебя есть?

— Есть.

— Ну-ка взгляни на него. — Я тоже на всякий случай придвинул к себе карту. — Какое расстояние до здания? Каким оно номером обозначено на плане? — продолжал допытываться я.

— Расстояние... метров триста. Номер сто пятый...

— Так ведь это и есть рейхстаг!

— Да, выходит, что так, — смущенно проговорил Зинченко. — Из подвала он нам как-то не показался. Да и расстояние вроде скрадывается...

— В следующий раз внимательнее будь и комбатов своих проверяй. А то, чего доброго, возьмут какой-нибудь не тот рейхстаг...

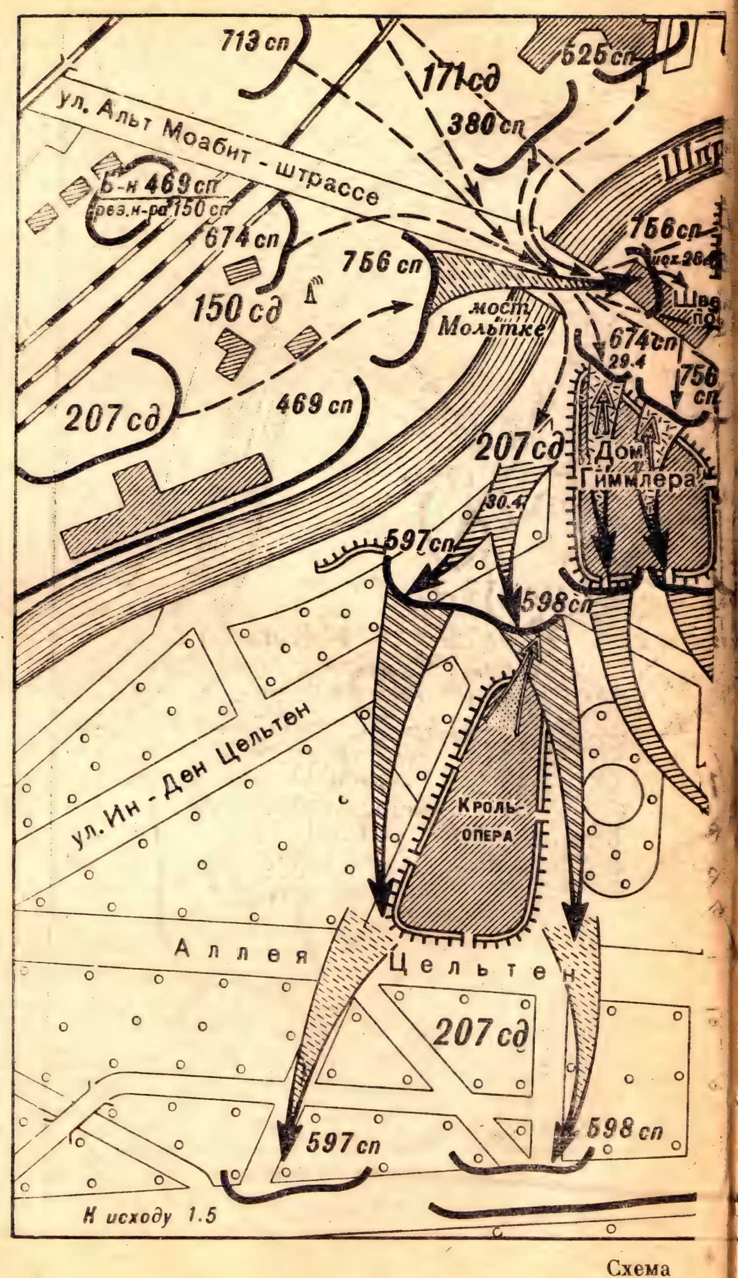
На этом маленькое недоразумение было исчерпано.

Сосновский тем временем готовил огневой налет по основным узлам сопротивления: Бранденбургским воротам, рейхстагу и домам восточнее его. Сосредоточенная в этих пунктах артиллерия сильно мешала движению по мосту и выходу на исходные позиции танков и орудий, еще не успевших занять свои места.

К «дому Гиммлера» подошли последние наши резервы. Это были бывшие узники Моабитского лагеря — наши русские люди, оказавшиеся в фашистской неволе. Не все из них были подготовлены как бойцы, но огромное желание сражаться с фашистами владело каждым. Конечно, я бы с бо́льшим удовольствием отправил сейчас в полки бывалых, обстрелянных солдат — как бы пригодились они во время последнего штурма! Но приходилось довольствоваться тем, что было. В ротах ведь насчитывалось по 30—40 человек.

В 9 часов утра начался наш артналет. Снаряды, видимо, достигли цели. Противник на время замолчал. Потом возобновил стрельбу, но она не была такой интенсивной и точной, как прежде. Однако и этот огонь причинял немало неприятностей. Я приказал Сосновскому не прекращать методического обстрела обнаруженных огневых позиций врага.

На нашем НП, казалось, сам воздух был пропитан необычайным возбуждением. Все мысли, решения, поступки определяло одно — рейхстаг. Я испытывал прилив

713 сп
171 сд
525 сп
380 сп
ул. Альт Моабит - штрассе
Б-н 469 сп
рез.н-ра 150 сп
674 сп
756 сп
150 сд
мост Мольтке
207 сд
469 сп
756 сп
674 сп
29.4
756 сп
207 сд
Дом Гиммлера
30.4
597 сп
598 сп
ул. Ин - Ден Цельтен
Кроль-опера
Аллея Цельтен
207 сд
597 сп
598 сп
К исходу 1.5

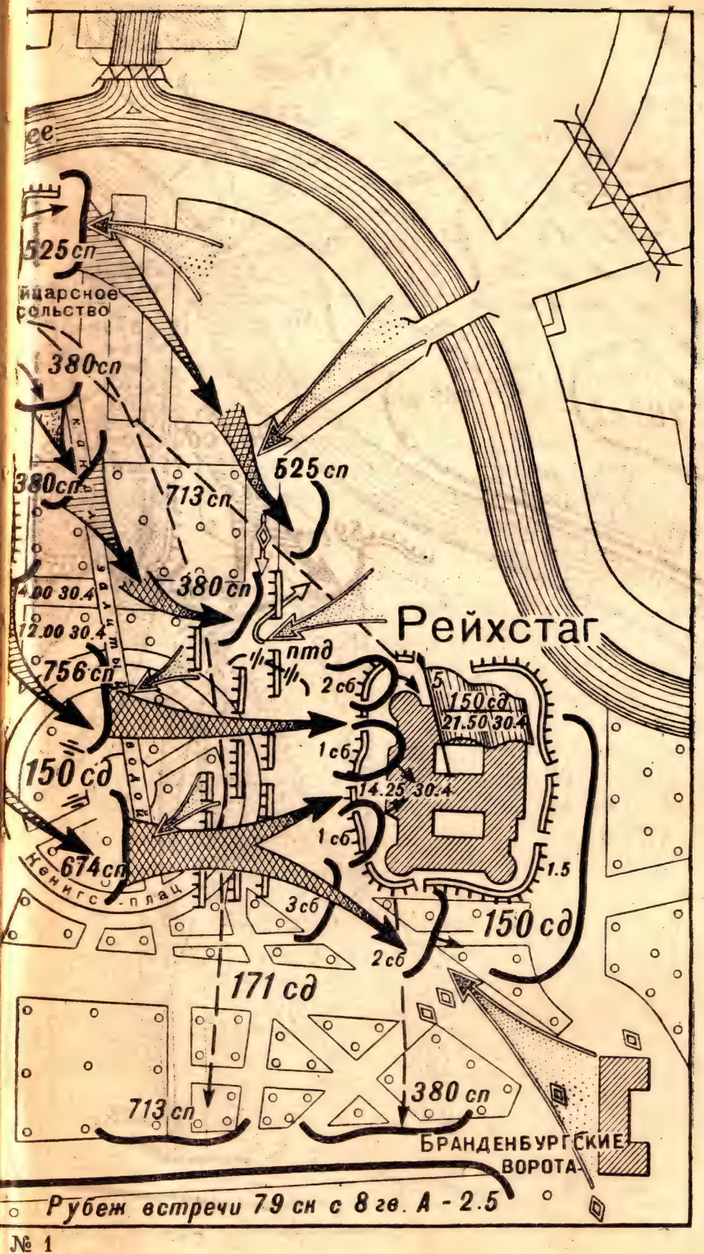

525 сп
380 сп
380 сп
713 сп
525 сп
380 сп
Рейхстаг
птд
2 сб
150 сд
21.50 30.4
1 сб
14.25 30.4
1 сб
756 сп
150 сд
674 сп
3 сб
2 сб
150 сд
1.5
171 сд
713 сп
380 сп
БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА
Рубеж встречи 79 ск с 8 гв. А - 2.5

Схема № 1

необыкновенной бодрости, забыв о том, что уже несколько суток не смыкал глаз. Голова работала ясно, все происходящее воспринималось обостренно и четко.

Беспрестанно хлопала дверь, впуская и выпуская людей.

Вот появился Михаил Васильевич Артюхов:

— Весь политотдел на той стороне. Офицеры по подразделениям пошли. Капитана Матвеева направил в батальон Неустроева. Перед штурмом проведем короткие партийные и комсомольские собрания. Объясним обстановку, задачи, напомним о традициях дивизии. Особое внимание обратим на необстрелянных. Все-таки впервые все для них...

— Что ж, Михаил Васильевич, все правильно, все это надо.

— Да, вот еще какое дело. Парткомиссия во главе с майором Зенкиным в «дом Гиммлера» пошла. Очень многие перед штурмом заявления в партию подают. Мы решили на месте дела рассматривать.

— Молодцы! А с газетой у нас как?

— Очередной номер выпускается. За редактора сейчас старший лейтенант Минчин. Корреспонденты Василий Субботин и Николай Шатилов в батальонах. Будут оттуда давать материалы о штурме. И еще... у меня просьба.

— Какая?

— Разрешите и мне в полки пойти?

— Ладно, иди. Только, смотри, осторожнее будь, не лезь куда не следует. Обязательно в провожатые знающего офицера возьми.

— Хорошо. До свидания!

— Желаю успеха!

Позвонил Дьячков. Доложил:

— Офицеры штаба отправлены по частям и подразделениям — проверить своевременность выхода на исходное. Знамя Военного совета номер пять находится в «доме Гиммлера», на энпе у Зинченко.

Вошел майор медицинской службы Ипатов. Глаза красные, — видно, тоже несколько ночей не спал.

— Товарищ генерал, передовые медпункты выдвигаю вперед.

— Правильно. Расположите их в «доме Гиммлера» в нижнем этаже и в подвалах. Подходы к ним выберите

скрытые. И смотрите, чтобы раненые подолгу на поле боя не лежали. К одиннадцати часам доложите о готовности.

Ипатова сменил Сосновский:

— Товарищ генерал! Гвардейские минометы ставим на втором этаже «дома Гиммлера». Несколько орудий туда втащили. Хорошо получится, когда прямой наводкой по рейхстагу дадим!

— Разумное решение. Одобряю!

Нас прерывает телефон. Слышу голос Мочалова. Это он напоминает мне о том, что кроме рейхстага у нас есть и тревожный правый фланг — участок весьма серьезный и ответственный.

— Отбили несколько атак, — говорит Мочалов. — Немцы стараются подходить сразу к двум-трем переправам. Пускают танки и пехоту на бронетранспортерах. Расстреливаем прямой... Артиллеристы все время маневрируют, меняют позиции. Особенно здорово действует командир огневого взвода Клочков. Я держу постоянную связь с начальником штаба.

— Хорошо. Мне докладывайте каждый час и по мере необходимости...

С нетерпением ожидавший конца разговора подполковник Морозов взволнованно сообщает:

— Товарищ генерал, танки не могут выйти на исходное...

— Как так не могут?

— Огонь нестерпимый. Прижал их к белому дому. Дальше двинуться нельзя, уже четыре подбито, три подожжено.

— Да ведь если они не выйдут на прямую наводку, огня будет мало, штурм может захлебнуться!

— Я думаю, надо...

— Надо на месте разобраться, — перебиваю я Морозова и поднимаюсь из-за стола. — Сейчас пойду туда.

— Разрешите и я с вами?

— Ни в коем случае! Вдвоем там делать нечего, а мне все равно нужно с обстановкой ознакомиться.

В сопровождении капитана Барышева из оперативного отделения и нескольких разведчиков я вышел на улицу. Густой, тяжелый гром, волнами прокатывавшийся над городом, здесь слышался отчетливее и явственнее. Воздух порой содрогался от близких разрывов. Мы пробирались

через груды битого кирпича, мимо остовов искореженных машин.

Вот и мост. Теперь надо не мешкать! Огонь здесь хоть и редкий, но опасный. Бегом, мимо подбитого танка, мимо каких-то завалов проскочили мы на ту сторону Шпрее.

— Вниз, товарищ генерал, — услыхал я чей-то голос, — под мост!

Предупреждение было нелишне. Вдоль набережной, со стороны Тиргартена, били тяжелые пулеметы и время от времени орудия. Мы быстро свернули вправо и нырнули под мост. Здесь стояло несколько наших бойцов.

— Товарищ генерал! — остановил меня хрипловатый тенорок. — Прошу вас часы взять.

Оглянувшись, я увидел небритого солдата в ватнике. Стоя у вскрытого ящика, он протягивал мне белый полотняный мешочек. «Трофейщик, да еще нахальный», — мелькнула мысль.

— Как сейчас этим заниматься можно? — недружелюбно ответил я.

— Я ж не сам, — обиженно ответил боец, — меня старшина Игнатов сюда послал. Велел всем, которые к рейхстагу идут, часы выдавать. Чтобы, значит, время нашего штурма навсегда запомнить. Неужели, товарищ генерал, вы от таких часов откажетесь?

— Это другое дело, — поспешил я исправить свою ошибку. — Если так — с удовольствием приму. Спасибо. Фамилия-то ваша как?

— Рядовой Кобелев!

— Еще раз спасибо, товарищ Кобелев. — И я, взяв мешочек, пожал руку бойцу.

Часы были крупные, карманные, с надписью «Зенит» на циферблате. Их, оказывается, доставили в «дом Гиммлера» для награждения офицеров и генералов, отличившихся в боях.

И сейчас, кажется, эти швейцарские часы продолжают идти с неизменной точностью. Я говорю «кажется», потому что часам пришлось стать экспонатом ленинградского музея Великой Октябрьской социалистической революции. Несколько лет назад музейные работники встретились с моим старшим братом Яковом — бывшим балтийским матросом, участником штурма Зимнего в октябре семнадцатого года. От него они направились ко мне. Им показалось интересным отразить в музейной экспозиции два

факта из биографии членов простой крестьянской семьи: один находился у истоков революции, другой отстаивал ее завоевания в жестокой схватке с фашизмом.

Броском преодолев набережную, наша группа очутилась у швейцарского посольства. По асфальту цокали и с визгом рикошетировали пули. Прижимаясь к стене дома, мы свернули за угол. Здесь, на улице Мольтке, напротив красного здания, стояло семь или восемь танков. Я прошел вдоль машин по тротуару и постучал по броне каждой из них. Открылись люки, из них вылезли мрачные парни в черных танкистских доспехах. Молча окружили меня полукольцом.

Надо было найти правильный тон разговора с этими мужественными, но на какое-то время разуверившимися в своих возможностях людьми. Нельзя было позволить себе сбиться на окрик или упреки в трусости. Их следовало как-то ободрить, убедить в том, что задача им по плечу.

— Что же вы, братцы, до сих пор не на исходной?.. — начал я.

Танкисты, потупившись, молчали.

— Ведь вы все-таки за броней. А как же пехоте без вашей поддержки?

— Три наших экипажа попробовали, товарищ генерал, — осипшим голосом ответил один из танкистов. — Вон они, живьем сгорели. Что ж мы можем сделать, если прикрытия никакого? А зенитки насквозь броню прошивают...

— Я сам, товарищи, бывший танкист. Послушайте теперь меня. Ваши однополчане погибли геройски. Но они, видно, не все рассчитали, когда пытались проскочить к Кёнигплацу. Ну-ка давайте дойдем до угла... Видите, откуда немец бьет, где у него огневые точки? То-то же. Разве можно тут прямо выскакивать? Вот здесь надо резко повернуть вправо, прижаться к «дому Гиммлера», а потом сразу еще вправо и развернуться, не доходя Кроль-оперы. Там вы окажетесь за укрытием, в борта вам бить не смогут, да и в лоб вряд ли попадут. А вы оттуда сможете вести огонь по рейхстагу. И еще. Когда будете выходить, вся артиллерия дивизии начнет налет по вражеским огневым позициям. Немцу не до вас будет.

— Это дело! — оживились танкисты. — Если по-умному, то за нами дело не станет.

— Значит, так, ребята. Расходитесь по машинам. В одиннадцать ноль-ноль начнется артиллерийский налет, тогда вы и выскакивайте. Договорились?

— Так точно, товарищ генерал!

Повеселевшие танкисты полезли в машины. А я остался в конце улицы. Отсюда открывалась перспектива на Кёнигплац. Там, где согласно плану должны были зеленеть деревья, торчали обгорелые стволы. Перспективу венчало, властвуя над всем, огромное серое здание с высоким куполом и башенками по бокам. Солнце висело над этим домом — тусклое, красноватое. Сквозь сухой, дымный туман на него можно было смотреть незащищенным глазом.

В бинокль были отчетливо видны и ров с водой, и траншеи, и доты около рейхстага, и зенитные пушки перед фасадом, поставленные на прямую наводку. Виднелись и бронированные колпаки, и что-то напоминающее трансформаторную будку, и вдали, у Бранденбургских ворот, — орудия и врытые в землю танки.

Все это прочно отпечаталось в моем сознании. Теперь не по плану, не умозрительно, а воочию встали передо мной поле предстоящего боя и те три с половиной сотни метров ощетинившейся, враждебной земли, которые надо было преодолеть нашим бойцам, чтобы ворваться под мрачные своды рейхстага. Увидеть такое перед боем очень полезно. Без этого, по одним докладам, никогда не воссоздашь в своем воображении истинной картины боя, не примешь в нужный момент лучшего решения.

Еще немного подержал я бинокль у глаз, разглядывая, как скачками передвигаются к Кёнигплацу наши орудия, выходя на прямую наводку. Расчеты выкатывали их вручную. А вокруг вставали фонтаны земли и каменной пыли — немцы всеми силами старались задержать их продвижение.

Все. Пора было возвращаться.

На обратном пути один из сопровождавших меня солдат был ранен. Других происшествий не случилось.

На НП меня ждал командир 207-й стрелковой дивизии Василий Михайлович Асафов. Я обрадовался ему, как другу после долгой разлуки, хотя не виделись мы всего дней десять.

— Вот, Василий Митрофанович, — весело сообщил он, — привел войско. Взаимодействовать будем. Нам при-

казано Кроль-оперу занять, прикрыть ваш правый фланг у рейхстага.

— Это хорошо, это просто здорово! — откликнулся я.— А то скоро штурм начинать, да без поддержки справа туго приходится. Давай сходим к наблюдателям, я тебе обстановку покажу. Оттуда не ахти как видно, но кое-что рассмотреть можно.

Дав Сосновскому распоряжение об артналете в 11 часов и успокоив Морозова относительно танкистов, я вывел Асафова из помещения. Василий Михайлович кряхтел, волоча свою раненую ногу, просил не спешить. Но я безжалостно подгонял его:

— Тут небезопасно. Расстояние хоть и небольшое, а подстрелить мигом могут.

Перейдя двор, мы забрались на четвертый этаж. Асафов оценивающим взглядом окинул городские кварталы. Мы договорились, что к 6 часам вечера он выдвинет дивизию на южный берег и, обойдя «дом Гиммлера» с западной стороны, ударит по Кроль-опере.

В 11 часов стены нашего НП содрогнулись — дивизионная группа начала артналет по огневым позициям немцев. Когда орудия умолкли, Морозов принес хорошую весть: танки без потерь заняли исходное положение.

Севернее Кёнигплаца закончил развертывание дивизион Ильи Михайловича Тесленко. Для стрельбы прямой наводкой по рейхстагу кроме тех орудий, что уже заняли огневые позиции, выходили шесть батарей 328-го полка и батареи 1957-го истребительного противотанкового полка. Изготавливались к стрельбе два дивизиона 22-й и два дивизиона 50-й гвардейских минометных бригад. Заняли места на огневых позициях 3-й и 4-й дивизионы 86-й тяжелой артиллерийской бригады, 1-й и 2-й дивизионы 124-й гаубичной бригады и два дивизиона 136-й артбригады приданных нам и поддерживающих частей. На серое массивное здание рейхстага нацелилось, включая танки и самоходки, в общей сложности 89 стволов.

Шли последние приготовления к штурму. Все, кому предстояло в нем участвовать, получили автоматы (винтовки и карабины были малопригодны для боя внутри здания) или ручные пулеметы, ножи и двойной комплект гранат.

Вот как вспоминал об этих часах работник политотдела дивизии капитан Исаак Устинович Матвеев, направленный в батальон Неустроева:

«Батальон сосредоточился в подвальном помещении «дома Гиммлера». Тут я и встретился с Неустроевым. Он поручил мне познакомиться и побеседовать с солдатами, особенно с новым пополнением. В подвале находились офицеры Гусев, Ярунов, Берест и другие и старший сержант Сьянов, который был только накануне назначен командиром роты. До этого я его не знал.

Я много беседовал с людьми, познакомился с настроением их, рассказал о значении предстоящего боя. Люди готовы были в любую минуту броситься в атаку, но, конечно, очень волновались. Душевное напряжение было очень сильное. Ко мне стали подходить бойцы с просьбой записать их в число первых атакующих.

Необходимость в подобной записи была вызвана тем, что, как нам представлялось, врываться в рейхстаг придется через проломы, проделанные снарядами в замурованных дверях и окнах. А чтобы проникать в них, не мешая друг другу, требовалось соблюдать очередность. Первым, кто подошел ко мне с просьбой записаться, был рядовой Бык Николай Степанович, начавший свою военную службу совсем недавно — 22 апреля. Помню, у него было очень серьезное мужественное лицо и голос низкий, глуховатый. Он крепко сжимал автомат, висевший у него на груди. После него обратился с такой же просьбой Прыгунов Иван Федорович. За ним — Богданов Иван, Руднев Василий и еще несколько человек, фамилии которых не помню. А записи мои вместе с планшеткой и плащ-накидкой сгорели...»

Командиры рот еще и еще раз напоминали, кому и в каком направлении атаковать, каких придерживаться ориентиров. Взводные проверяли снаряжение у бойцов. Командиры батарей распределяли цели.

В одном из подвальных помещений «дома Гиммлера» шло заседание парткомиссии. Принимали в партию лейтенанта Рахимжана Кошкарбаева — командира взвода, комсомольца, казаха, 1924 года рождения. В своем заявлении он писал: «Желаю штурмовать рейхстаг коммунистом...»

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

События этого долгого и трудного дня описаны многократно — участниками и очевидцами, журналистами и литераторами. Но, как это иногда бывает, чем больше

пишется об одном и том же, тем больше возникает различных расхождений, неувязок, неточностей. Сказываются тут и капризы памяти (не все ведь писали по горячим следам), и субъективность восприятия (в напряженной, смертельно опасной обстановке окружающее по-разному запечатлевается в сознании людей). Не все представляли себе ситуацию в целом. Одни пользовались непроверенными источниками, другие давали волю фантазии, пренебрегая исторической достоверностью.

Стараясь быть предельно объективным, я обратился к записям, сделанным в те дни и воскрешавшим не только узловые моменты штурма, но и отдельные эпизоды боя за рейхстаг. Вновь я встречался или списывался по почте со своими бывшими сослуживцами и просил их рассказать, как запомнилось им все происходившее. Только после такой многократной проверки я посчитал себя вправе нарисовать общую картину штурма рейхстага.

Хочу оговориться: речь здесь пойдет преимущественно о действиях 150-й дивизии, потому что связь с соседями оставляла желать лучшего, и как шли дела у них, я знал лишь приблизительно.

Итак, к 12 часам атакующие заняли исходное положение. Со второго этажа «дома Гиммлера» на рейхстаг смотрели «катюши» и стволы пушек-сорокапяток батареи капитана Сергея Винокурова и огневого взвода старшего лейтенанта Тарасевича. На открытых позициях перед Кёнигплацем находились орудийные расчеты из полка Константина Серова, дивизионов Ильи Тесленко и Магомета Найманова, из батареи Дмитрия Романовского, изо всех артиллерийских подразделений 756-го и 674-го полков. Два орудийных расчета из 328-го артполка — старшего сержанта Николая Бердникова и сержанта Николая Хабибулина — были, кажется, первыми среди ставших на прямую наводку.

Часть подразделений, составлявших первый эшелон атакующих, выдвинулась на Кёнигплац, к заполненному водой рву. Это были: 2-я рота 1-го батальона 674-го полка под командованием лейтенанта Петра Греченкова, разведвзвод того же батальона лейтенанта Семена Сорокина, 2-я рота 1-го батальона 756-го полка. Ее возглавлял капитан Василий Иванович Ярунов — заместитель комбата, «дед», как называли его товарищи (ему было под пятьдесят).

Ров крепко беспокоил и Плеходанова и Зинченко. Был он достаточно широк и, по-видимому, глубок. Мостков через него почти не уцелело — остались в основном железные балки и трубы. С противоположной стороны возвышалась насыпь, — очевидно, отвал неубранной породы. А за ней змеились траншеи и чернели отдельные окопчики, в которых сидели немцы, занявшие позиции перед фасадом рейхстага. Преодолеть препятствие сразу всем первым эшелоном было бы очень трудно — все прилегающее ко рву пространство Кёнигплаца перекрывалось плотным огнем. Поэтому решено было выдвинуть вперед лишь несколько подразделений, чтобы они еще до начала артподготовки переправились через ров и связали боем противника, находившегося в траншеях за насыпью. Однако попытка эта не увенчалась успехом. Добраться до цели удалось лишь немногим смельчакам из взвода разведки во главе с помкомвзвода сержантом Иваном Лысенко. Остальные залегли перед рвом.

Основные силы первого эшелона изготовились к штурму в «доме Гиммлера». Солдаты заняли места около окон, готовые по сигналу выпрыгнуть через них на улицу.

В первом часу я доложил Переверткину, что дивизия заняла исходное положение для атаки.

— Хорошо, Василий Митрофанович, желаю быстрее водрузить Знамя над рейхстагом, — напутствовал командир корпуса.

Покинув надежные стены дивизионного НП, хорошо защищавшего от снарядов и мин, но лишавшего меня возможности увидеть своими глазами картину предстоящего штурма, я переселился на четвертый этаж соседнего дома, где расположились артиллерийские наблюдатели.

Стрелки часов подползали к тринадцати. И вдруг бинокль дрогнул у меня в руках. Тяжелый гром сотряс воздух, прокатившись над рекой, над Королевской площадью, над всем центром Берлина. Это грянули 89 стволов, направленных на рейхстаг.

Над Кёнигплацем словно пронеслась буря. Взвились дымно-огненные смерчи, вздыбились черные фонтаны земли. Гром не прекращался. Стоя справа у окна, я наблюдал в бинокль, как дым и пыль превращаются во все более плотную завесу, через которую становится трудно

различать траншеи, окопы и доты, испещрившие площадь, ров с водой и обугленные, расщепленные деревья. Надо всем этим возвышалась громада серого здания с куполом наверху. Оно мрачно глядело на площадь слепыми глазницами замурованных окон. Из узких амбразур вырывались частые слепящие вспышки — рейхстаг огрызался свирепым, плотным огнем. А по нему, не умолкая, все били и били орудия прямой наводки и батареи, находившиеся на закрытых позициях на северном берегу Шпрее...

Еще не замер характерный звук первого залпа «катюш», как из полуподвальных окон красного дома начали выскакивать бойцы 3-й роты Неустроева, 1-й и 3-й рот Давыдова. Каждый взвод держал направление по заранее намеченным ориентирам. От «дома Гиммлера» до рва — 240—300 метров. Для тренированного бойца полторы-две минуты стремительного бега. Но какие это минуты! Над Кёнигплацем, на подходах к нему воздух выл и стонал от раскаленного металла. Однако эти звуки покрывал оглушительный грохот нашей канонады. С голосом орудий 150-й дивизии слили свой голос батареи 171-й дивизии. Артиллерией наших соседей командовал полковник Павел Николаевич Ширяев.

Прошло минут двадцать. Сейчас согласно плану батальон Неустроева должен был пробиваться к центру фасада, туда, где расположен главный вход в рейхстаг. Батальону Давыдова надлежало выходить к правой оконечности здания, чтобы попробовать ворваться туда с южной стороны, через боковую дверь. (О том, что такая дверь существует, нам было известно от пленных.)

Я позвонил Плеходанову:

— Как дела?

— Рота Греченкова и разведчики помкомвзвода Лысенко воспользовались уцелевшим мостком и проскочили на ту сторону рва. Но там они залегли у маленького домика перед правым крылом рейхстага. Очень сильный фланговый огонь со стороны Бранденбургских ворот. Сейчас ввожу батальон Логвиненко, чтобы он прикрыл Давыдова с правого фланга.

— Действуйте энергичнее! Переключайте артиллерию на огневые позиции у Бранденбургских ворот.

Тут же я соединился с Зинченко:

— Как дела, перешли ров?

— Никак нет. Ни одного мостка не уцелело. Мешает интенсивный артогонь с фланга, со стороны моста от Карлштрассе...

Проклятый мост. Он пересекает излучину Шпрее справа, симметрично мосту Мольтке, к северу от рейхстага. По нему немцы могут подбрасывать подкрепления в центральную часть города. Но наши возможности здесь ограничены — этот район находится вне полосы дивизии.

— Зинченко! Не допускайте, чтобы люди долго лежали! Это увеличит потери. Прикажите Неустроеву поднять их. Выводите батальон Клименкова на левый фланг, чтобы прикрыть Неустроева. Артиллерию, которая у вас есть, поворачивайте на север. Тесленко поможет вам огнем.

Пытаюсь соединиться с Тесленко. Телефонной связи нет. Ведем разговор по рации.

— Смотрите на север! — кричу ему. — Подавите огонь со стороны Карлштрассе!

Тесленко — человек железной воли. Нет, по-моему, на свете такой силы, которая могла бы помешать ему выполнить приказ. После разговора с ним немного успокаиваюсь. Курбатов зовет меня к телефону.

— Мочалов, товарищ генерал!

— Мочалов? Ну что у тебя, дорогой? Докладывай.

С трудом улавливаю смысл того, что он говорит — ведь все мои мысли сейчас на Кёнигплаце, перед рейхстагом, где залегли наши роты. У Мочалова все в порядке — отражена очередная попытка противника прорваться через мосты.

— Держись, Мочалов, снарядов не жалей. Наши к рейхстагу рвутся.

И верно — рвутся. После моего разговора с Зинченко Неустроев позвал командира 1-й роты Сьянова. Рота у него после прихода последнего пополнения большая — 83 человека. Она оставалась во втором эшелоне, в «доме Гиммлера». Неустроев сказал ему: «Давай жми со своими орлами к рву и перемахни через него. Иначе батальон в атаку не поднять». С первой ротой он послал старшего лейтенанта Кузьму Гусева — своего начальника штаба, или, как тогда называлась эта должность, адъютанта старшего. Заместитель Неустроева по политчасти лейтенант Алексей Берест находился в цепи.

Бросок сьяновской роты оказался стремительным и удачным. Достигнув рва, бойцы с ходу преодолели его — кто по трубам и рельсам, кто вплавь. В тринадцать тридцать рота, а с нею и часть бойцов из других подразделений оказались на той стороне. До рейхстага оставалось каких-то 120 метров! Но преодолеть это расстояние одним рывком было невозможно. На пути лежала черная, изрытая окопами, ходами сообщения и воронками земля. В траншеях и окопах засел противник.

Нет, не могло тут быть такого, как иногда показывают в кино: лихой бросок в полный рост к главному входу, и все пули мимо, мимо... Короткая схватка у дверей — и людская лавина, втекающая в просторный вестибюль... Все было не так эффектно, куда сложней и тяжелей.

Не походило это и на классическую атаку где-нибудь в поле — сначала артподготовка, потом тяжелый солдатский бег за танками, за катящимся впереди огневым валом. Все здесь было по-иному. И люди поднялись, по сути дела, одновременно с артподготовкой (так диктовали обстоятельства), и не прикрывала их броня, и схватка в траншеях не была кульминационным пунктом атаки. Потому что главное было впереди. Впереди был бой в громадном сером здании. А то, что происходило на подступах к нему, являлось прелюдией этого боя. Продолжительной, затянувшейся. Немцы здесь сопротивлялись с особым ожесточением...

Около четырнадцати я позвонил Плеходанову. У того не было особых перемен. Связался с Зинченко. Он доложил, что рота Сьянова дерется на той стороне рва, но пробиться к главному входу пока не может. В боевые порядки отправился Неустроев.

— А Знамя? — поинтересовался я. — Где Знамя Военного совета? Ведь как ворвутся, его сразу водружать надо!

— Знамя у меня на энпе. Не с кем отправить его, товарищ генерал, людей нет...

— Хорошо, сейчас передам Знамя Плеходанову. Он найдет.

Только я положил трубку, аппарат настойчиво загудел.

— Товарищ генерал, — послышался голос Зинченко, — все в порядке, нашел бойцов! Сержант Егоров и младший сержант Кантария. Из разведвзвода полка. Надеж-

ные ребята, орлы! Сейчас отправляю их со Знаменем в боевые порядки.

— Ну то-то же, — усмехнулся я, — для святого дела всегда люди найдутся.

В 14 часов 20 минут рота Греченкова пробилась к юго-западному углу здания. Пулеметный расчет сержанта Шевченко занял позицию около самого фасада и открыл огонь во фланг гитлеровцам, сдерживавшим роты Сьянова. Для Сьянова это была очень существенная помощь.

В 14 часов 25 минут к входу с южной стороны здания (депутатскому входу) бросились солдаты из роты Греченкова во главе с младшими лейтенантами Атаевым и Литваком и группа сержанта Лысенко. Атаева тут же сразила пуля. Упало еще несколько бойцов. Но это не остановило остальных.

Старший сержант Сергей Такнов, рядовые Анатолий Бородулин, Григорий Булатов, Иван Гаврищев, сержант Николай Досычев и парторг давыдовского батальона лейтенант Каримджан Исаков первыми очутились у двери. Кто-то рванул ее на себя. Она оказалась незапертой! Это был единственный незамурованный ход, через который гарнизон рейхстага поддерживал связь с внешним миром. Бойцы ворвались в коридор, уставленный статуями полководцев..

«Атака была настолько стремительной, что я даже не запомнил, как взбежал по ступеням, — вспоминает об этих мгновениях Леонид Петрович Литвак. — Видно, что-то такое было у каждого на душе, что объяснить трудно. А кто открыл дверь и первым туда ворвался, сейчас уже не сказать. Ворвались в рейхстаг дружно все — кто чуть пораньше, кто немножко позднее. Первое время все как-то перемешались, я даже в этой лавине чуть было не потерял взвод, но тут же заметил рядом своих бойцов...»

В это же время рота Сьянова поднялась и кинулась к ступеням триумфального входа. Три огромных арочных дверных проема были заложены кирпичом.

Солдатам не пришлось разыскивать бревна, чтобы долбить кирпичную кладку (а ведь об этом писали и так!), не пришлось пускать в ход приклады. Батарея капитана Романовского поработала на славу! В одном из дверных проемов кирпич был выбит снарядами почти начисто. Туда-то и устремились бойцы. Первыми здесь

были сам Илья Яковлевич Сьянов, рядовые Иван Иванович Богданов, Николай Степанович Бык, Иван Федорович Прыгунов, Василий Якимович. Говорят, что младший сержант Петр Николаевич Пятницкий первым поднялся на ступени рейхстага с ротным штурмовым флажком в руках и был там сражен пулей. Другие же утверждают, что пуля оборвала его жизнь раньше — перед самым рвом. Впрочем, так ли уж важно, где пал боец, штурмующий последнюю вражескую твердыню? Важно, что он штурмовал ее и погиб как герой...

Вот как вспоминается сейчас это Николаю Степановичу Быку:

«Взбежав по ступеням, я бросился в пролом. Не могу сказать, первым я был или нет, — после света в полумраке не увидел никого. Как учили меня перед атакой, дал вокруг себя очередь из автомата. И только после этого увидел совсем рядом вжавшегося в угол целехонького немецкого солдата. Он сильно перепугался и не пытался сопротивляться. Я тут же опросил его (немецкий пришлось выучить за время оккупации): какие помещения расположены рядом с входом, куда ведут лестницы и коридоры, кто и где держит оборону. Он ответил. Сказал, что в соседних комнатах обороняется несколько подразделений, но главные силы находятся в подвале.

Пока я опрашивал его, мимо меня пробежало много людей. Узнав все, что, по моему мнению, было нужно, я бросился разыскивать Сьянова, чтобы доложить ему обстановку...»

А с моей позиции на четвертом этаже было видно, как разбросанные по площади фигуры людей поднимались, пробегали, падали, снова поднимались или же оставались недвижимыми. И все они стягивались, словно к двум полюсам магнита, к триумфальному входу и к юго-западному углу здания, за которым находился скрытый от моих глаз депутатский вход. Я видел, как над ступенями у правой колонны вдруг зарделось алым пятнышком Знамя. И тут же, в 14 часов 30 минут, я принял почти одновременно два доклада — от Плеходанова и Зинченко:

— Полторы наших роты ворвались в рейхстаг! — доложил один. — Время — четырнадцать двадцать пять.

— В четырнадцать двадцать пять рота Сьянова ворвалась в главный вход рейхстага! — доложил другой. — Зна-

мя Военного совета поставлено у колонны, справа от входа.

— Знамя вижу! — ответил я...

И снова, если давать ответ на вопрос: «Кто же был первым?» (а вопрос этот вызывает подчас чрезмерно повышенный интерес), я бы ответил: «А так ли уж это важно? Играют ли здесь роль минуты и секунды? Важно, что каждый стремился быть первым и делал все, чтобы быть им, не прячась за спины товарищей». Первыми были в полном составе рота Петра Греченкова, группа Ивана Лысенко и рота Ильи Сьянова.

Впрочем, чтобы быть совсем точным, могу добавить, что Греченков с несколькими бойцами задержался у домика, который стоял перед фасадом, против южного крыла рейхстага (в этом домике, по нашим предположениям, находился архив — он был битком набит различными бумагами). Так что Греченков вошел в рейхстаг немного позже. Но это была уважительная задержка. Лейтенант отправлял в батальон немецкого генерала, захваченного здесь в плен.

Но об этом я опять-таки узнал позже. А тогда, после докладов командиров полков, детали мне были еще не известны. Артюхов, вернувшийся с той стороны Шпрее, разыскал меня на четвертом этаже и сразу же предложил:

— Надо сообщить командиру корпуса, что наши подразделения уже в рейхстаге!

— А не рано ли? Пусть закрепятся там. Подождем, пока другие роты войдут. А то, чего доброго, выбьют наших оттуда — потом передокладывай...

— Что вы, товарищ генерал, теперь уже не выбьют ни за что!

— А ведь и верно не выбьют, — согласился я и приказал Курбатову соединить меня с Переверткиным.

В трубке я услышал голос Александра Ивановича Летунова — начальника штаба корпуса (Переверткина на месте не оказалось).

— Наши отдельные группы — до роты из полка Зинченко и до полутора рот из полка Плеходанова — ворвались в рейхстаг с парадного и южного входов и ведут там бой. От главных сил дивизии они отрезаны сильнейшим огнем со стороны Бранденбургских ворот и от Карлштрассе.

— Хорошо, Василий Митрофанович, доложу Переверткину, — ответил Летунов. — Когда понадобится огонь — просите. Я сейчас дам указание Василькову.

Это было здорово. В руках полковника Ивана Васильевича Василькова — командующего артиллерией корпуса находились изрядные силы.

Снова оглядел я в бинокль укутанный сухим туманом Кёнигплац. Можно было различить, как стоявшие на прямой наводке орудия выплескивали из своих жерл языки пламени. Тут и там лежали крохотные фигурки бойцов, прижатых огнем к земле. Знамя по-прежнему стояло у колонны, справа от входа в рейхстаг.

Спустившись вниз, я запросил командиров полков, есть ли какая связь с группами, находящимися в рейхстаге. Связи не было. В это время со стороны Бранденбургских ворот показались неприятельские цепи и танки. В бой с ними вступили батальон Логвиненко и артиллерия, находящаяся в распоряжении Плеходанова.

— Хватит ли у вас сил отбить контратаку? — спросил я его.

— Отобьем, — заверил меня Алексей Дмитриевич, — хотя бой разгорелся жаркий.

Пожалуй, решающее слово в этом бою принадлежало артиллеристам. Капитан Сагитов приказал втащить полковую 76-миллиметровую пушку на второй этаж «дома Гиммлера» — оттуда удобнее было бить по контратакующим. Встретила их огнем и батарея капитана Романовского, и 120-миллиметровая минометная батарея капитана Пузанова, развернувшаяся во дворе красного здания. Повернул в сторону Бранденбургских ворот свои пушки и лейтенант Куц из противотанкового дивизиона — тот самый офицер, что вместе со своим комбатом Хованцевым отличился под Шнайдемюлем. Теперь Евгений Куц был уже командиром 3-й батареи, он принял ее у раненого Хованцева...

Для меня же сейчас главную заботу составлял вопрос: как обеспечить прорыв к рейхстагу вторых эшелонов батальонов и полков? Нашим в рейхстаге, надо полагать, приходилось тяжело. Как сказал Гук, пленные показывают, что под зданием имеется подземелье, в котором сосредоточены основные силы гарнизона. Это осложняло положение. То, что наши не выйдут из рейхстага, я не

сомневался. Но ведь при такой ситуации они могут там остаться навсегда...

Позвав Сосновского, я велел ему на 17 часов 50 минут подготовить артиллерийский налет по рейхстагу, по огневым позициям у Бранденбургских ворот и Карлштрассе. Соединился с Васильковым и попросил его усилить наш артналет огнем корпусной группы.

От Плеходанова я узнал, что контратака немцев отбита с большими для них потерями. Приказал ему в 18 часов ввести в рейхстаг вторые эшелоны. То же самое велел сделать и Зинченко. К этому времени 207-я дивизия должна была атаковать Кроль-оперу. Это обещало несколько отвлечь от нас внимание противника и тем самым создать выгодные условия для продолжения штурма.

Переверткин запросил:

— Как обстановка? Где Знамя?

— Знамя у главного входа в рейхстаг. В самом здании идет бой. Готовлю артналет и штурм рейхстага главными силами.

Напряжение, кажется, немного спало. Теперь можно было хоть на минутку выключиться из обстановки. Я пересел на диванчик и прикрыл глаза.

Резко хлопнула дверь. Я поднял голову и замер от изумления. У дверей стояли два старых немецких генерала, словно перенесенные сюда с картинки иллюстрированного журнала. Сзади в полумраке виднелись фигуры разведчиков.

Увидев меня, генералы вдруг картинно опустились на одно колено и приложили руку к сердцу. Невнятно произнесли они фразу, которую я перевел примерно так: «Немецкие генералы преклоняют колено перед русским генералом».

Зрелище было неправдоподобно манерным, а униженный вид стариков вызывал брезгливое чувство.

— Встаньте, господа, — поднялся я с дивана. — Прошу садиться.

Они послушно подошли к столу и сели.

— Разрешите курить, господин генерал?

— Курите. Курбатов...

Анатолий Георгиевич положил на стол пачку немецких сигарет.

— Что вы думаете о положении в Берлине? — спросил я их.

— Берлин нами, очевидно, потерян окончательно, — чопорно ответил один из генералов.

Оба немца оказались медиками. Старшему из них — генерал-лейтенанту было 67 лет, другому, генерал-майору — 63. В их ведении находилось медицинское обслуживание руководящей верхушки вермахта. Один из них был пленен бойцами Греченкова в домике-архиве. Другого взяли в подземном госпитале, который, оказывается, располагался к северо-западу от рейхстага. Над землей он возвышался в виде низкого бетонного прямоугольника.

В чисто военном отношении генералы не были эрудитами, но зато им было многое известно относительно подвалов, находящихся под рейхстагом. Они подтвердили, что подвалы действительно существуют, что помещения там заняты гарнизоном, насчитывающим полторы или две тысячи человек. Это были важные для нас сведения.

Узнав все это, я закончил разговор, трудный как для них, так и для меня, — я плохо владел немецким, они вовсе не знали русского. Пообещав генералам, что им будет сохранена жизнь, я приказал отправить их в штаб корпуса.

Времени было около шестнадцати часов.

— Есть связь с рейхстагом? — запросил я Зинченко.

— Нет, пока наладить никак не удается, — последовал ответ.

Тогда я позвонил Плеходанову. К телефону подошел его заместитель по политчасти майор Евгений Сергеевич Субботин.

— Связь с рейхстагом имеете? — задал я ему тот же вопрос.

— Нет, товарищ генерал.

— Тогда вот что, Субботин. Знамя перед рейхстагом видишь? Следи за ним неотрывно. Если сорвут — докладывай немедленно.

Пока это был единственный способ узнать, держатся наши в рейхстаге или нет. Ведь если они будут смяты, раздавлены, противник, несомненно, захватит и Знамя.

Но они не были ни смяты, ни раздавлены. И это, пожалуй, удивительнее всего — как гитлеровцы, обладая чуть ли не десятикратным превосходством в силах, не смогли уничтожить в общем-то небольшую горстку ворвавшихся в рейхстаг бойцов. Видно, у фашистов, сидевших в подземелье, не хватало уже ни твердости духа,

ни самоотверженности, чтобы, невзирая на потери, на гибель сотен солдат (без этого не могло обойтись!), вырваться наверх и одолеть наших за счет простого численного перевеса. Поступи они так, весь дальнейший ход штурма, вероятно, сложился бы иначе.

Но нет, этого не случилось. Рота Сьянова, очистив вестибюль, захватила три или четыре комнаты слева от входа. В одной из них устроил НП батальона вошедший в рейхстаг вместе с ротой Кузьма Гусев.

Коридор был бесконечен, комнат в нем — не счесть, и поэтому пробиваться вдоль него к северной оконечности здания не имело смысла. И Гусев приказал, во-первых, блокировать лестницу, ведущую куда-то вниз (это и был вход в подземелье), и, во-вторых, продвигаться вперед, прямо от входа, где, как оказалось, был огромный овальный зал тысячи на полторы человек.

Греченкову же и Лысенко, находившимся в правом крыле, не оставалось ничего иного, как пробиваться по коридору к центру здания.

И той и другой группам пришлось вести жестокий бой, в котором были пущены в ход и автоматы, и пулеметы, и гранаты, и фаустпатроны. То тут, то там возникали рукопашные схватки.

...Двое суток спустя, 2 мая, я, обходя рейхстаг, увидел беломраморную статую Вильгельма правее главных дверей, ведущих в овальный зал. Статуя на уровне человеческого роста была в буро-красных пятнах. Мне объяснили, что здесь дрался сержант Ваганов. Его ранило в левое плечо. Он не мог стрелять из ручного пулемета. Тогда, прислонившись к статуе, чтобы не упасть от потери крови, Ваганов стал бросать гранаты.

Так дрался каждый из наших бойцов.

Около шестнадцати часов сьяновцы услышали справа в коридоре выстрелы и увидели каких-то людей. Они решили, что это гитлеровцы заходят с фланга, и изготовились к стрельбе. Хорошо, что у них хватило выдержки: бегущие по коридору люди оказались греченковцами, выходящими на соединение с ротой Сьянова...

Но все эти подробности стали известны опять-таки позже. А между шестнадцатью и восемнадцатью часами я захлебывался от телефонных разговоров.

Звонок от Зинченко. Звонок от Плеходанова. Оба сообщают: снова атаки от Карлштрассе и от Бранденбург-

ских ворот. Немцы явно пытаются пробиться навстречу друг другу, чтобы соединиться и деблокировать рейхстаг.

Звонок от Дьячкова. Да ведь у нас, оказывается, есть еще и тылы, где тоже неспокойно и где под командой Истрина мужественно сражаются писаря и интенданты с группами засевших в домах эсэсовцев.

Докладывает Мочалов: у мостов через Шпрее не прекращаются бои. Немцы отброшены, но готовят новую атаку.

По НП ходит какой-то человек в форме подполковника, но глубоко штатский по манере держаться. Слежу за ним краем глаза — нет даже времени спросить, кто он. Когда офицер выходит, Курбатов сообщает мне: «Борис Горбатов, писатель. Пошел сейчас к рейхстагу, в полки...»

Доклады, доклады... Сплошной поток информации. Я с трудом успевал переваривать ее. Голова прямо-таки гудела, протестуя против хронического недосыпания последних дней.

Немцы предприняли еще одну контратаку от Бранденбургских ворот. Батальону Логвиненко пришлось туго. Кое-где гитлеровцы вклинились в его боевые порядки. С обеих сторон полетели фаустпатроны и гранаты. Плеходанов ввел в бой 3-й батальон, находившийся в резерве. Его поддержал огонь противотанковых орудий. Ударом во фланг неприятель был остановлен. Бойцы Логвиненко поднялись снова. Противник попытался было их задержать, но уже через несколько минут обратился в бегство.

Тем временем дивизион Тесленко огнем двенадцати орудий отбивал натиск пехоты, поддержанной танками. Пулеметы из батальона Клименкова помогали ему сдерживать наседавших фашистов. И тут у немцев ничего не вышло, и они были вынуждены отойти по мосту за Шпрее.

В это же время артиллеристы, не занятые отражением контратак, выкатывали свои орудия вперед, ближе к рейхстагу.

Вот как вспоминает об этом подполковник запаса Дмитрий Николаевич Романовский:

«Мы с командирами взводов выбрали новые огневые позиции, которые решено было устроить в двух бетонных будках, находившихся метрах в пятнадцати — двадцати

от бункера, где расположились командные пункты капитана Давыдова и майора Логвиненко.

Для преодоления рва с водой, проходящего через площадь, были использованы две металлические балки, перекинутые через него. На них настлали двери, деревянные стенки какого-то временного строения, расположенного между «домом Гиммлера» и рвом. Как только переход был готов, орудия переместили на новые позиции и поставили так, чтобы можно было простреливать подходы к рейхстагу с северной и западной стороны».

17 часов 50 минут. Снова необычайной силы грохот потряс все вокруг. Это заговорили сто с лишним орудийных стволов дивизии и корпуса. Огонь прямой наводки молотил по замурованным окнам второго этажа рейхстага, по уцелевшим батареям перед ним, по вражеским позициям на флангах. Несколькими залпами «катюш» в районе Бранденбургских ворот были накрыты неприятельские танки и самоходки.

— Ей-богу, слышу голоса наших, — приговаривал, нетерпеливо расхаживая по НП, подвижной, пружинистый Константин Иванович Серов, которому было приказано управлять отсюда огнем своего истребительно-противотанкового полка. — Ей-богу, наши... Эх, не хватает меня там.

— Не надо зря переживать, давайте лучше сверху посмотрим, как там дела, — предложил я ему.

Мы снова забрались на четвертый этаж. Кёнигплац окончательно заволокло дымом и пылью, поднявшимися до самой крыши рейхстага. И уже одно это говорило о силе и ярости артиллерийского огня. От плотной мглы, пропитавшей воздух, день становился похожим на вечер.

После десятиминутной артподготовки пехота бросилась к главному входу рейхстага. Неустроев — он к этому времени был уже на Кёнигплаце около канала — повел на штурм весь уцелевший состав батальона. Ров бойцы преодолели с ходу. Оставался стодвадцатиметровый путь к парадной лестнице. Теперь на этом отрезке не приходилось драться за каждую траншею и окоп — они опустели. Их защитники были уже либо уничтожены, либо пленены.

Рейхстага достигли и ворвались в него рота капитана Ярунова, пулеметная рота лейтенанта Герасимова,

бойцы из взвода противотанковых ружей лейтенанта Козлова, переквалифицировавшиеся в автоматчиков, — все из батальона Неустроева. А вместе с ними — и роты старшего лейтенанта Грибова и старшего лейтенанта Горшкова из батальона Клименкова.

В главный вход устремились также роты из батальона Давыдова. Одним из первых взбежал по ступеням лейтенант Кошкарбаев. Он прикрепил к средней колонне штурмовой флажок, а потом, когда это стало возможно, выставил его из окна второго этажа.

Среди атакующих находились и политработники — капитаны Матвеев и Прелов.

Вперед выдвинулись танки и самоходные орудия, поддерживая атаку своим огнем. Танк с бортовым номером 122 попробовал преодолеть ров. Стремительно влетел он на полуразрушенный мостик, надеясь проскочить его за счет большой скорости. Но неверная опора оказалась слабее, чем думали танкисты. Мостик не выдержал, и машина рухнула в ров, взметнув высокий фонтан воды. Отважный экипаж погиб.

Когда наши атакующие роты врывались в узкий пролом триумфального входа, бойцы 207-й дивизии, обойдя с запада «дом Гиммлера», завязали бой за Кроль-оперу. Известие об этом радовало: наш правый фланг приобретал бо́льшую устойчивость. Часть своих сил Асафов направил в Тиргартен. Вскоре находившиеся там немецкие орудия замолчали. Это заметно ослабило огонь противника по Кёнигплацу и по мостам, которые удерживал Мочалов.

Основные силы штурмующих пробились в рейхстаг очень вовремя: у тех, кто там сражался с самого начала, уже на исходе были боеприпасы. К тому же бойцов донимала нестерпимая жажда: фляги с водой давно опустели. Теперь бой вспыхнул с новой силой. Руководили им заместитель Зинченко майор Александр Владимирович Соколовский, комбаты Давыдов и Неустроев. Впрочем, сказать, что это руководство велось по всем правилам, было бы преувеличением. Действия людей в огромном здании распались на отдельные схватки. Группы, часто разобщенные, плохо ориентирующиеся в лабиринтах коридоров и залов, начали пробиваться на второй этаж. Решающую роль приобретала инициатива этих групп и каждого солдата.

Как только Неустроев вошел в рейхстаг, между ним и НП полка сразу же была установлена телефонная связь. Ее обеспечили связисты-линейщики сержант Ермаков, рядовые Артамонов, Мельников и Перцев. Сколько раз приходилось им выбираться на грохочущий, осыпаемый дождем осколков и пуль Кёнигплац и ползти вдоль провода в поисках обрыва! Это был незаметный, не бросающийся в глаза героизм. Артамонова тяжело контузило. Но он не покинул поля боя...

Минут через тридцать после того, как основные силы дивизии прошли через главный вход, у меня состоялся телефонный разговор с Зинченко.

— Вам надо немедленно перенести свой наблюдательный пункт в рейхстаг, — сказал я ему. — Организуйте управление подразделениями оттуда. Знамя перенесите на купол. Только сделайте все, чтобы сохранить его.

— Ясно!

— Не задерживайтесь, воспользуйтесь затишьем. Возьмите с собой двух автоматчиков. Как перейдете, установите связь со мной. И еще вот что: не выпускайте из виду Бранденбургские ворота. Есть что-нибудь ко мне?

— Нет, все ясно.

— Тогда действуйте. Возьмите хорошего проводника. Ну, счастливо, жду звонка из рейхстага...

И минут через пятьдесят он раздался.

— Товарищ генерал, — услышал я незнакомый а́кающий голос, — докладывает сержант Ермаков: связь готова. Сейчас с вами будет говорить полковник Зинченко.

Тут же заговорил Федор Матвеевич:

— Бой идет за каждую комнату, товарищ генерал. Первый этаж очищен весь. Ведем бой за второй. Кёнигплац под обстрелом. Связь с тылами затруднена. В подземном помещении до полутора тысяч немцев — так показывают пленные. Ворваться туда не удается — у них сильные огневые средства.

— А Знамя? Где Знамя?

— Знамя пока установлено в окне, на втором этаже.

— Кто обеспечивает знаменосцев?

— Лейтенант Берест, замполит Неустроева. С ним два автоматчика и сержант Петр Щербина с пулеметом. Люди надежные.

— Хорошо. Товарищ Зинченко! Назначаю вас комендантом рейхстага и возлагаю на вас ответственность за сохранение всех ценностей в нем, — произнес я сколь мог торжественно.

На секунду в трубке послышалось учащенное дыхание, потом прозвучал взволнованный голос Зинченко:

— Ваше доверие оправдаю!

— Желаю успеха.

Часы показывали около половины восьмого вечера. Я соединился с Переверткиным:

— Товарищ генерал, Зинченко перенес свой энпе в рейхстаг. Бой идет за второй этаж. Я назначил Зинченко комендантом рейхстага. У вас не будет других указаний на этот счет?

— Нет, Василий Митрофанович, я согласен. А Знамя где?

— Пока на втором этаже, в окне.

— Хорошо...

Накал боя в огромном здании не ослабевал. В темноте (окна были замурованы, а небольшие бойницы пропускали совсем немного света) то тут, то там возникали свирепые стычки — в комнатах, на лестницах, на площадках. Лопались гранаты, рассыпались автоматные очереди. Ориентируясь по звукам, одна группа бойцов приходила на помощь другой. В некоторых помещениях начались пожары. Вспыхивали шкафы с бумагами, мебель. Их гасили, как могли — шинелями, ватниками, плащ-палатками.

Тем временем Михаил Егоров и Мелитон Кантария под прикрытием небольшой группы Береста начали подниматься вверх. Каждый шаг приходилось делать с осторожностью и оглядкой. Несколько раз они натыкались на гитлеровцев. И тогда начинал стучать пулемет Щербины, автоматчики швыряли гранаты. Одна из вражеских групп оказалась довольно большой. Когда Берест, Щербина и автоматчики почти в упор открыли по ней огонь, немцы не обратились в бегство, а приняли бой. И так как их было значительно больше, неизвестно, кто бы одержал верх, если бы на помощь не подоспели бойцы из роты Ярунова.

Ко мне на допрос привели немецкого офицера, захваченного в плен в рейхстаге.

— Вы не думаете сдаваться?

— Нет, не думаем.

— Надеетесь на новое оружие? Или ждете подкрепления, выручки?

— Да, ожидаем.

— Никакого нового оружия вы уже не успеете применить. И подкрепления не будет. Уничтожено. Что дальше делать будете, самоубийством кончать?

— Нет, драться. Сдаваться вам не станем, лучше умереть. Видите, берлинский гарнизон сражается и не сдается.

— Все равно сдадитесь. Тем, кто сложит оружие, гарантируем жизнь. А кто не сложит — уничтожим. Я вас отпускаю. Можете идти к своим и сказать им об этом.

Немец посмотрел на меня с недоумением и недоверием. Потом решительно ответил:

— Нет, назад я не пойду. Меня там все равно убьют как предателя.

Мне надоело разговаривать с этим твердолобым.

— Гук, уведи его. Скоро и так всех возьмем.

Перевалило за восемь вечера. На НП собрались Артюхов, Сосновский, мой штатный заместитель полковник Петр Андреевич Бочков. Разговор вращался вокруг одной темы: как скорее принудить гарнизон рейхстага к капитуляции. Особое беспокойство вызывали полторы тысячи фашистов, засевших в подземелье. Бойцы наши попробовали туда сунуться, но были встречены ураганным огнем. Продолжать попытки ворваться в подземное помещение не имело смысла — слишком дорого это могло обойтись. Но что-то надо было делать.

За разговором мы и не заметили, как отворилась дверь и в блиндаже появился начальник политотдела армии полковник Федор Яковлевич Лисицын. С ним были незнакомые мне генерал и два полковника. Держались они за спиной у Лисицына, значит, уступали ему в старшинстве. Я поднялся и доложил начальнику политотдела о задачах, которые в настоящий момент выполняет 150-я дивизия. Федор Яковлевич улыбнулся, пожал нам руки и сказал:

— Поздравляю с удачным штурмом рейхстага. Обстановка в общих чертах мне ясна. А о деталях вы нам расскажите. — И он, подойдя к столу, склонился над планом Берлина.

По местному времени было около девятнадцати часов. Еще не стемнело, солнце только-только скрылось за кры-

шами домов, однако из-за густой дымки даже на небольшом расстоянии уже ничего нельзя было различить.

— Жаль, что не могу показать вам место боя с верхних этажей — видимость никудышная, — посетовал я и начал рассказывать то, что мне было известно по последним докладам. — Полковника Зинченко я назначил комендантом рейхстага. Генерал-майор Переверткин санкционировал это назначение.

— А где Знамя? — поинтересовался Лисицын.

— В рейхстаге. Принимаются меры, чтобы водрузить его на куполе.

— А вы уверены, что это действительно рейхстаг? — вдруг спросил один из пришедших полковников. — Пожалуй, это что-то другое.

На сердце мне словно положили кусочек льда. «Неужели?» — вспыхнула вдруг устрашающая мысль. В памяти мигом встало, как в этом же сомневались Неустроев и Зинченко, подумалось, что и пленные могли нас умышленно ввести в заблуждение. «Неужели дивизия столько времени зря проливает кровь за какое-то безвестное здание?» Но, едва мелькнув, эта мысль тут же отступила под напором неопровержимых, на мой взгляд, аргументов.

Сдерживая возбуждение, я стал говорить, что никакой ошибки не может быть. На плане объект 105 именуется рейхстагом, я сам видел его купол и всадника под ним. Нами допрошены многие пленные до генералов включительно...

Артюхов и Сосновский поддакивали — они тоже видели рейхстаг днем.

Пришедший с Лисицыным генерал, улыбаясь, слушал наши доказательства и, когда мы замолчали, произнес:

— Ну конечно это рейхстаг. Я до войны был в Берлине и видел это здание.

Я облегченно вздохнул.

Лисицын продолжал расспрашивать. Его интересовало, что мы думаем делать ночью, подготовлены ли люди к тому, что бой может затянуться до утра. Я подробно отвечал на эти вопросы.

Распрощавшись, Федор Яковлевич ушел. День был на исходе. Но канонада не смолкала. Стоявшая в воз-

духе пыль щекотала ноздри. Все мои мысли сейчас находились в рейхстаге.

...А там уже был очищен весь второй этаж. Егоров и Кантария под прикрытием группы Береста продолжали пробираться к верхним этажам. Внезапно каменная лестница оборвалась — целый марш оказался разбитым. Замешательство было недолгим. «Я сейчас», — крикнул Кантария и метнулся куда-то вниз. Вскоре он появился с деревянной стремянкой. И снова бойцы упрямо полезли вверх.

Вот и крыша. Они прошли по ней к громадному всаднику. Под ними лежали укутанные в дымные сумерки дома. Кругом метались вспышки. По кровле постукивали осколки. Где прикрепить флаг? Около статуи? Нет, не годится. Ведь было сказано — на купол. Ведущая на него лестница шаталась — она была перебита в нескольких местах.

Тогда бойцы полезли по редким ребрам каркаса, обнажившегося из-под разбитого стекла. Передвигаться было трудно и страшно. Карабкались медленно, друг за другом, мертвой хваткой цепляясь за железо. Наконец достигли верхней площадки. Прикрутили ремнем к металлической перекладине Знамя — и тем же путем вниз. Обратный путь был еще труднее и занял больше времени.

Когда Егоров и Кантария предстали перед Неустроевым, на часах было без десяти одиннадцать вечера. А пять минут спустя Зинченко торжественно доложил мне по телефону:

— Товарищ генерал, Знамя Военного совета укреплено на куполе рейхстага в двадцать один час пятьдесят минут по московскому времени!

— Молодцы! Поздравляю тебя, Федор, и весь полк! Как вы там дышите?

— Подземный ход... — Зинченко выругался, прикрыв трубку рукой. — Никак пробиться туда не можем.

— Поставь около подземного хода два-три орудия прямой наводки и два-три пулемета для кинжального огня. Вниз бросай нейтральные дымовые шашки. Выкуривай, людьми не рискуй.

— Ясно, товарищ генерал! Сейчас попробуем..

Стоит ли объяснять, с каким чувством гордости и волнения докладывал я командиру корпуса, что над рейхстагом водружено Знамя!

Вскоре Семен Никифорович Переверткин сам пришел на наш НП. Был он в прекрасном настроении. Его сопровождал мальчик, одетый в кожаную куртку, — этого парнишку подобрали где-то в Берлине, среди освобожденных нами пленных.

— Вот, Василий Митрофанович, — смеялся Переверткин, — сын нашего корпуса. Бывает же сын полка, так почему же не может быть сына корпуса? Вырастим из него вояку хоть куда. Ну, дай я тебя обниму. Поздравляю от души. О Знамени доложено по команде. Товарищ Сталин уже, наверное, знает. Рассказывай, как идут дела.

Я обрисовал командиру корпуса обстановку.

— Ну, последние часы война доживает, — сказал он.— Желаю, Василий Митрофанович, поскорее добить зверя в его берлоге! С наступающим праздником!

Семен Никифорович ушел. А я только теперь и вспомнил, что действительно через несколько минут наступит Первомай. И что ровно год назад принял я 150-ю дивизию, которая стала Идрицкой и теперь уж наверняка будет еще и Берлинской. И еще о многом другом вспомнилось мне в последние предмайские минуты 1945 года...

КАПИТУЛЯЦИЯ

Притулившись на диване, я клевал носом. Волнами набегало забытье. Тут же просыпаясь, я, словно сквозь туман, видел Курбатова, уткнувшегося головой в стол и мерно посапывавшего, Гука, который держал за руку Веру Кузнецову и что-то ей нашептывал...

Но так продолжалось недолго. Вошел посыльный. Он принес приказ командующего фронтом. Обычный праздничный приказ за номером 06. В нем отмечались, в частности, успешные действия 3-й ударной армии, и 150-й дивизии в том числе, объявлялась благодарность всему личному составу фронта. Были в приказе и такие слова: «Близится час окончательной победы над врагом. Наш советский флаг уже развевается над зданием рейхстага в центре Берлина...»

Знамя над рейхстагом обретало силу исторического факта. Не удержать завоеванное мы теперь уже просто не имели права.

А это было совсем не легко. Еще ничего не кончилось. В подвалах здания находились силы врага, отнюдь не

уступавшие нашим. И снаружи — на правом и на левом флангах противник не собирался отступать.

Относительное затишье длилось недолго. Позвонил Зинченко и сообщил, что немцы пытаются контратаковать снизу.

Оказалось, что кроме главного входа в подземелье есть еще несколько путей, которые наши бойцы обнаружили не сразу. Оттуда гитлеровцы и предприняли вылазки, пытаясь застать утомленные дневным боем подразделения врасплох. И хоть усталость валила солдат и офицеров с ног, первые же выстрелы побудили их к активным и решительным действиям.

Автоматчики из батальона Неустроева за несколько минут уложили человек сорок фашистов. Враг отступил. Не обошлось, разумеется, без потерь и с нашей стороны. Аня Фефелкина — медицинская сестра, пришедшая в рейхстаг вместе с батальоном, с большим трудом разыскивала в темноте раненых и доставляла их на перевязочный пункт.

Разгорелась перестрелка и на верхних этажах. Притаившиеся в отдельных комнатах группы неприятельских солдат начали действовать. Они пытались прорваться к ходам в подземелье. Однако бойцы из батальона Давыдова либо рассеяли их, либо перебили.

И еще несколько раз пытались немцы выйти из подвалов. Но крупного прорыва им совершить не удалось. Однако и наши меры принудить подземный гарнизон к сдаче не приносили успеха. Не помогали и дымовые шашки. То ли в подземельях работала вентиляция, то ли эти помещения были слишком велики. Дважды за эту ночь к гитлеровцам посылали парламентеров с предложением сложить оружие, но оба раза они были обстреляны.

Не утихала перестрелка и снаружи — у северной оконечности рейхстага и в районе Бранденбургских ворот. Батальон Клименкова и дивизион Тесленко надежно прикрывали свое направление. Увереннее чувствовали себя и батальоны 674-го полка — они теперь взаимодействовали с подразделениями 207-й дивизии.

На протяжении ночи мне так и не пришлось сомкнуть глаз. Непрерывно звонил телефон. Поступали доклады об обстановке, о результатах боевых столкновений; в ответ отдавались распоряжения командирам полков.

Под утро пошли осложнения: из подвалов рейхстага

вырвалась довольно большая группа гитлеровцев. Почти одновременно с этим началась атака со стороны Бранденбургских ворот. Немцы усилили артиллерийский огонь. Сотни снарядов посыпались на Кёнигплац, ударили по «дому Гиммлера» и рейхстагу, по мосту Мольтке. Залетали они и к нашему НП.

Я приказал Сосновскому всей дивизионной группой подавить вражескую артиллерию в районе Бранденбургских ворот. На двинувшуюся было вперед фашистскую пехоту бросились бойцы Логвиненко. Сам комбат швырял гранаты в неприятельскую траншею. На помощь подоспели подразделения 207-й дивизии. Противник откатился на соседнюю улицу.

В рейхстаге бойцы Сьянова и Ярунова атаковали вырвавшихся наверх гитлеровцев. Лишь немногим из них удалось вернуться в подземелье. Время от времени они стреляли оттуда фаустпатронами.

Вновь наступило непродолжительное затишье. Воспользовавшись им, я позавтракал. Едва мой ординарец Федор Шевчук убрал со стола, как на НП появился моложавый человек в офицерской форме.

— Корреспондент «Правды» Мартын Иванович Мержанов, — представился он и принялся расспрашивать о том, как происходил штурм и что творится сейчас в рейхстаге. — Кое-что мне удалось увидеть своими глазами, — добавил он, — но хотелось бы представить всю картину в целом.

Я на листке бумаги набросал план рейхстага и окружающего района и пояснил, как осуществлялся замысел штурма, какой характер приняли на сегодня боевые действия.

Как только вышел корреспондент, Курбатов сказал мне:

— Пока вы были заняты разговором, я тут разрешил Прилуцкому отправиться к Кёнигплацу. Пускай поработает для потомства.

Рядовой Захар Прилуцкий был фотографом при штабе дивизии. Возразить против того, чтобы он сделал снимки рейхстага, за который еще шел бой, я не мог — фотографии действительно могли стать историческими.

Покончив со всем этим, я отправился на четвертый этаж, облюбованный мною для наблюдения за Королевской площадью. За ночь дымная пелена, окутавшая город,

немного осела. Появившееся над крышами солнце пригревало совсем по-летнему. В его лучах четко вырисовывались каркас купола над рейхстагом и венчавшее его красное Знамя. Эта картина была необычайно величественной. Еще бы! Ведь воспринималась она не отвлеченно, а в связи со всей окружающей обстановкой. Внизу продолжался бой, противник еще отказывался сложить оружие, а Знамя уже утвердило его поражение, возвестило всему миру нашу великую победу.

Часы показывали одиннадцать, когда я заметил, что здание рейхстага стало обволакиваться густым черным дымом. Причина могла быть лишь одна — пожар. Вскоре это подтвердил Зинченко. Федор Матвеевич взволнованно сообщил:

— В рейхстаге пожар!

— Я уже видел. Причины?

— Вероятно, от фаустов. Немцы вели сильный огонь из подвалов.

— Товарищ Зинченко! Примите меры к тушению. Противник может воспользоваться пожаром и перейти в контратаку. Рейхстаг держите во что бы то ни стало. Подтяните резерв и займите круговую оборону. За правый фланг будет отвечать Плеходанов, вы — за левый. Взаимодействуйте с Тесленко. Главное — не допустить прорыва к рейхстагу со стороны Карлштрассе. Сейчас мы подготовим огонь по набережной. Откроем по вашему вызову. Связь со мной держите по телефону и радио, докладывайте по мере необходимости. Свой энпе из рейхстага не переносите. Вопросов нет? Тогда все.

Тут же я позвонил Плеходанову:

— Видите, рейхстаг горит? Прикажите своим людям принять все меры к тушению. Будьте готовы встретить противника. Возлагаю на вас ответственность за правый фланг. Используйте противотанковый полк. По вашему вызову дадим огонь по Бранденбургским воротам...

Обстрел рейхстага усилился. Судя по разрывам, заработала крупнокалиберная артиллерия.

Сосновскому, находившемуся рядом, я приказал подготовить огонь дивизионной группы в направлениях возможных контратак. Теперь оставалось ждать, как поведет себя противник.

И он не обманул наших предположений. С правого фланга двинулись танки, пошла пехота. Плеходанов за-

просил огня. Дивизионная группа обрушила на атакующих град снарядов и мин. Мне казалось, что наш предыдущий удар не оставил в районе Бранденбургских ворот живого места. Но вот поди ж ты, противник снова лез, поддерживаемый своей артиллерией. Однако наш огонь оказался сильнее. И на этот раз неприятельская контратака захлебнулась. А бросок двух батальонов Плеходанова и подразделений 207-й дивизии обратил гитлеровцев в бегство.

Я спустился в блиндаж.

— Товарищ генерал, вам звонил полковник Мочалов, — доложила мне Вера Кузнецова.

— Вызывайте его!

Мочалов коротко рассказал, как они отбили две атаки немцев. Перед первой из них комбат Токарев скрытно вывел одну роту на южный берег Шпрее и расположил ее в засаде. Когда два вражеских батальона при поддержке танков двинулись к мосту, он подпустил их метров на триста и встретил сосредоточенным огнем пушек, танков и самоходных орудий. В рядах гитлеровцев произошло замешательство, и тут в тыл им ударила рота из засады. Часть фашистов была пленена, остальные поспешно отступили.

Через час все повторилось. На этот раз противник атаковал с двух направлений, широко рассредоточившись по фронту. И снова исход боя предрешили наши артиллеристы. Особенно отличились командир батареи Николай Фоменко и командир огневого взвода Иван Клочков. Их расчеты действовали с исключительной выдержкой и хладнокровием, ведя огонь прямой наводкой с самых коротких дистанций. В наиболее напряженные моменты артиллеристы брались за автоматы и действовали плечом к плечу с пехотинцами.

Эти атаки, кажется, были последними. Видимо, противник понял, что прорваться на север ему все равно не удастся. Но какого мужества и стойкости потребовали от 469-го полка эти почти трехдневные бои у шести мостов! Бойцам здесь пришлось ничуть не легче, чем на главном направлении. А ведь полк был очень измотан — с 16 апреля он наступал, не зная отдыха, почти все время в первом эшелоне.

В конце разговора Мочалов поинтересовался:

— Как рейхстаг, товарищ генерал? Немец держится еще?

— Рейхстаг горит. Там сильный пожар...

Об одной из причин пожара мне написал спустя два с лишним десятилетия Леонид Петрович Литвак, взвод которого в числе первых прорвался через депутатский вход в правое крыло здания. Вот как запомнилось ему это:

«Нам было жарко еще до того, как рейхстаг загорелся. Я находился с бойцами взвода в правом крыле, в большом зале. Мы отражали попытки немцев выбить нас оттуда. Нас забрасывали гранатами. От осколков спасала стасканная в зал мебель.

Помню, как петеэровцы отгоняли вражеские самоходки, пришедшие со стороны парка. Да, наверное, и наши артиллеристы нам здорово помогали.

Был люк в подвал рейхстага, из которого нам тоже угрожали немцы. Мы решили их выбить оттуда. Бросили гранаты и спустились в ход. Немного прошли и наткнулись на массивные бронированные двери. Открыть не могли, пришлось подорвать их связкой гранат. Фашисты, видимо, удрали дальше, но мы дальше не пошли. Фонарей не было. И сколько впереди еще таких дверей, мы не знали.

Чтобы немцы нас больше не беспокоили отсюда, пришлось прибегнуть к помощи огнеметчиков. Как они мне попались, не могу припомнить. Я попросил (их, кажется, было двое), чтобы они разрядили свои огнеметы в тот подземный коридор. Они это сделали. Фамилий их я не знаю. Но это были славные ребята!

Пламя в коридоре бушевало, и мы захлопнули люк. Наверное, там скопилось много газа. Немцы оттуда нас больше не беспокоили.

А дальше было так. На сводчатом потолке вдоль стен виднелись круглые отверстия. Видимо, они могли открываться и закрываться, но точно я не знаю. Вот в эти отверстия фашисты и начали бросать гранаты. Солдаты пытались стрелять по отверстиям, но достать их было невозможно. От осколков нас снова спасала мебель. Командиры отделений Василий Лосенков, Иван Зуев, помкомвзвода Николай Досычев расположили бойцов так, что всякие попытки врага проникнуть в зал тут же пресекались. Прошло столько времени, но и сейчас думаешь, сколько же мужества было у бойцов, сержантов! Нельзя переставать восхищаться ими...

Тогда враг решил выжить нас огнем. В отверстие

недалеко от входа в зал был брошен термитный шар. Думали выбросить тот шар в окно — он только что упал и не успел разгореться. Но вдруг от него так повалили искры, что пришлось отбежать. А песку не было. Попробовали гасить подручными средствами, но это не помогло. Уже загорелась мебель, пол. Возможно, это было начало общего пожара. Но поручиться не могу. Я говорю только о том, что происходило на нашем участке в первой половине дня 1 мая.

Когда весь зал был охвачен огнем, бойцов пришлось вывести — оборонять его не имело смысла. Но на всякий случай у входа был установлен ручной пулемет. Теперь мы находились в передней комнате, рядом с пылающим залом. Здесь было много раненых...

Вскоре я получил приказ занять оборону у выхода из зала под куполом, который тоже горел...»

Да, огонь быстро распространялся по комнатам и этажам. Горели мебель, бумага, деревянные панели на стенах. Для тех, кто сражался в рейхстаге, огонь стал врагом номер один. Он был страшнее снарядов, мин и пулеметных очередей.

Противник не преминул воспользоваться пожаром. Большая группа гитлеровцев появилась из подвалов в коридорах первого этажа, на участке, занимаемом батальоном Неустроева. В сплошном едком дыму, преодолевая заслоны пламени, наши отбивали осатанелые атаки. Конечно, и немцам было тяжело драться в горящем здании. Но на их стороне было неоспоримое преимущество: они знали планировку дома и лучше нас ориентировались в нем. И все-таки рота Ярунова (вернее, то, что осталось от нее) сумела забросать фашистов гранатами и загнать их в подземелье. Лишь небольшая горстка прорвалась на второй этаж и попыталась закрепиться на балконе. Однако, попав под удар пулеметной роты Герасимова, она вся была уничтожена.

Как только с вылазкой врага было покончено, солдаты принялись тушить огонь. Но без воды такой пожар погасить было невозможно. Зинченко приказал подразделениям приготовиться покинуть рейхстаг и занять круговую оборону на улице.

Однако до этой крайности дело не дошло. Не имея сил совладать с пожаром, бойцы в то же время и не сдались ему. Ведь здание горело не все разом, огонь рас-

пространялся постепенно. И люди, как могли, небольшими группами пробивались из занимавшихся пламенем помещений в уже выгоревшие комнаты. К этому сводилась единственно возможная тактика, имевшая целью не покинуть рейхстаг и выжить. Стремление же остаться, не выходить наружу владело всеми. Ведь выйти — это значит потом начать все сначала, снова брать штурмом громаду проклятого серого дома. Каждый представлял себе, сколько потребует это сил и жертв. Потому-то так велико было желание закрепиться здесь, удержать завоеванное.

Стоило это немалых потерь. Когда после пожара командиры рот пересчитали своих людей, то не везде их набралась и половина. У Сьянова, например, из 83 человек осталось 39.

Противник не прекращал обстреливать рейхстаг. Да, по зданию, которое немцы так упорно обороняли, по которому еще недавно стреляли мы, они теперь сами вели огонь из тяжелых орудий.

Не отказались гитлеровцы и от попыток атаковать с флангов. Но делали это они уже не столь решительно. Правый наш фланг у Бранденбургских ворот был теперь так крепок, что смять его противник не имел сил. И в этом он, кажется, удостоверился. На левом фланге, у северной оконечности рейхстага, намертво стояли батальон Клименкова и дивизион Тесленко. В расчетах отважных истребителей танков едва оставалась половина людей. Но Илья Михайлович заверил меня, что, пока цела хотя бы одна батарея, фашисты здесь не прорвутся. И слово свое он держал.

День клонился к вечеру, когда пожар в рейхстаге окончательно догорел, и только черный, чадный дым струился из амбразур и бойниц. Как раз в то время и позвонил мне Зинченко, рассказав, что подземный гарнизон вступил с нами в переговоры, но закончились они пока безрезультатно.

А было это так. В глубине центрального входа, ведущего в подземелье, показался вдруг белый флаг. Затем появился немецкий офицер и заявил, что его командование готово начать переговоры и ждет советского представителя в чине старшего офицера. Зинченко поблизости не оказалось, и тогда решили, что на эту роль вполне подойдет лейтенант Берест — заместитель Нустроева по по-

литчасти. Несмотря на свои двадцать лет, выглядел он очень представительно — высокий, статный, широкоплечий.

Пришлось Алексею Бересту стать парламентером. Кто-то пожертвовал ему из своей фляги воды — он сполоснул лицо. Достали ему с чьего-то плеча кожаную куртку — она прикрыла его гимнастерку с лейтенантскими погонами. Капитан Матвеев уступил ему свою новую фуражку. Решили, что Берест отрекомендуется полковником.

И вот делегация в составе Береста, его «адъютанта» Неустроева и переводчика рядового Прыгунова (этот солдат был недавно освобожден из лагеря, где он сносно овладел немецким) отправилась на переговоры. Подземный гарнизон представлял оберст — настоящий полковник. Его сопровождали два моряка-курсанта и женщина-переводчица.

Переговоры состоялись на лестничной площадке ниже уровня первого этажа. Сверху наших парламентеров прикрывала пулеметная рота Юрия Герасимова, находившаяся в полной готовности открыть огонь, если противник пойдет на провокацию.

Берест предложил представителю немецкого гарнизона сложить оружие. Но тот ответил, что еще неизвестно, кто у кого в руках, что немецкие силы в рейхстаге имеют по сравнению с нашими десятикратное превосходство. Алексей Прокофьевич заявил, что ни один человек не сможет вырваться из подвалов. Тогда оберст вдруг согласился на капитуляцию, но при условии, если на это время советские солдаты будут сняты с боевых позиций и выстроены без оружия. «Мы опасаемся самосуда», — пояснил он. «Никакого самосуда не будет, — возразил Берест, — вы имеете дело с дисциплинированным войском. Строиться и разоружаться мы не станем».

Каждый настаивал на своем, и соглашения не достигли. «Если через двадцать минут не капитулируете, — закончил Берест, — мы продолжим боевые действия и уничтожим вас». На том парламентеры и расстались.

Подробности этих переговоров, как и многие другие эпизоды боя за рейхстаг, хорошо описаны в книге писателя Василия Субботина «Как кончаются войны», бывшего в ту пору корреспондентом нашей газеты «Воин Родины».

Разумеется, тогда Зинченко доложил мне обо всем этом значительно короче.

— Если через двадцать минут не сдадутся, — сказал я ему, — снова используйте дымовые шашки и гранаты.

У выхода остались пулеметчики, расчет с орудием, которое удалось затащить в рейхстаг, и рота старшего лейтенанта Павла Грибова. 20 минут истекло. Немцы ничем не проявляли своего желания сдаваться. Снова в подземелье полетели дымшашки, гранаты, фаусты...

— Товарищ Дерягин, — позвал я начальника штаба артиллерии, находившегося на НП, — отправляйтесь в рейхстаг. Найдите там майора Соколовского. На вас двоих я возлагаю ведение всех переговоров с немцами относительно капитуляции.

Александр Петрович как нельзя лучше подходил для такой роли — он был образован, находчив, умел владеть собой. Александр Владимирович Соколовский — заместитель командира 756-го полка, мужчина решительный и выдержанный, тоже, на мой взгляд, был вполне достойной кандидатурой. Да и внешностью он взял —высокий, представительный.

Эта майская ночь казалась мне бесконечной — до того медленно тянулась она. Теперь-то уж было ясно, что с часу на час противник сложит оружие. Больше ему ничего не оставалось. И тогда наступит долгожданное...

Но гитлеровцы тянули. Канонада не смолкала, хотя и стала реже. Снаряды разрывались то где-то в районе Кёнигплаца, то на мосту Мольтке, то в Моабите, неподалеку от нашего НП.

Неужели война доживает последние часы? Я понимал это умом, но почувствовать, ощутить во всей полноте еще не мог.

Прикрыл глаза, и передо мной явственно встало раннее воскресное утро сорок первого года. Дивизия, в которой я был начальником штаба, стояла в лагерях. В субботу затемно я пришел домой со службы и крепко спал, когда на зорьке в дверь отчаянно заколотил посыльный: «Скорее, товарищ майор, к прямому проводу!»

Так кончился мир.

Жена провожала меня на вокзал. Она не голосила, как многие другие женщины. Шла молча с тремя детьми мал мала меньше, еще не отдававшими себе отчета в происходящем.

— Иди, пора, — сказала она, не дожидаясь отхода поезда.

— Береги детей, Варя, — только и ответил ей я. И она пошла с вокзала на площадь — прямая, закаменевшая в том неизбывном женском горе, которое ведомо только женам и матерям, провожающим мужчин на войну. Рядом с нею послушно плелись три притихших маленьких человечка.

Отсюда, из Днепропетровска, и потянулись мои пути-дороги, сначала на запад, потом на восток и снова на запад. Тяжкие оборонительные бои, выход из окружения, иссушающее душу ощущение повседневной смертельной угрозы. Радость первых побед, счастливая волна наступательных сражений... И вот — конец похода. В центре Европы. В Берлине. Остается только поставить последнюю точку...

Телефоный звонок заставил меня вздрогнуть. Что за известие он нес? Докладывал Дерягин:

— Гитлеровцы выбросили белый флаг из центрального входа в подземелье и начали сдаваться!

Шел третий час ночи.

Около четырех я услышал взволнованные слова радиста Алексея Ткаченко:

— Товарищ генерал! Немцы открытым текстом на русском языке просят нас перейти на волну четыреста сорок и вступить в переговоры!

Я подбежал к рации и взял трубку. В ней слышался какой-то заунывный, протяжный голос, произносивший с сильным акцентом: «Товарищи!.. Товарищи!..» Мне резануло слух это слово, так по-чужому звучавшее в устах врага. «Ишь ты, как приперло — товарищами стали, — подумал я. — Раньше небось за это слово расстреливали...»

А чужой голос повторял: «Переходите на волну четыреста сорок. Просим прекратить огонь и вступить в переговоры. Как вы нас слышите? Прием...»

Вопрос о капитуляции войск центрального сектора обороны явно выходил за пределы прерогатив командира дивизии — я не взялся решить его сам и срочно соединился с Переверткиным:

— Товарищ генерал, командование девятого сектора предлагает прекратить огонь и вступить с нами в переговоры. Какие будут указания?

— Василий Митрофанович, — помолчав, ответил командир корпуса, — подождите немного, я вам позвоню.

Через несколько минут Семен Никифорович распорядился:

— Вступайте в переговоры. Условие одно: безоговорочная капитуляция.

Я обернулся к радисту:

— На волну четыреста сорок настроены?

— Так точно! — отозвался Ткаченко и протянул мне трубку.

В наушнике звучал все тот же протяжный голос: «Просим вступить в переговоры...»

Нажав рычажок, я начал:

— С вами говорит представитель советского командования. Вас слышу. Как слышите меня? Прием...

— Вас слышу хорошо, слышу хорошо. Прием.

— Наше условие одно: безоговорочная капитуляция. Огонь прекратить с обеих сторон через пятнадцать минут. Пленных будем принимать у Бранденбургских ворот. Всем гарантируем жизнь. Огнестрельное оружие складывать по ту сторону ворот. Офицерам разрешается оставить при себе холодное оружие.

Возвратив трубку Алексею, я сказал ему:

— Повторите то же самое несколько раз по-русски и по-немецки. Чтобы у них во всех подразделениях приняли.

После этого я позвонил в рейхстаг и вызвал Дерягина. Тот доложил, что заканчивает прием пленных, вышедших из подвалов, что всего их оказалось тысяча шестьсот пятьдесят четыре человека.

— Отправляйтесь с Соколовским к Бранденбургским воротам. Назначаю вас ответственным парламентером и возлагаю общее руководство приемом сдавшихся. Объявите, что после капитуляции они будут распущены по домам. Генералам и офицерам сохраните холодное оружие. Захватите переводчика и офицеров себе в помощь. Все ясно?

— Так точно!

— В добрый час!

Это мое напутствие сбылось только отчасти: по пути к Бранденбургским воротам Соколовский был ранен в голову одним из последних залпов, прогремевших в сражении за центр Берлина. К счастью, рана оказалась несерьезной. Александру Владимировичу наскоро перевязали голову, и он отправился выполнять возложенную на него миссию.

Сидя в блиндаже, я вдруг почувствовал, что произошло что-то тревожное, угрожающее — у меня даже сердце защемило. И только в следующее мгновение я понял, что это наступила тишина. Стрельба оборвалась внезапно, сразу. В бою такое всегда означало лишь одно: «Затишье перед бурей». Потому и возникло поначалу ощущение неясной тревоги. Сработал рефлекс, развившийся за четыре года войны, за тысяча четыреста десять ее дней и ночей. И мне подумалось: «Настала пора приобретать новые привычки, учиться по-новому реагировать на окружающее».

Я вышел во двор, заваленный обломками, ограниченный иссеченными, выщербленными стенами с зияющими проломами, пустыми глазницами окон. Стояла тишина. Тишина, которой я не слышал со дня вступления в Берлин. Лишь немного спустя я уловил далекое громыхание и редкие, приглушенные расстоянием выстрелы. Но, по сравнению с тем, к чему привыкли барабанные перепонки за последнюю неделю, и эта относительная тишина была полной...

Вот и не нужен больше наблюдательный пункт, не нужно наше укрытие — не от чего теперь больше укрываться. Я стоял, оглушенный тишиной, и не знал, что же теперь делать. Пока шел бой, пока враг сопротивлялся, все было ясно. А теперь? Теперь, когда не надо отдавать боевых приказов, когда, пропала надобность в жестоком и тяжком солдатском труде?.. Честное слово, я даже как-то растерялся.

Нет, что ни говори, первые мгновения мира, как бы ни были прекрасны они, тоже связаны с психологической ломкой, с перестройкой человека.

Я стряхнул с себя это состояние — расслабляться было рано. Еще шел прием пленных. Вокруг лежал вдребезги разбитый город, в котором обитал не один миллион голодных, лишенных транспорта, электричества и даже воды жителей. А ведь мы в этом городе были пусть временными, но хозяевами. И дел впереди лежал непочатый край.

Позвав Курбатова, я велел ему приготовить машину. А сам вышел со двора на улицу и двинулся к мосту Мольтке. Впервые можно было идти по улице без опаски, не прижимаясь к стенам домов, спокойно и не спеша переходя перекрестки. Так же неторопливо миновал я мост, где еще вчера каждого третьего настигал осколок снаряда.

В утренних сумерках чернела громада «дома Гиммлера». А вот и Кёнигплац — Королевская площадь, и темно-серый куб рейхстага. Как красные мазки крови, флаги в амбразурах, на крыше. Каждая сражавшаяся рота поставила здесь свой штурмовой флажок. Один даже развевается на фронтоне, рядом с фигурой всадника. А над куполом, выше всех — Знамя Победы.

Через Бранденбургские ворота шли сдавшиеся — строем, во главе с офицерами, и без строя, небольшими группами. И перед каждой группой плыл белый флаг. По ту сторону ворот росла и росла куча брошенного оружия — его сложило там около 26 тысяч человек. А по эту сторону, до рейхстага, до моста Мольтке, все прибывала безоружная толпа, растекавшаяся по мановению девушек-регулировщиц на отдельные потоки, в сторону комендатур.

Я повернул назад. Рассвет разгорался все ярче и ярче. Вступал в свои права второй день победного мая.

У своего бывшего НП я сел в машину и поехал в штаб дивизии, расположившийся в Моабите, в здании бывшей артиллерийской академии. Кругом высились груды обломков и кирпича, тут и там лежали трупы немецких солдат и лошадей.

Около здания штаба собралась огромная толпа, состоявшая из женщин, детей и стариков, — тысяч пятнадцать, не меньше. Не понимая, в чем дело, я остановил «виллис». Люди молчали. Потом женщина средних лет обратилась ко мне:

— Мы пришли сюда, чтобы узнать, какое нас ожидает наказание за страдания, причиненные русскому народу немецкой армией.

Мне не раз уже приходилось отвечать на такие вопросы в Померании, и все-таки они всегда заставали меня врасплох.

— Да, ваши солдаты, — начал я, старательно подбирая немецкие слова, — совершили страшное преступление... Но мы не гитлеровцы, мы советские люди. Мстить немецкому народу мы не собираемся... Вам надо быстрее браться за работу по очистке улиц, чтобы можно было пустить городской транспорт, открыть магазины, восстановить нормальную жизнь...

Сначала горожане не понимали меня. Но потом, когда смысл моих слов наконец дошел до них, их лица посветлели, на многих появились улыбки.

Через некоторое время я снова поехал на Кёнигплац. Надо же было осмотреть рейхстаг! На одном из углов увидел нашу полевую кухню, а около нее — возбужденно галдящих немок с термосами, мисками, котелками.

Утром на ступенях рейхстага, по всему пространству Кёнигплаца спали смертельно усталые бойцы. Кто сидя, кто лежа с автоматом под головой, кто прислонившись к орудию. Спала, можно сказать, вся дивизия. Я долго смотрел тогда на эту картину. Нечеловеческое нервное напряжение, которое испытали люди за семнадцать дней и ночей беспрерывных ожесточенных боев, вымотало их до предела. И как только воцарилась тишина, означавшая конец войны, наступила реакция. Сон одолел бойцов.

Сейчас спящих там уже не было. У побитого снарядами, опаленного пожаром здания толпились бойцы и офицеры. К рейхстагу началось настоящее паломничество — каждый хотел оставить память о себе на его каменных стенах. Люди писали углем, мелом, карандашами, выцарапывали надписи остриями ножей и штыков. А над ними полыхало на легком весеннем ветру озаряемое ласковыми лучами солнца наше Знамя — задымленное, пробитое осколками, но устоявшее и возвестившее всему миру о падении Берлина.

Мы вошли в черный пролом главного подъезда. С нами были руководитель 1-го Московского фронтового драматического театра Иосиф Моисеевич Раевский, солистка Елена Михайловна Рожкова и другие артисты. Они хотели осмотреть большой зал рейхстага, где на завтра был назначен концерт для воинов нашей дивизии...

Описывая ход боев за рейхстаг, я, естественно, не мог назвать всех его славных участников. Да и сейчас мне не удастся это сделать — слишком бы длинный пришлось помещать список. Каждый, кто дрался за этот последний оплот врага, кто самоотверженно отдавал свою жизнь за день, за час до победы, вправе называться героем. Но я приведу хотя бы несколько имен тех, чей вклад в достижение победы был, на мой взгляд, наиболее заметным.

Это майор Георгий Георгиевич Гладких, которому в дни штурма подчинялась артиллерийская группа 756-го полка. Шесть батарей из его части били прямой наводкой по рейхстагу. Майор Тимофей Васильевич Наконечный —

начальник артиллерии 674-го полка. Майор Иван Александрович Крымов — начальник артиллерии 756-го полка, находившийся в рейхстаге с вечера 30 апреля и до капитуляции его гарнизона. Там же находился и начальник разведки полка капитан Василий Иванович Кондрашов.

Отважно сражались в рейхстаге пулеметчики Николай Алясов, отец и сын Ковтуновы — Лука Иванович и Николай.

Мужественным человеком, умелым политработником проявил себя майор Иван Ефимович Ефимов — замполит 756-го полка. Начальник штаба части майор Артем Григорьевич Казаков показал образец исключительно четкой и хладнокровной работы, управляя подразделениями из «дома Гиммлера».

Замечательно действовали бойцы саперного батальона под командованием майора Белова — они под огнем убирали противотанковые надолбы, обезвреживали мины на мосту Мольтке и на набережной, обеспечивая войскам путь к рейхстагу.

Героически сражались у северных подступов к рейхстагу командир пулеметной роты старший лейтенант Николай Васильевич Самсонов и командир стрелковой роты лейтенант Василий Андреевич Рыжков со своими бойцами.

Добрым словом хочется помянуть и начальника штаба 469-го полка подполковника Алексея Петровича Уткина, проявившего мужество и организаторский талант в боях у мостов через Шпрее, и таких офицеров этой части, как командира минометной роты капитана Гуляма Султановича Султанова и командира пулеметной роты лейтенанта Ивана Артамоновича Сердюкова, показавших образцы подлинного героизма.

С самой лучшей стороны показали себя приданные нам части, без которых дивизия не смогла бы решить все те задачи, что ставились перед ней. Это 1203-й полк самоходных артиллерийских установок подполковника Серова, 351-й полк самоходок под командованием подполковника Герцева и 85-й танковый полк во главе с подполковником Тарасовым.

Наконец, нельзя без чувства благодарности и глубокого уважения не вспомнить о наших медиках, спасших жизнь и сохранивших здоровье не одной сотне, а может быть, и тысяче бойцов. В их числе командир медсанбата

майор Алексей Степанович Бушуев — известный всей армии хирург, врачи Раиса Калмыкова, Ольга Губанова, замечательные наши медицинские сестры и санитары. Список тех, кто отличился в завершающих боях, можно было бы продолжить еще на несколько страниц. Все, кто сражался в рейхстаге, перед рейхстагом, в Моабите и на северном берегу Шпрее,— сражались геройски. Как и во всех боях ключом победы здесь была самозабвенная отвага, исключительная стойкость и горячий наступательный порыв советских бойцов — великих и скромных тружеников войны.

КОГДА ОТГРЕМЕЛИ БОИ

Для тех, кто вступил в Берлин, война кончилась 2 мая. В этот день капитулировали все группировки столичного гарнизона, расчлененные нашими войсками. У Бранденбургских ворот части 3-й ударной армии встретились с частями 8-й гвардейской. В ознаменование этого события был подписан специальный акт.

Продолжалось паломничество к рейхстагу. Наверное, каждый советский солдат и офицер, находившийся в Берлине, считал своим долгом побывать у этого здания, расписаться на иссеченных колоннах или выщербленных стенах. Надписи эти были символичны, как было символично само здание, олицетворявшее германскую государственность, как Знамя Победы, развевавшееся над ним.

Воины заглядывали в мрачное помещение и с пониманием значения подвига тех, кто здесь дрался, осматривали грязный каменный пол со следами выгоревшего паркета, закопченные обломки мебели, отметины от снарядов и гранат — страшные следы беспощадных боев.

Постепенно жизнь настраивалась на мирный лад. Солдаты отоспались, отмыли походную пыль и гарь, переоделись в чистое. Но как ни блаженен был отдых после самого тяжкого труда на свете — войны, праздности мы не предавались. Буквально на следующий день после капитуляции врага наши подразделения приняли участие в расчистке улиц от завалов битого кирпича и камня. Работы был непочатый край, не на один месяц.

В город возвращались беженцы. Длинные очереди выстраивались у немногих открывшихся продовольственных

магазинов и у солдатских кухонь. Нам приходилось кормить лишенное продуктов питания население германской столицы — без этого оно не выдержало бы голода. На улицах звучала немецкая и русская речь...

Берлинцы все пристальнее приглядывались к нашим людям. Конечно же взгляды были разные: и покорные, и заискивающие, и затаившие плохо скрытую ненависть. Но все чаще мы читали в этих взглядах неподдельное удивление. Поведение победителей не укладывалось в сознании немецкого обывателя, сформированном под воздействием настойчивой фашистской пропаганды. Русские не резали, не грабили, не мстили за бесчинства германской армии на советских землях, — наоборот, они кормили тех, кого как будто бы должны были считать своими смертельными врагами.

То были дни, когда начался посев первых семян дружбы между советским и германским народами.

Мы привыкали к тому, что вокруг стояла тишина, что нас не поднимали по тревоге, что ежеминутная угроза смерти ушла куда-то в небытие. Только по ночам нам все еще снились неприятельские атаки и свист горячего металла над головой. Впрочем, эти сны приходили к нам и много лет спустя...

9 мая, когда вся наша страна праздновала День Победы, у нас в дивизии тоже состоялось празднество. Мы провели парад, на котором присутствовал командир корпуса. Потом для офицеров организовали банкет.

— Ну, Василий Митрофанович, — обратился ко мне Семен Никифорович Переверткин, — сколько раз ты пригублял, а пить отказывался, говорил, что после победы выпьешь. Вот и настал твой черед. С победой!

И я, кажется, впервые за все эти четыре года выпил и первую, и вторую...

12 мая к вечеру мы вдруг получили приказ срочно выступить на северо-запад и расквартироваться в районе бывшей охотничьей дачи Геринга. Причиной этой передислокации послужило то, что район Берлина, в котором мы находились, по договору с союзниками становился оккупационной зоной англичан.

Начались спешные сборы. Тогда-то и сняли мы с купола рейхстага наше Знамя. Оно стало овеществленной частицей истории. И я с благоговением смотрел на боевой стяг.

В нескольких местах Знамя было пробито осколками, потемнело от пыли и копоти, алая краска поблекла от солнца и весеннего дождя.

Только теперь мы на его полотнище вывели: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идрицк. див.». В тот день мы еще не знали, что накануне Верховный Главнокомандующий подписал приказ, которым нашей дивизии присваивалось наименование Берлинской. Перед тем как отправлять Знамя на Парад Победы в Москву, к имевшейся на нем надписи было добавлено: «79 С.К. 3 У.А. 1 Б.Ф.». В окончательном виде, если не прибегать к сокращениям, это читалось так: «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса, 3-й ударной армии, 1-го Белорусского фронта».

Ночью мы выступили в поход. Днем достигли маленького городка Гросшенебека. Отсюда до конечной цели нашего пути было совсем недалеко. Но мы решили остановиться здесь, чтобы произвести рекогносцировку в районе дачи Геринга и наметить места для расположения каждой части.

Дача Геринга находилась в лесу. Собственно, это был не один какой-то дом, а целая группа великолепных, разного стиля вилл.

Солдаты разбили палатки меж деревьев. Начатая в Берлине боевая учеба продолжалась. Ну совсем как в лагерях где-нибудь в центре России. Но лес, напрочь очищенный от бурелома, шикарная вилла, спальня на втором этаже, некогда принадлежавшая госпоже Геринг,— все это ежеминутно возвращало к действительности. И теперь, когда война осталась позади, сердце все чаще сжимала неудержимая боль и тоска по дому.

29 мая в два часа ночи меня поднял с постели телефонный звонок. В трубке я услышал голос Федора Яковлевича Лисицына:

— Василий Митрофанович, поздравляю от души!

— С чем?

— С высоким званием Героя Советского Союза! Очень рад за вас.

— Спасибо, Федор Яковлевич, спасибо, большое спасибо... — отвечал я начальнику политотдела армии, не находя от волнения других, более выразительных слов.

Днем от поздравляющих не было отбоя. Особенно взволновало меня поздравление, полученное от Михаила

Ивановича Калинина. Это приветствие из самой Москвы тронуло до слез.

Трудно передать те чувства, которые испытал я, узнав о награждении высшим боевым отличием.

Вскоре мы проводили в Москву на Парад Победы Неустроева, Сьянова, Егорова и Кантарию. Вслед за ними выехал Зинченко. Ему тоже предстояло пройти по Красной площади.

А мы тем временем перешли в небольшой городишко Ной-Руппин.

Как-то я сидел на крыльце возле штаба. Вдруг увидел, что ко мне через двор решительно направляется какая-то дама.

— Вас волен зи, фрау?.. — начал было я и осекся.

Женщина засмеялась:

— Да какая же я фрау, товарищ генерал?

— Фу ты, Вера, а я было не признал тебя в платье! Ведь в первый же раз вижу тебя не в гимнастерке! Зачем пожаловала?

Да, это была Вера Кузнецова, штабная телефонистка, старательный и пунктуальный рядовой боец.

— Я к вам, товарищ генерал, по личному делу пришла, за советом.

— Ну, раз так, пошли в кабинет. Какая у тебя забота?

Сев в кресло, Вера засмущалась. Но потом, набравшись решимости, начала:

— Я ведь детдомовка. Родителей нет. Так что я к вам, как к отцу. Вот Вася Гук сделал мне предложение, замуж предлагает идти за него. А я ведь не очень хорошо его знаю. Получится ли с ним жизнь? Парень он вроде самостоятельный. А все же... В общем, как вы скажете, так я и поступлю!

— Знаешь, Верочка, напрасно ты так к этому тонкому делу упрощенно подходишь. «Как скажете!..» Да мало ли что я скажу? Ты прежде всего свое сердце спроси: если оно скажет «да», то и советов тебе никаких не надо. Гук ведь действительно хороший парень — серьезный, честный, за юбками не бегает. Если он тебе предложение сделал, значит, по-настоящему полюбил. Ну а если и у тебя к нему чувство есть, значит, счастливыми будете. Так что же твое сердце говорит: да или нет?

— Да, — тихо ответила Вера, покраснев.

— Тогда не забудьте на свадьбу пригласить!

Свадьбу сыграли на славу — первую послевоенную свадьбу в нашей дивизии. Я был на ней в роли посаженного отца невесты.

Состоялось в Ной-Руппине и другое торжество: солдатам и офицерам дивизии вручали награды за последние бои в Берлине.

Еще стоя за столиком, на котором были разложены коробочки с орденами и медалями, я заприметил в строю старшину — молодого, крепенького, подтянутого. Это о таких говорят: как огурчик! Когда он подошел к столу принимать орден Красного Знамени, я обратил внимание на обилие наград на его груди. Там уже было два Красных Знамени, Красная Звезда и орден Отечественной войны.

— Как вы сумели заслужить столько наград, старшина? — поинтересовался я.

— А помните, товарищ генерал, кубанских казаков? В Латвии мы пришли, в один полк просились. Обещали вам воевать хорошо.

— Как же, помню. В роты автоматчиков вы пошли.

— Вот и держали свое слово, товарищ генерал. Я три раза ранен был.

— А много вас осталось?

— Нет, немного. Из нашей роты — человек двадцать.

— Не густо. Ну что ж, поздравляю вас, счастья желаю, красивую жену, хорошую жизнь... Вы все это заслужили.

Я обнял старшину, и мы с ним троекратно расцеловались.

А сердце мне, как не раз в эти недели, полоснуло воспоминание о сотнях и тысячах таких вот молодых ребят, павших в последние месяцы и дни войны во имя нашей великой победы. Свежая рана кровоточила...

Ну а если продолжать речь о наградах, то надо сказать, что ими наша дивизия не была обделена. За участие в штурме рейхстага и в боях за Берлин звания Героя Советского Союза удостоились полковник Федор Матвеевич Зинченко, командиры батальонов капитаны Степан Андреевич Неустроев и Василий Иннокентьевич Давыдов, командиры рот лейтенант Петр Афанасьевич Гриченков и старший сержант Илья Яковлевич Сьянов, помкомвзвода разведки сержант Иван Никифорович Лысенко,

командир батареи капитан Николай Максимович Фоменко, командир огневого взвода лейтенант Иван Фролович Клочков, командиры орудий старшие сержанты Николай Панфилович Бердников и Алексей Степанович Сальников, знаменосцы разведчики старший сержант Михаил Алексеевич Егоров и сержант Мелитон Варламович Кантария. За отличия в боях на одерском плацдарме посмертно получили звание Героя Советского Союза начальник штаба полка майор Владимир Маркович Тытарь и командир роты Юрий Абрамович Шандалов.

Из 34 Героев 3-й ударной армии на нашу дивизию пришлось 15.

Необратим бег времени. Уже не существует 150-й стрелковой дивизии, нет в живых многих ее бойцов и командиров, встретивших День Победы в Берлине. Вышли на пенсию, на заслуженный отдых многие ветераны — Михаил Васильевич Артюхов, Федор Матвеевич Зинченко, Алексей Дмитриевич Плеходанов и многие, многие другие.

На руководящей работе в горной промышленности трудится Илья Михайлович Тесленко. Но до сих пор в моих глазах он — отважный командир 224-го истребительного противотанкового дивизиона, замечательный воин, один из самых геройских офицеров дивизии. Инженером стал Александр Петрович Дерягин — бывший начальник штаба артиллерии дивизии, наш главный парламентер в переговорах с гитлеровцами о капитуляции. Не сбылась его мечта посвятить себя сцене. Но он, кажется, уже не жалеет об этом.

Хорошо проявили себя в гражданской жизни фронтовые медики. Наш главный дивизионный хирург Алексей Степанович Бушуев сейчас — заслуженный врач РСФСР. Он возглавляет отделение в больнице города Находка. Командир хирургического взвода медсанбата Иван Филиппович Матюшин стал профессором, доктором медицинских наук, ректором Государственного медицинского института в Горьком. А командир санитарного взвода Григорий Яковлевич Жидель трудится на другом поприще. Он — первый секретарь городского комитета партии в Михайловке, что на Волгоградщине.

Михаил Алексеевич Егоров работает на молочно-консервном комбинате в городе Рудневе, Смоленской области.

Всеми уважаемый человек в городе Очамчири на абхазской земле — бригадир строителей Мелитон Варламович Кантария. Свою боевую славу он подкрепляет славой трудовой.

Но не все ветераны оставили ряды армии. Например, Анатолий Георгиевич Курбатов окончил военную академию и сейчас в звании полковника находится в кадрах Советской Армии. Продолжает службу и бывший пулеметчик Николай Никифорович Алясов — он теперь офицер. Возглавляет военный комиссариат Намаганской области в Узбекистане подполковник Каримджан Исаков — в прошлом отважный парторг батальона.

Понадобилась бы еще, наверное, целая книга, чтобы рассказать о послевоенных судьбах воинов 150-й стрелковой дивизии, имена которых встречались на этих страницах.

В заключение несколько слов о себе. В течение девятнадцати лет после войны я находился на различных командных должностях, служил в разных округах и в 1964 году уволился в запас с должности первого заместителя командующего войсками Дальневосточного военного округа. Тогда-то я и взялся за эту книгу.

★

ОГЛАВЛЕНИЕ

Василий Митрофанович Шатилов

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

☆

Литературная подготовка текста *М. Б. Новикова*

Редактор *А. С. Крюков*

Художник *В. В. Васильев*

Художественный редактор *А. М. Голикова*

Технический редактор *Н. Я. Макарова*

Корректор *Н. М. Опрышко*

Г-71308. Сдано в набор 21 1.70 г.
Подписано в печать 23.6.70.
Формат бумаги $84\times108^{1}/_{32}$. Печ. л. 11 Усл. печ. л 18,48 + 1 вкл.
Печ. $^{1}/_{16}$ л. Усл. печ. л. 0,105 + 1 вкладка. Печ. л. $^{1}/_{2}$ Усл.
печ. л. 0,84. Уч.-изд. л. 19,086
Тираж 65 000 экз. Цена 83 коп.

Изд. № 3/3941. Зак. 33

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Шатилов В. М.

Ш28 Знамя над рейхстагом. (Военные мемуары.) Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., Воениздат, 1970.

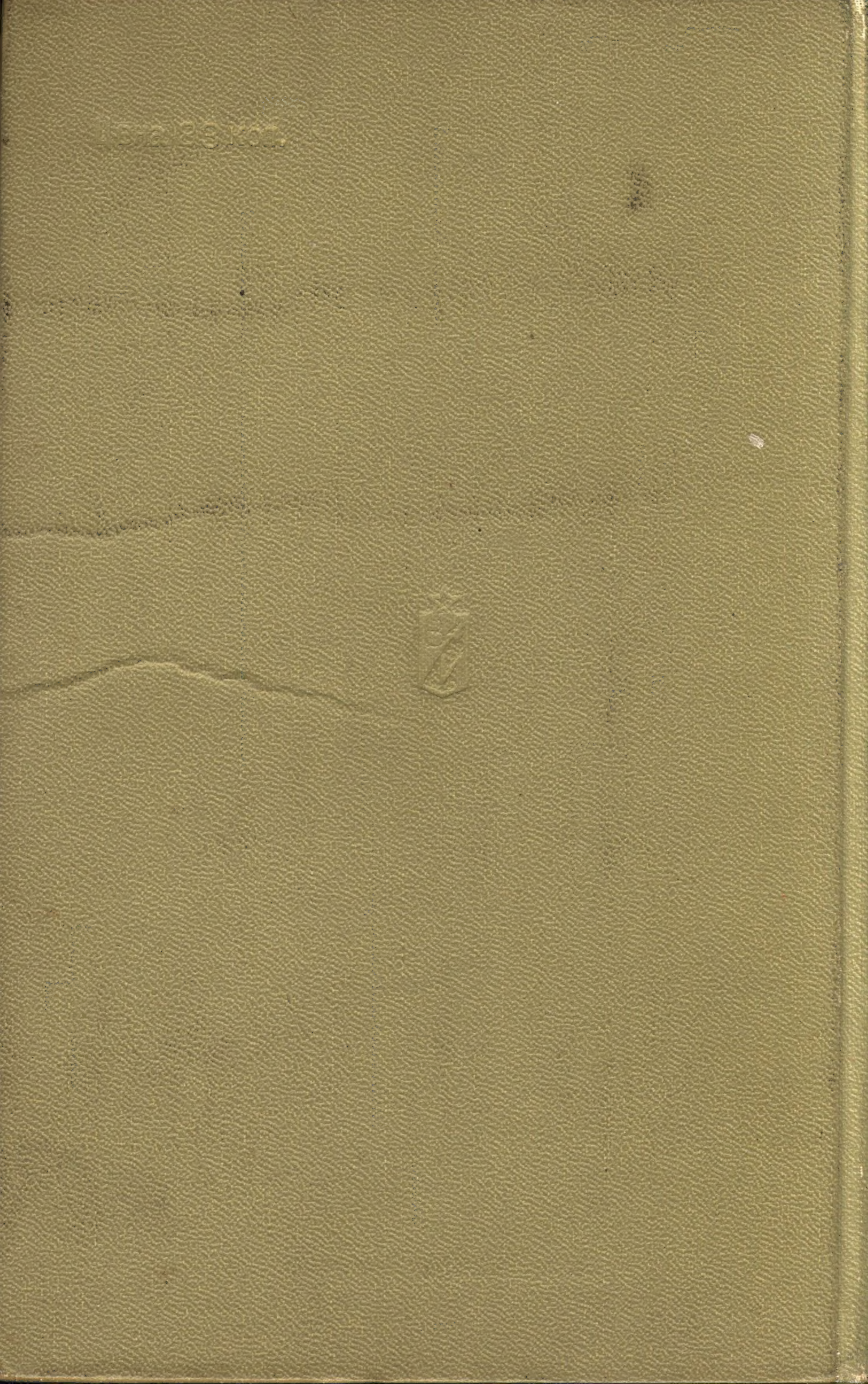
352 с.

В этой книге рассказывается о событиях последнего года Великой Отечественной войны. Автор командовал тогда 150-й стрелковой ордена Кутузова II степени Идрицкой дивизией, участвовавшей в разгроме немецко-фашистских войск на подступах к Прибалтике и в Прибалтике, освобождении братской Польши, битве за столицу фашистской Германии. Особенно детально он воспроизводит картину боев в Берлине и водружения над рейхстагом Знамени Победы, рассказывает о массовом героизме советских солдат, об их беззаветной преданности Коммунистической партии и сыновней любви к Родине.

Во второе издание внесен ряд уточнений, некоторые главы дополнены новыми материалами, увеличено число иллюстраций.

1-12-2
61-70

9(С)27

Цена 89 коп.

В. М. ШАТИЛОВ ★ **ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ**